

на отв. 26!

Анни Безантъ.
(Пер. Е. П.)

801-17
212

W 289
537

801-70
18991

Древняя Мудрость.

Введение.
Физическая сфера.
Астральная сфера.
Камалока (Чистилище).
Ментальная сфера.
Деваканъ (Небо).

Духовныя сферы.
Переволлощеніе.
Карма.
Законъ жертвы.
Восхожденіе челоуѣка.
Строеніе космоса.

Изданіе журнала
„ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ“.

Цѣна 1 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1910

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПАМЯТИ

Елены Петровны
БЛАВАТСКОЙ.

Государственная
Библиотека
КООР
им. В. И. Ленин

68107-55

2015188106

Спб. Городская Типография, Садовая, 55, уг. Вознесенского.

== ОТКРЫТА ПОДПИСКА ==
на капитальнѣйшее произведеніе **Е. П. ВЛАВАТСКОЙ**

„ТАЙНАЯ ДОКТРИНА“

подъ редакціей **Е. Ф. Писаревой** (переводчицы книгъ: „Свѣтъ на Пути“, „Голось Безмолвія“, „Древняя Мудрость“, „Великіе Посвященные“) и **А. А. Каменской** (редактора журнала „Вѣстникъ Теософіи“).

— Произведеніе „Тайная Доктрина“ содержитъ въ себѣ свыше 150 печатныхъ листовъ мелкой, но четкой печати, формата in 8° и будетъ выходить томами въ размѣрѣ и по образцу изданія „Вопросы Теософіи“, вып. II, не менѣе одного раза въ годъ. Всего проектируется 7 томовъ.

— Цѣна по подпискѣ на все изданіе единовременно **30 р.** По выходѣ въ свѣтъ, цѣна будетъ значительно повышена. Допускается разсрочка: при подпискѣ **10 руб.** и по **5 руб.** при полученіи каждаго тома. — За пересылку—особо по вѣсу.

— Подписка принимается только въ Редакціи журнала „Вѣстникъ Теософіи“ въ С.-Петербургѣ, Кабинетская, д. 7, кв. 1.

Анни Безантъ.
ПРЕЗИДЕНТЪ МЕЖДУНАРОДНАГО ТЕОСОФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Введение. Основное единство всѣхъ религій.	1
Глава I. Физическая сфера.	30
„ II. Астральная сфера.	42
„ III. Камалока (Чистилище).	60
„ IV. Ментальная сфера.	77
„ V. Деваканъ (Небо).	98
„ VI. Духовныя сферы (Будди и Нирвана).	116
„ VII. Перевоплощеніе.	126
„ VIII. Перевоплощеніе (продолженіе).	147
„ IX. Карма.	171
„ X. Законъ Жертвы.	194
„ XI. Восхожденіе человѣка.	205
„ XII. Строеніе Космоса.	218

1

5

Древняя Мудрость.

(Очеркъ теософическихъ учений).

А. Безантъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Основное единство всѣхъ религій.

Чтобы хорошо жить, нужно хорошо мыслить, и Божественная Мудрость—назовемъ ли мы ее древнимъ санскритскимъ именемъ Brahma-Vidyā, или болѣе современнымъ, греческимъ именемъ Теософія—является именно тѣмъ широкимъ мировоззрѣніемъ, которое способно удовлетворить разумъ какъ философія, и, въ то же время, дать міру всеобъемлющую религію и этику. Нѣкогда было сказано по поводу христіанскихъ священныхъ писаній, что они содержатъ въ себѣ и такія всѣмъ доступныя мѣста, которыя ребенокъ могъ бы перейти въ бродъ, и такія глубины, переплыть которыя по силамъ только гиганту.

Подобное же опредѣленіе можно сдѣлать и относительно Теософіи, ибо нѣкоторыя изъ ея ученій до того просты и приложимы къ жизни, что любой человѣкъ съ среднимъ развитіемъ можетъ и понять ихъ, и провести ихъ въ своемъ поведеніи, тогда какъ въ другихъ таится такая глубина, что самый подготовленный умъ долженъ напрягать всѣ силы, чтобы овладѣть ими.

Въ этой книгѣ будетъ сдѣлана попытка изложить передъ читателемъ основы Теософіи такимъ образомъ, чтобы выяснились ея главные принципы и истины, выражающіе собой стройное представленіе о вселенной, а затѣмъ дать такія подробности, которыя облегчили бы пониманіе этихъ принциповъ и истинъ и ихъ взаимоотношеній. Элементарное пособие не можетъ и претендовать дать читателю всю полноту знанія, но оно должно дать ему ясныя основныя понятія, которыя въ его волѣ будетъ расширить со временемъ. Очеркъ, заключенный въ этой книгѣ, дастъ всѣ основныя линіи, чтобы при дальнѣйшемъ изученіи оставалось лишь заполнить ихъ подробностями, необходимыми для всесторонняго знанія.

Давно уже замѣчено, что великія міровыя религіи имѣютъ много общихъ религіозныхъ, этическихъ и философскихъ идей. Но тогда какъ самый фактъ получилъ общее признаніе, причина его вызываетъ не мало разногласій. Нѣкоторые ученые признаютъ, что религіи выросли на почвѣ человѣческаго невѣжества, вызваннаго воображеніемъ дикаря, и лишь постепенно переработались изъ грубыхъ формъ анимизма и фетишизма; ихъ сходство приписывается примитивнымъ наблюденіямъ надъ одними и тѣми же явленіями природы, произвольно объясненными, при чемъ поклоненіе солнцу и звѣздамъ является общимъ ключомъ для одной школы мысли, а фаллическое поклоненіе такимъ же общимъ ключомъ для другой школы. Страхъ, желаніе, невѣжество и удивленіе приводили дикаря къ олицетворенію силъ природы, а жрецы пользовались его страхами и надеждами, его туманными фантазіями и его недоумѣніемъ. Мифы преобразались постепенно въ священныя писанія, а символы—въ факты, и такъ какъ ихъ основы были вездѣ однѣ и тѣ же, то и сходство дѣлалось неизбѣжнымъ. Такъ говорятъ изслѣдователи „Сравнительной Мифологіи“, а неученые люди хотя и не убѣждаются, но замолкаютъ подъ градомъ доказательствъ; они не могутъ отрицать сходства, но въ то же время чувство ихъ протестуетъ: неужели самыя дорогія надежды и высочайшія стремленія—не что иное, какъ результатъ представленій дикаря и его беспросвѣтнаго невѣжества? И возможно ли, чтобы великіе руководители человѣческихъ расъ, мученики и герои жили, боролись и умирали лишь потому, что были введены въ обманъ? Неужели они страдали изъ-за простого олицетворенія астрономическихъ фактовъ или изъ-за плохо замаскированныхъ непристойностей варваровъ?

Другое объясненіе общихъ чертъ въ міровыхъ религіяхъ утверждаетъ существованіе единого первоначальнаго ученія, охраняемаго Братствомъ великихъ духовныхъ Учителей, происхожденіе которыхъ относится къ иной, болѣе ранней эволюціи. Учителя эти дѣйствовали какъ воспитатели и руководители юнаго человечества нашей планеты и передавали различнымъ расамъ и народамъ по очередно основныя религіозныя истины въ формѣ наиболѣе подходящей для тѣхъ народовъ, которые воспринимали эти истины. Основатели великихъ религій были членами единого Братства, а помощниками ихъ въ этой великой миссіи были Посвященные и ученики различныхъ степеней, отличавшіеся прозрѣніемъ, философскими знаніями или же высокой чистотой жизни. Они направляли дѣятельность младенческихъ народовъ, устанавливали ихъ

образъ правленія, издавали для нихъ законы, управляли ими въ качествѣ королей, обучали ихъ какъ учителя, руководили ими какъ священники; всѣ народы древности почитали этихъ великихъ существъ, полубоговъ и героевъ, оставившихъ свои слѣды въ литературѣ, архитектурѣ и законодательствѣ.

Что такіе представители человечества дѣйствительно жили, это трудно отрицать въ виду всемірнаго преданія и древнихъ писаній, уцѣлѣвшихъ до нашихъ дней, и въ виду многочисленныхъ развалинъ и другихъ безмолвныхъ свидѣтелей, не имѣющихъ цѣны лишь въ глазахъ невѣжественнаго человѣка. Священныя книги Востока—лучшій показатель величія тѣхъ, кто составлялъ эти книги, ибо *кто* былъ способенъ въ позднѣйшія времена хотя бы приблизительно подняться до духовной высоты ихъ религіозной мысли, до озаряющаго свѣта ихъ философіи, до ширины и чистоты ихъ этическихъ ученій? И когда мы находимъ, что эти священныя книги содержатъ въ себѣ ученія о Богѣ, о человѣкѣ и о вселенной, которыя всѣ тождественны по существу, хотя и рознятся по виѣшнимъ формамъ, неизбѣжнымъ выводомъ отсюда является происхожденіе всѣхъ этихъ ученій изъ единого источника. Этому единому источнику мы даемъ имя Божественной Мудрости, въ греческомъ переводѣ *Теософіи*. Какъ происхожденіе и основа всѣхъ религій, она не можетъ быть враждебна ни одной религіи. Она лишь очищаетъ ихъ, раскрывая цѣнное внутреннее значеніе многого, что утратило свой первоначальный истинный видъ вслѣдствіе невѣжественнаго извращенія и благодаря наноснымъ суевѣріямъ. Но Теософія пребываетъ во всѣхъ религіяхъ и въ каждой стремится раскрыть заключенную въ ней мудрость. Чтобы стать теософомъ, не нужно отказываться отъ своей религіи. Необходимо лишь болѣе глубоко проникнуть въ суть своей собственной вѣры, тверже овладѣть ея духовными истинами и съ болѣе широкимъ кругозоромъ подойти къ ея священнымъ ученіямъ. Въ древности Теософія вызвала религіи къ жизни, въ наши времена она же должна оправдать и защититъ ихъ. Она и есть та скала, изъ которой всѣ міровыя религіи были высѣчены, тотъ родникъ, изъ котораго всѣ онѣ вытекали. Передъ трибуналомъ критики разума она оправдываетъ глубочайшія стремленія и благороднѣйшія эмоціи человѣческаго сердца; она утверждаетъ наши надежды на будущее и возвращаетъ намъ, облагороженною, нашу вѣру въ Бога. Истина всего сказаннаго становится болѣе очевидной по мѣрѣ того, какъ мы изучаемъ различныя Священныя Писанія. Достаточно взять нѣсколько выдержекъ изъ богатаго матеріала, доступнаго

намъ, чтобы установить этотъ фактъ и направить изучающаго этотъ вопросъ въ его поискахъ за дальнѣйшими доказательствами. Главныя духовныя истины могутъ быть сведены къ слѣдующему:

I. Единое, Вѣчное, Непознаваемое, Реальное Бытье.

II. Изъ Него *)—проявленный Богъ, раскрывающійся изъ единства въ двойственность, изъ двойственности въ Троицу.

III. Изъ проявленной Троицы происходятъ духовныя разумныя Сущности, руководящія порядкомъ Космоса.

IV. Человѣкъ есть отраженіе проявленнаго Бога и потому въ основѣ своей троиченъ; его истинное и реальное Я вѣчно и едино съ Я вселенной.

V. Эволюція человѣка совершается путемъ многочисленныхъ воплощеній; къ воплощенію его тянуть желанія, освобождается же онъ отъ необходимости воплощенія путемъ знанія и самопожертвованія, становясь божественнымъ въ дѣятельной силѣ, какъ онъ былъ всегда божественъ въ скрытомъ состояніи.

Китай съ его окаменѣлой цивилизаціей былъ населенъ въ древности Туранцами, четвертой подрасой коренной Четвертой расы, той расы, которая обитала въ погибшей Атлантидѣ и распространила свои отпрыски по всему міру. Монголы, седьмая и послѣдняя подраса той же коренной расы, присоединились позднѣе къ Туранцамъ, которые заселили Китай; такимъ образомъ, мы имѣемъ въ этой странѣ традиціи, идущія изъ глубочайшей древности, предшествовавшей водворенію пятой Арийской расы въ Индіи; въ Чингъ-Чангъ-Чингъ (Classic of Purity) мы имѣемъ отрывокъ изъ древняго Писанія своеобразной красоты, дышащей тѣмъ духомъ мира и покоя, которыми отличается „первоначальное ученіе“. Г-нъ Легге, въ предисловіи къ своему переводу *) говоритъ, что этотъ трактатъ

приписывается Ко Юан (Hsüan), Таоисту изъ династіи Wü (222—227 послѣ Р. Хр.), относительно котораго существуетъ преданіе, что онъ достигъ состоянія безсмертнаго, какъ его обыкновенно и называютъ. Онъ представляется чудотворцемъ и въ то же время невоздержаннымъ и чрезвычайно эксцентричнымъ въ своихъ проявленіяхъ. Когда ему однажды пришлось испытать кораблекрушеніе, онъ поднялся изъ воды въ совершенно сухихъ одеждахъ и свободно пошелъ по водяной по-

*) That; Индусы называютъ Первоисточникъ *To*, отказываясь придавать ему какой-либо предикатъ, какой либо атрибутъ.

Прим. перев.

*) The sacred Books of the East, vol. XL.

верхности. Подъ конецъ, онъ вознесся на небо среди бѣлаго дня. Всѣ эти рассказы можно считать вымысломъ позднѣйшихъ временъ.

Подобныя исторіи постоянно повторяются о Посвященныхъ различныхъ степеней, и они вовсе не представляютъ собою „вымысла“; что касается Ко-Юана, интереснѣе будетъ выслушать его собственный отзывъ о книгѣ:

Когда я приобрѣлъ истинный Тао, я повторилъ эту „Чингъ“ (книгу) десять тысячъ разъ. Это то, что дѣлаютъ Духи въ Небесахъ и что никогда не сообщалось ученымъ этого низшаго міра. Я получилъ эту книгу отъ Божественнаго Правителя восточнаго Нва; онъ получилъ ее отъ Божественнаго Правителя Золотыхъ Вратъ; онъ получилъ ее отъ Царственной Матери Запада.

„Божественный Правитель Золотыхъ Вратъ“ былъ титулъ Посвященнаго, который управлялъ царствомъ Толтековъ въ Атлантидѣ, и присутствіе этого титула въ книгѣ показываетъ, что Чингъ-Чангъ - Чингъ была перенесена отъ Толтековъ въ Китай тогда, когда Туранцы отдѣлились отъ Толтековъ. Это предположеніе подтверждается содержаніемъ короткаго трактата, касающагося Тао, что означаетъ „Путь“, имя, обозначавшее въ древней Туранской и Монгольской религіи Единую Реальность. Мы читаемъ:

Великій Тао не имѣетъ тѣлесной формы, но онъ производитъ и питаетъ Небо и Землю. Великій Тао не имѣетъ страстей, но онъ заставляетъ вращаться солнце и луну. Великій Тао не имѣетъ имени, но онъ вызываетъ ростъ и сохраняетъ все сущее (1, 1).

Здѣсь мы имѣемъ проявившагося Бога какъ единство, но вслѣдъ за тѣмъ возникаетъ и двойственность:

Теперь Тао (появляется въ двухъ формахъ) Чистой и Нечистой, и имѣетъ (два условія) Движенія и Покоя. Небо чистое, а земля нечистая; небо движется, а земля неподвижна. Мужское—чистое, а женское—нечистое; мужское въ движеніи, а женское неподвижно. Коренная (Чистота) спустилась, а (нечистое) изліяніе разлилось далеко и такъ всѣ вещи были произведены (1, 2).

Это мѣсто особенно интересно, потому что оно указываетъ на активную и воспринимающую стороны Природы, на различіе между Духомъ зарождающимъ и Матеріей питающей, идея столь часто встрѣчающаяся въ позднѣйшихъ писаніяхъ.

Въ *Tao Teh Ching* ученіе о Непроявленномъ и Проявленномъ выражено весьма ясно:

Тао, могущее быть попираемо, не есть вѣчный и неизмѣнный Тао. Имя, которое можетъ быть обозначено, не есть вѣчное и не-

измѣнное имя. Неимѣющей имени это—Творецъ неба и земли; имѣющей имя это—Мать всѣхъ вещей.... Подъ обоими видами это воистину одно и то же, но, когда начинается развитіе, Оно получаетъ различныя имена. Оба вѣстѣ называются Тайной“ (i. 2, 2, 4).

Изучающіе Каббалу вспомнятъ при томъ одно изъ Божественныхъ Именъ: „Сокровенная Тайна“. И опять:

Было нѣчто неопредѣленное и цѣльное, существовавшее ранѣе неба и земли. Какъ тихо оно было и безформенно и внѣ опасности (быть истощеннымъ). Можно смотрѣть на это, какъ на Мать всего сущаго. Я не знаю его имени, и я даю ему обозначеніе Тао. Дѣлая усиліе, чтобы дать ему имя, я называю его Великое. Великое, Оно подвигается (въ постоянномъ теченіи). Подвигаясь, Оно удаляется. Удалившись, Оно возвращается назадъ (XXV, 1—3).

Чрезвычайно интересна здѣсь идея выступленія и возврата Единой Жизни, такъ хорошо знакомая намъ изъ индусской литературы. Знакомымъ представляется и стихъ:

Все подъ небесами произошло отъ Него, какъ существующее (и наименованное); существованіе это произошло отъ Него, какъ не существующее (и не поименованное). (XI, 2.)

Для того, чтобы вселенная могла возникнуть, Непроявленный долженъ былъ произвести Единаго, отъ котораго произошли двойственность и тройственность:

Тао произвелъ Одного; Одинъ произвелъ Двухъ; Двое произвели Трехъ; Трое произвели всѣ вещи. Всѣ вещи оставляютъ позади себя Тьму (изъ которой онѣ произошли) и выдвигаются, дабы заключиться въ Свѣтъ (въ который онѣ вступили), будучи приведены въ созвучіе Дыханіемъ Пустоты (XLII, 1).

„Дыханіе Пространства“ было бы лучшимъ выраженіемъ. Такъ какъ все произошло отъ Него, Оно существуетъ во всемъ:

Все проникаетъ великій Тао. Онъ находится и справа и слѣва.... Онъ облакаетъ всѣ вещи какъ бы въ покровъ и не присваиваетъ себѣ господства надъ ними. Онъ можетъ именоваться и въ мельчайшихъ вещахъ. Всѣ вещи возвращаются (къ своему корню и исчезаютъ), не зная, что Онъ управляетъ ихъ возвратомъ. Онъ можетъ именоваться и въ величайшихъ вещахъ“ (XXXIV, 1, 3).

Цвангъ-тзе (*Chwang-ze*, учившій въ IV столѣтіи до Р. Хр.), въ своемъ изложеніи древнихъ ученій, ссылается на духовныя разумныя Существа, происходящія отъ Тао:

Онъ имѣетъ и корень и причину бытія въ Самомъ Себѣ. Прежде чѣмъ были небо и земля, древнѣе того, Онъ существовалъ въ полной безопасности. Отъ Него произошло таинственное существованіе Духовъ,

отъ Него—таинственное существованіе Боговъ“ (Кн. VI, часть 1, секція VI, 7.)

Вслѣдъ за тѣмъ перечисляются имена этихъ духовныхъ Сущностей, но роль, которую они играютъ въ Китайской религіи, столь извѣстна, что излишне будетъ приводить цитаты, относящіяся до нихъ.

Человѣкъ разсматривается, какъ существо троичное: „Таоизмъ, говоритъ Легге, признаетъ въ человѣкѣ духъ, разумъ и тѣло. Это подраздѣленіе ясно выражено въ *Classic of Purity*, въ ученіи, по которому человѣкъ долженъ уничтожить въ себѣ желаніе для того, чтобы соединиться съ Единымъ.

Духъ человѣка любитъ чистоту, но его мысль нарушаетъ ее. Душа человѣка любитъ тишину, но желанія нарушаютъ ее. Если бы онъ могъ всегда отгонять свои желанія, душа его пришла бы сама по себѣ къ тишинѣ. Пусть его мысль станетъ чистой, тогда и духъ его очистится.... Причина, по которой люди не достигаютъ чистоты, заключается въ томъ, что мысли ихъ не очищались и желанія ихъ не изгонялись прочь. Если человѣкъ въ состояніи изгнать желанія и если онъ посмотритъ послѣ того внутрь себя, въ свои мысли, онѣ уже болѣе не его; и если онъ послѣ того посмотритъ снаружы на свое тѣло, оно уже болѣе не его, а если онъ посмотритъ вдаль на внѣшнія вещи, и съ ними онъ не имѣетъ уже ничего общаго (I, 3, 4).

Затѣмъ, послѣ перечисленія ступеней, ведущихъ „къ состоянію полного покоя“ ставится вопросъ:

Въ подобномъ состояніи покоя, не зависящаго отъ мѣста, какъ можетъ возникнуть желаніе? Если же болѣе не возникаетъ желаніе, настаетъ истинный покой и тишина. Эта истинная тишина становится постояннымъ свойствомъ и отзывается (безошибочно) на внѣшнія вещи; воистину, это вѣрное и постоянное качество держитъ въ своей власти природу. Въ такомъ постоянномъ отзывѣ и въ такой постоянной тишинѣ пребываетъ постоянная чистота и покой. Тотъ, кто владѣетъ этой абсолютной чистотой, входитъ постепенно въ (вдыханіе) Истиннаго Тао (I, 5).

Прибавленное переводчикомъ слово „вдыханіе“ скорѣе затемняетъ, чѣмъ выясняетъ смыслъ, такъ какъ „входитъ въ Тао“ вполне соотвѣтствуетъ всей мысли и согласуется съ другими Писаніями.

Уничтоженію желанія Таоизмъ придаетъ большое значеніе; одинъ изъ толкователей *Classic of Purity* замѣчаетъ, что пониманіе Тао зависитъ отъ абсолютной чистоты, и

Приобрѣтеніе такой Абсолютной Чистоты зависитъ вполне отъ удаленія (изъ души) желаній, что и представляетъ настоятельный, практическій урокъ всего Трактата.

Тао-Тэ-Чингъ говоритъ:

Всегда находить насъ должны безъ желаній,
Если глубокую тайну Его мы измѣрить хотимъ;
Но если желанье останется въ насъ навсегда,
Лишь край Его ви́шній одинъ мы увидимъ (I, 3).

Идея перевоплощенія въ Таоизмъ является менѣе ясной, чѣмъ можно бы ожидать, хотя встрѣчаются мѣста, изъ которыхъ видно, что главная идея принималась въ утвердительномъ смыслѣ. Такъ, Цвангъ-тзе рассказываетъ оригинальную и мудрую исторію объ умирающемъ человѣкѣ, къ которому другъ обращается со слѣдующими словами:

„Воистину великъ Создатель! Чѣмъ же Онъ теперь соизволитъ сдѣлать тебя? Куда онъ перенесетъ тебя? Сдѣлаетъ ли онъ изъ тебя крысиную печень или лапку насѣкомаго?“ Цзелаи возразилъ: „Куда бы отецъ ни послалъ сына своего: на востокъ, на западъ, на югъ или на сѣверъ, сынъ просто слушается приказанія.... И вотъ великій Литейщикъ, занятый литьемъ своего металла. И если бы металлъ, вскипѣвъ въ котлѣ, сказалъ: „Я хочу, чтобы изъ меня былъ сдѣланъ (мечъ подобный) Moush“, великій Литейщикъ навѣрно нашелъ бы это страннымъ. И также, если бы форма, образуясь въ материнскихъ нѣдрахъ, сказала: „Я должна стать человѣкомъ“, Создатель навѣрно нашелъ бы это страннымъ. Если мы разъ поймемъ, что небо и земля великій плавильный котель, а Создатель великій Литейщикъ, не все ли равно, въ какое бы мѣсто не направили насъ? Мы рождаемся какъ бы изъ мирнаго сна и мы умираемъ для покойнаго пробужденія (Кн. VI, ч. I, секція VI).

Обращаясь къ Пятой Арійской расѣ, мы имѣемъ тѣ же ученія, воплощенные въ древнѣйшей и величайшей изъ арійскихъ религій—въ Браманизмъ. Вѣчное Бытіе провозглашается въ *Chhândogyopanishad* какъ „Одно Единое безъ второго“ и тамъ написано:

Единый захотѣлъ: умножусь вселенной ради (VI, ii, 1, 3).

Высочайшій Логось, Браманъ, троекратенъ: Бытіе, Сознаніе, Блаженство, и сказано:

Изъ Него *) возникаетъ жизнь, разумъ и всѣ чувства, эфиръ, воздухъ, огонь, вода и земля, поддерживающая все. (*Mundakopanishad* ii, 3).

*) This.

Нигдѣ нѣтъ болѣе величественныхъ описаній Божества, какъ въ индусскихъ Св. Писаніяхъ, но они стали уже настолько извѣстны, что достаточно будетъ небольшой выдержки, которая можетъ служить образцомъ сверкающихъ, какъ драгоценные камни, описаній.

Проявленный, близкій, движущійся въ мѣстѣ тайномъ, вѣчное Убѣжище, гдѣ пребываетъ все, что движется, дышитъ и закрываетъ очи. Знай, что поклоняться слѣдуетъ Сему Бытію и Небытію, Совершеннѣйшему, Превышающему пониманіе всѣхъ существъ. Свѣтозарный, тоньше тончайшаго, на Немъ держатся міры со всѣми своими обитателями. То предвѣчный Браманъ; Онъ же и Жизнь и Голось и Разумъ... Въ золотомъ, высочайшемъ покровѣ пребываетъ непорочный, недѣлимый Браманъ; то чистѣйшій Свѣтъ Свѣтовъ, познаваемый лишь тѣми, кому извѣстно Единое Я. То безсмертный Браманъ впереди, Браманъ позади, Браманъ справа и слѣва, внизу, вверху, всепроникающій: сей Браманъ воистину есть Все (*Mundakopanishad* II, ii, 1, 2, 9, 11).

Надъ вселенной Браманъ великій, высочайшій, скрытый во всѣхъ существахъ сообразно ихъ тѣлесности, единое Дыханіе всей вселенной, Господь, познавшіе Котораго (люди) становятся безсмертными. Я позналъ Его, Непреходящаго, Древняго, Душу всего, Вездѣсущаго по природѣ своей, Кого познавшіе называютъ Нерожденнымъ, Кого они называютъ Вѣчнымъ (*Shvetâshvataropanishad*, iii, 7, 8, 21).

Когда нѣтъ тьмы, нѣтъ дня или ночи, нѣтъ бытія или небытія, (тамъ есть) лишь Шива единый; То Нерушимое, То Подлежащее обоготворенію Савитри, отъ Него произошла Древняя Мудрость. Ни вверху, ни внизу, ни въ серединѣ невозможно постигнуть Его, и нѣтъ ничего, что могло бы сравниться съ Нимъ, имя Которому—безконечная Слава. И не зрѣнемъ можетъ быть зрима форма Его, ибо никто не въ состояніи очами созерцать Его; знающіе же Его сердцемъ и пребывающимъ въ сердцѣ умомъ, становятся безсмертными (тамъ же IV, 17—20).

Мысль, что истинное Я человѣка едино съ Я всей вселенной, что: „Я ^{себя} семь То“ до того проникаетъ индусское сознаніе, что къ человѣку часто примѣняются такіа выраженія, какъ „божественный градъ Брамана“ ¹⁾ и „градъ о девяти вратахъ“ ²⁾ или что „Богъ живетъ въ углубленіи его сердца“ ³⁾.

„Лишь единымъ способомъ можно узнать (Бытіе), которое не можетъ быть доказано, которое вѣчно, непорочно, выше эфира, нерожденное, великая, вѣчная Душа... Великая нерожденная Душа, та же

¹⁾ *Mundakopanishad* II, ii, 7.

²⁾ *Shvetâshvataropanishad* iii, 14.

³⁾ Тамъ же ii.

самая, что пребываетъ какъ разумная (душа) во всѣхъ живыхъ существахъ, та же самая, которая пребываетъ, какъ эфиръ въ сердцѣ *); въ немъ Она спитъ. Она подчиняетъ себѣ все и управляетъ всѣмъ; Она высочайшій Владыка всего, Она не увеличивается отъ добрыхъ дѣлъ и не уменьшается отъ дурныхъ. Она направляетъ все, верховный Господь всего сущаго, Вседержитель, Мостъ, Опора міровъ, дабы не могли они разрушиться (Brihadāraṇyakopaniṣad IV, iv 20, 22, пер. D-r E. Roër).

Когда Богъ разсматривается съ точки зрѣнія эволюціи вселенной, Его троичность выражается вполне ясно въ идеѣ Шивы, Вишну и Браммы или въ символѣ Вишну, спящаго подъ водами, съ выростающимъ изъ его нѣдръ Лотусомъ, а въ Лотусѣ—Брама. Человѣкъ тоже троиченъ по своей природѣ и въ Māndūkyaopaniṣad высшее Я человѣка (Self) описывается какъ заключенное въ физическое тѣло, въ тонкое тѣло и въ ментальное тѣло (тѣло мысли) и затѣмъ поднимающееся изъ ограниченности названныхъ тѣлъ къ Единому „безъ двойственности“. Изъ Тримурти (Троицы) приходятъ многіе Боги, завѣдующіе эволюціей вселенной, къ которымъ въ Brihadāraṇyakopaniṣad обращены такіа слова:

Поклоняйтесь, о Боги, Ему, по подобію Котораго катятся дни завершающагося года, обожайте Свѣтъ Свѣтовъ, какъ Жизнь Вѣчную (IV, iv 16).

Едва ли даже нужно упоминать, что Браманизмъ заключаетъ въ себѣ ученіе о перевоплощеніи; вся его философія жизни основана на странствованіи Души черезъ многочисленныя рожденія и смерти, и нѣтъ ни одной священной книги, въ которой эта истина не была бы признанной. Желанія привязываютъ человѣка къ Колесу перемѣны; слѣдовательно, освободить себя онъ можетъ лишь знаніемъ, преданностью Высшему и разрушеніемъ желаній. Душа, познавшая Бога, освобождается, 1) Разумъ, очищенный познаніями, созерцаетъ Его 2), Знаніе, соединенное съ благочестіемъ, находитъ обитель Браманы 3). Кто знаетъ Брамана, тотъ самъ становится Браманою 4). Когда желанія прекращаются, смертные становятся бессмертными и достигаютъ Браманы 5).

*) Эфиръ въ сердцѣ есть мистическое выраженіе, которое должно выражать Единого, пребывающаго въ сердцѣ.

1) Shvetāsh. I, 8.

2) Mūṇḍi III i, 8.

3) Тамъ же III ii, 4.

4) Тамъ же III ii, 9.

5) Kathopaniṣad VI, 14.

Буддизмъ, въ своей сѣверной формѣ, совершенно совпадаетъ съ древнѣйшими вѣрованіями Браманизма, но въ южной своей формѣ онъ утерять идею Тривпостаснаго Логоса, также и идею Единого Бытія, изъ котораго исходитъ Троица. Логосъ, въ своемъ троичномъ проявленіи, обозначается въ сѣверномъ Буддизмѣ такъ: Первый Логосъ, Amithāba, Безпредѣльный Свѣтъ; Второй, Avalokiteshvara или Padmarāni (Chenresi); Третій, Mandjuśrī—представитель творческой Мудрости, соотвѣтствующій Брамѣ *). Китайскій Буддизмъ, повидимому, не содержитъ идеи первичнаго Бытія помимо Логоса, но Непальскій Буддизмъ признаетъ Ādi-Buddha, изъ котораго исходитъ Amitābha. Padmarāni по Эйтелю является представителемъ сострадательнаго Провидѣнія и соотвѣтствуетъ частью Шивѣ, но, какъ одинъ изъ аспектовъ Буддистской Троицы, Падмапани являетъ собою скорѣе идею Вишны, съ которымъ она имѣетъ и общій символъ Лотосъ (огонь и вода, или Духъ и Матерія, какъ первичныя составныя части вселенной). Перевоплощеніе и Карма настолько извѣстны, какъ основы Буддизма, что едва ли нужно распространяться о нихъ; слѣдуетъ только отмѣтить путь освобожденія и тотъ фактъ, что Будда, какъ Индусъ, проповѣдывавшій Индусамъ, подразумевалъ Браманическія доктрины какъ основу своихъ ученій, не подлежащую сомнѣнію. Онъ былъ реформаторомъ, онъ очищалъ религію, но не боролся противъ нея, онъ нападалъ только на примѣси, внесенныя невѣжествомъ, а не на основныя истины, идущія изъ древней Мудрости.

Тѣ, кто шествуютъ по стезѣ закона, правильно усвоеннаго, достигаютъ другого берега великаго моря рожденій и смертей, которое трудно переплыть (Udānāvarga XXIX, 37).

Желаніе связываетъ человѣка, и необходимо освободиться изъ-подъ его власти.

Тяжело для того, кто скованъ цѣпями желанія, освободиться, говорить Благословенный. Стойкій, не предающійся счастью, исходящему изъ желаній, сбрасываетъ съ себя цѣпи и скоро отправляется (въ Нирвану)..... Человѣчество не имѣетъ прочныхъ желаній: желанія не постоянны въ тѣхъ, кто ихъ испытываетъ: освобождайтесь же отъ того, что не можетъ длиться, и не пребывайте въ обители смерти (тамъ же II, 6, 8).

Тотъ, кто разрушилъ желанія (мірскихъ благъ), грѣховность, узы плотскихъ очей, кто извлекъ желаніе съ самымъ корнемъ, тотъ, провозглашаю, есть истинный Браманъ (тамъ же xxxiii. 68).

*) Sanskrit Chinese Dictionary Эйтеля.

А Брамано́мъ называется челове́къ, „имѣющій свое послѣднее тѣло“ *), и онъ опредѣляется какъ:

Тотъ, кто зная свои прежнія пребыванія (существованія), позналъ небо и адъ, Муни, нашедшій путь, какъ положить конецъ рожденіямъ (тамъ же XXXIII. 55).

Въ экзотерическихъ еврейскихъ Писаніяхъ идея Троицы выступаетъ неясно, зато Двойственность совершенно очевидна, и Богъ, о которомъ идетъ рѣчь, являетъ собою въ этихъ писаніяхъ проявленный Логосъ, а не Единое Непроявленное.

Я Господь и нѣтъ иного. Я образу Свѣтъ и творю тьму; дѣлаю миръ и произвожу бѣдствія; Я, Господь, дѣлаю все это (Ис. XLV, 6, 7).

Но у Филона ученіе о Логосѣ является уже вполне опредѣленно, и оно же находится въ четвертомъ Евангеліи:

Въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога и Слово было Богъ... Все черезъ Него начало быть и безъ Него ничто не начало быть, что начало быть (Ев. Иоанна, I 1, 3).

Въ Каббалѣ ученіе объ Одномъ, Трехъ, Семи, а затѣмъ и о многихъ излагается совершенно ясно:

Древнѣйшее изъ Древнѣйшихъ, Непознаваемое изъ Непознаваемыхъ, имѣетъ форму и въ то же время не имѣетъ формы. Оно имѣетъ форму, посредствомъ которой сохраняется вселенная. И въ то же время оно не имѣетъ формы, такъ какъ не можетъ быть постигнуто. Когда Оно впервые облеклось въ эту форму (Кетеръ, Корона, Первый Логосъ), Оно произвело изъ себя девять блистающихъ Свѣтовъ (Мудрость и Голосъ, образующіе совмѣстно съ Кетеръ Троицу, и затѣмъ семь низшихъ Сефиротовъ)... То—Древнѣйшее изъ Древнѣйшихъ, Тайна изъ Тайнъ, Непознаваемое среди Непознаваемыхъ. Оно имѣетъ форму, которая присуща Ему, ибо Оно является (черезъ нее) намъ какъ Древнѣйшій Человѣкъ, все превышающій, какъ Древнѣйшее изъ Древнѣйшихъ и какъ наиболѣе Непознаваемое изъ Непознаваемого. Но и подъ той формой, посредствомъ которой Оно дѣлаетъ себя познаваемымъ, Оно все же остается Непознаваемымъ (Isaac Myer's Qabalah, from the Zohar pp. 274, 275).

Майеръ указываетъ, что „форма“ не есть „Древнѣйшее изъ Всѣхъ Древнѣйшихъ, которое есть Аинъ-Софъ (Ain-Soph)“.

И еще:

Три Свѣта свѣтятся въ Святомъ Вышнемъ, которые соединяются въ Одно; и они основа Торы, а Тора открываетъ дверь всѣмъ... При-

*) Udānavarga XXXIII. 41.

дите и видѣте Тайну Слова! То—три ступени и каждая существуетъ сама по себѣ, и все же, всѣ онѣ Одно и всѣ связаны въ Одномъ, и не отдѣлимы онѣ одна отъ другой...

Три исходятъ изъ Одного, Одинъ существуетъ въ Трехъ, то—сила, сущая между Двумя, Двое питаютъ Одно, Одно питаетъ (всѣ вещи) со всѣхъ сторонъ, такимъ образомъ Все есть Одно (Тамъ же 373, 375, 376).

Излишне упоминать, что Евреи признавали ученіе о многихъ Бogaхъ. „Кто какъ Ты, Господи, между Bogaми?“ (Исходъ XV, 11). Также признавались ими множество подчиненныхъ слугъ Bожіихъ, „Сыновъ Bожіихъ“, „Ангеловъ Господнихъ“, „Десять Ангельскихъ Bоинствъ.“

О возникновеніи вселенной Захаръ учить:

Въ началѣ была Воля Царя, предшествующая всякому существованію, которое перешло въ бытіе черезъ эманацию изъ этой Воли. Она начертала и запечатлѣла формы всѣхъ вещей, которыя должествовали проявиться изъ скрытаго вида въ явный, въ вышнемъ ослѣпительномъ свѣтѣ Квадранта (священный Тетрактисъ) Myer's Qabalah, pp. 194, 195.

Не существуетъ ничего, въ чемъ бы Bожество не было имманентно; относительно Перевоплощенія еврейское ученіе состоитъ въ томъ, что Душа пребываетъ въ божественной Идеѣ до появленія своего на землѣ; если Душа останется совершенно чистой во время своего испытанія, она можетъ избѣгнуть новаго рожденія, но послѣднее является, повидимому, только теоретической возможностью, такъ какъ сказано:

Всѣ души подлежатъ круговороту (метампсихозъ, a'leen b'gilgoolah), но люди не знаютъ путей Святого Единого, да будетъ Онъ благословенъ!.. Имъ неизвѣстно, какимъ судомъ они были судимы во всѣ времена и до появленія своего въ этомъ мірѣ, и послѣ того, какъ они покинуть его (Тамъ же, стр. 198).

Слѣды вѣрованія въ перевоплощеніе встрѣчаются одинаково и въ Еврейскихъ и въ Христіанскихъ экзотерическихъ Писаніяхъ, примѣромъ чего можетъ служить утвержденіе, что Илья долженъ вернуться на землю, и что онъ вернулся въ лицѣ Іоанна Предтечи.

Если мы обратимся къ Египту, мы найдемъ тамъ въ самой сѣдой древности прославленную Троицу: Ра, Озирисъ-Изисъ, какъ двойственный Второй Логосъ, и Горусъ. Величественный Гимнъ къ Амону-Ра гласитъ:

Боги преклоняются передъ Твоимъ Величіемъ, вознося Души Того, Что произвело ихъ... и говорятъ Тебѣ: Миръ всѣмъ эманациямъ

бессознательнаго Отца сознательныхъ Отцовъ всѣхъ Боговъ... Ты—Производящій существа, мы обожаемъ Души, которыя изошли отъ Тебя. Ты производишь насъ, о Неизвѣданный, и мы привѣтствуемъ Тебя, поклоняясь каждой Бого-Душѣ, которая спускается отъ Тебя и живетъ въ насъ (приводится въ Тайной Доктринѣ (Secret Doctrine), 3-й т., стр. 486).

„Сознательные Отцы Боговъ“ — Логосы; „бессознательный Отецъ“—Первопричина, Единое Бытіе, бессознательное въ томъ смыслѣ, что сознание Его безгранично превышаетъ ту ограниченность, которую мы называемъ сознаниемъ.

Въ отрывкахъ „Книги Мертвыхъ“ мы узнаемъ идеи древняго Египта относительно перевоплощенія человѣческой Души, ея странствія и ея окончательнаго соединенія съ Логосомъ. Знаменитый папирусъ „писца Ани, торжествующаго въ мирѣ“, полонъ чертъ, напоминающихъ читателю Св. Писанія другихъ религій, его путешествіе по преисподней, его ожиданія новаго вхожденія въ свое тѣло (въ форму, принимаемую перевоплощающимся въ Египтѣ) и, наконецъ, его отождествленіе съ Логосомъ:

Сказаль Озирись Ани: я есмь Великій Единый, сынъ Великаго Единаго; я есмь Огонь, сынъ Огня!..

Я снова соединилъ свои кости, Я сдѣлался цѣльнымъ и здоровымъ, Я сталъ вновь молодымъ; Я—Озирись, Господь Вѣчности (XL111, 1, 4).

Въ передачѣ „Книги Мертвыхъ“ Пьерретомъ, мы находимъ поразительное мѣсто:

Я есмь Существо съ таинственными именами, готовящее себѣ жилища на милліоны лѣтъ (стр. 22). Сердце, которое переходитъ ко мнѣ отъ моей матери, мое сердце, необходимое для моего существованія на землѣ... Сердце, переходящее ко мнѣ отъ моей матери, сердце, необходимое мнѣ для моего превращенія (стр. 113, 114).

Въ религій Зороастра мы находимъ идею Единаго Бытія, изображаемую какъ Безпредѣльное Пространство, изъ котораго возникаетъ Логосъ, Творецъ Ахурамазда:

Высочайшій во всевѣднїи и въ добрѣ, не имѣющій равныхъ въ великолѣпїи: область Свѣта есть обитель Ахурамазды (свящ. книги Востока The Bundahis V. 3, 4, V. 2).

Въ „Іасна“, главной Литургїи Заратустрианъ, дань благоговѣнія отдается прежде всего Логосу:

Провозглашаю и совершаю мою [мою Іасну (богослуженіе)] Ахурамазду, Создателю, блистающему и преславному, величайшему и лучшему,

наиболѣе прекрасному (по нашимъ понятіямъ), болѣе твердому, мудрѣйшему и одному изъ всѣхъ, тѣло котораго совершенно, который достигаетъ своихъ цѣлей безошибочно, благодаря Своему праведному порядку, Ему, который склоняетъ нашъ умъ къ хорошему, который излучаетъ Свою радость—творящую милость въ даль; кто сдѣлалъ насъ и далъ намъ форму, и кто питалъ и защищалъ насъ, кто есть болѣе благій Духъ (Sacred Books of the East XXXI, pp. 195, 196).

Затѣмъ вѣрующіе поклоняются *Амешаспендамъ* и другимъ Богамъ, но высочайшій, проявленный Богъ, Логосъ, не является здѣсь тріпостаснымъ. Какъ у Евреевъ, такъ и въ религій Зороастра, въ экзотерическихъ ученіяхъ эта основная истина утерялась постепенно. Къ счастью, есть возможность прослѣдить первобытное ученіе, исчезнувшее въ позднѣйшій періодъ изъ народныхъ вѣрованій. Д-ръ Гаугъ въ своей книгѣ „Essays on the Parsis“ (переведенной д-ромъ Уэстъ и помѣщенной въ 5-мъ томѣ Oriental Series Trübner'a) устанавливаетъ, что Ахурамазда (Auharmazd или Hormazd) есть Высочайшая Сущность и что изъ Нея исходили:

Двѣ первопричины, которыя, хотя и отличныя одна отъ другой, соединились и произвели міръ матеріальныхъ явленій, такъ же какъ и міръ духовный (стр. 303).

Онѣ назывались „Близнецами“, и ихъ присутствіе признается повсюду, какъ въ Ахурамаздѣ, такъ и въ человѣкѣ. Одна вызываетъ реальность, другая—нереальность, и именно изъ нихъ—въ позднѣйшемъ Зороастрианствѣ—выработались противоположныя Начала добра и зла. Въ древнѣйшихъ ученіяхъ онѣ несомнѣнно выражали собою Второго Логоса, такъ какъ двойственность является его отличительнымъ признакомъ вездѣ. „Добро“ и „Зло“, является собою лишь Свѣтъ и Тьму, Духъ и Матерію, основную „пару противоположностей“ Вселенной, Два, исходящіе изъ Одного.

Разбирая послѣднюю идею, д-ръ Гаугъ говоритъ:

Таково первичное Зороастрианское представленіе о творческихъ Духахъ, которые образуютъ лишь двѣ стороны единой Божественной Сущности. Но съ теченіемъ времени эта доктрина великаго основателя религій была измѣнена и искажена вслѣдствіе недоразумѣній и невѣрныхъ толкованій. Spentomainyush („добрый духъ“) былъ принятъ за имя Самого Ахурамазды, а затѣмъ Angromainyush („злой духъ“), отдѣленный окончательно отъ Ахурамазды, сталъ разсматриваться какъ постоянный противникъ Ахурамазды; такъ возникъ Дуализмъ Бога и Дьявола (стр. 205).

Возрѣніе д-ра Гауга находитъ поддержку въ *Gátha Ahunavaiti*, которая была передана, по преданію, „Архангелами“ вмѣстѣ съ другими Гатами—Зороастру:

Вначалѣ существовала пара Блинецовъ, два духа, каждый изъ нихъ проявлялъ особую дѣятельность, именно: добрую и злую... И эти два Духа, соединившись, создали первое (матеріальную вещественность); одинъ—реальность, другой—нереальность... И чтобы споспѣшествовать этой жизни (чтобы увеличить ее) Armaiti появилась со своими богатствами, съ Разумомъ добрымъ и истиннымъ; она, вѣчно сущая, создала матеріальный міръ... Всѣ совершенныя вещи, которыя извѣстны какъ лучшія изъ существъ, собраны въ великолѣпной обители Добраго Разума, Мудраго и Праведнаго (Iasna XXX 3, 4, 7, 10. De Haug's Transl. pp. 149, 151).

Здѣсь ясно различимы три Логоса, Ахурамазда первое начало, верховная жизнь; въ Немъ и черезъ Него „Близнецы“ или Второй Логосъ; затѣмъ Армаити, Разумъ, Творецъ Вселенной, Третій Логосъ *). Позднѣе появляется Митра и въ экзотерической вѣрѣ затемняетъ до нѣкоторой степени первичную истину; о Немъ говорится:

Кого Ахурамазда утвердилъ дабы соблюдать движущійся міръ и заботиться о немъ; Кто, никогда не засыпающій, всегда бодрствующій, охраняетъ твореніе Ахурамазды (Mihir yast XXV 1, 103; Sacred Books of the East. XV111).

Митра былъ подчиненный Богъ, Свѣтъ Небесный, какъ Варуна былъ самимъ Небомъ, однимъ изъ великихъ правящихъ Духовъ. Высочайшіе изъ этихъ правящихъ Духовъ были шесть Амешаспендовъ, главою которыхъ считался Вохуманъ (Vohūman), Добрая Мысль Ахурамазды,

Которые управляли всѣмъ матеріальнымъ твореніемъ (Sacred Books of the East V, p. 10, note).

Ученіе о перевоплощеніи не встрѣчается въ доселѣ переведенныхъ книгахъ, и оно не распространено среди современныхъ Парсовъ. Но мы находимъ тамъ идею Духа, заключеннаго въ Человѣкъ, подобнаго искрѣ, которая долженствуетъ превратиться въ пламя и соединиться съ Верховнымъ Огнемъ, что предполагаетъ развитіе, для чего необходимо перевоплощеніе. И вообще религія Зороастра не можетъ быть понята, пока не будутъ воз-

*) Армаити была вначалѣ Богиней Мудрости. Позднѣе, какъ Творческое Начало, Она была отождествяема съ землей и обоготворяема какъ Богиня Земля.

становлены „Халдейскіе Оракулы“ и примыкающія къ нимъ писанія, ибо въ нихъ заключается истинный корень этой религіи.

Направляясь къ Западу въ Грецію, мы встрѣчаемся съ Орфической системой, описанной съ такой глубокой ученостью Дж. Мидомъ въ его произведеніи *Орфей*. „Неисповѣдимая, Трижды непознаваемая Тьма“ была именемъ, даваемымъ Единому Бытію.

Соотвѣтственно теологіи Орфея, всѣ вещи происходятъ изъ не-объятнаго Принципа, которому мы рѣшаемся—благодаря ограниченности и бѣдности человѣческаго понятія—давать имя, хотя Онъ совершенно невыразимъ и въ благоговѣйной рѣчи древняго Египта является *трижды непознаваемою Тьмою*, созерцаніе которой способно превратить всякое знаніе въ невѣдѣнье (Thomas Taylor, приводимый въ книгѣ Мида *Orpheus*, p. 93).

Отсюда исходитъ „Первичная Тріада“, Міровое Добро, Міровая Душа, Міровой Разумъ, снова та же Божественная Троица. Относительно этой идеи Дж. Мидъ выражается такъ:

Первая Тріада, которая обнаруживается передъ разумомъ, есть лишь отраженіе или замѣститель Того, что не можетъ быть выражено, и ея Впостаси суть слѣдующія: а) Добро, которое сверхъестественно; б) Душа (Міровая Душа), которая есть самопричинная Сущность, и в) Разумъ; нераздѣлимая, непреложная Сущность (тамъ же, p. 94).

Послѣ первой является рядъ постепенно спускающихся Тріадъ, которыя обладаютъ свойствами первой, но сліяніе этихъ свойствъ уменьшается все болѣе, пока не достигнетъ человѣка,

Заключаетъ въ себѣ потенциально сумму и субстанцію вселенной... „Раса людей и боговъ одна и та же“ (слова Пиндара, который былъ Пивагорейцемъ, приводимыя Св. Климентом Strom. V, p. 709)... Поэтому человѣкъ получилъ названіе *микрокосма*, или малой вселенной, въ отличіе отъ макрокосма, великой вселенной (тамъ же, p. 271).

Человѣкъ обладаетъ νοῦς (Nous), или реальнымъ разумомъ, λόγος (Logos) или раціональной частью, и ἄλογος (Alogos), или ирраціональной частью; двѣ послѣднія являютъ, каждая, новую Тріаду, образуя, такимъ образомъ, болѣе разработанное седмиричное подраздѣленіе. По этому возрѣнію человѣкъ обладаетъ тремя тѣлами или проводниками, физическимъ, тонкимъ и свѣтящимся тѣломъ, или αὐγοειδής (augoëides), который и

Есть „тѣло причинности“ *) или кармическая одежда души, въ которой вся ея судьба собрана, или иначе: всѣ сѣмена всей причин-

*) Causal body, corps causal.

ности прошлаго. Это и есть „нить—душа“, какъ ее иногда называютъ, „тѣло“, переходящее изъ одного воплощенія въ другое (тамъ же, р. 284).

Относительно перевоплощенія:

Вмѣстѣ со всѣми послѣдователями Мистерій всѣхъ странъ, Орфики вѣрили въ перевоплощеніе (тамъ же, р. 292).

Въ подтвержденіе этого, Дж. Мидъ даетъ обильныя свидѣтельства и доказываетъ, что перевоплощенію учили Платонъ, Эмпедокль, Пифагоръ и другіе. Лишь путемъ праведной жизни могутъ люди избѣжать *колеса рожденій*.

Тайлоръ, въ своихъ примѣчаніяхъ къ *Избраннымъ Произведеніямъ Плотина*, приводитъ слова Дамаскина относительно ученій Платона о Единомъ, превышающемъ Логоса, о Непроявленномъ Бытіи:

Возможно, что Платонъ въ самомъ дѣлѣ ведетъ насъ неисповѣдимымъ образомъ черезъ *Одно*, какъ черезъ посредствующее къ Неизрѣченному, пребывающему надъ Однимъ, о которомъ идетъ рѣчь, и это совершается посредствомъ жертвоприношенія *Одного* такъ же, какъ онъ ведетъ къ *Одному* жертвоприношеніемъ другихъ вещей... То, что находится по ту сторону *Одного*, должно быть почитаемо въ совершенномъ безмолвіи... *Единый* въ самомъ дѣлѣ хочетъ существовать Самъ по себѣ безъ всякаго другого; но *Неизвѣстное* по ту сторону *Одного* совершенно неизрѣченно, и мы свидѣтельствуемъ, что ни знать его, ни не знать его мы не можемъ, и что оно закрыто отъ насъ *сверхъневѣдѣнъ*. Отсюда, благодаря близости къ послѣднему и Одно затемняется; ибо, будучи поблизости необъятнаго Принципа, если позволительно такъ выразиться, Оно какъ бы пребываетъ въ святилищѣ этого поистинѣ мистическаго Безмолвія... Принципъ этотъ находится надъ Единымъ и надъ всякой вещественностью, будучи болѣе простымъ, чѣмъ они (pp. 341—343).

Школы Пифагорейскія, Платоническія и Неоплатоническія имѣютъ столько точекъ соприкосновенія съ индусской и буддистской мыслью, что ихъ происхожденіе изъ одного и того же источника совершенно очевидно. Р. Грабе въ своемъ трудѣ *Die Sâmkhya Philosophie* (III pp. 85 до 105) указываетъ многія изъ этихъ точекъ соприкосновенія, и его выводы могутъ быть сокращенно выражены такъ:

Наиболѣе поразительно сходство или вѣрнѣе тождество ученія объ *Одномъ* и объ *Единомъ* въ Упанишадахъ и въ Элейской школѣ. Ученіе Ксенофана относительно единства Бога и Космоса и неизмѣнности *Одного*, и еще болѣе ученіе Парменида, который при-

знавалъ, что реальность можетъ быть приписываема лишь *Одному* нерожденному, нерушимому и вездѣсущему, тогда какъ все разнообразное и подлежащее измѣненію есть лишь видимость; и далѣе: что Быть и Мыслить—одно и то же; всѣ эти доктрины вполне тождественны въ существенныхъ чертахъ съ содержаніемъ Упанишадъ и Ведантской философіи, которая произошла изъ нихъ. И еще болѣе раннее представленіе Фалеса о томъ, что все существующее произошло отъ Воды; вполне сходно съ Ведической доктриной о возникновеніи Вселенной изъ первозданныхъ водъ. Позднѣе Анаксимандръ принялъ за основу (*ἀρχή*) всѣхъ вещей вѣчную, безконечную, неподлежащую опредѣленію Субстанцію, изъ которой произошли всѣ опредѣленные субстанціи и въ которую онѣ возвращаются. Эта гипотеза вполне тождественна съ утвержденіемъ, на которомъ основана вся Санкія *), что изъ Пракрити **) развивается вся матеріальная сторона вселенной. И знаменитое изрѣченіе: *πάντα ῥαὶ* выражаетъ присущій Санкія взглядъ на то, что всѣ вещи вѣчно мѣняются подъ непрерывнымъ воздействием трехъ „*gunas*“ ***). Эмпедокль, съ своей стороны, училъ о переселеніи душъ и эволюціи, въ чемъ, съ одной стороны, совпадалъ съ философій Санкія, теорія же его относительно того, что ничто не можетъ имѣть бытія, что ранѣе уже не существовало, соотвѣтствуетъ еще ближе ученію Санкія.

Анаксагоръ и Демокритъ примыкаютъ въ своихъ ученіяхъ такъ же близко къ Индусской религиозной мысли, особенно же воззрѣніе Демокрита на природу и на роль Боговъ. То же самое можно сказать и относительно Эпикура, познакомившись съ нѣкоторыми любопытными подробностями его ученія. Но наиболѣе близкое и частое совпаденіе съ Индусскими ученіями и аргументаціями встрѣчается все же у Пифагора, что объясняется тѣмъ, что Пифагоръ посѣщалъ Индію и изучалъ индусскую философію, какъ утверждаетъ преданіе.

Въ позднѣйшихъ столѣтіяхъ мы находимъ, что нѣкоторые изъ Браманистскихъ (философія Санкія) и Буддистскихъ идей

*) Sankhya—одна изъ шести философскихъ системъ Индусской религиозной мысли. (Прим. перев.).

**) Prakriti—первозданная матерія, еще не вышедшая изъ безразличнаго равновѣсія. (Прим. перев.).

***) Gunas—три свойства космической матеріи: инерція, энергія и ритмъ; пока эти свойства въ полномъ равновѣсіи, до тѣхъ поръ матерія не можетъ служить проводникомъ для жизни, но лишь только равновѣсіе нарушено, наступаетъ творчество, возникаетъ проявленная Вселенная. (Прим. перев.).

играли выдающуюся роль въ мысли Гностиковъ. Слѣдующая выдержка изъ Лассена, приводимая Гарбе на стр. 97 *), доказываетъ это съ полной опредѣленностью:

Буддизмъ въ общемъ дѣлаетъ ясное различіе между Духомъ и Свѣтомъ и не смотритъ на послѣдній какъ на нѣчто *не* матеріальное; точка зрѣнія Буддизма на Свѣтъ тѣсно соприкасается со взглядомъ Гностиковъ. По этому взгляду Свѣтъ есть проявленіе Духа въ матеріи; разумъ, облакающійся въ Свѣтъ, приходитъ въ соприкосновеніе съ матеріей, въ которой свѣтъ можетъ уменьшаться, а подъ конецъ и совсѣмъ затемниться; въ послѣднемъ случаѣ Разумъ можетъ впасть даже въ полную безсознательность. О высочайшемъ Разумѣ утверждается, что Онъ не Свѣтъ и не Несвѣтъ, не Тьма и не Нетьма, такъ какъ всѣ эти выраженія указываютъ на отношенія Разума къ Свѣту, которыхъ вначалѣ совсѣмъ не было; лишь позднѣе свѣтъ сталъ облекать собою Разумъ и сдѣлался посредникомъ между Нимъ и матеріей. Отсюда слѣдуетъ, что буддистская точка зрѣнія приписываетъ высочайшему Разуму силу производить Свѣтъ изъ себя и въ этомъ отношеніи она снова согласуется съ ученіями Гностиковъ.

Гарбе указываетъ, что согласіе по поводу этого вопроса между Гностиками и Санкіа много тѣснѣе, чѣмъ между первыми и Буддизмомъ, ибо въ то время, какъ упомянутый взглядъ на соотношеніе между Свѣтомъ и Духомъ принадлежитъ позднѣйшему періоду Буддизма и вовсе не характеренъ для Буддизма какъ такового, Санкіа учитъ ясно и точно, что Духъ *есть* Свѣтъ. Еще позднѣе вліяніе мысли Санкіа ясно отразилось въ ученіяхъ Неоплатониковъ; хотя доктрина о Логосѣ или Словѣ и не исходитъ непосредственно изъ школы Санкіа, тѣмъ не менѣе она указываетъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ на происхожденіе свое изъ древней Индіи, гдѣ идея *Vāch*, Божественное Слово, играетъ такую выдающуюся роль въ системѣ Браманизма.

Переходя къ Христіанской религіи, одновременной съ системами Гностиковъ и Неоплатониковъ, можно безъ труда прослѣдить большинство тѣхъ же самыхъ основныхъ ученій. Тройной Логосъ является въ Христіанствѣ подъ видомъ Троицы; Первый Логосъ, источникъ всякаго Бытія—Богъ Отецъ; двойственный по своей природѣ Второй Логосъ—Сынъ, Бого-Человѣкъ; Третій, Творческій Разумъ—Духъ Святой, воздѣйствіе котораго на воды хаоса вызвало къ жизни видимыя міры. Затѣмъ мы имѣемъ семь Духовъ

*) Die Sāṅkhya-Philosophie.

Божіихъ ¹⁾ и небесное Воинство Ангеловъ и Архангеловъ. Объ Единомъ Бытіи, о Первопричинѣ, изъ которой все исходитъ и въ которую все возвращается, имѣется мало указаній; но ученые отцы Католической церкви постоянно упоминаютъ непостижимаго Бога, не подлежащаго опредѣленію, безконечнаго, а слѣдовательно Единаго и Нераздѣльнаго. Человѣкъ сотворенъ по „образу Божію“ ²⁾ и слѣдовательно троиченъ по своей природѣ: Духъ, Душа и Тѣло ³⁾; онъ представляетъ собою „жилище Божіе“ ⁴⁾, „Храмъ Бога“, „Храмъ Духа Святаго“ ⁵⁾, опредѣленія, которыя точно повторяютъ индусскія ученія. Ученіе о перевоплощеніи въ Новомъ Завѣтѣ является какъ бы признаннымъ фактомъ; такъ, Иисусъ, говоря объ Іоаннѣ Крестителѣ, заявляетъ, что онъ Ілія, „которому должно придти“ ⁶⁾; Онъ ссылается при этомъ на слова Малахіа: „се Я посылаю Ангела моего передъ лицемъ Твоимъ, который приготовить путь Твой передъ Тобою“ (Малахіа, 3, 1). И далѣе, когда, спрошенный учениками относительно пришествія Іліи ранѣ Мессіи, онъ отвѣчаетъ: „говорю вамъ, что Ілія уже пришелъ, и не узнали его“... ⁷⁾. И въ другомъ мѣстѣ ученики Христа признаютъ перевоплощеніе за установленный фактъ, когда спрашиваютъ: есть ли слѣпота слѣпорожденнаго наказаніе за его собственные грѣхи? Отвѣтъ Христа не отрицаетъ возможности совершенія грѣховъ до рожденія, онъ указываетъ лишь на то, что въ этомъ частномъ случаѣ слѣпота вызвана не грѣхами слѣпорожденнаго ⁸⁾. Замѣчательныя слова въ Откровеніи Іоанна (III, 12) „побѣждающаго сдѣлаю столпомъ въ храмѣ Бога Моего и онъ уже не выйдетъ вонъ“, являются указаніемъ на возможность избѣжать перевоплощенія. Изъ писаній Отцовъ Христовой Церкви можно было бы привести не мало указаній на распространенную вѣру въ перевоплощеніе. На это возражаютъ, что въ писаніяхъ этихъ упоминается лишь о предсуществованіи Души, но это возраженіе кажется мнѣ недѣйствительнымъ.

Единство въ области міровой этики не менѣе поразительно, чѣмъ единство представленія о вселенной, и тождественность опытныхъ переживаній всѣхъ тѣхъ, которые освобождались изъ оковъ

¹⁾ Откров. IV, 5.

²⁾ Быт. I, 26, 27.

³⁾ Фессал. V, 23.

⁴⁾ Ефесс. II, 22.

⁵⁾ I Коринт. VI, 19.

⁶⁾ Матѣ. XI, 14.

⁷⁾ Матѣ. XVII, 12.

⁸⁾ Іоанна IX, 1—13.

тѣла въ свободу высшихъ міровъ. Фактъ этотъ доказываетъ ясно, что первоначальное ученіе, религиозное и этическое, было въ рукахъ опредѣленныхъ Охранителей, стоявшихъ во главѣ цѣлыхъ школъ, гдѣ ученики изучали ихъ доктрины. Тожественность этихъ школъ и ихъ дисциплинъ становится ясной, когда мы изучаемъ ихъ нравственныя ученія и требованія, предъявлявшіяся къ ученикамъ, а также и тѣ состоянія сознания и духа, до которыхъ они бывали поднимаемы. Въ *Тао-Тэ-Чингъ* сдѣлано слѣдующее колкое подраздѣленіе различныхъ типовъ ученыхъ:

Ученые высочайшаго класса, когда слышатъ о Тао, серьезно проводятъ свои знанія въ жизнь. Ученые средняго класса, когда слышатъ о Немъ, иногда соблюдаютъ Его, а иногда снова теряютъ Его. Ученые самаго низшаго класса, когда слышатъ о Немъ, лишь громко надъ Нимъ смѣются (*Sacred Books of the East XXXIX, op. cit. XLI, 1*).

Въ той же книгѣ мы читаемъ:

Мудрецъ ставитъ свою собственную личность на послѣдній планъ, и тѣмъ не менѣе она оказывается на первомъ мѣстѣ; онъ относится къ своей личности какъ бы къ чуждой для него, и тѣмъ не менѣе личность его сохраняется. Не потому ли осуществляются его цѣли, что у него нѣтъ личныхъ и частныхъ цѣлей? (VII, 2). Онъ свободенъ отъ самовыставленія, и поэтому онъ свѣтитъ; отъ самоутвержденія, и поэтому его отличаютъ; отъ самовосхваленія, и поэтому его заслуги становятся признаны; отъ самодовольствія, и поэтому онъ пользуется превосходствомъ. И потому, что онъ столь свободенъ отъ всякаго состязанія, никто въ мірѣ не способенъ состязаться съ нимъ (XXII, 2). Нѣтъ большей вины, какъ допускать честолюбіе; нѣтъ большаго бѣдствія, чѣмъ недовольство своей долей; нѣтъ большей ошибки, чѣмъ желаніе выигрыша (XLVI 2). Съ тѣми, кто добръ ко мнѣ, я добръ, и съ тѣми, кто не добръ (ко мнѣ), я тоже добръ; и такъ всѣ станутъ добрыми. Съ тѣми, кто искрененъ (со мной), я тоже искрененъ, и съ тѣми, кто неискрененъ (со мной), я тоже искрененъ, и такъ (всѣ) станутъ искренними (XLIX, 1). Тотъ, кто обладаетъ въ изобиліи атрибутами (Тао), подобенъ дитяти. Ядовитыя насѣкомыя не будутъ жалить его, дикіе звѣри не будутъ бросаться на него, хищныя птицы не станутъ поражать его (LV, 1). Я обладаю тремя драгоценными вещами, которыя цѣню высоко и которыя строго храню. Первая: кротость; вторая: бережливость; третья: нежеланье главенствовать... Кротость увѣрена, что побѣдитъ даже на полѣ битвы, и твердо устоитъ на занятой позиціи. Небеса спасутъ ея обладателя, Его же (собственной) кротостью оберегая его (LXVII, 2, 4).

У Индусовъ были избранные, высокіе духомъ ученые, которые

получали особыя наставленія, и имъ Гуру передавали тайныя ученія, тогда какъ общія правила нравственной жизни извлекались изъ „Законовъ“ Ману, изъ Упанишадъ, изъ Махабхараты и многихъ другихъ писаній:

Да будетъ рѣчь его правдива, да будетъ она пріятна и да не произносить онъ непріятной правды и да не произносить онъ пріятной лжи: вотъ вѣчный законъ (Ману IV, 198). Не приноси страданія ни одному существу, да собираетъ онъ духовныя достоинства (IV, 238). Для того дважды рожденнаго человѣка, черезъ котораго не производится даже малѣйшаго вреда кому-либо изъ созданныхъ существъ, не будетъ опасности ни съ одной (стороны) послѣ того, какъ онъ освободится отъ своего тѣла (VI, 40). Да переноситъ онъ терпѣливо жестокія слова, да не оскорбитъ онъ никого, и да не сдѣлается онъ чьимъ-либо врагомъ во имя этого брэннаго тѣла. Передъ разгнѣваннымъ человѣкомъ да не проявитъ онъ гнѣва, и да благословитъ онъ, когда проклинаятъ его (VI, 47, 48). Освободившись отъ страсти, страха и гнѣва, думающіе обо Мнѣ, прибѣгающіе ко Мнѣ, очистившіеся въ огнѣ мудрости, многіе проникали въ Мое Бытіе (*Bhagavad Gītā IV, 10*). Верховная радость предстоитъ тому Іогу, мысль (*Manas*) котораго успокоена, страсти котораго утихли, кто безгрѣшенъ и одной природы съ Браман'омъ (VI, 27). Тотъ, кто не питаетъ дурнаго чувства ни къ единому существу, дружелюбный и сострадательный, безъ привязанностей и эгоизма, уравновѣшенный въ радостяхъ и горестяхъ, всегда прощающій, всегда довольный, всегда гармоничный, я котораго всегда сдержанно, умъ (*Manas*) и духъ (*Buddhi*) котораго посвящены Мнѣ, онъ, поклоняющійся Мнѣ, дорогъ для Меня (XII, 13, 14).

Если мы обратимся къ Буддѣ, мы найдемъ Его окруженнымъ Архатами, къ которымъ онъ обращалъ свои тайныя ученія. Съ другой стороны, въ его публичныхъ ученіяхъ встрѣчаются такія наставленія:

Серьезностью, добродѣтелью и чистотой мудрый человѣкъ дѣлаетъ изъ себя островъ, который никакимъ наводненіемъ не можетъ быть затопленъ (*Udānavarga IV, 5*). Мудрый человѣкъ въ этомъ мірѣ держится крѣпко за вѣру и за мудрость, онъ его величайшія сокровища, онъ отвергаетъ всѣ другія богатства (X, 9). Тотъ, кто испытываетъ дурное чувство къ проявляющимъ дурныя чувства, никогда не можетъ сдѣлаться чистымъ, тотъ же, который никогда не испытываетъ дурнаго чувства, умиротворяетъ ненавидящихъ; ненависть приноситъ бѣдствіе человѣчеству, поэтому мудрый не знаетъ ненависти (XIII, 12). Побѣждайте гнѣвъ отсутствіемъ гнѣва, побѣждайте зло добромъ; побѣждайте скупость щедростью; побѣждайте неправду правдою (XX, 18).

Религія Зороастра учитъ воздавать хвалу Ахурамаздѣ и затѣмъ:

Все, что прекрасно, все, что чисто, все, что бессмертно и блистательно, все это благо. Благой Духъ мы почитаемъ, благое Царство мы чтимъ и благой Законъ и благую Мудрость (Iasna XXXVII). Да будетъ въ этомъ жилищѣ довольство, благословеніе, безпорочность и мудрость чистаго (Iasna LIX). Чистота величайшее благо. Счастіе, счастіе да будетъ съ нимъ: съ наиболѣе чистымъ въ чистотѣ (Ashem-vohu). Всѣ добрыя мысли, слова и дѣла дѣлаются со знаніемъ. Всѣ злыя мысли, слова и дѣла не дѣлаются со знаніемъ (Misra Kumata. Избранныя мѣста изъ Avesta въ Ancient-Iranian and Zoroastrian Morals, Dhunjibhoj Jamsetji Medhora).

Евреи имѣли свои „школы пророковъ“ и свое тайное ученіе Каббалу, а въ обнародованныхъ Писаніяхъ мы находимъ слѣдующія признанныя ученія нравственности:

Кто взойдетъ на гору Господню, или кто станетъ на святомъ мѣстѣ Его? Тотъ, у котораго руки неповинны и сердце чисто. Кто не клялся душою своею напрасно и не божился ложно ближнему своему (Псал. XXIII, 3, 4). „О человѣкъ! сказано тебѣ, что добро и чего требуетъ отъ тебя Господь: дѣйствовать справедливо, любить дѣла милосердія и смиренномудро ходить предъ Богомъ твоимъ (Михей VI, 8), Уста правдивыя вѣчно пребываютъ, а лживый языкъ—только на мгновеніе (Притчи XII, 19). Вотъ постъ, которой Я избралъ: разрѣши оковы неправды, развяжи узы ярма и угнетенныхъ отпусти на свободу и расторгни всякое ярмо; раздѣли съ голоднымъ хлѣбъ твой и скитающихся бѣдныхъ введи въ домъ; когда увидишь нагого—одѣнь его и отъ одинокровнаго, твоего не укрывайся (Исаія LVIII, 6, 7).

И Христосъ давалъ своимъ ученикамъ тайныя поученія (Матѣ. XIII, 10—17) и повелѣлъ имъ:

Не давайте святыни псамъ и не бросайте жемчуга вашего передъ свиньями, дабы онѣ не попрали его ногами и, обратившись, не растерзали васъ (Матѣ. VII, 6).

Какъ образецъ всенародныхъ поученій мы имѣемъ Заповѣди Блаженства и Нагорную Проповѣдь и такія наставленія:

А я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ и гонящихъ васъ...

Итакъ, будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный (Матѣ. V, 44, 48). Сберегши душу свою потеряетъ ее, а потерявши душу свою ради Меня сбережетъ ее (Матѣ. X, 39). Итакъ, кто ума-

лится, какъ это дитя, тотъ и больше въ Царствѣ Небесномъ (Матѣ. XVIII, 4). Плодъ же духа: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе. На такихъ нѣтъ закона (Галат. V, 22, 23). Будемъ любить другъ друга, потому что любовь отъ Бога, и всякій любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога (1 посл. Иоанна IV, 7).

Школы Пифагора и Неоплатониковъ сохраняли преданіе для Греціи, и мы знаемъ, что Пифагоръ приобрѣлъ нѣкоторыя изъ своихъ ученій въ Индіи, тогда какъ Платонъ учился и получилъ посвященіе въ школахъ Египта. Относительно Греческихъ школъ существуютъ болѣе точныя свѣдѣнія, чѣмъ относительно остальныхъ; Пифагорейскія имѣли какъ внѣшнюю дисциплину, такъ и внутреннюю, въ которой ученики, связанные обѣтомъ, проходили черезъ три ступени въ теченіе пяти лѣтъ испытанія (Подробности въ книгѣ Дж. Мида *Orpheus*, pp. 263 и слѣд.).

Внѣшнюю дисциплину Дж. Мидъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

Прежде всего мы должны вполне отдаться Богу. Когда человѣкъ молится, онъ не долженъ никогда просить о личномъ благѣ, вполне увѣренный, что все будетъ дано ему своевременно, что нужно и что сообразно съ Мудростью Бога, а не съ нашимъ личнымъ эгоистичнымъ желаніемъ (Diod. Sic. IX 41). Одною лишь добродѣтелью достигаетъ человѣкъ блаженства, и это преимущество, исключительно принадлежащее разумному существу (Hippodamus De Felicitate II., Orelli. Opusc. Graecor. Sent. et Moral. II, 284). Самъ по себѣ, по своей натурѣ, человѣкъ не хорошъ и не счастливъ, но онъ можетъ стать таковымъ черезъ познаніе истинной доктрины (*μαθήσοις καὶ προνοίας ποιήσεται*)—(Hippo, *ibid*). Наиболѣе священный долгъ есть сыновняя преданность. „Богъ осыпаетъ своимъ благословеніемъ того, кто уважаетъ и почитаетъ виновника своихъ дней“ говоритъ Пампелиусъ (De Parentibus, Orelli op. cit. II, 345). Неблагодарность къ своимъ родителямъ самое черное изъ всѣхъ преступленій, пишетъ Периктиона (*ibid*, p. 350), которую считаютъ за мать Платона. Чистота и тонкость настроенія всѣхъ пифагорейскихъ писаній была замѣчательна (Oelian Hist. Var. XIV, 19). Во всемъ, что касается цѣломудрія и брака, принципы ихъ отличаются величайшей чистотой. Всюду Учитель указываетъ на необходимость цѣломудрія и воздержанія; но въ то же время онъ совѣтуетъ состоящимъ въ бракѣ сдѣлаться родителями прежде, чѣмъ перейти къ безбрачію, для того, чтобы дѣти могли родиться при благоприятныхъ условіяхъ, поддерживать праведную жизнь и наследовать Священную Науку (Jamblichus,

Vit. Pythag. Hierocl. ap. Stob. Serm. XLV, 14). Эта подробность особенно интересна потому, что совершенно такое же постановление находится въ *Mānava Dharma Shāstra*, въ великомъ Индусскомъ Кодексѣ...

Прелюбодѣяніе очень сурово осуждается (Jambl. тамъ же). Кромѣ того, супругу предписывается самое кроткое обращеніе съ женой, ибо не взялъ ли онъ ее въ подруги „передъ Богами“? (Lascaulx: zur Geschichte der Ehe bei den Griechen въ *Mém. de l'Acad. de Bavière VII*, 107).

Бракъ не былъ физическимъ союзомъ, но духовной связью. Поэтому и жена, въ свою очередь, должна любить своего супруга больше, чѣмъ себя, и во всемъ быть преданной и послушной ему. Интересно, что самые благородные женскіе характеры, которые появляются въ древней Греціи, были созданы въ школѣ Пифагора; то же самое можно сказать и относительно мужчинъ. Античные писатели всѣ согласны между собою въ томъ, что дисциплина этихъ школъ производила высокіе образцы не только чистѣйшихъ чувствъ и цѣломудрія, но и благородную простоту манеръ, деликатность и вкусъ къ серьезнымъ занятіямъ, равныхъ которымъ міръ не зналъ. Это признается и нѣкоторыми Христіанскими писателями (см. Justin XX, 4). Идея справедливости направляла всѣ поступки членовъ Пифагорейскихъ школъ, а въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ они соблюдали величайшую терпимость и состраданіе.

Ибо справедливость есть основа всѣхъ добродѣтелей, какъ учить Полусъ (ap. Stob. Serm. VIII ed. Show, p. 232); справедливость поддерживаетъ миръ и равновѣсіе въ душѣ, она мать всякаго добраго порядка въ общинахъ, она творитъ согласіе между мужемъ и женой, вызываетъ любовь между господиномъ и слугой.

Слово было для Пифагорейца обязательствомъ. И онъ долженъ былъ жить всегда такъ, чтобы быть готовымъ во всякое время умереть (Hippolytus, Philos. VI, pp. 263—267).

Отношеніе къ добродѣтелямъ въ школахъ Неоплатониковъ указываетъ на ясное различіе, которое тамъ дѣлалось между нравственностью и духовнымъ развитіемъ, или, какъ выражался Плотинъ: „цѣль не въ томъ, чтобы быть безъ грѣха, а чтобы быть богоподобнымъ“ *). На первой ступени дисциплины достигалось уничтоженіе грѣховъ путемъ развитія „политическихъ добродѣтелей“, которыя дѣлали человѣка совершеннымъ въ его поведеніи (добродѣтели физическія и этическія приобрѣтались ранѣе), благодаря тому, что разумъ направлялъ и украшалъ неразумную природу. Слѣдующей ступеню было достиженіе „катартическихъ добродѣтелей“, которыя являются принадлежностью чистаго разума

*) Select Works of Plotinus, by Thomas Taylor (p. 11, изд. 1895 г.).

и освобождаютъ Душу отъ оковъ рожденія; „теоретическія добродѣтели“ приводятъ Душу въ соприкосновеніе съ высшими натурами, а „парадигматическія добродѣтели“ даютъ ей знаніе истиннаго Бытія:

Отсюда слѣдуетъ, что тотъ, кто поступаетъ сообразно „политическимъ“ добродѣтелямъ, есть *достойный человѣкъ*, тотъ же, кто дѣйствуетъ согласно съ „катартическими“ добродѣтелями, есть *демоническій человѣкъ* или *добрый демонъ* *). Тотъ же, кто дѣйствуетъ сообразно однѣмъ лишь теоретическимъ добродѣтелямъ, достигаетъ ступени *Божественности*, а тотъ, который дѣйствуетъ сообразно „парадигматическимъ“ добродѣтелямъ, называется *Отецъ Боговъ* (Note on Intellectual Prudence, pp. 325—332).

Посредствомъ пріемовъ различнаго рода, учениковъ научали выводить изъ тѣла и подниматься въ высшіе міры; какъ травы извлекаются изъ своихъ влагалищъ, такъ и внутренній человѣкъ долженъ умѣть извлекать себя изъ своей тѣлесной оболочки. „Тѣло свѣта“ или „блистающее тѣло“ Индусовъ **) то же, что „свѣтообразное“ тѣло (Luciform) Неоплатониковъ, и въ немъ человѣкъ поднимается, чтобы найти свое высшее Я:

которое не можетъ быть воспринято ни глазомъ, ни словомъ, ни другими чувствами, ни аскетизмомъ, ни религіозными обрядами; лишь ясной мудростью, одной чистѣйшей сущностью возможно зрѣть въ медитаціи Нераздѣлимое Единое. Это высшее Я можетъ быть познано разумомъ, въ которомъ усыплена пятиричная жизнь (чувствъ). Разумъ всѣхъ существъ проникнуть этими жизнями, но (въ разумѣ) очищенномъ проявляется высшее Я (Mundakopanishad, III ii, 8, 9).

Лишь въ такомъ состояніи можетъ человѣкъ вступить въ область, гдѣ кончается раздѣленіе, гдѣ „сферы кончаются“. Въ введеніи Дж. Мида къ „Плотину“ *Тайлора* онъ цитируетъ изъ Плотина описаніе сферы, которая несомнѣнно соотвѣтствуетъ *Туріа* ***) Индусовъ:

Они также видятъ во всѣхъ вещахъ не то, что подвержено рожденію, но то, въ чемъ является самая ихъ суть. И они усматриваютъ себя самихъ въ другихъ. Ибо тамъ всѣ вещи прозрачны, и нѣтъ ничего тамъ темнаго и непроницаемаго, но все тамъ видимо каждому внутренно и насквозь. Ибо свѣтъ встрѣчается всюду со свѣ-

*) Добрый разумный Духъ, каковъ былъ демонъ Сократа.

**) Kathopanishad, VI, 17.

***) Turīya—четвертое состояніе сознанія, состояніе абсолютнаго сознанія. Первые три состоянія: 1) сонъ, 2) сновидѣніе, 3) бодрствующее сознаніе.

(Прим. перев.).

томъ, такъ какъ каждая вещь заключаетъ въ себѣ все остальное и такъ же видитъ все остальное въ каждой другой вещи. Такимъ образомъ всѣ вещи существуютъ всюду, и все заключается во всемъ. Каждая вещь подобнымъ же образомъ являетъ собою все. И сіяніе тамъ безпредѣльно. Ибо все тамъ велико, такъ какъ и то, что мало, все же велико. Солнце, которое тамъ, являетъ собою всѣ звѣзды, и каждая звѣзда есть въ то же время и солнце, и всѣ звѣзды. Тѣмъ не менѣе въ каждой преобладаетъ какая-либо иная особенность, и въ то же время всѣ вещи видимы въ каждой. Движеніе тамъ такъ же чисто, ибо (гармонія) движенія не нарушается двигателемъ, отличнымъ отъ него (р. LXXIII).

Описаніе неудачное потому, что область эта превышаетъ средства земной рѣчи, но подобное описаніе могло быть дано лишь человѣкомъ съ раскрывшимся зрѣніемъ.

Цѣлые томы могли бы быть наполнены сходными чертами, извлеченными изъ св. Писаній различныхъ религій, но и того несовершеннаго обозрѣнія, которое сдѣлано нами, достаточно для введенія къ изложенію древнихъ истинъ, которыми голодъ чело-вѣчества утолялся во всѣ вѣка. Всѣ эти сходныя черты указываютъ на единый источникъ, и этотъ источникъ—Бѣлая Ложа, Іерархія Адептовъ, которые слѣдятъ за эволюціей чело-вѣчества и направляютъ ее; Они сохраняли эти истины неприкосновенными и, отъ времени до времени, когда требовало того благо чело-вѣчества, Они вновь провозглашали ихъ передъ міромъ. Плодъ дру-гихъ міровъ, иного, болѣе ранняго чело-вѣчества, развившіеся въ процессѣ жизни, сходномъ съ нашимъ, Они явились въ нашъ міръ, чтобы помогать земному прогрессу, и съ древнихъ временъ до нашихъ дней, при посредствѣ цвѣта нашего собственнаго чело-вѣчества, оказывали намъ свою помощь, и до сихъ поръ Они направляютъ серьезно стремящихся учениковъ, указывая имъ „тѣс-ный путь“. И въ наше время Они продолжаютъ быть доступными для того, кто ищетъ ихъ, принося съ собой жертвенный огонь любви, преданности и безкорыстнаго стремленія познать для того, чтобы служить міру. И въ наши дни Они даютъ своимъ учени-камъ древнюю дисциплину и разоблачаютъ передъ ними древнія Мистеріи. Двѣ опоры, поддерживающія входъ въ Ихъ Ложу— Любовь и Мудрость, и черезъ эти тѣсныя врата можетъ пройти лишь тотъ, кто уже сбросилъ съ своихъ плечъ тяжелый грузъ желаній и себялюбія.

Трудная задача предстоитъ намъ: начавъ съ физической среды, мы будемъ медленно подниматься вверхъ, но прежде чѣмъ мы

начнемъ болѣе подробное изученіе окружающаго насъ міра, взгляды, брошенный съ птичьяго полета на великую волну эволюціи и на ея цѣль, могутъ помочь намъ. До возникновенія нашей планетной системы, вся ея цѣлостность заключалась въ Разумѣ Лого-госа, существовала въ Немъ какъ идея—всѣ силы, всѣ формы, все, что въ теченіе всего послѣдующаго процесса Творчества вы-ливалось въ объективную жизнь. Логось очерчиваетъ кругъ про-явленія, въ границахъ котораго Воля Его желаетъ дѣйствовать. Онъ ограничиваетъ Себя, чтобы стать Жизнью Своей Вселенной. Послѣдовательно, какъ результатъ перваго акта творчества, обра-зуются слои, постепенно уплотняющіеся, пока не появятся семь обширныхъ сферъ, и въ нихъ—центры энергіи, вихри космической матеріи, которые отдѣляютъ одну сферу отъ другой; когда же процессъ отдѣленія и сгущенія завершится, передъ нами предста-нетъ центральное солнце, физическій символъ Логоса, и семь ве-ликихъ планетныхъ цѣпей, каждая изъ которыхъ состоитъ изъ семи шаровъ (глобусовъ).

Переходя отъ общаго къ той планетной цѣпи, составную часть которой представляетъ наша земля, мы увидимъ, какъ во-кругъ нея протекаютъ волны жизни, образуя послѣдовательно царства природы: сперва три элементальныя, затѣмъ минеральное, растительное, животное и, наконецъ, чело-вѣческое. Ограничивая еще болѣе нашъ кругозоръ и устремляя его на нашъ собственный земной шаръ, мы станемъ наблюдать чело-вѣческую эволюцію и увидимъ, какъ чело-вѣкъ развиваетъ свое самосознаніе, проходя черезъ ряды многочисленныхъ цикловъ жизни. Сосредоточивая вслѣдъ затѣмъ наше вниманіе на отдѣльномъ чело-вѣкѣ, мы бу-демъ въ состояніи прослѣдить его ростъ. Мы увидимъ, что ка-ждый жизненный періодъ разбивается на три отдѣла, что ка-ждый періодъ связанъ со всѣми жизненными періодами прошлаго, результаты котораго оно пожинаетъ въ настоящемъ, а также и со всѣми періодами будущаго, для котораго оно служитъ посѣ-вомъ, и эта непрерывающаяся цѣпь причинъ и послѣдствій под-держивается закономъ, который не подлежитъ измѣненію. Мы увидимъ, что благодаря этому закону чело-вѣкъ въ состояніи под-ниматься все болѣе вверхъ, съ каждымъ періодомъ жизни при-бавляя нѣчто новое къ своимъ опытамъ, поднимаясь все выше въ чистотѣ, преданности, разумности, въ способности служить міру, пока, наконецъ, не станетъ тамъ, гдѣ стоятъ Тѣ, кого мы назы-ваемъ Учителями, готовый отдать своимъ младшимъ братьямъ то, что самъ получилъ отъ Старшихъ Братьевъ.

Физическая сфера *).

Глава I.

Въ нашемъ введеніи мы признали за источникъ, изъ котораго происходитъ вселенная, проявленную божественную Сущность, именуемую Логосъ или Слово. Это взятое изъ греческой философіи наименованіе въ совершенствѣ выражаетъ древнюю идею: Слово, раздающееся изъ Безмолвія, Голосъ, Звукъ, посредствомъ котораго міры вызываются къ бытію. Мы начнемъ наше изслѣдованіе съ того, что прослѣдимъ развитіе духа — матеріи, дабы намъ понятнѣе стала природа того матерьяла, съ которымъ мы будемъ имѣть дѣло въ физической сферѣ. Ибо возможность эволюціи коренится во внутреннихъ силахъ, которыя скрыты въ духѣ — матеріи физическаго міра, какъ бы завернуты въ ней. Весь процессъ есть ничто иное, какъ развертываніе этихъ силъ, импульсъ, къ которому идетъ изнутри, тогда какъ извнѣ дается помощь разумными сущностями, роль которыхъ въ томъ; чтобы ускорять или замедлять эволюцію, но не переступать за предѣлы качествъ, присущихъ данному матерьялу. Нѣкоторое представленіе объ этихъ первыхъ ступеняхъ мірового проявленія необходимо для пониманія эволюціи, хотя каждая попытка остановиться на подробностяхъ, завела бы насъ далеко за предѣлы нашего элементарнаго очерка. Поэтому придется удовольствоваться самыми общими указаніями.

Исходя изъ глубины единого великаго Бытія, изъ Первоисточника, превышающаго всякое человѣческое представленіе, Логосъ ставитъ самъ себѣ границы, добровольно очерчиваетъ область своего собственнаго бытія, являясь проявленнымъ Богомъ. Актомъ ограниченія сферы своей дѣятельности, Онъ набрасываетъ виѣшнее очертаніе Своего творенія.

Внутри этой границы, проявленный міръ рождается, развивается и умираетъ. Матерія, образующая объективный міръ, есть эманация Логоса, ея силы и энергіи суть токи Его Жизни; Онъ пребываетъ въ каждомъ атомѣ, все проникая, все содержа и развивая, Онъ — Источникъ и Конецъ Вселенной, ея причина и ея цѣль, ея центръ и окружность. Вселенная построена на немъ, какъ

***) Въ Западно-Европейской теософич. литературѣ употребляется выраженіе *планъ* для обозначенія физическаго, астральнаго и небснаго міровъ; мы переводимъ его словомъ „сфера“.

на твердомъ фундаментѣ; она дышитъ Его жизнью въ очерченномъ Имъ пространствѣ; Онъ — во всемъ и Все — въ Немъ. Такъ учатъ насъ Охранители древней Мудрости о началѣ проявленныхъ міровъ.

Изъ того же источника мы узнаемъ о Самораскрытіи Логоса въ трехъ Упостасяхъ; Первый Логосъ — Корень Бытія; изъ Него исходитъ Второй, раскрывающій обѣ стороны бытія, первичную двойственность, образующую оба полюса природы, въ предѣлахъ которыхъ создается вся ткань вселенной, Жизнь и Форма, Духъ и Матерія, положительное и отрицательное, активное и пассивное, Отецъ и Мать Міровъ. Затѣмъ — Третій Логосъ, вселенскій Разумъ, въ которомъ все уже существуетъ въ идеяхъ, Онъ же — источникъ всего сущаго, родникъ образующихъ энергіи, сокровищница, хранящая въ себѣ всѣ первообразы формъ, которыя въ теченіе міровой эволюціи должны появиться и выработаться въ низшихъ типахъ, матеріи. Первообразы эти суть плоды предшествовавшихъ міровъ и они же служатъ поѣвомъ для настоящаго міра.

Всѣ духовные и матерьяльные феномены проявленнаго міра имѣютъ опредѣленную величину и преходящую длительность, но корни Духа и Матеріи вѣчны. Первозданная недифференцированная дѣятельная Матерія *) является Логосу, по выраженію одного глубокаго мыслителя, какъ бы покровомъ, простирающимся между Нимъ и Неисповѣдимымъ Первоисточникомъ, Парабрамой (Para-brahman).

Именно въ этотъ „покровъ“ Логосъ и облекается въ цѣляхъ проявленія, дабы осуществить поставленное самому Себѣ ограниченіе, которое одно и дѣлаетъ возможнымъ міровую дѣятельность. Изъ этого „покрова“ вырабатываетъ Онъ матерію для своей вселенной, являя собою одушевляющую, руководящую и контролирующую ее Жизнь **).

О томъ, что происходитъ въ двухъ высшихъ сферахъ вселенной — шестой и седьмой, мы можемъ имѣть только самое туманное представленіе. Энергія Логоса, вихревымъ движеніемъ невообразимой быстроты, „просверливаетъ дыры въ пространствѣ“

*) Mūlaprakṛiti.

***) Отсюда названіе Его „Владыка Майи“; въ нѣкоторыхъ восточныхъ священныхъ книгахъ *Māyā* или иллюзія признается принципомъ формы; форма признается *иллюзорной*, благодаря ея переходящей природѣ и вѣчнымъ трансформациямъ, тогда какъ *Жизнь*, ищущая для себя выраженія подъ покровомъ различныхъ формъ, признается *реальностью*.

внутри первичной дѣвственной матеріи, и этотъ вихрь жизни, облеченный въ тончайшую оболочку изъ недифференцированной матеріи, и есть *первичный атомъ*; эти первичные атомы и ихъ агрегаты, распространенные по всей вселенной, образуютъ всѣ подраздѣленія духа — матеріи высочайшей, или седьмой сферы.

Шестая сфера образуется благодаря тому, что нѣкоторыя изъ безчисленныхъ мириадъ названныхъ первичныхъ атомовъ производятъ, съ своей стороны, вихрь (vortex) въ грубѣйшихъ агрегатахъ матеріи своей собственной сферы, и такой первичный атомъ, заключенный въ спиральную окружность изъ грубѣйшихъ комбинацій седьмой сферы, становится тончайшей единицей духа — матеріи или первичнымъ атомомъ *шестой сферы*. Эти атомы шестой сферы и ихъ безконечныя комбинаціи образуютъ подраздѣленія духа — матеріи шестой сферы. Атомъ шестой сферы, въ свою очередь, вызываетъ вихревое движеніе въ грубѣйшихъ агрегатахъ своей собственной сферы и, ограниченный стѣною этихъ грубѣйшихъ агрегатовъ, становится тончайшей единицей духа — матеріи или первичнымъ атомомъ *пятой сферы*.

Въ свою очередь и эти атомы пятой сферы и ихъ комбинаціи образуютъ подраздѣленія духа — матеріи пятой сферы. Тотъ же процессъ повторяется при послѣдовательномъ образованіи духа — матеріи *четвертой, третьей, второй и первой сферы*. Такимъ образомъ возникаютъ семь великихъ областей вселенной, поскольку дѣло идетъ о ихъ матеріальныхъ составныхъ частяхъ. Болѣе ясное представленіе о нихъ читатель получитъ по аналогіи, когда мы овладѣемъ видоизмѣненіями духа — матеріи нашего собственнаго *физическаго міра* *).

Слово „духъ — матерія“ употребляется преднамѣренно. Оно должно указывать на тотъ фактъ, что въ мірѣ нѣтъ такой вещи, какъ „мертвая“ матерія; вся матерія живетъ, тончайшія частицы ея суть *жизни*. Наука права, утверждая, что „нѣтъ силы безъ матеріи, и нѣтъ матеріи безъ силы“. То и другое соединено вмѣ-

*) Читатель можетъ быть скорѣе уяснить себѣ наше изложеніе, если будетъ мыслить атомы 5-ой сферы какъ *Atmā*, атомы 4-ой сферы какъ *Atmā*, заключенную въ матерію *Buddhi*; атомы 3-ей сферы какъ *Atmā*, заключенную въ матерію *Buddhi* и *Manas*; атомы 2-ой сферы какъ *Atmā*, облеченную въ матерію *Buddhi—Manas—Kamā*; атомы самой низшей сферы какъ *Atmā*, облеченную въ матерію *Buddhi—Manas—Kamā* и *Sthūla*. Только наружные атомы дѣятельны въ каждомъ случаѣ, но и внутреннее пребываетъ тамъ же, хотя въ скрытомъ видѣ, готовое вступить въ дѣятельное проявленіе, когда эволюціонный процессъ начнетъ подниматься по восходящей линіи.

стѣ въ нерасторжимый бракъ на протяженіи всей жизни вселенной и никто и ничто не можетъ расторгнуть этотъ союзъ. Матерія есть форма, и нѣтъ формы, которая не служила бы выраженіемъ для жизни; духъ есть жизнь, и нѣтъ жизни, которая не была бы ограничена формой. Даже и Логосъ, верховный Владыка Жизни, проявляясь, облекается во Вселенную, которая и служить для Него формой, и то же самое повторяется вездѣ, вплоть до мельчайшаго атома.

Эта *инволюція* жизни Логоса, какъ силы, одушевляющей каждую частицу матеріи, и послѣдовательное закутываніе ея въ матерію каждой сферы, такъ что матеріалы каждой изъ семи сферъ вселенной заключаютъ внутри себя, *въ скрытомъ состояніи*, всѣ возможности (потенціальности) формъ и силъ всѣхъ сферъ, какъ вышихъ, такъ и ихъ собственной сферы; эти два фактора: *инволюція жизни* и *скрытыя возможности*, таящіяся въ каждомъ атомѣ проявленной матеріи, обезпечиваютъ эволюцію и даютъ каждой ничтожной частицѣ матеріи возможность, разъ ея скрытыя свойства превратятся въ активныя силы, войти въ составъ самыхъ высокихъ существованій. Въ дѣйствительности, идея эволюціи можетъ быть выражена въ одной фразѣ: это — *скрытыя потенциальности, становящіяся активными силами*.

Вторая великая волна эволюціи, эволюція формы, и третья волна, эволюція самосознанія, будутъ рассмотрѣны въ дальнѣйшихъ главахъ этой книги. Эти три эволюціонные потока по отношенію развитія челоуѣчества можно опредѣлить такъ: образованіе матеріаловъ, построеніе дома и ростъ обитателя дома, или, какъ сказано выше, эволюція *духа—матеріи*, эволюція *формы* и эволюція *самосознанія*. Если читатель овладѣетъ этой идеей, онъ найдетъ въ ней ключъ, который поможетъ ему разобраться въ запутанномъ лабиринтѣ фактовъ.

Теперь мы можемъ обратиться къ подробному рассмотрѣнію физической сферы, той, на которой протекаетъ жизнь нашей земли и къ которой принадлежать и наши тѣла.

Когда мы рассматриваемъ матеріалы, присущіе этой сферѣ, насъ поражаетъ ихъ огромное разнообразіе, неисчислимыя различія въ составахъ окружающихъ насъ минераловъ, растений, животныхъ, которые всѣ различаются по своимъ составнымъ частямъ: жесткимъ или мягкимъ, прозрачнымъ или непрозрачнымъ, хрупкимъ или гибкимъ, горькимъ или сладкимъ, пріятнымъ или непріятнымъ, окрашеннымъ или безцвѣтнымъ. Изъ всего этого смѣшенія выдѣляются три подраздѣленія матеріи какъ основная классификація:

націй, *четвертое* изъ еще болѣе сложныхъ, но во всѣхъ случаяхъ комбинаціи эти дѣйствуютъ какъ единицы; *третье* подраздѣленіе состоитъ изъ комбинацій еще болѣе сложныхъ, разсматриваемыхъ химиками какъ газообразные атомы *элементовъ*, и въ этомъ подраздѣленіи многія комбинаціи получили опредѣленные названія, какъ: кислородъ, водородъ, азотъ, хлоръ и т. д.; точно такъ же получаютъ названія и всѣ вновь открываемыя комбинаціи. *Второе* подраздѣленіе состоитъ изъ комбинацій въ жидкомъ состояніи, причисляютъ ли ихъ къ элементамъ, какъ бромъ, или къ соединеніямъ, какъ вода. *Первое* подраздѣленіе состоитъ изъ всѣхъ твердыхъ веществъ, разсматриваются ли они какъ элементы, въ родѣ золота, свинца, іода и т. д., или какъ соединенія, каковы: дерево, камень, известь и т. п.

Физическая сфера можетъ служить читателю моделью, по аналогіи съ которой онъ въ состояніи будетъ создать себѣ идею о подраздѣленіяхъ матеріи и въ остальныхъ сферахъ вселенной. Если Теософъ говоритъ о планѣ или сферѣ, онъ подразумѣваетъ область, заключающую въ себѣ духъ—матерію, всѣ комбинаціи которой происходятъ отъ опредѣленнаго рода атомовъ; эти атомы, въ свою очередь, суть однородныя единицы, оживленныя жизнью Логоса, скрытую подъ бѣльшимъ или меньшимъ числомъ покрововъ, въ зависимости отъ сферы, къ которой они принадлежать; что касается до ихъ происхожденія, то его нужно всегда искать въ низшемъ подраздѣленіи матеріи той сферы, которая непосредственно предшествуетъ собственной сферѣ изслѣдуемыхъ атомовъ. Такимъ образомъ планъ или сфера являетъ собою и естественное подраздѣленіе въ природѣ, и метафизическую идею.

До сихъ поръ мы изучали результаты развитія духа—матеріи въ нашей физической средѣ, которая, по отношеніи всей нашей солнечной системы, составляетъ самое низшее ея подраздѣленіе. Въ теченіе безконечныхъ вѣковъ происходилъ этотъ процессъ созиданія *матеріаловъ*, этотъ эволюціонный потокъ духа—матеріи, и въ составѣ нашего земного міра мы видимъ результатъ этого процесса.

Но когда мы начнемъ изученіе жителей физической среды, мы подойдемъ къ эволюціи *формы*, къ построенію организмовъ изъ этихъ матеріаловъ.

Когда эволюція матеріаловъ достаточно подвинулась, тогда вторая великая жизненная волна, исходящая изъ Логоса, даетъ импульсъ эволюціи формы и Логосъ становится организующей

силой *) Своей вселенной, при чемъ безчисленные сонмы Сущностей, именуемыхъ Строителями **), принимаютъ участіе въ строительствѣ формъ изъ всевозможныхъ комбинацій духа—матеріи.

Жизнь Логоса, пребывающая въ каждой формѣ, есть ея центральная, контролирующая и направляющая энергія. Строительство формъ на высшихъ планахъ бытія не можетъ быть предметомъ нашего изслѣдованія въ данное время; достаточно будетъ сказать, что всѣ формы существуютъ какъ Идеи въ Разумѣ Логоса, и что Идеи эти изливались путемъ упомянутой второй жизненной волны, дабы послужить образцами для Строителей. Во второй и третьей сферахъ первичныя комбинаціи духа—матеріи имѣютъ цѣлью вызвать въ матеріи пластичность, способность облекаться въ организованную форму, дабы *дѣйствовать какъ единицы* и постепенно развивать все большую устойчивость въ матеріалахъ, формирующихся въ опредѣленные организмы. Этотъ процессъ совершался во второй и третьей сферахъ, въ такъ-называемыхъ трехъ элементарныхъ царствахъ; всѣ комбинаціи матеріи, образовавшіяся здѣсь, носятъ обыкновенно названіе „элементарная сущность (эссенція)“; послѣдняя отливается въ разнообразныя формы, существованіе которыхъ длится нѣкоторое время, послѣ чего онѣ распадаются на составныя части. Излитая жизнь или Монада развивалась, проходя черезъ три названныя элементарныя царства, пока не достигала физической сферы, гдѣ она начинала стягивать эфирныя частицы и соединять ихъ въ хрупкія формы, внутри которыхъ двигались жизненные токи; въ эти формы вносились построенія изъ болѣе твердаго матеріала, послужившія основой для первыхъ минераловъ. Въ нихъ, какъ можно убѣдиться при первомъ взглядѣ на рисунки любой книги по кристаллографіи, ясно выступаютъ геометрическія линіи, по которымъ происходитъ построеніе плоскостей кристалла, изъ чего можно убѣдиться, что въ минералахъ идетъ работа жизни, хотя и стѣсненная, замкнутая и сдавленная.

Другимъ указаніемъ на то, что минераль живеть, служить

*) Какъ *Ātmā—Buddhi*, нераздѣлимая въ дѣйстви и поэтому рассматриваемая какъ Монада. Всѣ формы имѣютъ въ *Ātmā—Buddhi* свою контролирующую жизнь.

**) Нѣкоторые изъ нихъ одарены высокимъ Разумомъ, но то же названіе дается и строящимъ духамъ природы. Болѣе подробно объ этомъ въ главѣ XII.

явленіе утомляемости, *) которое наблюдается у металла, но здѣсь достаточно упомянуть, что оккультное ученіе признаетъ въ металлахъ жизнь потому, что ей извѣстны упомянутые процессы инволюціи жизни. Когда нѣкоторые изъ представителей минеральнаго царства достигли достаточной *устойчивости* формы, развивающаяся Монада начинаетъ вырабатывать въ растительномъ царствѣ большую пластичность формы, соединяя это новое свойство *пластичности* съ ранѣе приобретенной *устойчивостью*. Оба эти свойства получаютъ еще болѣе гармоническое выраженіе въ царствѣ животномъ и достигаютъ своей высшей точки равновѣсія въ чловѣкѣ; тѣло послѣдняго, хотя и построено изъ составныхъ частей крайне неустойчиваго равновѣсія, что необходимо для достиженія наивысшей приспособляемости, въ то же время такъ прочно держится въ цѣлости, благодаря соединяющей центральной силѣ, что даже при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ способно противустоять распаденію своихъ составныхъ частицъ.

Физическое тѣло чловѣка состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: твердое тѣло, образующееся изъ составныхъ частей трехъ низшихъ подраздѣленій физической сферы: твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ, и изъ *эфирнаго двойника* сѣро-лиловаго или сѣро-голубого цвѣта, насквозь проникающаго физическое тѣло и состоящаго изъ матерьяловъ, присущихъ четыремъ высшимъ подраздѣленіямъ физической сферы. Главное назначеніе физического тѣла: входитъ въ соприкосновеніе съ физическимъ міромъ, получать впечатлѣнія извнѣ и сообщать о нихъ внутрь; именно эти сообщенія и представляютъ собою тотъ матерьялъ, изъ котораго сознательная, обитающая въ тѣлѣ сущность вырабатываетъ всѣ свои *знанія*. Главное назначеніе эфирнаго двойника: служить проводникомъ для жизненныхъ токовъ, исходящихъ изъ солнца, чтобы они могли быть использованы твердыми частицами физического тѣла. Солнце есть великій резервуаръ электрической, магне-

*) Професоръ Chandra Bose въ Калькуттѣ, въ рядѣ интересныхъ опытовъ, доказалъ, что такъ-называемая неорганическая матерія способна отвѣчать на раздраженія извнѣ такъ же, какъ растительныя и животныя ткани. Онъ устроилъ аппаратъ съ вращающимся цилиндромъ, на которомъ оставляютъ слѣды (въ кривыхъ линіяхъ) отвѣтныя движенія веществъ, подвергаемыхъ раздраженію. Оказалось, что отвѣтныя движенія олова и мускульной ткани одинаковы. Мало того: металлы проявили такіе же признаки утомляемости, какъ и органическія вещества, и такую же чувствительность къ убывающему дѣйствию ядовъ; но что особенно поразительно, они оказались способными оживать подъ влияніемъ противядія (Theos. Review, October 1902, № 128, p. 115—118).

тической и жизненной силы нашей планетной системы, изливающейся в изобилии на нашу землю потоки своей жизненной энергии. Последние воспринимаются эфирными двойниками минералов, растений, животных и людей и превращаются ими в различные жизненные энергии, в которых нуждается каждое из названных существ *). Эфирные двойники втягивают эти токи жизненной энергии, приспособляют их и распределяют по соответственным частям физического тела. Наблюдается, что при могучем здоровье, превращению подвергается большее количество жизненной энергии, чем это необходимо для потребностей самого организма, и весь избыток ее излучается наружу, где он воспринимается и используется более слабыми организмами. То, что называется технически *аура здоровья*, есть та часть эфирного двойника, которая выступает на несколько сантиметров за пределы физического тела, посылая излучения по всем направлениям. Эти излучения понижаются, когда жизненные силы падают ниже нормы здоровья, и снова выпрямляются с возвращением физической бодрости. Именно эта солнечная энергия, проходящая через эфирные двойники, и изливается магнетизером для укрепления слабых и для лечения больных, хотя при этом часто применяются токи более разряженного вида. Вот отчего происходит истощение у магнетизера, если он переходит границу и расходует свою жизне-энергию черезмерно. Ткани человеческого тела бывают или грубые или тоньше, в зависимости от тех матерьялов, которые извлекаются из физической среды для образования тканей. Каждое подразделение материи доставляет более тонкие или более грубые матерьялы.

Чтобы убедиться в этом, стоит только взглянуть одновременно на мясника и на духовно-развитого ученого: у обоих тело состоит из твердых частиц, но в этих частицах какая разница!

Далее мы знаем, что грубое тело может быть утончено, а утонченное—огрубеть. Тело постоянно изменяется, каждая его частица есть жизнь, и жизни эти приходят и уходят из него. Он притягивается к телу, соответствующему им, и отталкивается от такого, которое не согласуется с ними. Чистое тело отталкивает грубые частицы потому, что последние вибрируют несоответ-

*) Присвоенная отдельным существам общая жизнь (Jiva) получает название Prâna и она становится жизне-дыханием каждого существа. Следовательно, этим именем всемирная жизнь называется тогда, когда она заключена в воплощенном существе и поддерживает его отдельное бытие.

ственно с вибрациями его собственных частиц; наоборот, грубое тело притягивает их к себе, так как быстрота их вибраций совпадает с его собственными. Следовательно, если тело начинает вибрировать быстрее, оно постепенно выбрасывает из себя все составные частицы, неспособные приспособиться к новому ритму, и заполняет их место новыми частицами, способными гармонизировать с ним. Природа дает матерьялы, вибрирующие самым разнообразным образом, и каждому отдельному телу предоставлено самостоятельно производить из них свой естественный подбор.

В более ранний период строительства человеческих тел, этот подбор производился помимо человека, но теперь, когда человек достиг самосознания, он сам определяет состав своего тела. Своими мыслями он дает тон всей музыке своего существа и производит ритм, который наиболее сильно влияет на постоянные изменения, непрестанно совершающиеся в его физическом и других телах.

По мере того, как его знания увеличиваются, он убеждается, что можно перестроить свое физическое тело, употребляя более чистую пищу, и что можно сделать его более покорным воле человека. „Чистая пища, чистый ум и постоянное памятование о Боге“—так выражается путь очищения. Как высшее из всех живущих в физической среде существ, человек является в известной степени наместником Логоса, отвечающим по мере сил за порядок, мир и благоденствие на земле; долг же этот не выполним без упомянутых трех условий.

Физическое тело, построенное из элементов всех подразделений физической сферы, способно воспринимать всевозможные впечатления своей сферы и отвечать на них.

Самые первые соприкосновения будут и самые простые и грубые, но по мере того, как жизнь изнутри посылает ответные вибрации на возбуждения извне, приводя молекулы физического тела в соответствующие колебания, на поверхности всего тела начинается развиваться чувство осязания, иначе: распознавание всего, что приходит в соприкосновение с физическим телом. По мере того, как развиваются специальные органы чувств для восприятия всех родов вибраций, вырастает и значение тела как будущего носителя *сознательной сущности* в физической среде. Чем более число впечатлений, на которые оно может отвечать, тем полезнее становится тело; ибо только те из высших впечатлений могут достигнуть до сознания, на

которыя оно способно отвѣчать. Даже и теперь существуютъ мириады вибрацій, пульсирующихъ вокругъ насъ въ пространствѣ, на которыя мы не способны отвѣчать благодаря тому, что наше физическое тѣло еще не способно ихъ воспринять и вибрировать въ гармоніи съ ними. Невообразимыя красоты, восхитительные звуки, нѣжныя тончайшія явленія, прикасаясь къ стѣнамъ нашей тюрьмы, пронесаются мимо, не замѣченныя нами. Еще не развилось совершенное тѣло, совершенный проводникъ, который былъ бы способенъ вибрировать въ отвѣтъ на жизненный пульсъ *всей* природы, въ родѣ того, какъ эолова арфа способна отвѣчать на легчайшія дуновения вѣтерка.

Тѣ вибраціи, которыя физическое тѣло въ состояніи воспринимать, оно переноситъ въ физическіе центры, принадлежащіе къ его высокосложной нервной системѣ. Эфирныя вибраціи, которыя сопровождаютъ вибраціи болѣе плотныхъ физическихъ составныхъ частей, воспринимаются подобнымъ же образомъ эфирнымъ двойникомъ и передаются своимъ соотвѣтствующимъ центрамъ. Большинство вибрацій въ плотной матеріи переходятъ въ химическую, тепловую и другія формы физической энергіи, тогда какъ эфирныя вибраціи даютъ начало магнетическимъ и электрическимъ явленіямъ, и онѣ же передаются астральному тѣлу, откуда, какъ мы увидимъ дальше, онѣ достигаютъ до центра сознанія. Вотъ какимъ образомъ вѣсти изъ внѣшняго міра достигаютъ до сознающей сущности, временно пребывающей въ физическомъ тѣлѣ. По мѣрѣ того, какъ проводники, передающіе впечатлѣнія изъ внѣшняго міра, упражняются и развиваются, и сознающая сущность растетъ, питаясь тѣмъ матерьяломъ, который проводники доставляютъ ей сознанію; но и по сіе время человѣкъ еще такъ мало развитъ, что даже его эфирный двойникъ еще не достигъ той гармонической законченности, чтобы регулярно передавать сознанію впечатлѣнія, получаемыя имъ независимо отъ своего физического двойника, и чтобы запечатлѣвать ихъ въ физическомъ мозгу. Когда это ему отъ времени до времени удается, тогда мы имѣемъ низшую ступень ясновидѣнья, способность видѣть эфирные двойники физическихъ объектовъ, а также и тѣ существа, у которыхъ эфирное тѣло является наружнымъ покровомъ.

Человѣкъ заключенъ, какъ мы это увидимъ, въ различныя тѣла или проводники: физическій, астральный, ментальный *), и

*) Тѣло мысли.

необходимо помнить, что на пути нашего развитія разсуждаетъ и контролируетъ ранѣ другихъ сознаній сознаніе нашего физического проводника. Физическій мозгъ представляетъ собою орудіе человеческого сознанія во время бодрствованія въ физической средѣ, и въ недоразвитомъ человѣкѣ сознаніе работаетъ въ физическомъ мозгу несравненно отчетливѣе, чѣмъ въ остальныхъ проводникахъ. Его потенціальность, т. е. возможность развитія, гораздо ограниченнѣе, чѣмъ у болѣе тонкихъ проводниковъ, зато его силы на настоящей ступени развитія значительнѣе, и современный человѣкъ познаетъ себя какъ „я“ прежде всего въ своемъ физическомъ тѣлѣ. Но если бы онъ былъ и развитѣ средняго человѣка, все же онъ можетъ проявить на землѣ только то, что способно быть переданнымъ его физическимъ организмомъ, ибо сознаніе можетъ проявляться въ физической средѣ только въ той мѣрѣ, въ какой физическій проводникъ способенъ выражать его.

Физическое и эфирное тѣла не раздѣляются во время земной жизни; нормально они функционируютъ вмѣстѣ, какъ высокія и низкія струны одного инструмента, когда изъ него извлекается аккордъ, но рядомъ съ этимъ они могутъ выполнять различныя, хотя и однородныя дѣятельности.

Подъ вліяніемъ слабаго здоровья или нервного возбужденія эфирный двойникъ можетъ быть отчасти извлеченъ изъ своего физического плотнаго двойника; послѣдній впадаетъ при этомъ или въ полубезсознательное состояніе, или въ трансъ, смотря по меньшему или большому количеству выдѣлившейся эфирной субстанции. Анестезирующія средства вызываютъ выдѣленіе большей части эфирнаго двойника и прерываютъ всякое взаимодѣйствіе между сознаніемъ и физическимъ тѣломъ благодаря тому, что соединявшій ихъ мостъ разрушенъ. Въ ненормальныхъ индивидуумахъ, называемыхъ медиумами, легко наступаетъ распаденіе твердаго и эфирнаго тѣлъ, при чемъ освободившаяся субстанція эфирнаго тѣла даетъ физическую основу для „материализаціи“.

Во снѣ, когда сознаніе покидаетъ физическое тѣло, бывшее для него проводникомъ во время бодрствованія, физическое и эфирное тѣла остаются вмѣстѣ, но функционируютъ они въ мірѣ сновидѣній до извѣстной степени независимо одно отъ другого.

Впечатлѣнія, испытываемыя въ бодрствующемъ состояніи, воспроизводятся во снѣ автоматически, и оба мозга—физическій и эфирный, наполняются безсвязными, обрывочными картинками, при чемъ вибраціи того и другого сталкиваются и вызываютъ всевозможныя причудливыя комбинаціи. Точно такъ же и вибраціи извнѣ

влияют на оба проводника; однородные токи изъ астральной сферы легко вызываютъ сновидѣнія, соотвѣтствующія представленіямъ, часто повторявшимся у спящаго во время бодрствованія. Чистота или нечистота бодрствующаго сознанія отразится на возникающихъ во снѣ картинахъ, будутъ ли онѣ возникать самопроизвольно, или же будутъ вызваны извнѣ.

Когда наступаетъ смерть, эфирное тѣло извлекается изъ своего физическаго двойника удаляющимся сознаніемъ; магнетическая связь, существовавшая между обоими тѣлами при жизни, обрывается, и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ сознаніе остается какъ бы окутаннымъ въ эту эфирную одежду. Въ ней она появляется иногда близкимъ людямъ, имѣя видъ облачной фигуры, съ очень тупымъ сознаніемъ и безъ словъ, это—то, что мы называемъ привидѣніемъ. Когда же сознательная сущность покидаетъ и эфирное тѣло, послѣднее можно увидеть какъ бы парящимъ надъ могилой, въ которой положенъ его физическій двойникъ, и медленно падающимъ на составныя части.

Когда наступаетъ время новаго воплощенія, эфирный двойникъ строится ранѣе физическаго тѣла; послѣднее, въ утробномъ своемъ періодѣ, точно копируетъ его. Оба тѣла—физическое и эфирное—намѣчаютъ собою тѣ ограниченія, въ предѣлахъ которыхъ сознательная суть человѣка должна жить и проявляться въ теченіе земного своего существованія. Послѣдній вопросъ мы рассмотримъ подробнѣе въ девятой главѣ, которая будетъ посвящена Кармѣ.

Астральная сфера.

ГЛАВА II.

Астральная сфера представляетъ собою космическую область, ближайшую къ физической, если слово „ближайшая“ возможно допустить въ этомъ смыслѣ.—Въ астральной сферѣ жизнь дѣлательнѣе, чѣмъ въ физической, и формы тамъ гораздо болѣе пластичны. Духъ—матерія этой сферы обладаетъ свойствами несравненно болѣе энергичнаго и тонкаго проводника жизнѣдѣтельности, чѣмъ какая бы то ни было ступень духа-матеріи въ физическомъ мірѣ. Ибо, какъ мы уже видѣли, первичный физическій атомъ, состоящій изъ тончайшаго физическаго эфирна, заключенъ въ безчисленные агрегаты наиболѣе грубой астральной матеріи: употребленное нами слово „ближайшая“ не совсѣмъ подходяще потому, что вызываетъ представленіе о міровыхъ сферахъ, какъ о концен-

трическимъ кругамъ, при чемъ одна сфера кончается тамъ, гдѣ другая начинается. Вѣрнѣе было бы разсматривать ихъ, какъ концентрически взаимно проникающихъ одна другую, раздѣленныхъ между собой не разстояніемъ, а разницей въ построеніи атомовъ. Такъ же, какъ воздухъ проникаетъ воду, какъ эфиръ проникаетъ самую твердую матерію, такъ же и астральная матерія проникаетъ все физическое. Астральный міръ надъ нами, подъ нами, со всѣхъ сторонъ вокругъ насъ и внутри насъ; мы живемъ и движемся въ немъ, но онъ неощутимъ, невидимъ, неслышенъ, потому, что темница нашего физическаго тѣла замыкаетъ насъ отъ негдѣ физическія частицы тѣла слишкомъ грубы, чтобы придать въ колебаніе отъ прикосновенія астральной матеріи.

Въ этой главѣ мы будемъ изучать астральный міръ въ его общихъ чертахъ, оставивъ пока въ сторонѣ тѣ особыя условія астральной жизни, которыя окружаютъ человѣческія существа во время ихъ прохожденія послѣ смерти отъ земли къ небу *).

Духъ—матерія астральной сферы существуетъ въ семи подраздѣленіяхъ такъ же, какъ мы это видѣли относительно физической сферы. Тамъ, какъ и здѣсь, существуютъ безчисленные сочетанія, образующія твердыя, жидкія, газообразныя и эфирныя части астральной матеріи. Но тамъ даже наиболѣе матеріальныя формы обладаютъ свѣтлостью и прозрачностью по сравненію съ физическими формами, что и дало поводъ къ названію *астральной* или *звѣздной*, опредѣленіе въ общемъ неудачное, но слишкомъ уже установившееся, чтобы быть измѣненнымъ. Такъ какъ не имѣется специальныхъ именъ для подраздѣленій астральной дух-матеріи, мы будемъ пользоваться опредѣленіями, установленными для земного міра. Главная мысль, которой необходимо овладѣть, состоитъ въ томъ, что астральные объекты являются комбинаціями астральной матеріи, такъ же, какъ физическіе объекты—комбинаціи физической матеріи, и что общій видъ астральнаго міра весьма схожъ съ земнымъ міромъ, что вполне естественно, такъ какъ большая его часть наполнена астральными двойниками физическихъ объектовъ.

Но одна особенность поражаетъ и смущаетъ непривычнаго наблюдателя; отчасти потому, что астральныя тѣла прозрачны, отчасти и по самому свойству астральнаго воспріятія (сознаніе менѣе стѣснено, когда его проводникомъ является не физическая, а тонкая

*) Деваканъ—счастливое или свѣтлое состояніе, есть теософическое названіе неба. Kāmaloka—мѣсто желаній,—названіе, данное условіямъ промежуточной жизни въ астральной сферѣ.

астральная матерія): особенность эта состоитъ въ томъ, что въ астральномъ все видимо насквозь, задняя часть предмета такъ же, какъ и передняя, внутреннее такъ же, какъ и наружное. По этому необходима извѣстная опытность, необходимо сперва научиться видѣть астральные предметы правильно, и человѣкъ съ развитымъ астральнымъ зрѣніемъ, но еще не достаточно опытный въ его примѣненіи, можетъ получить самыя превратныя впечатлѣнія и впасть въ самыя удивительныя ошибки.

Другая поразительная особенность астральнаго міра, способная повергнуть въ сильное смущеніе, это быстрота, съ которой всѣ формы, особенно же астральныя, связанныя съ земной основой, мѣняютъ свои очертанія.

Астральное существо можетъ измѣнить весь свой видъ съ самой поражающей быстротой, потому что астральная матерія принимаетъ опредѣленную форму подъ вліяніемъ cadaго воздѣйствія мысли, жизненное начало быстро измѣняетъ свои формы, чтобы проявить себя въ новыхъ выраженіяхъ. Когда великая „жизненная волна“ эволюціи формъ проходила черезъ астральную сферу, организуя тамъ третье элементарное царство, тогда Монада притянула вокругъ себя третье элементарное царство, тогда Монада придавъ этимъ комбинаціямъ, такъ называемой „элементарной эссенціи“, яркую жизнеспособность и свойство немедленно принимать новую форму подъ вліяніемъ вибраціи той или другой мысли. Эта „элементарная эссенція“ существуетъ въ сотняхъ разновидностей, въ каждомъ подраздѣленіи астральной сферы, дѣляясь видимой, какъ на землѣ—во время сильной жары—бываютъ видимы дрожашія волны воздуха, и переливаясь, вслѣдствіе постоянного волнообразнаго движенія, подобно перламутру, всѣми оттѣнками радуги. Эта атмосфера „элементарной эссенціи“ отзывается на всѣ вибраціи мыслей, чувствъ и желаній, и она приходитъ въ волненіе отъ ихъ напора, подобно пузырямъ въ кипящей водѣ *).

Продолжительность формы зависитъ отъ силы импульса, которому она обязана своимъ возникновеніемъ; ясность ея очертаній зависитъ отъ отчетливости мысли, а окраска—отъ качества (духовнаго, интеллектуальнаго или страстнаго) создавшей ее мысли.

Расплывчатыя неясныя мысли, которыя такъ обычны въ неразвитыхъ умахъ, достигая астральной сферы, собираютъ вокругъ себя расплывчатыя облака „элементарной эссенціи“ и носятся вокругъ, привлекаясь къ другимъ облакамъ такого же характера,

обволакивая астральныя тѣла людей, магнетизмъ которыхъ притягиваетъ ихъ, и затѣмъ, черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, распаясь на составныя части, чтобы снова слиться съ общей атмосферой „элементарной эссенціи“. Пока такая форма-мысль сохраняетъ отдѣльное существованіе, она—живая сущность съ тѣломъ изъ „элементарной эссенціи“, одушевленнымъ жизнью той мысли которая создала ее, и тогда она носитъ названіе „искусственнаго элемента“. Ясныя, отчетливыя мысли имѣютъ, каждая, свою опредѣленную форму съ ясными, чистыми очертаніями, и онѣ представляютъ собою безконечное разнообразіе рисунковъ. Онѣ формуются вибраціями, вызванными мыслью, совершенно такъ же, какъ въ физической средѣ, различныя формы образуются вибраціями, вызванными звукомъ. „Звуковыя формы“ представляютъ хорошую аналогію „мысли-формамъ“, ибо природа, не смотря на все свое безконечное разнообразіе, чрезвычайно консервативна въ своихъ основахъ и воспроизводитъ одни и тѣ же созидательные методы въ послѣдовательныхъ проявленіяхъ своихъ различныхъ царствъ. Ясно очерченныя „искусственные элементы“ проявляютъ болѣе продолжительную и болѣе дѣятельную жизнь, чѣмъ ихъ расплывчатые собратья, производя гораздо болѣе сильное вліяніе на астральныя тѣла (и черезъ нихъ на сознаніе) тѣхъ, къ кому они притягиваются. Они производятъ въ этихъ послѣднихъ вибраціи, подобныя своимъ, и такимъ образомъ, мысли переходятъ отъ одного ума къ другому, безъ всякаго физическаго проводника. Болѣе того, онѣ могутъ быть направлены къ любому лицу, котораго, создавшій ихъ, желалъ бы достигнуть, при чемъ сила ихъ зависитъ отъ силы его воли и отъ сосредоточенности его умственной энергіи.

Среди людей средняго типа, „искусственные элементы“, созданные чувствомъ или желаніемъ, гораздо сильнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ созданные мыслью.

Такъ, взрывъ злобы создаетъ совершенно опредѣленно очерченную сильную молнію краснаго цвѣта, а сосредоточенная злоба вызываетъ къ жизни опасный элементъ краснаго цвѣта, съ острыми или крючковатыми углами, приспособленными къ тому, чтобы нанести вредъ.—Любовь, соотвѣтственно своему качеству, создастъ формы болѣе или менѣе прекрасныя по рисунку и цвѣту, всѣхъ оттѣнковъ кармина до самыхъ очаровательныхъ нѣжно розовыхъ тоновъ, подобныхъ блѣдной зарѣ; подобнаго цвѣта бываютъ нѣжныя, и въ то-же время сильныя охраняющія мысли-формы. Молитвы любящей матери роятся вокругъ ея сына, принимая

*) С. К. Leadbeater. *Astral Plane*, p. 52.

форму ангеловъ, отвлекающихъ отъ него дурныя вліянія, которыя, быть можетъ, вызываются его собственными мыслями. Отличительное свойство этихъ „искусственныхъ элементарей“ въ томъ, что будучи направлены къ опредѣленной личности, они одушевлены единымъ стремленіемъ: выполнить волю создавшего ихъ. Охраняющей элементаря будетъ витать вокругъ того, къ кому онъ направленъ, ища случая, чтобы отвлечь отъ него злыя вліянія или привлечь къ нему нѣчто доброе, бессознательно, какъ бы слѣпымъ импульсомъ разыскивая линію наименьшаго сопротивленія. Точно такъ же элементаря, одушевленный злой, мстительной мыслью, будетъ рыскать вокругъ своей жертвы, ища случая, чтобы повредить ей. Но ни первый, ни второй элементаря не произведетъ никакого впечатлѣнія, если астральное тѣло объекта не имѣетъ ничего общаго съ ними, чего либо, что могло бы отвѣчать гармонически на ихъ вибраціи и тѣмъ способствовать соединенію ихъ съ астральнымъ тѣломъ объекта. Если же въ послѣднемъ совѣмъ нѣтъ родственныхъ имъ составныхъ частей, они, по закону своей природы, отпрянувъ отъ него, возвращаются тѣмъ же путемъ, какимъ направлялись къ нему, по магнетическому слѣду, оставленному ими, и затѣмъ обрушиваются на своего же создателя съ силою, соотвѣтствующей силѣ ихъ отправления.

Такъ, мысль смертельной злобы, будучи безсильной поразить того, на кого она была брошена, поражала на смерть посланшаго ее... Такіе факты бывали провѣрены; точно такъ же и добрыя мысли, посылаемая недостойному, возвращаются назадъ, въ видѣ благословенія, къ тому, который направилъ ихъ. Такимъ образомъ, даже поверхностное пониманіе астральнаго міра можетъ стать сильнымъ толчкомъ для правильнаго мышленія и создать чувство ответственности по отношенію къ мыслямъ, желаніямъ и чувствамъ, которыя мы такъ легкомысленно выпускаемъ въ астральный міръ. Рышущихъ хищныхъ звѣрей, разрывающихъ на части и пожирающихъ, вотъ что представляютъ изъ себя нѣкоторыя изъ мыслей, которыми люди населяютъ астральную сферу. Но они не вѣдаютъ, что творятъ. Вотъ почему одною изъ задачъ теософическаго ученія является легкое приподнятіе завѣсы, скрывающей отъ насъ невидимыя міры, чтобы дать людямъ болѣе сознательную основу для поведенія, болѣе разумную оцѣнку тѣхъ невидимыхъ причинъ, послѣдствія которыхъ мы видимъ проявленными въ земномъ мірѣ.

И немногія изъ теософическихъ доктринъ столь важны въ своемъ этическомъ значеніи, какъ ученіе, касающееся созданія и направленія мысле-формъ, ибо благодаря ему человѣкъ узнаетъ,

что его сознаніе касается не только его одного, что мысли его не остаются при немъ, а высылаются имъ въ міръ людей, гдѣ онѣ вліяютъ подобно ангеламъ или демонамъ, за что отвѣтственъ онъ одинъ. Пусть же люди узнаютъ законъ, и начнутъ направлять свои мысли сообразно закону.

Если же мы возьмемъ „искусственные элементаря“ не врозь, а въ цѣлой массѣ, легко вообразить себѣ какое огромное вліяніе имѣютъ они, созидая національныя и расовыя чувства и кладя такимъ образомъ основаніе для ограниченія сознанія и для предразсудковъ. Мы всѣ растемъ, окруженные атмосферой, наполненной элементарями, воплощающими извѣстныя идеи: національные предразсудки, національные взгляды на всевозможные вопросы, національные оттѣнки чувствованій и мыслей, все это дѣйствуетъ на насъ съ минуты рожденія. Мы видимъ все сквозь эту атмосферу, каждая мысль болѣе или менѣе преломляется въ ней, и наши собственныя астральныя тѣла вибрируютъ въ созвучіи съ ней. Отсюда разница, съ которой на ту же самую идею посмотритъ Индусъ, Англичанинъ, Испанецъ и Русскій; нѣкоторыя понятія, легко усваиваемыя однимъ, будутъ почти недоступны для другого, обычаи, стихійно привлекательные для одного, будутъ такъ же стихійно противны для другого. Мы всѣ подпадаемъ подъ власть нашей національной атмосферы, т. е. той части астральнаго міра, который непосредственно окружаетъ именно насъ.

Мысли другихъ, сформованныя подобно нашимъ, вліяютъ на насъ и вызываютъ гармоническія вибраціи; онѣ усиливаютъ точки нашихъ соприкосновеній съ окружающею насъ средой и сглаживаютъ различіе въ мысляхъ, и это неустанное воздѣйствіе на насъ извнѣ, черезъ наше астральное тѣло, кладетъ на насъ національное клеймо и прокладываетъ готовые пути для умственной энергіи, куда мысли и вливаются съ наибольшей легкостью. Во снѣ и наяву,—эти токи мыслей дѣйствуютъ на насъ, и самая наша слѣпота относительно нихъ дѣлаетъ ихъ вліяніе на насъ еще болѣе дѣйствительнымъ. И такъ какъ средніе люди гораздо сильнѣе въ пассивной восприимчивости, чѣмъ въ активномъ творествѣ, они и дѣйствуютъ почти какъ автоматическіе воспроизводители всѣхъ мыслей, достигающихъ до нихъ, и, такимъ образомъ, способствуютъ постоянному усиленію національной атмосферы.

Когда кто-либо становится чувствительнымъ къ астральнымъ вліяніямъ, онъ вначалѣ подпадаетъ, отъ времени до времени, подъ власть непонятнаго и на видъ неразумнаго страха, который нападаетъ на него съ парализующей силою. И какъ бы онъ съ

нимъ ни боролся, все же онъ чувствуетъ этотъ страхъ. Вѣроятно, мало найдется людей, которые не испытывали бы до нѣкоторой степени этого страха, этой тяжелой боязни передъ чѣмъ то невидимымъ, ощущеніе чьего-то присутствія, сознание, что ты „не одинъ“. Это происходитъ отчасти вслѣдствіе извѣстной враждебности, которая возбуждаетъ стихійный міръ элементарей противъ человѣка, благодаря различнымъ разрушительнымъ дѣятельностямъ человѣка на землѣ, отражающимся въ астральномъ мірѣ; а также и въ зависимости отъ множества „искусственныхъ элементарей“ враждебнаго характера, порождаемыхъ человѣческими умами. Мысли ненависти, ревности, мести, горечи, подозрѣнія, недовольства, исходятъ изъ нихъ милліонами, населяя астральную сферу „искусственными элементами“, самая жизнь которыхъ состоитъ исключительно изъ этихъ чувствъ. Рядомъ съ послѣдними, сколько неопредѣленнаго недовѣрія и подозрительности изливается невѣжественными людьми противъ всѣхъ, пути которыхъ не соотвѣтствуютъ ихъ понятіямъ и непонятны для нихъ. Слѣпое недовѣріе ко всѣмъ чужеземцамъ, самоувѣренное презрѣніе, простирающееся въ нѣкоторыхъ провинціяхъ даже на жителей другого графства,—все это также создаетъ дурныя вліянія въ астральномъ мірѣ. Такъ какъ подобныя вліянія исходятъ въ изобиліи отъ насъ, мы этимъ создаемъ слѣпо-враждебную армію въ астральной сферѣ, и, въ отвѣтъ на эту вражду, мы испытываемъ въ нашемъ собственномъ астральномъ тѣлѣ чувство страха, вызываемое враждебными вибраціями, которыя чувствуются нами, но понять которыя мы не въ состояніи.

Помимо „искусственныхъ элементарей“, астральный міръ густо заселенъ, даже если исключить на время всѣ человѣческія существа, которыя путемъ смерти утратили свое физическое тѣло. Есть тамъ и большія толпы „естественныхъ элементарей“, подразделяемыхъ на пять главныхъ отдѣловъ: элементарей эѳира, огня, воздуха, воды и земли. Послѣднія четыре группы назывались въ средневѣковомъ оккультизмѣ саламандрами, сильфами, ундинами и гномами (скажемъ мимоходомъ, что есть еще два класса элементарей, составляющихъ съ предыдущими семь классовъ, но мы не будемъ ихъ касаться, такъ какъ они еще не проявлены). Эти истинныя созданія элементовъ земли, воды, воздуха, огня и эѳира во многомъ причастны къ выполнению дѣятельностей, соединенныхъ съ ихъ собственнымъ элементомъ; они—тѣ проводники, тѣ каналы, черезъ которые дѣйствуютъ божественныя энергіи въ каждой изъ различныхъ областей природы, они—живое выраженіе

закона въ каждой изъ нихъ. Во главѣ cadaго изъ отдѣловъ стоитъ могущественное Существо, какъ бы предводитель великой арміи *), руководящій разумъ всего отдѣла природы, которымъ завѣдуютъ элементарей, состоящіе подъ его контролемъ. Такъ, Агни—богъ огня—является великой духовной сущностью, вѣдающей разнообразными проявленіями огня во всѣхъ сферахъ вселенной и выполняющей свои задачи съ помощью цѣлхъ сонмовъ—элементарей огня. Благодаря пониманію ихъ природы, или же знанію методовъ, посредствомъ которыхъ можно владѣть ими, совершаются такъ называемыя чудеса или магическія дѣйствія, по поводу которыхъ отъ времени до времени появляются отчеты въ періодической печати; происхождение ихъ одинаково, признаются ли они результатомъ магического искусства, или же приписываются помощи „духовъ“, какъ въ случаѣ съ г-мъ Хомъ, который могъ брать пальцами раскаленные уголья изъ пылающаго огня и держать ихъ безнаказанно въ рукѣ.

Левитація—поднятіе на воздухъ безъ всякой видимой поддержки—тяжелаго тѣла, и хожденіе на водахъ, производились въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ помощью элементарей воздуха и воды, хотя иной методъ встрѣчается чаще. Такъ какъ элементы природы входятъ въ составъ человѣческаго тѣла, и тотъ или другой элементъ въ немъ преобладаетъ, глядя по индивидуальному характеру cadaго даннаго человѣка, каждое человѣческое существо находится въ извѣстныхъ отношеніяхъ съ этими элементами, при чемъ наиболѣе дружественны къ нему тѣ, элементъ которыхъ преобладаетъ въ его тѣлѣ. Дѣйствіе этого факта природы въ народѣ приписывается „счастью“; говорятъ: у него „счастливая рука“, или „у него счастливый глазъ“ для посѣва растений, для отысканія подземной воды и т. п. Природа сталкиваетъ насъ постоянно съ оккультными силами, но мы медленно понимаемъ ея намеки. Иногда старинное преданіе скрываетъ въ какой-нибудь пословицѣ или сказкѣ оккультную истину, но мы давно уже переросли всѣ подобныя „предразсудки“.

На астральномъ же планѣ находятся и духи природы—менѣе точно называемые также „элементалями“,—которые завѣдуютъ строеніемъ формъ въ минеральномъ, растительномъ, животномъ и человѣческомъ царствахъ. Есть духи природы, которые строятъ

*) Называется Deva у Индусовъ. Приводимъ санскритскія названія пяти Божествъ или Девъ проявленныхъ элементовъ: Индра—вѣдущій Акашей или эѳиромъ пространства; Агни, властелинъ огня; Павана—воздуха; Варуна—воды, Кшити—земли.

минералы, которые направляют жизненную энергию в растениях, и такие, которые, молекула за молекулой, строят сложные тела животного царства. Они участвуют в созидании и эфирных тел минералов, растений и животных так же, как и физических. Это и есть те феи и эльфы, которые так часто встречаются в сказках, тот „маленький народец“, который играет такую большую роль в народных верованиях каждой нации, прелестная дѣти природы, так презрительно изгнанные современной наукой в дѣтскія, но которые будут возвращены на свою собственную ступень естественной эволюции природы болѣе мудрыми учеными позднѣйшихъ временъ. Вѣ наше одни лишь поэты и оккультисты вѣрятъ вѣ нихъ, — поэты, благодаря интуиции своего гения, оккультисты—благодаря способности видѣть внутреннимъ зрѣніемъ, которая приобрѣтена ими упорными упражненіями. Толпа смѣется и надъ поэтомъ, и надъ оккультистомъ, особенно надъ послѣднимъ, но это не бѣда: мудрость будетъ оправдана будущими поколѣніями. Игра жизненныхъ токовъ вѣ эфирныхъ двойникахъ минераловъ, растений и животных вызвала изъ скрытаго (латентнаго) состоянія астральную матерію, входящую вѣ построение ихъ атомическихъ и молекулярныхъ составныхъ частей. Эти жизненные токи вызвали дрожъ жизни, но вѣ чрезвычайно слабой степени, вѣ минералахъ, и Монада формы, проявляя свою организующую силу, вбирала вѣ себя матеріалы изъ астральнаго міра, а духи природы строили изъ нихъ расплывчато составленную массу, минеральное астральное тѣло. Вѣ растительномъ царствѣ астральныя тѣла уже нѣсколько болѣе организованы, и ихъ характерная особенность „чувствованія“ начинается уже понемногу проявляться. Тупыя и расплывчатые ощущенія благоденствія или неблагополучія замѣчаются у большинства растений, какъ послѣдствіе возрастающей дѣятельности астральнаго тѣла. Они смутно радуются воздуху, дождю, солнечному свѣту и жадно ищутъ его, сторонясь вѣ то же время инстинктивно отъ вредныхъ условій.

Нѣкоторыя растения ищутъ свѣта, нѣкоторыя же—темноты; они отвѣчаютъ на раздраженія и приспосаблиются къ внѣшнимъ условіямъ, а нѣкоторыя ясно выказываютъ чувство осязанія. Вѣ животномъ царствѣ астральное тѣло значительно болѣе развито, оно достигаетъ вѣ высшихъ видахъ животнаго царства настолько опредѣленной организаци, что вѣ состояніи существовать нѣкоторое время и послѣ смерти физическаго тѣла и вести свое независимое существованіе вѣ астральной сферѣ.

Духи природы, вѣдающіе построениемъ животныхъ и чело- вѣческихъ астральныхъ тѣлъ, получили особое названіе „элементалей—желанія“, *) потому что они проникнуты желаніями всякаго рода и постоянно вносятъ свои собственные элементы вѣ построение астральныхъ тѣлъ животныхъ и людей. Они употребляютъ различные виды „элементальной эссенці“, подобной той, изъ которой составлены ихъ собственные тѣла, для построения астральныхъ тѣлъ животныхъ, и послѣднія приобретаютъ этимъ путемъ какъ бы вшитые вѣ остальные части тѣла центры ощущеній и различныхъ дѣятельностей, вызываемыхъ страстями. Эти центры приводятся вѣ дѣятельное состояніе импульсами, которые получаютъ соответствующими физическими органами и передаются посредствомъ эфирныхъ органовъ астральному тѣлу. Животное не вѣ состояніи испытывать удовольствіе или страданіе, если не будетъ затронуто его астральное тѣло. По камню можно ударить, но онъ не почувствуетъ боли, потому что имѣетъ физическія и эфирныя молекулы, но его астральное тѣло еще не сорганизовано; животное ощущаетъ боль отъ удара потому, что обладаетъ астральными центрами чувствованій, и „элементали желаній“ вселили вѣ его тѣло свою собственную природу.

Вѣ виду того, что по отношенію челоѣческаго астральнаго тѣла вѣ работѣ этихъ элементалей появляется новое условіе, мы сперва закончимъ нашъ обзоръ обитателей астральной сферы и затѣмъ уже перейдемъ къ изученію астральнаго челоѣка.

„Тѣла—желаній“ **) или астральныя тѣла животныхъ ведутъ какъ было уже сказано, независимое, хотя и мимолетное существованіе вѣ астральной сферѣ, послѣ того, какъ смерть разрушитъ ихъ физическіе двойники.

Вѣ цивилизованныхъ странахъ эти астральныя тѣла животныхъ прибавляютъ много къ той враждебности, о которой шла выше рѣчь, ибо организованное убиваніе животныхъ на бойняхъ и на охотахъ посылаетъ ежегодно миллионы и миллионы жертвъ вѣ астральный міръ, трепещущихъ отъ ужаса и страданія и отъ страха по отношенію къ челоѣку. Сравнительно небольшое число животныхъ, которымъ даютъ умереть вѣ покоѣ, затеривается вѣ огромныхъ скопищахъ убитыхъ, и отъ враждебныхъ токовъ, посылаемыхъ послѣдними изъ астральнаго міра на челоѣческую и

*) *Kāmadevas*, *kāma*—желаніе, *devas*—ангелы.

**) *Kāma-gūra*, техническое названіе астральнаго тѣла, отъ *kāma*—желаніе и *gūra*—форма.

животную породу, исходятъ такія вліянія, которыя все болѣе и болѣе разъединяютъ ихъ и порождаютъ съ одной стороны—инстинктивное недовѣріе и страхъ, а съ другой—развиваютъ дурныя страсти и жестокость. Эти чувства развились до сильной степени въ недавнее—сравнительно—время холодно разсчитанными методами научной пытки, такъ называемой вивисекціей, невыразимое варварство которой водворило новый ужасъ передъ чело-вѣкомъ въ астральномъ мірѣ *), и увеличило еще болѣе пропасть между чело-вѣкомъ и животнымъ.

Кромѣ того населенія астральнаго міра, которое можно бы назвать нормальнымъ, есть тамъ и проходящіе путники, привлеченные туда различными задачами, которыя нельзя оставить совсѣмъ безъ упоминанія. Нѣкоторые изъ этихъ временныхъ посѣтителей появляются изъ нашего же земнаго міра, тогда какъ другіе спускаются изъ высшихъ міровъ.

Изъ числа первыхъ многіе принадлежатъ къ Посвященнымъ разныхъ степеней, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ—члены Великой Бѣлой Ложи—Гималайскаго или Тибетскаго Братства, какъ его часто называютъ **), тогда какъ другіе состоятъ членами различныхъ оккультныхъ ложъ, разсѣянныхъ по міру, начиная отъ бѣлыхъ и всѣхъ оттѣнковъ переходнаго сѣраго цвѣта, вплоть до черныхъ ***).

Все это люди, живущіе въ физическомъ тѣлѣ, которые научились покидать физическую оболочку по своему желанію и дѣйствовать съ полнымъ сознаниемъ въ астральномъ тѣлѣ. Всѣ они обладаютъ самыми разнообразными степенями знанія и добродѣтелей, и бываютъ какъ добрые, такъ и злые, сильные и слабые, милостивые и свирѣпые. Тамъ встрѣчаются также ученики, еще непосвященные, которые учатся пользоваться сознательно своимъ астральнымъ проводникомъ и которыхъ употребляютъ для выпол-

*) См. главу III о Камалокѣ.

**) Нѣкоторымъ изъ членовъ этой ложи теософическое общество обязано своимъ возникновеніемъ.

***) Оккультисты, воплію безкорыстные и отдавшіеся выполненію божественной Воли, во всякомъ случаѣ стремящіеся къ тому, называются „бѣлыми“. Тогда какъ корыстные, работающіе противъ божественныхъ начертаній—называются „черными“. Расширяющія: безкорыстіе, любовь и благоговѣніе—признаки первыхъ, суживающія: ненависть, гордость, корысть—признаки послѣднихъ. Между этими двумя полюсами можно помѣстить всѣхъ тѣхъ, мотивы которыхъ смѣшаны, и которые еще не сознали необходимости стремиться къ Единству,—этихъ я называю „сѣрыми“. Члены послѣдней категоріи постепенно сливаются или же сознательно присоединяются къ одной изъ двухъ названныхъ группъ, владѣющихъ ясно опредѣленными цѣлями.

ненія задачъ доброжелательныхъ или же злобныхъ, смотря по тому пути, который они избрали.

Затѣмъ мы имѣемъ психиковъ различныхъ степеней; нѣкоторые чрезвычайно подвижны, другіе же странствуютъ въ неясномъ и дремотномъ состояніи, пока ихъ физическія тѣла погружены въ сонъ или находятся въ трансѣ. Безсознательные относительно окружающаго, занятые своими собственными мыслями, какъ бы замкнутые въ своей собственной астральной скорлупѣ, миллионы такихъ астральныхъ тѣлъ носятся въ астральныхъ пространствахъ. Какъ мы увидимъ ниже, сознание, заключенное въ свою астральную оболочку, ускользаетъ изъ физическаго тѣла, когда послѣднее впадаетъ въ сонъ, и переходитъ затѣмъ въ астральную сферу; но сознание остается закрытымъ для окружающаго, пока астральное тѣло не достигнетъ достаточнаго развитія, чтобы проявляться независимо отъ физическаго тѣла.

Иногда въ астральномъ встрѣчается и ученикъ *), который прошелъ черезъ смерть и ожидаетъ почти немедленнаго новаго воплощенія, подъ руководствомъ своего учителя. Онъ находится въ полномъ сознаніи и работаетъ подобно другимъ ученикамъ, которые лишь на время оставили свои физическія тѣла спящими. На извѣстной ступени **) ученику разрѣшается воплотиться немедленно послѣ смерти, и въ этихъ случаяхъ онъ ожидаетъ въ астральной сферѣ подходящихъ условій для новаго рожденія. Проходящая черезъ астральную сферу также и чело-вѣчскія существа, находящіяся на пути къ перевоплощенію; о нихъ будетъ упомянуто позднѣе ***), но они въ прямомъ смыслѣ не принадлежатъ къ общей жизни астральнаго міра, хотя „элементами-желаній“, связанные съ ними по ихъ прошлымъ страстнымъ и чувственнымъ стремленіямъ, собираясь вокругъ нихъ, участвуютъ въ созиданіи для нихъ новаго астральнаго тѣла для предстоящей имъ земной жизни.

Теперь мы обратимся къ изслѣдованію чело-вѣческаго астральнаго тѣла въ періодъ его существованія въ земномъ мірѣ, и будемъ изучать его природу и составъ, а также и его связь съ астральнымъ царствомъ. Мы возьмемъ астральное тѣло а) неразвитаго чело-вѣка, б) средняго чело-вѣка и в) духовно развитаго чело-вѣка.

а) Астральное тѣло неразвитаго чело-вѣка представляетъ собою облачную, расплывчатую, неясно очерченную массу астральной

*) Чела, принятый ученикъ Адепта.

**) См. главу XI „Восхожденіе Чело-вѣка“.

***) См. главу VII о „Первоплощеніи“.

дух-матеріи, содержащей матеріалы, взятые изъ всѣхъ подраздѣлений астральной сферы, но съ большимъ преобладаніемъ субстанции низшаго порядка, вслѣдствіе чего ткань его сравнительно плотна и груба, и способна отвѣчать на всѣ раздраженія, связанные со страстями и вождельніями. Окрашиваніе, вызываемое вибраціями такихъ матеріаловъ—тускло, оно—грязныхъ, пыльныхъ оттѣнковъ: коричневые, мутно-красные, грязно-зеленые являются преобладающими цвѣтами. Въ нихъ нѣтъ ни игры свѣта, ни быстро мѣняющихся цвѣтовыхъ лучей, но различныя страсти проявляются въ нихъ тяжелыми волнами, или же, если страсти сильны, то взрывами молній; такъ половая страсть вызоветъ волну грязно-карминнаго цвѣта, а порывъ злобы—красную молнію съ синеватымъ оттѣнкомъ.

Астральное тѣло обширнѣе физическаго, оно выдѣляется на 10—12 дюймовъ по всѣмъ направленіямъ на той ступени развитія о какой была сейчасъ рѣчь. Центры органовъ чувствъ ясно обозначены и приходятъ въ движеніе, если на нихъ дѣйствовать извнѣ, но въ спокойномъ состояніи жизненные токи медлительны, а астральное тѣло, не возбуждаемое ни снизу—изъ физическаго, ни сверху—изъ ментальнаго міра, остается сонливымъ и безразличнымъ *). Важнымъ признакомъ неразвитаго состоянія астральнаго тѣла является то обстоятельство, что его дѣятельность вызывается скорѣе извнѣ, чѣмъ изъ внутренняго сознанія. Чтобы сдвинуть камень, надо его сперва толкнуть; растеніе поворачивается, привлекаемое свѣтомъ и влагой; животное становится дѣятельнымъ, когда его толкаетъ голодь; мало-развитой человѣкъ долженъ быть понуждаемъ подобнымъ же образомъ. Только на извѣстной ступени развитія умъ становится способнымъ къ самостоятельной инициативѣ.

Центры высшей дѣятельности **), имѣющіе отношеніе къ самостоятельной дѣятельности астральныхъ чувствъ, едва видимы. Человѣкъ, на этой ступени, требуетъ для своего развитія сильныхъ ощущеній всякаго рода, чтобы пробудить природу и понудить ее къ дѣятельности. Тяжелые удары, идущіе изъ внѣшняго міра, будь то удовольствіе или страданіе, необходимы, чтобы будить и подталкивать его къ дѣйствіямъ.

*) Изучавшій этотъ вопросъ легко узнаетъ въ этихъ признакахъ преобладаніе *Tamasic guna*, качества темноты или инертности въ природѣ.

***) Семь *chakras* или колесъ, которыя такъ называются благодаря тому, что, приведенныя въ дѣятельность, они вращаются на подобіе огненныхъ колесъ.

Чѣмъ многочисленнѣе и чѣмъ сильнѣе ощущенія, чѣмъ сильнѣе онъ ихъ почувствуетъ, тѣмъ лучше для его роста. На этой ступени качество имѣетъ небольшое значеніе,—количество и сила, вотъ чтó требуется болѣе всего. Начало нравственности юной человѣческой души заключается въ ея страстяхъ; самое легкое проявленіе безкорыстія въ его отношеніяхъ къ женѣ, къ ребенку или къ другу, будетъ первымъ шагомъ въ верхъ: оно вызоветъ вибраціи въ болѣе тонкой матеріи его астральнаго тѣла, и тѣмъ привлечетъ къ нему „элементальную эссенцію“ подходящаго типа.

Астральное тѣло безпрестанно мѣняетъ свой составъ подъ влияніемъ игры страстей, вождельній, желаній и волненій. Если они доброкачественнаго свойства, они укрѣпляютъ болѣе тонкія частицы астральнаго тѣла, выбрасываютъ грубыя составныя части, замѣняя ихъ болѣе тонкими матеріалами, и притягиваютъ къ астральному тѣлу элементарей благотворнаго качества, которые способны содѣйствовать въ указанномъ обновляющемъ процессѣ. Всѣ дурныя страсти вызываютъ какъ разъ обратное дѣйствіе: укрѣпляютъ грубѣйшія частицы, вытѣсняя болѣе тонкія, и замѣняя ихъ болѣе грубыми составными частями, онѣ привлекаютъ элементарей, помогающихъ процессу порчи и ухудшенія.

Нравственность человѣка и его интеллектуальныя силы въ такомъ зачаточномъ состояніи на той ступени, о которой идетъ рѣчь, что бóльшая часть построеній и перемѣнъ въ его астральномъ тѣлѣ производится—гораздо вѣрнѣе сказать—для него, чѣмъ имъ самимъ. Свойства эти зависятъ скорѣе отъ внѣшнихъ причинъ, чѣмъ отъ личной воли человѣка, потому что на этой низшей ступени развитія человѣкъ подвигается, подталкиваемый гораздо болѣе извнѣ своимъ физическимъ тѣломъ, чѣмъ ведомый изнутри разумомъ.

Это уже признакъ большаго прогресса, когда человѣкъ начинаетъ двигаться подъ влияніемъ своей воли,—своей собственной энергіи, опредѣляя свое дѣйствіе самъ, вмѣсто того, чтобы руководствоваться желаніями, т. е. отвѣтными вибраціями на внѣшнія притяженія или отталкиванія. Во снѣ, астральное тѣло, облекающее сознаніе, освобождается изъ своего физическаго проводника, оставляя его вмѣстѣ съ эфирнымъ двойникомъ въ постели. На этой ступени сознаніе еще не пробуждено въ астральномъ тѣлѣ, ему не хватаетъ тѣхъ сильныхъ соприкосновеній, которыя подстрекаютъ его, пока оно заключено въ физической оболочкѣ, и

единственное, что может вліять на такое недоразвитое астральное тѣло, это—элементы низшаго типа, которые способны вызвать въ немъ вибраціи, могущія отразиться на эфирномъ и физическомъ мозгу и произвести видѣнія животныхъ радостей. Астральное тѣло витаетъ вблизи отъ физическаго, удерживаемое сильнымъ притяженіемъ, и не можетъ удалиться на значительное разстояніе отъ него.

б) Въ человѣкѣ, съ среднимъ нравственнымъ и интеллектуальнымъ уровнемъ, астральное тѣло сдѣлало уже огромный шагъ впередъ, сравнительно съ только что описаннымъ. Оно значительно размѣромъ, его матеріалы гораздо равнѣе по качеству; присутствіе болѣе тонкихъ частицъ придаетъ свѣтящейся видъ всему тѣлу, а появленіе высшихъ эмоцийъ вызываетъ въ немъ прекрасную игру цвѣтовъ. Очертанія его опредѣленны и ясны, вмѣсто неясныхъ и переменчивыхъ, какими они были въ предыдущемъ случаѣ, и оно получаетъ сходство съ своимъ владѣльцемъ. Оно становится подходящимъ проводникомъ для внутренняго человѣка, съ опредѣленной организаціей и устойчивостью, тѣломъ, готовымъ къ дѣятельности и способнымъ поддерживать себя отдѣльно отъ физическаго.

Сохраняя большую пластичность, оно, тѣмъ не менѣе, имѣетъ нормальную форму, къ которой постоянно и возвращается, когда устраняется то или другое давленіе, заставлявшее его измѣнить свои первоначальныя очертанія. Дѣятельность его постоянна и поэтому оно въ безпрестанномъ вибрированіи и проявляетъ безконечное разнообразіе мѣняющихся оттѣнковъ; точно также и „колеса“ ясно видны, хотя они еще и не дѣйствуютъ *).

Оно отвѣчаетъ быстро на всѣ прикосновенія, идущія къ нему черезъ физическое тѣло, и приводится въ дѣятельное состояніе различными вліяніями, которыя направлены на него сознательной сущностью изнутри; память и воображеніе подстрекають его къ дѣйствию и заставляютъ его вліять на свое тѣло вмѣсто того, чтобы быть въ подчиненіи у него. Процессъ очищенія происходитъ въ астральномъ тѣлѣ по тѣмъ же линіямъ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ: изгнаніе низшихъ составныхъ частицъ, благодаря появленію иныхъ вибрацій высшаго порядка, притягиваніе—взамѣнъ выброшенныхъ—болѣе тонкихъ составныхъ частицъ. Но въ настоящій періодъ развитія нравственности и интеллектуальности, дальнѣйшее построе-

*) Здѣсь изучающій этотъ вопросъ долженъ обратить вниманіе на преобладаніе гѣясас гша,—дѣятельнаго начала въ природѣ.

ніе астральнаго тѣла поставлено почти исключительно подъ личный контроль самого человѣка, и оно болѣе не носится, неопредѣленно толкаемое виѣшними воздѣйствіями.

Упражненіями опредѣленно направленной мысли человѣкъ можетъ быстро повліять на свое астральное тѣло и быстро улучшить его. И нѣтъ никакой необходимости, чтобы онъ непремѣнно понималъ *modus operandi*, добываясь успѣха, такъ же какъ нѣтъ необходимости понимать законы свѣта для того, чтобы видѣть.

Во снѣ—это хорошо развитое астральное тѣло освобождается, какъ и прежде, изъ своей физической оболочки, но ни въ какомъ случаѣ не задерживается у нея въ плѣну, какъ въ предыдущемъ случаѣ. Оно блуждаетъ въ астральномъ мірѣ, носимое туда и сюда астральными теченіями, между тѣмъ, какъ сознание, заключенное въ немъ, еще неспособное направлять его движенія, тѣмъ не менѣе бодрствуетъ и наслаждается образами своихъ собственныхъ мыслей, своимъ собственнымъ умственнымъ творчествомъ, и въ то же время оно способно воспринимать и впечатлѣнія черезъ свою астральную оболочку и преобразовывать ихъ въ ментальныя картины. Такимъ образомъ, человѣкъ можетъ пріобрѣтать познанія, находясь внѣ своего тѣла, и можетъ запечатлѣвать ихъ въ мозгу, какъ пророческій сонъ или видѣніе, или же познаніе можетъ и непосредственно проникнуть въ физическое сознание.

в) Астральное тѣло духовно развитого человѣка состоитъ изъ тончайшихъ частицъ каждаго изъ подраздѣленій астральной матеріи, съ большимъ преобладаніемъ частицъ высшаго порядка. Поэтому оно представляетъ собою прекрасное зрѣлище по сіянію и окраскѣ, и оттѣнки, невиданные на землѣ, появляются въ немъ подъ вліяніемъ чистыхъ и благородныхъ мыслей. „Огненные колеса“ на этой ступени вполне оправдываютъ свое названіе, и ихъ вращательное движеніе указываетъ на дѣятельность высшихъ чувствъ. Такое тѣло, въ полномъ смыслѣ слова—проводникъ сознанія, ибо на своемъ эволюціонномъ пути оно постепенно оживотворялось въ каждомъ своемъ органѣ и подчинялось полному контролю своего обладателя.

Когда человѣкъ оставляетъ физическое тѣло, облеченный въ такой астральный проводникъ, сознаніе его не прекращается; онъ лишь сбрасываетъ свою болѣе тяжеловѣсную оболочку и чувствуетъ себя облегченнымъ отъ ея тяжести. Теперь онъ можетъ свободно витать въ астральной сферѣ, передвигаясь съ огромной быстротой, не будучи болѣе связаннымъ ограниченными земными условіями. Его тѣло повинуется его желаніямъ, отражаетъ его

мысли и подчиняется имъ. Такимъ образомъ возможность служить человечеству неизмѣримо увеличивается для него, силы его направляются его же собственными лучшими качествами, доброжелательствомъ, милосердіемъ и т. д. Отсутствие грубыхъ частицъ въ его астральномъ тѣлѣ дѣлаетъ его неспособнымъ отвѣчать на вліянія, идущія отъ низшихъ объектовъ желанія, и они проносятся мимо него, не притягиваясь къ нему. Всѣ тѣло вибрируетъ лишь въ отвѣтъ на высшія эмоции, ибо любовь его выросла въ сверхличную божественную любовь, а энергія его выкована терпѣніемъ.

Кроткій, спокойный, ясный, полный власти, но безъ признака тревоги—такому человѣку „всѣ Siddhis готовы подчиниться“ *).

Астральное тѣло является мостомъ, переброшеннымъ черезъ пропасть, которая отдѣляетъ сознание отъ физическаго мозга. Раздраженія, получаемыя органами чувствъ и передаваемыя, какъ мы это видѣли, физическимъ и эфирнымъ центрамъ, переходятъ затѣмъ въ соотвѣтствующіе астральные центры; здѣсь они проходятъ черезъ процессъ переработки, помощью „элементальной эссенціи“, и затѣмъ превращаются въ чувствованія, послѣ чего являются передъ внутреннимъ человѣкомъ какъ объекты сознанія; послѣднее происходитъ благодаря тому, что астральныя вибраціи вызываютъ соотвѣтственныя вибраціи и въ матеріалахъ тѣла мысли **).

Благодаря этому постепенному утонченію духа-матеріи, грубыя раздраженія, идущія отъ земныхъ предметовъ, могутъ передаваться сознательному существу; и наоборотъ, вибраціи, вызываемыя его мыслями, могутъ пройти по тому же мосту къ физическому мозгу и тамъ произвести физическія вибраціи, соотвѣтствующія ментальнымъ вибраціямъ. Это и есть нормальный путь, по которому сознание получаетъ впечатлѣнія извнѣ и въ свою очередь посылаетъ свои впечатлѣнія во внѣшнюю среду.

Этими постоянными переходами вибрацій взадъ и впередъ, астральное тѣло и развивается главнымъ образомъ. Токи эти дѣйствуютъ на него, какъ извнѣ, такъ и изнутри, вызывая его развитіе и содѣйствуя его росту. Этимъ путемъ оно увеличивается въ размѣрѣ, утончается въ своихъ тканяхъ и становится болѣе опредѣленно очерченнымъ и совершеннѣе организованнымъ изнутри.

*) Здѣсь преобладаетъ *Sâttoic guna*, качество, выражающее блаженство и чистоту въ природѣ. „Siddhis“ суть сверхфизическія силы.

***) См. главу IV „Ментальная сфера“.

Правильно подготовленное къ тому, чтобы отвѣчать на запросы сознанія, оно становится постепенно способнымъ функционировать какъ отдѣльный проводникъ сознанія и отчетливо передавать послѣднему вибраціи, идущія прямо изъ астральнаго міра. Многіе изъ читателей навѣрно испытывали когда нибудь ощущенія, проникающія въ сознание извнѣ, хотя и не вызванныя чѣмъ либо физическимъ, но все же подтверждаемыя какимъ либо внѣшнимъ событіемъ. Это, по большей части, впечатлѣнія, которыя достигаютъ астральнаго тѣла непосредственно и передаются послѣднимъ сознанию; такія впечатлѣнія носятъ чаще всего характеръ предчувствія, которыя и не замедлятъ оправдаться.

Когда человѣкъ высоко развитъ—хотя степень при этомъ колеблется въ зависимости отъ другихъ условій—возникаютъ посредствующія звенья между физическимъ и астральнымъ, и между астральнымъ и ментальнымъ тѣлами, такъ что сознание можетъ непрерывно работать, переходя отъ одного состоянія въ другое, причемъ въ памяти уже не бываетъ тѣхъ перерывовъ, которые въ обыкновенномъ человѣкѣ вызываются періодами безсознательности при переходѣ изъ одной космической сферы въ другую. На этой ступени человѣкъ можетъ свободно упражнять свои астральныя чувства въ то время, какъ сознание его работаетъ въ физическомъ тѣлѣ; такимъ образомъ, всѣ эти расширенныя перспективы сознанія дѣлаются достояніемъ его бодрствующаго сознанія.

Объекты, бравшіеся прежде на вѣру, становятся предметами знанія, и человѣкъ можетъ лично провѣрить точность многихъ теософическихъ ученій, относящихся до низшихъ областей невидимаго міра.

Если разсматривать человѣка съ точки зрѣнія его „началь“, т. е. различныхъ способовъ проявленія его жизни, то его низшія четыре начала способны къ дѣятельности въ астральной и въ физической сферахъ. Четвертое начало есть *kâma*, желаніе; оно проявляется черезъ астральное тѣло и обусловливается имъ; отличительный признакъ его: чувствованія всѣхъ степеней и оттѣнковъ, начиная съ первобытныхъ *ощущеній* до сложной формы *эмоцій*.

Все это сводится къ общему термину *желаніе*, которое привлекается или отталкивается предметами, смотря по тому, доставляютъ ли они удовольствіе или неудовольствіе личному Я. Третье начало—*Prâna*, часть космической жизни, заключенная въ тѣло для поддержанія физическаго организма. Второе начало—эфирный двойникъ, а первое—плотное физическое тѣло. Всѣ три начала

проявляют свою дѣятельность въ физической средѣ. Въ позднѣйшей классификаціи у Е. П. Блаватской, Ргана и физическое тѣло изъяты изъ числа началъ человѣка, на томъ основаніи, что Ргана—источникъ общей космической жизни, а плотное физическое тѣло—лишь простой двойникъ эфирнаго тѣла, состоящій изъ постоянно мѣняющихся составныхъ частей, построенныхъ на эфирной основѣ.

Принимая эту точку зрѣнія, мы получимъ величественное философское представленіе объ *Единой Жизни* и *Единомъ Я*, проявляющемся какъ человѣкъ и представляющемъ мѣняющіеся и преходящіе признаки, сообразно условіямъ, которыя предписываются ему тѣми проводниками или тѣлами, которые оно оживотворяетъ, само оставаясь неизмѣннымъ въ центрѣ, но принимая различные образы—если посмотрѣть на него извнѣ—соответственно составу матеріи въ томъ или другомъ своемъ тѣлѣ. Въ физическомъ тѣлѣ, эта единая Жизнь—Сознаніе проявляется какъ *Prāna*, дающая энергію, контролирующая и упорядочивающая всѣ процессы. Въ астральномъ тѣлѣ, это—*Kāma*, чувствующая, радующаяся, страдающая. Мы увидимъ ее еще и въ другихъ проявленныхъ видахъ, когда перейдемъ къ высшимъ мірамъ, но основная идея вездѣ одна и та же, и это—одна изъ тѣхъ коренныхъ мыслей Теософіи, которая, хорошо усвоенная, служитъ путеводнымъ свѣтомъ въ кажущейся запутанности проявленныхъ міровъ.

Глава III.

Камалока (Чистилище).

Камалока, въ буквальномъ переводѣ—мѣсто или жилище желаній; оно, какъ уже было упомянуто, представляетъ собою часть астральной сферы, „часть“ не въ смыслѣ опредѣленной мѣстности, а по условіямъ *сознанія* тѣхъ существъ, которыя принадлежатъ къ ней *).

Это—умершія человѣческія существа, которыя потеряли свои физическія тѣла и должны пройти черезъ опредѣленные процессы очищенія, прежде чѣмъ перейти въ тѣ счастливыя и мирныя

*) Индусы называютъ это состояніе *Pretaloka*—жилище *Pretas*. *Preta* означаетъ человѣческое существо, которое потеряло свое физическое тѣло, но продолжаетъ быть обременено оболочкой своей животной природы. Человѣкъ не можетъ вознести ее съ собою, и онъ остается связаннымъ съ ней до тѣхъ поръ, пока она не распадается.

условія жизни, которыя назначены для истинной человѣческой сути, для души человѣческой *).

Эта область представляетъ собою именно тѣ условія, которыя описываются какъ различные виды „ада“, чистилища или переходнаго состоянія, и которыя принимаются всѣми религіями какъ временное мѣстопробываніе человѣка, послѣ того, какъ онъ покинетъ свое тѣло, и прежде, чѣмъ достигнетъ „неба“. Это, конечно, временное состояніе, ибо вѣчный адъ, о которомъ и до сихъ поръ толкуютъ узкіе религіозные фанатики, не болѣе какъ бредъ невѣжества, ненависти и страха. Но Камалока заключаетъ въ себѣ, дѣйствительно, условія страданій, временныхъ и очищающихъ по самой природѣ своей, какъ бы вытравленіе тѣхъ прегрѣшеній, которыя совершались въ земной жизни человѣкомъ, испытывающимъ очистительныя страданія. Это постольку же естественно и неизбѣжно, какъ неизбѣжны и въ этомъ мірѣ дурныя послѣдствія, слѣдующія за дурными поступками, ибо мы живемъ въ мірѣ, управляемомъ незыблемымъ закономъ, и изъ каждаго сѣмени вырастаетъ неизбѣжно *это*, а не другое растеніе. Смерть не измѣняетъ ничего въ нравственной и умственной природѣ человѣка, и перемѣна состоянія, вызванная переходомъ изъ одного міра въ другой, уноситъ его физическое тѣло, но самого человѣка оставляетъ такимъ же, каковъ онъ былъ на землѣ.

Условія Камалоки повторяются въ каждомъ подраздѣленіи астральной сферы, такъ что можно говорить о семи областяхъ Камалоки, называя ихъ: первая, вторая, третья и вплоть до седьмой, начиная съ низшей и считая вверхъ **).

Мы уже видѣли, что матеріалы каждаго изъ подраздѣленій астральной сферы входятъ въ составъ астральнаго тѣла, и особенность этихъ матеріаловъ, которую мы сейчасъ объяснимъ, состоитъ въ томъ, что существа, пребывающія въ одной области, отдѣлены отъ существъ, находящихся въ другой, и только обитатели одной и той же области способны приходить въ общеніе.

Области эти, или подраздѣленія астральной сферы, отличаются

*) Подъ душой здѣсь подразумѣвается человѣческій разумъ, связующее звено между Божественнымъ Духомъ въ человѣкѣ и его низшей личной природой. Это и есть *Его*, индивидуумъ, *Я*, которое развивается благодаря эволюціи. На теософическомъ языкѣ это—*Манах*, мыслитель. Умъ есть его энергія, проявляющаяся въ предѣлахъ физическаго мозга.

**) Часто эти области считаютъ въ обратномъ порядкѣ: за первую принимается самая высшая, а за седьмую самая низшая. Хотя рѣшительно все равно, какъ ихъ считать; я считаю вверхъ для того, чтобы сохранить соответствіе со „сферами“ и „началами“ человѣка.

одна отъ другой по плотности, и степень плотности наружной формы обитателя Камалоки опредѣляетъ границу, далѣе которой онъ не можетъ переступить.

Эти различія въ свойствахъ матеріи представляютъ естественныя препятствія для перехода изъ одной области въ другую.

Существа, пребывающія въ одной области, не могутъ приходить въ соприкосновеніе съ существами изъ другой области такъ же, какъ рыба изъ морской глубины не могла бы войти въ общеніе съ орломъ, ибо среда, необходимая для жизни первой, на орла подѣйствовала бы разрушительнымъ образомъ.

Когда физическое тѣло сражено смертью, эфирное тѣло, унося съ собой „прану“ *) и остальныя начала человѣка, выдѣляется изъ плотнаго тѣла. Всѣ покидающія тѣло жизненныя энергіи втягиваются въ одинъ центръ и собираются „праной“, и ихъ выдѣленіе изъ тѣла выражается оцѣпенѣніемъ, которое овладѣваетъ физическими органами чувствъ; послѣдніе остаются неприкосновенными, физически невредимыми, готовыми дѣйствовать, какъ они всегда дѣйствовали, но „внутренній повелитель“ ушелъ, тотъ, который черезъ нихъ видѣлъ, слышалъ, обонялъ, вкушалъ, осязалъ, а безъ него, сами по себѣ, они не болѣе какъ агрегаты матеріи, не лишены жизни, но неспособны къ воспріятію. Медленно „повелитель“ тѣла удаляется изъ него, облеченный въ сѣро-лиловое эфирное тѣло и занятый созерцаніемъ панорамы всей своей жизни, которая въ смертный часъ развертывается передъ нимъ во всѣхъ пережитыхъ подробностяхъ. Въ этой картинѣ жизни запечатлѣны всѣ событія его земного существованія, и великія и малыя. Онъ видитъ все, чего домогался въ жизни: и свои обманутыя ожиданія, и усилія свои, и торжества, и неудачи, и свои привязанности и антипатіи; преобладающій смыслъ *всей* жизни выступаетъ опредѣленно, ея руководящая мысль выясняется и запечатлѣвается глубоко въ душѣ, опредѣляя ту область, гдѣ будетъ протекать большая часть загробной жизни умершаго. Торжественна бываетъ та минута, когда человѣкъ стоитъ лицомъ къ лицу съ своей жизнью и изъ устъ своего прошлаго слышитъ предувѣдомленіе относительно своего будущаго. На короткое мгновеніе онъ видитъ себя таковымъ, каковъ онъ есть, узнаетъ истинную цѣль жизни и убѣждается, что законъ непреодолимъ, справедливъ и благъ. Вслѣдъ за тѣмъ, магнетическая связь между плотнымъ и эфирнымъ тѣломъ прерывается, товарищи земной

*) Организующее связывающее жизненное начало внутри физическаго тѣла.

жизни разъединяются и, кромѣ исключительныхъ случаевъ, человѣкъ погружается въ мирное безсознательное состояніе.

Тихо и благоговѣнно должны держать себя всѣ, кто собрались вокругъ умирающаго, и торжественное молчаніе не должно нарушаться, чтобы не отвлекать отходящаго отъ обзора проносящейся передъ его внутреннимъ взоромъ истекшей жизни.

Громкій плачъ и шумная жалоба могутъ потревожить умирающаго и нарушить сосредоточенное вниманіе его души, и потому врываться со своимъ личнымъ огорченіемъ въ тишину, которая помогаетъ и успокаиваетъ отходящаго, и грубо, и эгоистично. Религія обнаружила мудрую предусмотрительность, предписавъ читать отходныя молитвы надъ умирающими; благодаря такимъ молитвамъ, сохраняется тишина и въ окружающихъ вызывается стремленіе помочь отходящему, что, какъ и всякая мысль любви, защищаетъ и ограждаетъ того, къ кому она направлена.

Черезъ нѣкоторое время послѣ смерти, обыкновенно по истеченіи тридцати шести часовъ, человѣкъ выходитъ изъ своего эфирнаго тѣла, покидая и его, въ свою очередь, какъ безчувственный трупъ, который, оставаясь вблизи своего плотнаго двойника, раздѣляетъ его участь. Если физическое тѣло опускается въ могилу, эфирный двойникъ витаетъ надъ ней, медленно распадаясь на составныя части, и то непріятное чувство, которое многіе испытываютъ на кладбищахъ, зависитъ главнымъ образомъ отъ присутствія этихъ разлагающихся эфирныхъ труповъ.

Но если тѣло сжигается, его эфирный двойникъ распадается очень быстро благодаря тому, что теряетъ свой физическій центръ притяженія, и это одна изъ многихъ причинъ, почему сжиганіе труповъ предпочтительнѣе погребенія.

Удаленіе человѣка изъ эфирнаго двойника сопровождается исхожденіемъ изъ него „праны“, которая тутъ же возвращается въ великій резервуаръ космической жизни, тогда какъ человѣкъ, готовый уже перейти въ Камалоку, претерпѣваетъ нѣкоторыя измѣненія въ своемъ астральномъ тѣлѣ, которое должно приспособиться къ очистительному процессу, необходимому для освобожденія самого человѣка *). Во время земной жизни человѣка различнаго рода астральныя матеріи проникаютъ въ составъ его астральнаго тѣла такъ же, какъ частицы твердыя, жидкія,

*) Результатомъ этихъ перемѣнъ является то, что носить названіе *Уатані* или страдающее тѣло; въ случаѣ же, если умершій былъ очень дурной человѣкъ и въ его астральномъ тѣлѣ преобладала самая грубая матерія, тѣло это называется *Dhruvam* или крѣпкое тѣло.

газообразныя и эфирныя проникають въ физическое тѣло. Измѣненія, происходящія послѣ смерти въ астральномъ тѣлѣ, и состоятъ въ раздѣленіи этихъ матеріаловъ, сообразно ихъ относительной плотности, въ цѣлый рядъ концентрическихъ оболочекъ или „скорлупъ“, при чемъ самая тонкая располагается внутри, а самая плотная снаружи, и каждая „скорлупа“ образуется изъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ соответствующаго подраздѣленія астральной сферы. Такимъ образомъ, астральное тѣло становится сочетаніемъ изъ семи наложенныхъ одинъ на другой слоевъ, или семисоставнымъ покровомъ изъ астральной матеріи, въ которомъ человѣкъ остается заключеннымъ до тѣхъ поръ, пока распадѣніе этого сложнаго покрова не освободитъ его. Теперь становится понятнымъ, какое огромное значеніе имѣетъ очищеніе астральнаго тѣла во время земной жизни. Человѣкъ задерживается въ каждомъ подраздѣленіи чистилища до тѣхъ поръ, пока оболочка изъ матеріи, соответствующей проходимой области, не распадется настолько, чтобы человѣкъ могъ свободно подвигаться дальше. Болѣе того, сила, съ которой его сознательность дѣйствовала въ каждомъ изъ видовъ астральной матеріи, дѣлящейся, какъ было упомянуто, по своимъ свойствамъ на семь отдѣловъ, рѣшаетъ, пройдетъ ли онъ черезъ данную область въ сознательномъ состояніи или же въ безсознательномъ, погруженный въ „розовыя сновидѣнія“ и задержанный тамъ ровно настолько, сколько потребуется времени для чисто механическаго процесса разложенія его наружной оболочки.

Духовно развитой человѣкъ, очистившій свое астральное тѣло настолько, что въ его составныя части входятъ только наиболѣе тонкія частицы изъ всѣхъ подраздѣленій астральной матеріи, проходить черезъ чистилище безъ всякаго замедленія, причемъ астральное тѣло его разрушается съ чрезвычайной быстротой, и онъ безпрепятственно направляется къ предѣлу, до котораго его можетъ допустить достигнутая имъ ступень эволюціи.

Менѣе развитой человѣкъ, но жизнь котораго была чиста и воздержана, который не отдавалъ души своей за земныя блага, пронесется менѣе быстро черезъ чистилище, но тоже въ мирной дремотѣ, не сознавая окружающаго, пока его ментальное тѣло будетъ постепенно освобождаться отъ астральныхъ оболочекъ, сбрасывая ихъ одну за другой, чтобы проснуться лишь послѣ достиженія небесной обители.

Люди, еще менѣе развитые, пробудятся послѣ прохожденія низшихъ областей, вернутся къ сознанию въ той области чисти-

лица, съ которой была связана работа ихъ сознанія въ теченіе земной жизни, ибо сознаніе пробуждается лишь тогда, когда до него достигнуть привычныя вибраціи, хотя теперь онѣ воспринимаются уже непосредственно, черезъ астральное тѣло, безъ помощи физическаго. Что касается людей, которые жили, отдаваясь животнымъ страстямъ, они пробудятся въ подходящей для нихъ области, ибо каждый человѣкъ направляется въ буквальный смыслъ „къ своему собственному мѣсту“.

Посмертныя переживанія людей, выхваченныхъ внезапно изъ физической среды, благодаря несчастному случаю, самоубійству, насильственной смерти или иного рода внезапной кончинѣ, отличаются отъ переживаній умершихъ вслѣдствіе упадка жизненной энергіи, которая вызвана болѣзнью или старостью.

Если они были чисты и духовно настроены, ихъ послѣ смерти усердно охраняють, и они спятъ счастливымъ сномъ до окончанія нормальнаго срока ихъ жизни. Но въ другихъ случаяхъ, самоубійцы или безвременно убитые сохраняють сознаніе и продолжаютъ въ теченіи нѣкотораго времени переживать послѣднюю сцену своей земной жизни, не замѣчая, что они уже потеряли свое физическое тѣло и находятся въ той области астральной сферы, къ которой принадлежатъ по составу наружнаго слоя своего астральнаго тѣла; въ этихъ случаяхъ нормальный очистительный періодъ начинается по истеченіи естественнаго срока ихъ земной жизни, а до тѣхъ поръ они живо сознають какъ свою астральную, такъ и свою физическую среду.

Одинъ человѣкъ, совершившій убійство и казненный за это*), переживалъ въ чистилищѣ снова и снова сцены совершеннаго убійства и дальнѣйшій ужасъ своего ареста и казни. У самоубійцы будутъ автоматически повторяться чувства отчаянія и страха, которыя предшествовали его самоубійству, и онъ будетъ переживать свою предсмертную борьбу съ страшной настойчивостью. Одна женщина, погибшая среди пламени въ настроеніи дикаго ужаса, въ неистовыхъ попыткахъ спастись, создала вокругъ себя такой вихрь страстей, что пять дней спустя она все еще продолжала метаться въ отчаяніи, воображая себя все еще среди огня и дико отталкивая всѣхъ старавшихся успокоить ее, между тѣмъ какъ другая женщина, погибшая съ ребенкомъ на груди въ морской пучинѣ во время ужаснаго шторма и сохранившая мужество и сердце полное любви, погрузилась послѣ физической

*) Свѣдѣніе это дано однимъ изъ Учителей Востока.

смерти въ мирный сонъ, наполненный счастливыми и яркими видѣніями любимыхъ мужа и дѣтей.

Въ болѣе обыкновенныхъ посмертныхъ переживаніяхъ, смерть отъ несчастнаго случая все же приноситъ человѣку вредъ и бываетъ вызвана какимъ либо серьезнымъ его проступкомъ *), ибо сохраненіе полнаго сознанія въ низшихъ областяхъ чистилища, тѣсно соприкасающихся съ землей, связано со многими тревогами и опасностями. Человѣкъ еще полонъ всѣми интересами и планами, которые наполняли его во время жизни, и онъ сознаетъ присутствіе людей и вещей, которые связаны съ нимъ; его почти неудержимо толкаетъ попробовать повліять на дѣла, къ которымъ все еще тяготѣютъ его страсти и чувствованія, и онъ испытываетъ сильное влеченіе къ землѣ, хотя и не имѣетъ болѣе физическихъ органовъ дѣятельности. Единственное средство, въ такомъ случаѣ, чтобы обрѣсти покой, состоитъ въ томъ, чтобы рѣшительно отвернуться отъ всего земного и обратить свое сознаніе на высшее; но сравнительно немногіе способны сдѣлать такое усиліе, даже и съ помощью тѣхъ, которые всегда готовы поддержать страдающихъ въ астральной сферѣ, обязанность которыхъ и состоитъ въ подаваніи помощи покинувшимъ земной міръ **).

Нерѣдко такіе страдальцы, истомленные своимъ безпомощнымъ бездѣйствіемъ, ищутъ поддержки у медиумичныхъ субъектовъ, съ которыми они могутъ вступать въ сношенія и черезъ нихъ снова вмѣшиваться въ земныя дѣла; нерѣдко они овладѣваютъ подходящими медиумами, чтобы пользоваться ихъ тѣлами, чѣмъ и навлекаютъ на себя большую отвѣтственность въ будущемъ. Не безъ оккультныхъ основаній англійскіе священники включили въ свои молитвы: „Отъ войны, убійства и отъ внезапной смерти избави насъ, Господи!“

Теперь мы можемъ перейти къ разсмотрѣнію—одного за другимъ—различныхъ подраздѣленій чистилища, чтобы получить нѣкоторое понятіе о тѣхъ условіяхъ, которыя человѣкъ, благодаря своимъ наклонностямъ и желаніямъ въ теченіи физической жизни, приготовилъ для своего переходнаго состоянія; при этомъ необходимо помнить, что степень жизненной энергіи въ любой

*) Не всегда проступокъ этотъ совершенъ именно въ этой жизни; законъ причинъ и послѣдствій будетъ объясненъ въ гл. IX, гдѣ пойдетъ рѣчь о „Кармѣ“.

**) Эти помощники суть ученики Великихъ Учителей, которые руководятъ человѣчествомъ, помогаютъ ему, и ихъ дѣло въ астральномъ мірѣ состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать души, нуждающіяся въ помощи.

изъ астральныхъ „скорлупъ“, а слѣдовательно и срокъ заключенія человѣка внутри нея, зависятъ отъ степени энергіи, съ которой въ теченіи земной жизни вибрировалъ въ немъ тотъ видъ астральной матеріи, изъ котораго скорлупа эта состоитъ.

Если низшія страсти были въ энергичной дѣятельности, самыя грубыя частицы астральной матеріи будутъ заряжены жизненной силой, и самое количество ихъ будетъ—сравнительно—велико. Этотъ законъ дѣйствуетъ во всѣхъ областяхъ чистилища, и потому человѣкъ еще при жизни можетъ совершенно определенно знать, какое будущее готовить онъ себѣ непосредственно послѣ смерти.

Первое или низшее подраздѣленіе чистилища заключаетъ въ себѣ условія, описанныя во многихъ индусскихъ и буддійскихъ писаніяхъ подъ названіемъ „адовъ“ различнаго рода.

Нужно помнить, что человѣкъ, переходящій въ одно изъ такихъ состояній, не освобождается отъ страстей и дурныхъ желаній, которыя привлекли его сюда; они сохраняются—какъ часть его характера—въ скрытомъ видѣ въ его душѣ, оставаясь въ состояніи прозябанія до тѣхъ поръ, пока не настанетъ время для нихъ снова проявиться; время это настанетъ тогда, когда начнетъ формироваться новое „тѣло желаній“ для послѣдующаго воплощенія того же человѣка въ физическомъ мірѣ *).

Пребываніе человѣка въ самой низшей области чистилища зависитъ отъ присутствія въ его „тѣлѣ желаній“ (Капа-Рупа) матеріи, принадлежащей этой области, и онъ останется въ ней узникомъ, пока бѣльшая часть этой матеріи не спадетъ съ него, пока—„скорлупа“ не разложится настолько, чтобы допустить соприкосновеніе человѣка съ слѣдующей высшей областью.

Атмосфера этого мѣста мрачна, тяжела, печальна и подавляюща въ необычайной степени. Она кажется наполненной испареніями всевозможныхъ злыхъ проявленій, враждебныхъ добру, и такъ оно въ дѣйствительности и есть. Создаются эти тяжелыя вибраціи людьми, которыхъ притянули въ это мрачное мѣсто ихъ злыя страсти. Всѣ желанія и чувства, которыя способны вызвать содраганіе, находятъ здѣсь матеріалы для своего выраженія. Это на самомъ дѣлѣ самая мрачная изъ грущобъ со всѣми ея ужасами, скрытая отъ физическаго зрѣнія и выставленная здѣсь на показъ во всей своей обнаженной мерзости. Ея отталкивающій видъ усугубляется еще и тѣмъ, что въ астральномъ мірѣ

*) См. гл. VII „О перевоплощеніи“.

характеръ выражается и внѣшнимъ образомъ, и человѣкъ, полный дурныхъ страстей, олицетворяетъ ихъ всею своей наружной формой. Звѣрскіе аппетиты формуютъ астральное тѣло въ звѣринныя облики, и отталкивающія человѣко-животныя формы представляютъ собою подходящія оболочки для огрубѣвшихъ человѣческихъ душъ. Въ астральномъ мірѣ нельзя быть лицомъ и облекать грязныя мысли покровомъ кажущейся добродѣтели. Каковъ человѣкъ на самомъ дѣлѣ, такимъ онъ является и во внѣшнемъ своемъ обликѣ, или сіяя красотой, если душа его благородна, или же отталкивая своимъ безобразіемъ, если природа его была нечистая. Вотъ почему становится понятнымъ, что такіе учителя какъ Будда, внутреннему зрѣнію котораго весь міръ былъ открытъ,—могли описывать столь яркими красками всѣ ужасающіе призраки и картины, которыми кишитъ подобный адъ; современные люди относятся съ недоумѣніемъ къ подобнымъ изображеніямъ только потому, что не знаютъ, до какой степени, послѣ освобожденія изъ тяжелой, лишенной пластичности физической матеріи, всѣ души являются въ своемъ истинномъ подобіи, въ незамаскированномъ подлинномъ видѣ. Если даже и въ этомъ мірѣ лицо развращеннаго и спившагося негодяя принимаетъ самое отталкивающее выраженіе,—тѣмъ болѣе тамъ, гдѣ пластичная астральная матерія принимаетъ опредѣленную форму при малѣйшемъ движеніи преступныхъ желаній,—человѣкъ неизбежно появится въ ужасающей формѣ, мѣняющейся въ самые разнообразныя оттѣнки уродливости. Ибо не слѣдуетъ забывать, что населеніе,—если можно такъ выразиться,—этой низшей области, состоитъ изъ самыхъ подонковъ человѣчества, изъ убійцъ, разбойниковъ, жестокихъ преступниковъ всякихъ типовъ, пьяницъ, развратниковъ, отбросовъ человѣчества. Здѣсь нѣтъ никого съ пробужденнымъ сознаніемъ относительно окружающей среды, кромѣ виновныхъ въ звѣрскихъ преступленіяхъ или въ предумышленной упорной жестокости, или же одержимыхъ какимъ либо гадкимъ вождельніемъ. Единственныя личности, не принадлежащія къ этому низкому типу, которыя могутъ на время быть задержаны здѣсь, это—самоубійцы, люди, пытавшіеся, посредствомъ самоубійства, избѣгнуть земной кары за совершенныя ими преступленія, которые такой замѣной лишь ухудшили свое положеніе. Но не всѣ самоубійцы попадаютъ сюда, потому что самоубійства совершаются подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ мотивовъ, и здѣсь задерживаются лишь тѣ, которые кончаютъ съ собою, чтобы избавиться отъ послѣдствій совершеннаго преступленія. Въ этой

мрачной области каждый человѣкъ является непосредственнымъ создателемъ своихъ собственныхъ бѣдствій. Ни въ чемъ неизмѣнившіеся кромѣ потери физического тѣла, люди здѣсь выставляютъ на показъ свои страсти во всей ихъ наготѣ; и, полные лютыхъ неудовлетворенныхъ стремленій, кипящіе мстостью и ненавистью, жаждущіе физическихъ удовлетвореній, которыми, потерявъ физическое тѣло, они уже не могутъ наслаждаться, они рыщутъ разъяренные и алчные по этой мрачной области, толпясь вокругъ всѣхъ грязныхъ притоновъ на землѣ, вокругъ публичныхъ домовъ и кабаковъ, подстрекая ихъ завсегдатаевъ къ постыднымъ дѣламъ и къ насиліямъ, и вселяясь въ нихъ, дабы вовлечь ихъ во всевозможныя излишества. Тошнотворная атмосфера, распространяющаяся вокругъ такихъ мѣстъ, происходитъ главнымъ образомъ отъ этихъ привязанныхъ къ землѣ астральныхъ существъ, испаряющихъ гнусныя страсти и нечистыя желанія. Медіумы, за исключеніемъ очень чистыхъ и благородныхъ характеровъ, являются чаще всего объектами ихъ нападений, и слишкомъ часто слабѣйшіе изъ нихъ, обезсиленные еще болѣе пассивнымъ предоставленіемъ своего тѣла для временнаго пребыванія въ немъ другихъ развоплощенныхъ душъ, бываютъ одержимы этими существами, послѣдствіемъ чего является невоздержаніе и безуміе. Казненные убійцы, бѣснуясь отъ ужаса и отъ страшной жажды мести, переживая снова и снова, какъ мы уже сказали, свое преступленіе и всѣ ужасныя послѣдствія его, окружаютъ себя атмосферой устрашающихъ мысле-образовъ и, привлекаемые къ человѣку, вынашивающему внутри себя мстительныя, злыя намѣренія, они подталкиваютъ его къ дѣйствительному выполнению того, надъ чѣмъ онъ внутренне сосредоточивается. Иногда тамъ можно видѣть человѣка, неустанно преслѣдуемаго своей убитой жертвой, не могущаго избавиться отъ нея, не смотря на всѣ усилія убѣжать отъ страшнаго преслѣдователя, съ упорной настойчивостью всюду настаивающаго его. Убитый, если только онъ самъ не изъ самыхъ низкихъ человѣческихъ типовъ, находится при этомъ въ состояніи безсознательности, и именно эта безсознательность и придаетъ особый ужасъ его чисто механическому слѣдованію за убійцей.

Здѣсь же находится и „адъ“ вивисектора, потому что жестокость притягиваетъ въ астральное тѣло человѣка наиболѣе грубые матеріалы и наиболѣе дурные составы астральной матеріи, и вивисекторъ живетъ здѣсь среди толпящихся вокругъ него образовъ его многочисленныхъ жертвъ, стонущихъ, дрожащихъ, воющихъ

отъ боли. Они оживлены, но не животной душой, а тѣми вибраціями страстей, которыя, чѣмъ они были сильнѣе, тѣмъ дольше продолжаютъ жить послѣ физической смерти въ астральномъ тѣлѣ животнаго; эти вибраціи, пульсирующія ненавистью къ своему истязателю, повторяютъ съ автоматической правильностью его самые мучительные опыты, властно толкая къ самоистязанію благодаря силѣ послѣднихъ переживаній, которыми закончилась земная жизнь замученнаго существа.

Не мѣшаетъ напомнить еще разъ, прежде чѣмъ мы покинемъ эту печальную область, что здѣсь нѣтъ произвольнаго наказанія, назначеннаго извинѣ, но лишь неизбѣжныя осуществленія причинъ, созданныхъ человѣкомъ во время его земной жизни. Если онъ на землѣ поддавался наиболѣе дурнымъ побужденіямъ, и, слѣдовательно, притягивалъ къ себѣ и вносилъ въ свое астральное тѣло грубые матеріалы, которые одни только и въ состояніи вибрировать въ отвѣтъ на скверныя побужденія,—онъ тѣмъ самымъ неизбѣжно создавалъ тюрьму для своей души, и тюрьма эта должна быть разрушена, чтобы могла освободиться его душа. Такъ же неизбѣжно, какъ пьяница долженъ жить въ своемъ отталкивающемъ и отравленномъ тѣлѣ здѣсь на землѣ, такъ же долженъ онъ жить въ своемъ не менѣе отталкивающемъ астральномъ тѣлѣ и тамъ. Что посеешь, то и пожнешь. Таковъ законъ во всѣхъ мірахъ и избѣгать его нельзя. Слѣдуетъ еще прибавить, что астральное тѣло тамъ нисколько не хуже, чѣмъ оно было при жизни человѣка на землѣ, когда онъ создавалъ вокругъ себя атмосферу, насыщенную его дурными астральными токами; люди только не замѣчаютъ этого безобразія, такъ какъ на землѣ они астрально слѣпы. Кромѣ того, мы можемъ утѣшиться при мысли объ этихъ несчастныхъ нашихъ братьяхъ и тѣмъ, что страданія ихъ лишь временны, и представляютъ необходимый урокъ для ихъ души. Сильно нарушая законы природы, они съ такою же силой научаются познавать эти законы и неизбѣжность тѣхъ бѣдствій, которыя происходятъ отъ пренебреженія къ нимъ. Урокъ, который они не хотѣли выучить въ теченіе земной жизни, захваченные водоворотомъ своихъ собственныхъ похотей и желаній, дается имъ здѣсь, и будетъ даваться въ послѣдующихъ жизняхъ до тѣхъ поръ, пока зло не будетъ вырвано съ корнемъ, и человѣкъ не поднимется для лучшей жизни. Уроки природы строги, но въ концѣ концовъ они же и милосердны, потому что ведутъ къ эволюціи души и направляютъ ее къ достиженію безсмертія.

Перейдемъ теперь въ болѣе отрадную область. Второе подраздѣленіе астральнаго міра можетъ быть названо астральнымъ двойникомъ физическаго міра, потому что астральныя тѣла всѣхъ вещей и многихъ людей состоятъ главнымъ образомъ изъ матеріи, принадлежащей именно *этому* отдѣлу астральной сферы, почему онъ и соприкасается болѣе близко съ физической сферой, чѣмъ всѣ остальные области астральной сферы. Большинство умирающихъ людей задерживаются на нѣкоторое время здѣсь, сохраняя, за нѣкоторыми исключеніями, полное сознаніе. Это все люди, интересы которыхъ были связаны съ тривиальными и мелочными объектами жизни, которые душу свою положили на мелочи, а также и тѣ, которые были въ рабствѣ у своей низшей природы и умерли, не угасивъ своихъ стремленій къ физическимъ наслажденіямъ. Широко пользовавшіеся жизнью въ этомъ смыслѣ и построившіе свои астральныя тѣла изъ матеріаловъ, легко отвѣчающихъ на различныя чувственныя раздраженія, они удерживаются этими тѣлами въ сосѣдствѣ съ тѣмъ, что ихъ привлекало во время физической жизни. Они и не удовлетворены, и тревожны и исполнены болѣе или менѣе сильнымъ страданіемъ, въ зависимости отъ силы желаній, которыя они не въ состояніи удовлетворить, а нѣкоторымъ даже приходится проходить черезъ очень сильныя страданія и долго задерживаться на мѣстѣ, пока ихъ земныя вождельнія не истощатся. Многіе значительно удлиняютъ свое пребываніе въ астральномъ мірѣ, стремясь войти въ сообщеніе съ землей, въ интересы которой они погружены, посредствомъ медиумовъ, отдающихъ въ ихъ распоряженіе свои физическія тѣла. Отъ нихъ-то—по большей части—и исходитъ тотъ дѣтскій лепетъ, съ которымъ хорошо знакомъ каждый, бывавшій на публичныхъ спиритическихъ сеансахъ, женскія сплетни и ходячая мораль, процвѣтающая на постоялыхъ дворахъ и въ мелкихъ лавочкахъ. И такъ какъ эти привязанныя къ землѣ души болѣею частью очень невысокаго развитія, ихъ сообщенія представляютъ не больше интереса (для того, кто убѣжденъ въ существованіи души послѣ смерти), чѣмъ ихъ разговоры во время тѣлеснаго ихъ существованія, и совершенно такъ же, какъ и на землѣ, самоувѣренность ихъ пропорціональна ихъ невѣжеству, и весьма ограниченный кругъ своего опыта они принимаютъ за весь астральный міръ. И тамъ, какъ здѣсь, на землѣ: „Они мнятъ, что галдѣнье ихъ захолустнаго городка является говоромъ всего міра“.

Именно изъ этой области умершіе съ какой-либо заботой на душѣ стремятся войти въ сношенія съ своими друзьями, чтобы

устроить тѣ земныя дѣла, которыя продолжаютъ тревожить ихъ. Если имъ не удастся появиться самимъ, или же передать другу свои желанія въ сновидѣніи, они часто доставляютъ много беспокойствъ стуками и иными шумами, имѣющими цѣлью привлечь на себя вниманіе, или же ненамѣренно вызванными ихъ тревожными усиліями войти въ сношенія съ людьми. Въ такихъ случаяхъ было бы дѣломъ милосердія со стороны знающихъ людей войти въ сообщеніе съ такой страдающей душой, узнать ея желанія и тѣмъ избавить ее отъ тревоги, задерживающей ея движеніе впередъ. Пока души находятся въ этой области, вниманіе ихъ очень легко привлекается къ землѣ, хотя бы они и не желали возвращаться назадъ, и такая плохая услуга оказывается имъ въ тѣхъ случаяхъ когда оставшіеся на землѣ друзья посылаютъ имъ порывы страстнаго горя и пламенные призывы, чтобы вернуть ихъ назадъ. Мысле-образы, созданные этой тоской, носятъ вокругъ освобожденныхъ душъ, бьются объ нихъ и часто пробуждаютъ тѣхъ, которыя мирно спали, или же стремительно влекутъ ихъ мысли къ землѣ, если уже начались ихъ сознательныя посмертныя переживанія. Въ особенности въ первомъ случаѣ, когда душа мирно спитъ, невоздержанный эгоизмъ со стороны оставшихся на землѣ приноситъ усопшимъ такой сильный вредъ, что невоздержанные друзья первые пожалѣли бы, если бы узнали о томъ. И возможно, что ознакомленіе съ бесполезнымъ страданіемъ, которое причиняется такимъ образомъ умершимъ, могло бы придать новую силу религіознымъ ученіямъ, которыя требуютъ подчиненія божественному закону и подавленія чрезмѣрнаго и мятежнаго горя. Третья и четвертая область чистилища отличаются лишь немногимъ отъ второй области и могутъ быть названы болѣе утонченной копіей ея, при чемъ четвертая область болѣе эфирна, чѣмъ третья, но общія характерныя черты всѣхъ трехъ подраздѣленій чрезвычайно схожи между собой. Души болѣе развитого типа находятся также здѣсь, и хотя онѣ и удерживаются въ чистилищѣ благодаря границамъ, построеннымъ ихъ земными интересами, все же вниманіе ихъ обращено—по большей части—впередъ, а не назадъ, и, если ихъ насильственно не притягивать къ земнымъ переживаніямъ, они не замедлятъ въ своемъ движеніи впередъ. Временно онѣ все же остаются чувствительными къ идущимъ отъ земли вибраціямъ, и слабѣющій интересъ къ земнымъ дѣламъ можетъ быть вновь пробужденъ несущимися къ нимъ воплями скорби. Большое число образованныхъ и мыслящихъ людей, занятыхъ въ теченіи земной жизни преимущественно мірскими дѣлами, остаются

въ этихъ областяхъ въ полномъ сознаніи, и они могутъ быть вовлечены въ общеніе съ землей черезъ медиумовъ, а также и сами искать такого общенія, хотя послѣднее бываетъ гораздо рѣже. Сообщенія ихъ носятъ болѣе высокой характеръ, чѣмъ упомянутыя сообщенія, идущія изъ второй области чистилища, но и они не отличаются особыми признаками, которые дѣлали бы ихъ болѣе цѣнными, чѣмъ то, что говорится людьми еще при жизни. Духовное просвѣтленіе не можетъ исходить изъ чистилища (Кама-лока). Пятое его подраздѣленіе представляетъ уже много новыхъ чертъ. Оно является уже явственно свѣтящимся и чрезвычайно привлекательнымъ для привыкшихъ къ темнымъ земнымъ оттѣнкамъ, оправдывая названіе астральнаго, звѣзднаго, даннаго всей этой сферѣ. Здѣсь находится материализованное небо, которое играетъ такую большую роль въ народныхъ религіозныхъ представленіяхъ всего міра. Просторные луга для охоты краснокожихъ индѣйцевъ, Валгала сѣверныхъ народовъ, наполненный гуріями рай мусульманъ, золотовратый, украшенный жемчугомъ, новый Иерусалимъ христіанъ, богатое научными учрежденіями небо материалистическаго реформатора—все находитъ здѣсь свое мѣсто. Мужчины и женщины, крѣпко придерживавшіеся мертвой буквы, находятъ здѣсь буквальное удовлетвореніе своимъ стремленіямъ, бессознательно создавая въ астральной матеріи силу воображенія—питавшагося обрядовой стороной міровыхъ религій—тѣ заоблачные храмы и дворцы, о которыхъ они грезили на землѣ. Самыя матеріальныя религіозныя представленія находятъ здѣсь временное осуществленіе, и книжники всѣхъ вѣрованій, которые были полны эгоистическаго стремленія къ личному спасенію въ материализованныхъ небесахъ, находятъ здѣсь подходящую и для нихъ весьма пріятную обитель, окруженную какъ разъ тѣми условіями, которыя составляли предметъ ихъ вѣрованій. Дѣятельныя души изъ числа церковниковъ и филантроповъ, которыя стремились осуществлять свои собственныя фантазіи и вести ближнихъ своими собственными путями, гораздо болѣе, чѣмъ самоотверженно работать для увеличенія общаго блага, чувствуютъ себя здѣсь на полномъ раздольѣ, устраняя разныя просвѣтительныя учрежденія, пріюты, школы, для своего собственнаго удовлетворенія, и онѣ бываютъ въ восхищеніи, если имъ удастся „вести свой астральный палецъ въ земной пирогъ“ съ помощью услужливаго медиума, которому они покровительствуютъ съ высокомѣрной снисходительностью. Они строятъ астральные церкви, школы и дома, наполняя ими материалистическія небеса, о которыхъ они мечтали;

и хотя для болѣе тонкаго созерцателя ихъ построения весьма не-совершенны, ихъ они удовлетворяютъ вполне. Люди одной и той же паствы соединяются вмѣстѣ и сотрудничаютъ различнымъ образомъ; образуются цѣлыя общины, отличающіяся настолько же одна отъ другой, какъ и на землѣ. Въ случаяхъ, когда завязываются сношенія съ землей, они ищутъ людей своей собственной вѣры и своей страны, отчасти по естественному средству, но также и потому, что въ Камалокѣ все еще существуютъ различія языковъ, что отражается и въ сообщеніяхъ, получаемыхъ въ спиритуалистическихъ кружкахъ. Души изъ этой области принимаютъ обыкновенно живѣйшее участіе въ попыткахъ установить сообщеніе между земнымъ міромъ и потустороннимъ, и „духи-руководители“ медіумовъ средняго развитія являются болѣею частью именно изъ этой области и изъ непосредственно слѣдующей за ней. Обыкновенно они сознаютъ, что впереди для нихъ предстоитъ болѣе высокая жизнь, и что рано или поздно они перейдутъ въ міры, откуда сообщенія съ землей станутъ невозможны. Шестая область чистилища сходна съ пятой, но она несравненно утонченнѣе, и населяютъ ее души высшаго типа, изживающія тамъ свои астральныя оболочки, съ которыми большая доля ихъ умственной энергіи была тѣсно соединена, пока они были въ физическомъ тѣлѣ. Задержание ихъ въ этой области происходитъ благодаря себялюбію, игравшему значительную роль въ ихъ артистической или интеллектуальной дѣятельности, и благодаря тому, что они продавали свои таланты для удовлетворенія, въ утонченной формѣ, своихъ желаній. Окружающая ихъ среда—наиболѣе красивая изъ всего чистилища; творческія мысли формуютъ изъ свѣтлагося матеріала этой области чудные пейзажи, волнующіеся океаны, снѣгомъ увѣнчанныя горы и плодородныя долины, цѣлыя сцены такой волшебной красоты, съ которой не сравнится никакая земная красота. И узко вѣрующіе также находятся здѣсь, изъ числа болѣе подвинувшихся, чѣмъ обитатели предшествующей области. Яснѣе сознавая свою собственную ограниченность, они правильнѣе смотрятъ впередъ на свой переходъ въ болѣе высокое состояніе. Седьмое, высшее подраздѣленіе чистилища (камалока) населено почти сплошь умственно развитыми мужчинами и женщинами, которые, или были яркими матеріалистами на землѣ, или же такъ тѣсно связали свое сознание съ путями, на которыхъ знанія достигаются однимъ низшимъ разумомъ, что продолжаютъ свои изысканія по прежнимъ линіямъ, хотя и съ расширенной способностью воспріятія. Припомнимъ—какъ примѣръ—неудовольствіе, выра-

женное Чарльзомъ Ламбъ при мысли, что на небесахъ знанія могутъ приобретаться „какимъ-то неуклюжимъ процессомъ интуиціи“ вмѣсто изученія его излюбленныхъ книгъ. Многіе ученые живутъ цѣлыми годами, иногда даже столѣтіями, по словамъ Е. П. Блавацкой, въ буквальномъ смыслѣ среди астральной библіотеки, изучая прилежно всѣ книги, касающіяся ихъ любимаго предмета, и совершенно довольные своей судьбой. Люди, которые горячо отдавались интеллектуальнымъ изслѣдованіямъ по опредѣленнымъ научнымъ линіямъ и которымъ пришлось покинуть свое физическое тѣло съ неудовлетворенной жаждой знанія, продолжаютъ свои изслѣдованія съ неутомимой настойчивостью, скованные своей тягой къ физическимъ способамъ познания. Нерѣдко такіе люди сохраняютъ свой скептицизмъ относительно высшихъ возможностей, находившихся передъ ними, и отступаютъ передъ перспективой того, что можно назвать второй смертью, т. е. передъ безсознательнымъ состояніемъ, въ которое душа впадаетъ до времени, когда она рождается для высшей жизни на небесахъ. Политическіе дѣятели, государственные люди, люди науки временно пребываютъ въ этой области, медленно освобождаясь отъ астральнаго тѣла, все еще привязанные къ земной жизни своимъ острымъ и живымъ интересомъ къ земнымъ перипетіямъ, въ которыхъ они играли столь видную роль; они дѣлаютъ усилія, чтобы достигнуть и въ астральномъ мірѣ торжества тѣхъ плановъ, отъ которыхъ ихъ оторвала смерть ранѣе, чѣмъ они достигли своей цѣли. Но для всѣхъ, рано или поздно, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ, которые въ теченіе всей своей земной жизни никогда не испытали даже мимолетнаго чувства безкорыстной любви, или проблеска духовнаго стремленія и не признавали чего либо или кого либо выше себя, для всѣхъ приходитъ время, когда связь съ астральнымъ тѣломъ окончательно порывается, и душа погружается въ короткую безсознательность относительно всего окружающаго, подобную той, которая наступаетъ послѣ сбрасыванія физическаго тѣла; а затѣмъ, душа пробуждается отъ ощущенія блаженства, яркаго, безграничнаго, неизмѣримаго, невообразимаго для земнаго сознанія, блаженства небснаго міра, къ которому по своей истинной сути принадлежитъ человѣческая душа. Низменны и корыстны могли быть ея страсти, тривіальны и нечисты многія изъ ея стремленій, но въ ней были вспышки высшей природы, прорывались лучи свѣта изъ высшихъ міровъ, и для этихъ проблесковъ божественной природы наступаетъ жатва; и какъ бы ничтожны и немногочисленны они ни были, и для нихъ должно наступить соотвѣтству-

ющее воздаяние. Такъ переходитъ человѣкъ къ собиранію на небесахъ того, что имъ посяно было во время земной жизни, къ вкушенію и претворенію плодовъ этой жатвы *). Астральный трупъ, какъ иногда его называютъ, или „скорлупа“, оставшаяся послѣ ушедшаго человѣка, состоитъ изъ остатковъ тѣхъ семи концентрическихъ оболочекъ, которыя были ранѣе описаны, и эти остатки удерживаются въ соединеніи сохранившимся магнетизмомъ души. Каждая изъ семи оболочекъ или „скорлупъ“, въ свою очередь, распадается, пока не останутся отъ нея лишь разсѣянная частица; послѣднія притягиваются магнетической тягой къ оставшимся „скорлупамъ“, и когда, одна за другой, всѣ онѣ распадаются вплоть до седьмой или внутренней, тогда самъ человѣкъ освобождается, оставляя за собой опустошенные остатки. Послѣдніе неопредѣленно блуждаютъ въ астральномъ мірѣ, автоматически и слабо повторяя привычныя вибраціи, и, по мѣрѣ того, какъ сохранившійся въ нихъ магнетизмъ постепенно разсѣивается, они приходятъ все въ бѣдшую и бѣдшую степень разложенія, пока, наконецъ, не распадутся окончательно, возвращая свои матеріалы въ общій резервуаръ астральной матеріи совершенно такъ же, какъ это происходитъ съ физическимъ тѣломъ, отдающимъ свои составныя частицы физическому міру. Такія „скорлупы“ несутся туда, куда астральныя теченія направляютъ ихъ, и онѣ могутъ быть временно оживлены (если онѣ не слишкомъ сильно разложились) магнетизмомъ воплощенныхъ душъ, и какъ бы возвращены на короткое время къ нѣкоторому подобію дѣятельности.

Онѣ всасываютъ такой магнетизмъ, какъ губка всасываетъ воду, и затѣмъ принимаютъ обманчивый видъ жизненности, повторяя болѣе энергично тѣ вибраціи, къ которымъ онѣ привыкли при жизни. Послѣднія часто вызываются токомъ мыслей, привычныхъ и для отшедшей души и для друзей и родныхъ, оставшихся на землѣ, и такая оживленная „скорлупа“ можетъ весьма удовлетворительно сыграть роль сообщающагося „духа“, хотя ее легко отличить даже помимо астральнаго зрѣнія—благодаря автоматическому повторенію обычныхъ для умершаго человѣка мыслей и полному отсутствію всякой оригинальности и какихъ бы то ни было знаній, которыми покойный не владѣлъ на землѣ.

Совершенно такъ же, какъ души умершихъ могутъ быть задерживаемы въ своемъ движеніи впередъ призывами неразумныхъ друзей, точно такъ же имъ можетъ быть оказана и помощь мудрыми и вѣрно-направленными усиліями.

*) См. гл. V „Деваканъ“.

Вотъ почему всѣ религіи, сохранившія хотя бы малѣйшіе слѣды оккультныхъ знаній своихъ основателей, примѣняютъ „молитвы объ усопшихъ“.

Эти молитвы, сопровождаемыя опредѣленными церемоніями, полезны болѣе или менѣе, глядя по размѣру знанія и любви, и по силѣ воли, которыми онѣ одушевлены. Онѣ основаны на томъ же мировомъ началѣ вибрацій, которыми созданъ міръ, которыми онѣ видоизмѣняется и поддерживается. Вибраціи создаются произносимыми звуками, которые складываютъ астральную матерію въ опредѣленныя формы, одушевляемая той мыслью, которая заключена въ словахъ молитвы.

Ихъ направляютъ въ чистилище, къ душѣ умершаго, гдѣ онѣ, ударяясь объ его астральное тѣло, ускоряютъ распаденіе послѣдняго. Съ упадкомъ оккультныхъ знаній, эти обряды стали менѣе и менѣе дѣйствительны, пока ихъ значеніе не свѣлось почти на нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, когда они выполняются человѣкомъ, обладающимъ живой вѣрой и оккультнымъ знаніемъ, они производятъ должное дѣйствіе. Болѣе того, каждый можетъ помочь своимъ дорогимъ покойникамъ, направляя къ нимъ мысли любви и мира, и желая чтобы они быстрѣе проходили черезъ чистилище, и скорѣе освобождались отъ астральныхъ оковъ. Никто не долженъ бы оставлять „своихъ умершихъ“ идти одинокимъ путемъ, безъ поддержки своихъ любящихъ мыслей, этихъ ангеловъ-хранителей, витающихъ вокругъ усопшихъ и помогающихъ имъ идти впередъ къ божественной радости.

Глава IV.

Ментальная сфера.

Ментальная сфера, какъ уже показываетъ самое ея названіе, есть сфера сознанія, работающаго какъ мысль; это—сфера разума, но не тогда, когда онѣ проявляется черезъ мозгъ, а когда онѣ свободно дѣйствуетъ въ своемъ собственномъ мірѣ, не стѣсняемый физической матеріей. Этотъ міръ и есть родина истиннаго человѣка. Англійское слово „man“ (человѣкъ) происходитъ отъ санскритскаго корня „man“, который въ свою очередь является корнемъ санскритскаго глагола, означающаго *мыслить*, такъ что „man“ означаетъ въ буквальномъ смыслѣ *мыслитель*, названіе,

несущее въ себѣ самый характерный признакъ человѣка—разумность. По англійски слово *mind* выражаетъ въ одно и то же время разумное сознание какъ таковое, и дѣйствія, вызываемыя въ физическомъ мозгу вибраціями этого сознания. Но въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи мы должны принять разумъ за опредѣленную сущность, за индивидуальность, жизнь которой проявляется вибраціями, которыя и суть мысли, и мысли эти—образы, а не слова; эта индивидуальность и есть *Manas* или *мыслитель**). Мы могли бы назвать его сферой чистаго разума, чтобы отличить его дѣятельность отъ проявленій ума, работающаго черезъ физическій мозгъ. Это и есть *Я, Ego, (Self)* заключенное въ условіяхъ, предъявляемыхъ ему этой матеріей. Оно проявляетъ свое присутствіе въ физической сферѣ вибраціями, которыя вызываетъ въ мозгу и въ нервной системѣ; послѣднія отвѣчаютъ на дрожь его жизни отвѣтными вибраціями, но, вслѣдствіе грубости своихъ матеріаловъ, они могутъ воспроизвести лишь небольшую часть всѣхъ его вибрацій и притомъ—очень несовершенно. Какъ наука утверждаетъ существованіе обширныхъ рядовъ эфирныхъ вибрацій, изъ которыхъ лишь небольшое количество (солнечный свѣтовой спектръ) можетъ быть воспринято глазомъ, способнымъ вибрировать лишь въ ограниченныхъ предѣлахъ, точно такъ же физической аппаратъ мысли—мозгъ и нервная система могутъ воспринимать лишь небольшую часть изъ обширнаго ряда вибрацій, которыя приводятся въ движеніе „мыслителемъ“ въ его собственной сферѣ. Наиболѣе развитой мозгъ отвѣчаетъ на этотъ рядъ вибрацій лишь до той точки, которую мы называемъ большой интеллектуальной силой; исключительно воспримчивый мозгъ отвѣчаетъ до точки, которую мы называемъ гениемъ; исключительно невоспримчивый мозгъ отвѣчаетъ лишь до точки, которую мы называемъ идиотизмомъ; но какими бы качествами ни обладалъ мозгъ, на него безъ перерыва несутся миллионы мыслей—волнъ, на которыя онъ не можетъ отвѣчать, благодаря плотности матеріаловъ, изъ которыхъ онъ состоитъ, и такъ-называемыя умственные силы cadaго изъ насъ соотвѣтствуютъ вполнѣ чувствительности нашего передаточнаго аппарата—мозга. Но прежде чѣмъ изучать *мыслителя*, слѣдуетъ ознакомиться съ его міромъ, съ самой ментальной сферой. Ментальная сфера, ближайшая къ астральной, отдѣляется отъ нея лишь разностью

*) Производимый отъ *Manas*; техническое выраженіе „маназическій планъ“ переводится англійчанами какъ „ментальный“.

матеріи, изъ которой она состоитъ, совершенно такъ же, какъ астральная сфера отдѣляется отъ физической. И въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ сказать совершенно то же объ отношеніи ментальнаго къ астральному, что мы уже говорили объ отношеніи астральнаго къ физическому. Жизнь въ ментальной сферѣ болѣе дѣятельна, чѣмъ въ астральной, и формы ея болѣе пластичны. Духъ—матерія этой сферы гораздо сильнѣе оживотворена и болѣе утончена, чѣмъ наивысшая матерія астральной сферы. Первичный атомъ астральной матеріи окруженъ безчисленными агрегатами наиболѣе грубой ментальной матеріи; такимъ образомъ, при разложеніи астральнаго атома освобождается большое количество ментальной матеріи наиболѣе плотнаго разряда. При этихъ условіяхъ, т. е. вслѣдствіе того, что уменьшается плотность приводимой въ движеніе матеріи, естественно, что проявленіе жизненныхъ силъ въ этой сферѣ безмѣрно увеличивается въ смыслѣ активности.

Ментальная матерія находится въ постоянномъ непрерывномъ движеніи, принимая опредѣленную форму подъ вліяніемъ cadaго самаго легкаго дрожанія жизни и легко приспособляясь къ каждому измѣняющему ее движенію. „Матерія мысли“, какъ ее назвали, заставляетъ астральную матерію казаться неуклюжей, тяжелой и тусклой, хотя по сравненію съ физической матеріей она казалась столь волшебнo-прозрачной и свѣтлой. Но законъ аналогіи неизмѣненъ, и онъ будетъ для насъ руководящею нитью въ этой над-астральной области, которая воистину есть наша родина, хотя мы, заключенные въ чуждой странѣ, и не знаемъ ея и относимся къ ея описанію словно къ неизвѣстной странѣ.

Такъ же, какъ въ двухъ предыдущихъ низшихъ сферахъ, и въ ментальной сферѣ имѣется семь подраздѣленій духа-матеріи. И эти разновидности матеріи вступаютъ въ такія же безчисленныя соединенія всевозможныхъ оттѣнковъ сложности, образуя твердые и жидкіе составы, газы и эфиры ментальной сферы. Слово „твердое“ кажется нелѣпымъ, когда мы говоримъ даже о самыхъ уплотненныхъ формахъ матеріи мысли; тѣмъ не менѣе, не имѣя другихъ словъ, кромѣ тѣхъ, которыя соотвѣтствуютъ физическимъ условіямъ бытія, мы вынуждены называть ихъ такъ въ виду ихъ сравнительной плотности. Достаточно, если мы усвоимъ, что и эта сфера слѣдуетъ тому же общему закону и порядку природы, который для нашего земнаго шара является семиричной основой, и что семь подраздѣленій ментальной матеріи представляютъ относительную и постепенно уменьшающуюся плотность, какъ твердые, жидкіе, газообразные и эфирные составы на землѣ, при чемъ седь-

мое или высшее подразделение состоит исключительно из первичных ментальных атомовъ.

Эти семь подразделений дѣлятся въ свою очередь на два отдѣла, которымъ дали непонятное съ перваго взгляда названіе „безъ формы“ и имѣющаго „форму“ *). Четыре подразделенія соединяются вмѣстѣ, какъ „имѣющія форму“; другую группу представляютъ три высшія подразделенія — пятое, шестое и седьмое, имѣющія общій признакъ—отсутствіе формы. Группировка эта необходима, такъ какъ различіе это вполнѣ реально, хотя и трудно поддается описанію, и въ человѣческомъ сознаніи оно соотвѣтствуетъ подразделеніямъ въ самомъ разумѣ, какъ мы это узнаемъ позднѣе.

Различіе это, быть можетъ, лучше всего выяснится, если мы скажемъ, что въ четырехъ низшихъ подразделеніяхъ вибраціи сознанія творятъ формы, образы, картины, такъ что каждая мысль появляется въ видѣ живого образа, тогда какъ въ трехъ высшихъ, хотя сознаніе и продолжаетъ давать начало вибраціямъ, оно посылаетъ ихъ скорѣе подобно могучему потоку жизненной энергіи, который не одѣвается въ опредѣленные образы, пока остается въ этихъ высшихъ областяхъ, но немедленно, какъ только переносится въ низшія области, создаетъ разнообразіе формъ, связанныхъ между собою какимъ-либо общимъ условіемъ.

Ближайшей аналогіей для мысли, которую я стараюсь выразить, могутъ служить абстрактныя и конкретныя мысли, напр.: абстрактная мысль о треугольникѣ не имѣетъ формы, но заключаетъ въ себѣ всѣ фигуры, ограниченныя тремя прямыми линиями, углы которыхъ составляютъ два прямыхъ угла; такая идея съ заключенными въ ней условіями, но безъ формы, брошенная въ низшій міръ, можетъ дать жизнь обширному разнообразію фигуръ—прямоугольныхъ, равнобедренныхъ, разностороннихъ, всевозможныхъ размѣровъ и цвѣтовъ, но всѣ отвѣчающія условіямъ конкретного треугольника, каждая съ своимъ собственнымъ опредѣленнымъ очерченіемъ.

Невозможность дать въ словахъ яснаго представленія о томъ, какъ различно дѣйствуетъ сознаніе въ области конкретного и въ области абстрактнаго, зависитъ отъ того, что слова — символы образовъ и принадлежатъ они къ области малаго разума, проявляющагося съ помощью мозга, и всецѣло основаны на его работоспособности, тогда какъ области „безъ формы“ принадлежатъ

*) *Arūpa*—безъ формы, *Rūpa*—форма.

чистому разуму, который никогда не проявляется въ узкихъ предѣлахъ человѣческой рѣчи.

Ментальная сфера нашей небольшой системы служитъ отраженіемъ для Мирового Сознанія въ природѣ и она же соотвѣтствуетъ Великому Разуму всего Космоса *). Въ его высшихъ областяхъ существуютъ всѣ первообразы идей, которыя нынѣ находятся на пути конкретной эволюціи; въ низшихъ областяхъ ментальной сферы идеи эти появляются въ послѣдовательныхъ формахъ, которыя затѣмъ и воспроизводятся въ точности въ астральномъ и физическомъ мірахъ.

Матерія этой сферы способна сочетаться различнымъ образомъ подъ воздѣйствіемъ вибрацій мысли и можетъ вызвать къ жизни любое сочетаніе, которое мысль способна создать; какъ изъ желѣза можно сдѣлать и лопату для обработки земли, и мечъ для битвы, такъ же и ментальная матерія можетъ обращаться въ мысле-формы или творческія, или разрушающія. Вибрирующая жизнь Мыслителя формуетъ вокругъ него ментальные матеріалы, и подобно его желаніямъ происходитъ и работа мысли. Въ этой области мысль и дѣйствіе, воля и выполненіе—одно и то же: духъ-матерія является здѣсь послушнымъ слугою жизни, приспособляясь къ ея каждому созидающему движенію.

Эти вибраціи, создающія изъ ментальной матеріи мысле-формы, даютъ также начало, благодаря своей быстротѣ и тонкости, необыкновенно красивымъ и изящнымъ, вѣчно измѣняющимся краскамъ, волнамъ переливающихся оттѣнковъ, подобнымъ радужной игрѣ на перламутровой поверхности, воздушнымъ и яркимъ въ степени, не передаваемой земными впечатлѣніями, которыя проносятся черезъ всѣ формы такимъ образомъ, что каждая изъ нихъ представляетъ изъ себя гармонію струящихся, живыхъ, свѣтящихся, нѣжныхъ цвѣтовъ, многіе изъ которыхъ даже неизвѣстны на землѣ. Никакими словами нельзя передать изящную красоту и сіяніе, проявляющіяся въ сочетаніяхъ этой тонкой матеріи, проникнутой жизнью и движеніемъ. Каждый ясновидѣцъ, когда-либо созерцавшій ее—индусъ, буддистъ, христіанинъ—всѣ говорятъ въ восторженныхъ выраженіяхъ о ея сіяющей красотѣ и сознаютъ полное безсиліе земныхъ словъ, чтобы описать ее. Слова способны дать лишь грубое и искаженное понятіе, какъ бы красиво они ни слагались для ея прославленія.

*) *Mahat*, Третій Логосъ или Божественный Творческій Разумъ, Брама индусовъ, *Манджусри* сѣверныхъ буддистовъ, Святой Духъ христіанъ.

Среди живых существ, действующих в ментальной сфере, мысле-формы играют, несомненно, большую роль. Они схожи с теми мысле-формами, которые мы уже узнали в астральной сфере, с той разницей, что они окрашены гораздо светлее и ярче, что они сильнее, существование их продолжительнее и в них больше жизненной энергии. Чем определеннее становятся высшие умственные качества человека, тем скорее вырисовываются внешние очертания его мысле-форм, и в них замечается склонность к удивительному совершенству геометрических построений, соединенному с поразительной чистотой светящихся красок. Излишне и прибавлять, что на настоящей ступени человечества преобладают облачные, неопределенно-построенные мысле-формы, создания дурно-воспитанных умов большинства. Здесь также встречаются и редкой красоты художественные мысли, и неудивительно, что художники, уловившие в мечтах проблеск совершенства своего идеала, мучатся от невозможности воспроизвести его сияющую красоту земными тусклыми красками.

Эти мысле-формы строятся из „элементальной эссенции“ ментальной сферы, которой вибрации мысли придают соответствующую форму, в которую мысль и воплощается, пребывая в ней как одушевляющая ее жизнь.

Таким образом, мы и здесь имеем „искусственные элементы“, созданные таким же образом, как и в астральной сфере. Все, что сказано во второй главе об их происхождении и значении, может быть повторено и относительно мысле-форм ментальной сферы, но здесь ответственность их создателей увеличивается, благодаря большей силе и продолжительности явлений в этом высшем мире. Элементальная эссенция ментальной сферы создана Монадой в период ее сошествия, непосредственно перед ее вступлением в астральный мир, и она образует второе элементальное царство, населяющее четыре нижних подразделения ментальной сферы. Три высших подразделения (без формы) населены первым элементальным царством; там элементальная эссенция приводится мыслью не в определенные формы, а в состояние сверкания, в цветные потоки, в молнии живого огня, словно приурочиваясь к сложным действиям, но не принимая еще на себя определенного ограничения форм.

В ментальной сфере, в обеих ее обширных областях, существует множество разумных Существ, нижняя тьла кото-

рых составлены из светящейся материи и из элементальной эссенции ментальной сферы, Светозарныя, которые направляют процессы природы, следуя за сонмами низших духов, о которых уже была речь, в то же время состоя в подчинении у великих представителей семи элементов*). Это Существа с обширными знаниями, с великими силами, обладающие великодушным внешним видом: сияющие, искрящиеся, безчисленных оттенков, подобно радугам с мняющимися небесными цветами, величавого царственного вида, воплощения спокойной энергии и неотраженной силы. Вспоминается описание великого христианского пророка, когда он говорил о могучем Ангеле: „Радуга была над его головой, лицо его было как солнце и ноги его как огненные столбы“ (Откровение X, 1). Голоса их подобны шуму многих потоков, подобны эху от музыки сферы. Они руководят природным порядком и правят обширными сонмами элементалей астрального мира, так что их отряды выполняют непрерывно различные процессы природы с неизменной правильностью и точностью.

В нижних ментальных областях встречаются многие чела (ученики), работающие в своих ментальных тьлах**), освобожденные на время от своих физических покровов. Когда тьло объято глубоким сном, истинный человек, „Мыслитель“, может покинуть его и, свободный от его тяжести, может без помощи действовать в высших мирах. Отсюда он может утешать своих ближних и помогать им, действуя непосредственно на их сознание, посылая им мысли помощи, ставя перед ними благородные идеи, и все это быстрее и действительнее, чем во плоти. Он оттуда яснее видит их нужды и поэтому в состоянии больше совершенно помогать им; и его высшая радость в том, чтобы служить своим борющимся братьям, не подозревающим о том, чья сильная рука приподнимает их бремя и чей нежный голос произносит для них утешения в часы печали. Невидимый, неузнанный, он работает, служа своим врагам так же охотно, как и друзьям, распределяя на отдельных людей потоки животворящих сил, изливающихся от Великих Помощников из еще более высоких сфер. Здесь

*) Это—*Āgūra* и *Rūpa Devas* индусов и буддистов, Владыки небесного и земного—последователей Зороастра, Архангелы и Ангелы христиан и магометан.

**) Тьла эти называются обыкновенно *Māyāvi Rūpa*, или тьла иллюзии, когда создаются для самостоятельной деятельности в ментальной сфере.

иногда можно видѣть и свѣтлый образъ Учителей, хотя обычное ихъ пребываніе на высшихъ уровняхъ ментальной сферы; также и инья высшія Существа появляются отъ времени до времени ради дѣла милосердія и помощи, требующей ихъ проявленія на этихъ ступеняхъ бытія.

Сношенія между разумными существами, дѣйствующими сознательно въ этой сферѣ, будь это человѣческія или нечеловѣческія существа, будь они въ тѣлѣ или внѣ тѣла, происходятъ мгновенно, съ „быстротою мысли“. Пространственные преграды не имѣютъ здѣсь разъединяющаго значенія, и каждая душа можетъ прийти въ соприкосновеніе съ другой душой, лишь направляя свое вниманіе къ ней. Такія сообщенія отличаются не только быстротой, но и совершенной полнотой, если души стоятъ на одинаковомъ уровнѣ эволюціи. Слова не сковываютъ и не мѣшаютъ единенію, но вся мысль молниеносно переносится отъ одной души къ другой, вѣрнѣе сказать—каждая душа видитъ, какъ создается мысль въ другой душѣ. Истинными преградами между душами являются различія въ эволюціи; менѣе развитая душа можетъ знать о болѣе развитой лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ способна отвѣчать на вибраціи послѣдней; при чемъ ограниченіе можетъ быть ощущаемо лишь высшей душой, такъ какъ низшая имѣетъ отвѣтъ на все, что можетъ вмѣстить. Чѣмъ болѣе душа развита, чѣмъ болѣе она знаетъ обо всемъ окружающемъ ее, тѣмъ ближе она подходитъ къ сущности вещей. Но надо помнить, что и ментальная сфера имѣетъ свои завѣсы иллюзій, хотя ихъ и гораздо меньше и онѣ несравненно тоньше, чѣмъ иллюзіи астрального и физического міровъ. Каждая душа имѣетъ свою собственную ментальную атмосферу, а такъ какъ всѣ впечатлѣнія должны пройти черезъ эту атмосферу, онѣ всѣ искажаются и окрашиваются сообразно ея свойствамъ. Чѣмъ свѣтлѣе и чище атмосфера, чѣмъ менѣе она окрашена личными свойствами, тѣмъ менѣе остается иллюзій, могущихъ вліять на нее.

Три высшія подраздѣленія ментальной сферы суть мѣстопребываніе самого Мыслителя, и онъ пребываетъ въ одномъ или въ другомъ, сообразно степени своей эволюціи. Огромное большинство пребываетъ на низшемъ уровнѣ. Сравнительно небольшое число высоко интеллектуальныхъ душъ пребываетъ на второмъ уровнѣ, такъ какъ Мыслитель *возносится* туда—выраженіе, болѣе подходящее для физической, чѣмъ для ментальной сферы—только въ томъ случаѣ, когда болѣе тонкая матерія этой области пре-

обладаетъ въ немъ и вслѣдствіе этого вызываетъ необходимость перемѣщенія въ болѣе высокую область.

Въ сущности дѣло тутъ не въ „вознесеніи“ и не въ перемѣнѣ мѣста, но въ томъ, что Мыслитель способенъ воспринимать вибраціи болѣе тонкой матеріи и отвѣчать на нихъ, обладая въ то же время способностью посылать отъ себя силы, которыя приводятъ разрѣженные частицы этой тонкой матеріи въ колебательныя движенія.

Изучающій эти вопросы долженъ твердо помнить тотъ фактъ, что поднятіе по ступенямъ эволюціи означаетъ не перемѣщенія съ мѣста на мѣсто, а все болѣе утончающуюся способность воспринимать впечатлѣнія. *Всѣ сферы окружаютъ насъ*: астральная, ментальная, сферы Будди и Нирваны и міры еще болѣе высокіе, жизнь высочайшаго Бога. Намъ не къ чему передвигаться, чтобы находить ихъ, ибо онѣ здѣсь, около насъ, но наша грубая непріимчивость отдаляетъ и скрываетъ ихъ отъ насъ болѣе дѣйствительно, чѣмъ это могли бы сдѣлать миллионы миль въ пространствѣ. Мы сознаемъ лишь то, что на насъ дѣйствуетъ, что вызываетъ насъ на отвѣтныя вибраціи, и, по мѣрѣ того, какъ мы становимся все болѣе и болѣе воспримчивыми и вбираемъ въ себя все болѣе и болѣе тонкую матерію, мы приходимъ въ соприкосновеніе съ мірами все болѣе утонченными. Слѣдовательно, поднятіе съ одного уровня на другой означаетъ, что мы тѣмъ себѣ облаченія изъ болѣе тонкаго матеріала и посредствомъ него соприкасаемся съ болѣе утонченными мірами; и еще это означаетъ, что въ высшемъ Я, заключенномъ въ эти облаченія, высшія силы пробуждаются изъ неподвижнаго состоянія къ дѣятельности и начинаютъ высылать свои тонкія вибраціи жизни.

На этой ступени, достигнутой Мыслителемъ, онъ вполне сознаетъ все окружающее его и владѣетъ воспоминаніемъ о своемъ прошломъ. Онъ знаетъ тѣла, въ которыя онъ облеченъ, черезъ которыя онъ соприкасается съ низшими мірами, и онъ способенъ вліять на нихъ и руководить ими въ значительной степени. Онъ видитъ препятствія и затрудненія—плоды прошлой небрежной жизни, которые грозятъ имъ, и онъ стремится влить въ нихъ энергіи, которыя сдѣлаютъ ихъ лучше вооруженными для предстоящихъ задачъ. Руководство, идущее отъ него, чувствуется иногда въ низшемъ сознаніи, какъ повелительно принуждающая сила, которая пролагаетъ свой путь и побуждаетъ къ такимъ поступкамъ, которые могутъ быть неясны для болѣе смутнаго зрѣнія

ментальных и астральных оболочекъ. Люди, совершавшіе великія дѣянія, иногда оставляли свидѣтельства о томъ, что какая-то внутренняя поднимающая и понуждающая сила заставляла ихъ, какъ бы помимо ихъ воли, поступать такъ, а не иначе. И тогда-то они и совершали истинно человѣческія дѣла; Мыслитель, который и есть внутренній человѣкъ, производитъ свою работу сознательно посредствомъ тѣла, которыя и выполняютъ свои дѣятельности, какъ простые проводники индивидуальнаго.

На третьемъ, высшемъ уровнѣ верхней области ментальной сферы пребываютъ *Ego* (безсмертныя Я) Учителей и Посвященныхъ и ихъ учениковъ; здѣсь въ оболочкахъ Мыслителя преобладаетъ тонкая матерія этого высшаго міра. Именно изъ этого міра высочайшихъ ментальныхъ силъ, Учителя распространяютъ свою благотворную дѣятельность на пользу человѣчества, проливая потоки благородныхъ идей, вдохновенныхъ мыслей, молитвенныхъ стремленій, потоки духовной и интеллектуальной помощи людямъ. Каждая образующая тамъ сила излучается въ безчисленныхъ направленіяхъ, и наиболѣе благородныя и наиболѣе чистыя души легче всего воспринимаютъ эти благія, помощь несущія вліянія. Такъ, новое открытіе внезапно озаряетъ мысль терпѣливаго изслѣдователя скрытыхъ силъ природы; новая мелодія восхищаетъ слухъ великаго музыканта; отвѣтъ на давно искомую задачу освѣщаетъ возвышенный разумъ философа; новая энергія надежды и любви проникаетъ въ сердце безкорыстнаго дѣятеля на пользу обездоленныхъ людей. А между тѣмъ люди думаютъ, что они оставлены безъ всякой помощи, хотя тѣ самыя выраженія, которыя они часто употребляютъ, въ родѣ: „внезапная мысль посѣтила меня“, „открытіе молніей пронеслось во мнѣ“ и т. д., безсознательно подтверждаютъ ту истину, которая хорошо извѣстна ихъ высшему Я, хотя она и скрыта для ихъ слѣпнаго физическаго взора.

Возвратимся теперъ къ изученію Мыслителя и его оболочекъ, какими онѣ являются у людей на землѣ. Тѣло сознанія, обусловливающее сознаніе въ четырехъ низшихъ подраздѣленіяхъ ментальной сферы, *Ментальное тѣло*, какъ мы называемъ его, составлено изъ соединеній вещества названныхъ четырехъ подраздѣленій. „Мыслитель“, индивидуальность, Душа Человѣка, образовавшаяся, какъ описано въ этой главѣ, воплощаясь, излучаетъ вначалѣ нѣкоторую часть энергіи въ вибраціяхъ, которыя привлекаютъ къ нему и облекаютъ его въ матерію четырехъ низшихъ подраздѣленій его собственной сферы (ментальной). Сообразно свойствамъ вибрацій, привлекается тотъ или другой родъ матеріи:

такъ, болѣе тонкая матерія отвѣчаетъ на болѣе быстрыя вибраціи и получаетъ форму подъ ихъ вліяніемъ; болѣе грубая матерія отвѣчаетъ на болѣе медленныя, совершенно такъ же, какъ струна прозвучитъ тою же нотою, т. е. даннымъ числомъ колебаній, въ отвѣтъ на ноту, изданную струной одинаковой съ ней длины и напряженія, но она же останется нѣмой среди цѣлаго хора нотъ, произведенныхъ несоотвѣтствующими струнами. То же самое и относительно различныхъ родовъ матеріи, которые всѣ отвѣчаютъ лишь на соотвѣтствующія каждому роду вибраціи. Въ полномъ соотвѣтствіи съ вибраціями, посылаемыми Мыслителемъ, будетъ и природа ментальнаго тѣла, которымъ онъ окружаетъ себя, и это ментальное тѣло и есть то, что мы называемъ низшимъ разумомъ или низшимъ *Manas*, ибо оно является собою самого Мыслителя, облеченнаго въ матерію *низшихъ* подраздѣленій ментальной сферы и обусловленнаго ею въ своихъ проявленіяхъ. Ни одна изъ его энергій, слишкомъ утонченная, чтобы привести въ движеніе этотъ родъ матеріи, и слишкомъ быстрая, чтобы вызвать въ ней отвѣтныя колебанія, не можетъ проявиться чрезъ нее; слѣдовательно, Мыслитель по необходимости ограниченъ матеріей, обусловленъ ею, сокращенъ ею въ проявленіяхъ своего я. Это—первая изъ темницъ, въ которыя онъ заключаетъ себя во время своей воплощенной жизни, и, пока его энергіи дѣйствуютъ внутри ея, онъ по большей части исключенъ отъ своего собственнаго высшаго міра, такъ какъ все его вниманіе устремлено на исходящія изъ него силы и его собственная жизнь вовлечена, благодаря этому, въ низшее тѣло мысли, которое называется то оболочкой (*vesture*), то ножнами (*sheath*), то проводникомъ (*vehicle*)—дѣло не въ выраженіи: каждое хорошо, которое указываетъ на то, что Мыслитель не есть ментальное тѣло, что онъ образуетъ его и пользуется имъ для проявленія себя настолько, насколько это возможно въ низшей ментальной области. Не слѣдуетъ также забывать, что его энергіи, продолжающія биться наружу, собираютъ вокругъ него также и болѣе плотную матерію астральной сферы, образуя его астральное тѣло, и въ теченіи его воплощенной жизни его энергія, выражающаяся посредствомъ низшихъ видовъ ментальной матеріи, превращается такъ легко въ болѣе медленныя вибраціи, которымъ соотвѣтствуетъ астральная матерія, что оба тѣла—ментальное и астральное, безпрестанно вибрируя вмѣстѣ, подъ конецъ становятся тѣсно переплетенными между собою; чѣмъ грубѣе свойство этой матеріи, внесенной въ построеніе ментальнаго тѣла, тѣмъ тѣснѣе становится эта связь,

такъ что оба тѣла причисляются иногда къ одному разряду и даже принимаются за одно *).

Когда мы приступимъ къ изученію перевоплощенія, мы увидимъ, какое большое жизненное значеніе имѣетъ этотъ фактъ. Типъ ментальнаго тѣла, которое человѣкъ образуетъ на своемъ пути къ новому воплощенію, будетъ вполне соответствовать достигнутой человѣкомъ ступени эволюціи, и мы начнемъ, какъ мы это дѣлали относительно астральнаго тѣла, изучать ментальныя тѣла, соответствующія тремъ типамъ человѣка: а) неразвитому человѣку, б) среднему человѣку, в) духовно-пробужденному человѣку.

а) Въ неразвитомъ человѣкѣ ментальное тѣло лишь мало замѣтно; оно состоитъ изъ небольшого количества неорганизованной ментальной матеріи, преимущественно изъ ея низшихъ видовъ — вотъ все, что оно представляетъ изъ себя на этой ступени. Оно приводится въ движеніе почти исключительно вліяніями, идущими отъ низшихъ тѣлъ, слабо вибрируетъ подъ воздействием астральныхъ волненій, возникающихъ отъ соприкосновенія съ матеріальными объектами посредствомъ органовъ чувствъ. Невозбуждаемое астральными вибраціями, ментальное тѣло остается почти въ полномъ покоѣ, но даже и въ отвѣтъ на ихъ бурные толчки его вибраціи остаются медленными и лѣнивыми. Внутри у него нѣтъ никакой опредѣленной дѣятельности и эти сильные удары извнѣ необходимы, чтобы пробудить въ немъ какой бы то ни было внятный отвѣтъ. Чѣмъ сильнѣе удары, тѣмъ лучше для роста человѣка, потому что каждая отвѣтная вибрація и помогаетъ зачаточному развитію ментальнаго тѣла. Шумныя удовольствія, гнѣвъ, бѣшенство, боль, ужасъ, — всѣ эти страсти, производя вихри въ астральномъ тѣлѣ, пробуждаютъ слабыя вибраціи и въ ментальномъ тѣлѣ, и именно эти вибраціи пробуждаютъ къ дѣятельности ментальное сознаніе, заставляя его прибавить нѣчто и отъ себя къ впечатлѣніямъ, идущимъ на него извнѣ. Мы видѣли, что ментальное тѣло такъ тѣсно

*) Такъ теософъ говоритъ о Кама-Манасъ, подразумѣвая, что мысль работаетъ одновременно съ страстнымъ началомъ человѣка, съ его „тѣломъ желанья“ подвергаясь воздействию со стороны животной природы. Послѣдователь Веданты причисляетъ оба тѣла или оба начала къ одному разряду и говоритъ объ Идо, о высшемъ Я, проявляющемся черезъ *manomayakosha*, оболочку, соединяющую и низшее разумное начало и начало страстей и эмоцій. Европейскій психологъ уславливаетъ „чувствованія“ какъ часть раздѣленной на три части „души“ и подъ чувствованіемъ понимаетъ какъ эмоціи, такъ и ощущенія.

связано съ астральнымъ, что они дѣйствуютъ какъ единое тѣло, но зарождающіяся ментальныя способности придаютъ астральнымъ страстямъ извѣстную силу и качество, которыхъ въ нихъ не бываетъ, пока они дѣйствуютъ какъ чисто животныя свойства. Впечатлѣнія, которыя воспринимаются ментальнымъ тѣломъ, болѣе постоянны, чѣмъ тѣ, которыя отражаются въ тѣлѣ астральномъ, и кромѣ того, они сознательно воспроизводятся имъ. Здѣсь начинаются память и органъ воображенія и послѣдній постепенно отливается въ опредѣленную форму, по мѣрѣ того, какъ образы внѣшняго міра дѣйствуютъ на матерію ментальнаго тѣла и формируютъ ея частицы по своему образу и подобию. Эти образы, зарождающіяся отъ соприкосновенія съ органами чувствъ, собираютъ вокругъ себя наиболѣе грубую ментальную матерію; зарождающіяся силы сознанія воспроизводятъ эти образы, и такимъ образомъ собирается запасъ картинъ, которыя начинаютъ вызывать дѣйствія, инициатива для которыхъ дается изнутри, благодаря желанію снова испытать проходящія черезъ физическіе органы вибраціи, которыя доставляли удовольствіе, и избѣжать такіа, которыя вызывали боль.

Достигнувъ этого свойства, ментальное тѣло начинаетъ дѣйствовать на астральное и пробуждать въ немъ желанія, которыя въ животномъ дремлютъ до тѣхъ поръ, пока не пробуждаются физическимъ возбудителемъ. Поэтому въ неразвитомъ человѣкѣ проявляется такая ненасытная жажда чувственныхъ наслажденій, которой не бываетъ въ животномъ мірѣ, такіа вожделѣнія, жестокость и расчетъ, которые совершенно чужды неразумнымъ животнымъ. Пробуждающіяся силы разума, поработанные въ пользу чувствъ, дѣлаютъ изъ человѣка гораздо болѣе опаснаго и дикаго звѣря, чѣмъ всѣ животныя, и болѣе могучія и болѣе утонченныя силы, присущія ментальной духъ—матеріи, придаютъ природѣ страстей энергію и остроту, которыя не встрѣчаются въ животномъ мірѣ. Но эти же самыя излишества приводятъ и къ необходимому ихъ исправленію посредствомъ страданія, которое они вызываютъ, и эти же вытекающіе отсюда опыты дѣйствуютъ на сознаніе и вызываютъ новые образы, которые въ свою очередь разрабатываются воображеніемъ.

Это заставляетъ сознаніе противодействовать ряду вибрацій, достигающихъ до него изъ внѣшняго міра черезъ астральное тѣло, и упражнять волю въ удерживаніи страстей, вмѣсто того, чтобы давать имъ просторъ. При такомъ сопротивленіи образуются внутри вибраціи, которыя и привлекаютъ къ ментальному тѣлу болѣе

тонкія соединенія ментальной матеріи, и въ то же время изгоняють болѣе грубыя соединенія, которыя легко вибрируютъ въ отвѣтъ на страстныя возбужденія, возникающія въ астральномъ тѣлѣ. Благодаря борьбѣ между вибраціями, создаваемыми образами страсти, и вибраціями, создаваемыми образнымъ воспроизведеніемъ пережитыхъ опытовъ, растетъ ментальное тѣло, начинаетъ развиваться опредѣленная его организація и проявляться все большая и большая инициатива по отношенію къ внѣшнимъ дѣятельностямъ. Тогда какъ назначеніе земной жизни—накапливать опыты, смыслъ промежуточной жизни между смертью и новымъ рожденіемъ состоитъ въ томъ, чтобы претворять эти опыты въ индивидуальныя свойства, какъ мы это увидимъ въ слѣдующей главѣ; такимъ образомъ, при каждомъ новомъ возвращеніи на землю Мыслитель приноситъ съ собой все болѣе возрастающій запасъ способностей, которыя и воплощаются въ его новомъ ментальномъ тѣлѣ. Такимъ образомъ, *неразвитой* человѣкъ, разумъ котораго находится въ рабствѣ у страстей, становится среднимъ человѣкомъ, и умъ его дѣлается полемъ битвы, на которомъ страсти и силы сознанія воюють съ перемежающимся успѣхомъ; постоянно то колеблясь, то поддаваясь имъ, человѣкъ постепенно пріобрѣтаетъ власть надъ низшей своей природой.

б) Въ человѣкѣ средняго уровня ментальное тѣло увеличивается въ объемѣ, являетъ уже нѣкоторую степень организаціи и содержитъ значительное количество матеріи, принадлежащей ко второму, третьему и четвертому подраздѣленіямъ ментальной сферы. Общій законъ, регулирующий все построеніе и видоизмѣненія ментального тѣла, основанъ на томъ же принципѣ, который дѣйствуетъ въ низшихъ областяхъ астрального и физического міровъ: упражненіе усиливаетъ и совершенствуетъ, бездѣйствіе атрофируетъ и подъ конецъ разрушаетъ. Каждая вибрація, возникающая въ ментальномъ тѣлѣ, производитъ перемѣну въ его составѣ, выбрасывая изъ затронутой вибраціей части ту матерію, которая не можетъ вибрировать въ отвѣтъ, и замѣняя ее соотвѣтствующими матеріалами, которые имѣются въ безграничномъ количествѣ въ окружающемъ пространствѣ. Чѣмъ чаще повторяются однѣ и тѣ же вибраціи, тѣмъ болѣе развивается затронутая ими часть ментального тѣла; отсюда, замѣтимъ мимоходомъ, происходитъ вредъ, причиняемый ментальному тѣлу чрезмѣрной специализаціей умственныхъ силъ. Отъ такого неравномѣрнаго расходованія этихъ силъ происходитъ одностороннее развитіе ментального тѣла: оно становится соотвѣтственно переразвито въ области, гдѣ эти силы

постоянно дѣйствуютъ, и настолько же недоразвито въ другихъ частяхъ, не менѣе важныхъ. Необходимо добиваться гармоническаго и цѣлостнаго общаго развитія, а для этого необходимъ спокойный самоанализъ и ясно поставленныя цѣли саморазвитія. Знаніе этого закона выясняетъ нѣкоторыя переживанія, хорошо знакомыя многимъ, и даетъ обоснованную надежду на успѣшное движеніе впередъ.

Когда мы изучаемъ новую область или задумываемъ измѣнить наше поведеніе къ лучшему, вначалѣ мы сталкиваемся съ препятствіями, которыя иногда кажутся непреодолимыми и нерѣдко заставляютъ человѣка отступать отъ поставленной цѣли. Происходитъ это отъ того, что въ началѣ непривычнаго душевнаго напряженія вся ставшая уже привычной работа ментального тѣла, весь его автоматизмъ начинаетъ какъ бы противодействовать: матеріалы, обычно вибрирующіе извѣстнымъ образомъ, не могутъ еще приспособиться къ новымъ импульсамъ. И первыя попытки состоятъ обыкновенно въ созданіи новыхъ вибрацій, которыя всѣ отражаются автоматизмомъ ментального тѣла, что является необходимой предварительной подготовкой для появленія отвѣтныхъ вибрацій, ибо при этомъ изъ ментального тѣла выбрасываются старые матеріалы и вводятся новые, соотвѣтствующіе новой работѣ сознанія. Въ продолженіе этого подготовительнаго процесса человѣкъ не замѣчаетъ никакихъ успѣховъ и сознаетъ лишь бесплодность своихъ усилій и упорное сопротивленіе внутри себя. Если онъ будетъ продолжать свои усилія, онъ вскорѣ замѣтитъ большую успѣшность, такъ какъ введенные въ ментальное тѣло новыя составныя частицы начнутъ уже дѣйствовать, и наконецъ, когда всѣ старые матеріалы замѣнятся новыми, онъ почувствуетъ, что успѣваетъ безъ труда и цѣль его достигнута. Трудность продолжается только на первой ступени, но если онъ вѣритъ въ законъ, столь же непоколебимый въ своемъ дѣйствіи, какъ и всѣ остальные законы природы, и если онъ настойчиво продолжаетъ свои усилія, онъ долженъ добиться успѣха; и сознаніе этого факта можетъ сохранить въ немъ бодрость и вѣру въ себя. Такимъ образомъ, человѣкъ средняго уровня можетъ работать надъ собой, убѣждаясь съ радостью, что онъ успѣшно сопротивляется натискамъ низшей природы и что послѣдняя теряетъ свою власть надъ нимъ по мѣрѣ того, какъ онъ изгоняетъ изъ своего ментального тѣла всѣ частицы, способныя отвѣчать на ея вибраціи. Такимъ путемъ составъ ментального тѣла все болѣе усовершенствуется, въ него вводятся наиболѣе тонкія составныя части четырехъ низшихъ под-

раздѣлений ментальной сферы, пока она не приобрѣтетъ той сіяющей и прекрасной формы, которой отличается тѣло.

в) духовно развитаго человѣка, у котораго, всѣ болѣе грубыя соединенія уже удалены, такъ что чувственные объекты не находятъ болѣе ни въ немъ, ни въ астральномъ тѣлѣ, тѣсно связанномъ съ нимъ, соотвѣтствующихъ матеріаловъ, способныхъ сочувственно вибрировать въ отвѣтъ на ихъ вибраціи. Тѣло это состоитъ изъ тончайшихъ соединеній, входящихъ въ составъ четырехъ подраздѣлений низшаго ментальнаго міра съ большимъ преобладаніемъ матеріаловъ третьяго и четвертаго подраздѣлений, болѣе совершенныхъ по своему составу, чѣмъ второе и первое подраздѣленія; благодаря этому, оно дѣлается отзывчивымъ на высшія интеллектуальныя проявленія, на тонкія вибраціи, идущія отъ воплощенной въ искусствѣ Красоты, на всѣ чистыя колебанія высшихъ эмоцій. Такое ментальное тѣло даетъ возможность Мыслителю, облеченному въ него, проявляться гораздо полнѣе во всѣхъ трехъ мірахъ; благодаря тому, что оно организовано изъ матеріаловъ, присущихъ какъ ментальному, такъ и астральному и физическому мірамъ, поле доступныхъ ему вибрацій сильно расширяется, и достигающія до него воздѣйствія изъ болѣе высокой міровой области формуютъ его въ болѣе благородную и тонкую организацію. Такое тѣло становится постепенно совершеннымъ орудіемъ дѣятельности въ низшей ментальной сферѣ и отвѣчаетъ легко на каждый импульсъ, исходящій отъ Мыслителя. Ясное пониманіе природы ментальнаго тѣла измѣнило бы во многомъ современное воспитаніе, и сдѣлало бы его лучшимъ помощникомъ для Мыслителя. Общія свойства „тѣла мысли“ зависятъ отъ прошлыхъ жизней Мыслителя на землѣ, какъ это выяснится при изученіи перевоплощенія и кармы. Ментальное тѣло организуется въ ментальной сферѣ, и матеріалы, изъ которыхъ оно строится, зависятъ отъ тѣхъ качествъ, которыя Мыслитель скопилъ, какъ результатъ своихъ прошедшихъ опытовъ, внутри себя. Все, что можетъ сдѣлать воспитаніе,—это доставлять такіе стимулы, которые могли бы содѣйствовать росту уже имѣющихся полезныхъ свойствъ, а съ другой стороны—искорененію тѣхъ свойствъ, которыя нежелательны. Развитіе врожденныхъ свойствъ, а не загроможденіе ума массой фактовъ—вотъ цѣль истиннаго воспитанія; отношеніе къ памяти, какъ къ *отдѣльной* способности, неправильно потому, что память зависитъ отъ вниманія, т. е. отъ постоянного сосредоточенія мысли на изучаемомъ предметѣ и отъ естественнаго сродства между предметомъ и умомъ. Если предметъ

нравится, другими словами, если умъ имѣетъ склонность къ нему, въ памяти не будетъ недостатка, предполагая что и необходимое вниманіе будетъ приложено. Поэтому воспитаніе должно вырабатывать привычку сосредоточенія, постоянного вниманія и направляться согласно врожденнымъ способностямъ воспитанника.

Перейдемъ теперь къ подраздѣленіямъ ментальной сферы, которыя мы назвали „безъ формы“, къ той области, которая есть истинная родина человѣка во все время его перевоплощеній, въ которой онъ рождается какъ дѣтская душа, какъ младенецъ Ego, какъ зачатокъ индивидуальности, когда начинается его чисто человѣческая эволюція. Внѣшнія очертанія Ego или Мыслителя имѣютъ овальную форму; вотъ почему Е. П. Блаватская говоритъ о высшемъ ментальномъ тѣлѣ, которое сохраняется на протяжении всѣхъ воплощеній, какъ объ „аурическомъ яйцѣ“. Составленное изъ матеріи трехъ высшихъ подраздѣлений ментальной сферы, оно чрезвычайно прозрачно и нѣжно и представляетъ собою оболочку, отличающуюся необычайной тонкостью даже и при своемъ возникновеніи; по мѣрѣ же своего развитія, оно принимаетъ сіяющій видъ неземной красоты, что вызвало названіе „Свѣтозарнаго“ *). Что такое Мыслитель? Это—Божественное Я, какъ уже сказано, ограниченное и индивидуализированное этой оболочкой, матеріалы для которой извлечены изъ высшихъ подраздѣлений ментальной сферы **). Эта матерія, обволакивающая лучъ Божественнаго Я, живой лучъ Единого Свѣта и Единой Жизни вселенной, отдѣляетъ этотъ лучъ отъ его Источника, заключаетъ его внутри тончайшей оболочки изъ своей субстанціи и такимъ образомъ дѣлаетъ его „индивидуальностью“.

Самая жизнь есть жизнь Логоса, но всѣ силы этой жизни остаются скрытыми, непроявленными; все здѣсь въ возможности, въ зачаткѣ, такъ же какъ дерево скрыто внутри микроскопической зародышевой точки въ зернѣ. Это зерно опускается въ почву человѣческой жизни, чтобы его скрытыя силы пришли въ состояніе дѣятельности подъ вліяніемъ свѣта радости и дождя слезъ, и чтобы питалось оно тѣми соками, которые нами зовутся испытаніями, до тѣхъ поръ, пока зародышъ не разрастется въ могучее дерево, образъ и подобіе зачавшаго его Господа. Человѣческая эволюція есть эволюція Мыслителя; онъ облачается въ тѣла въ

*) См. главы VII и VIII о Перевоплощеніи.

*) Это и есть *Angoelides* Нео-Платониковъ и „духовное тѣло“ Ап. Павла.

**) Высшее Я, дѣйствующее *Vignyanamayakosha*.

низшей ментальной, въ астральной и въ физической сферахъ; изнашивается ихъ въ продолженіе земной, астральной и низшей ментальной жизни, сбрасываетъ ихъ послѣдовательно на каждой ступени жизненнаго цикла, когда переходитъ изъ одного міра въ другой, но все время сохраняетъ внутри себя плоды, которые онъ собралъ при помощи этихъ тѣлъ въ каждомъ изъ трехъ міровъ. Вначалѣ такой же безсознательный, какъ младенецъ въ своемъ земномъ тѣлѣ, онъ дремалъ изъ жизни въ жизнь, пока испытанія, воздѣйствовавшія на него извнѣ, не разбудили къ дѣятельности нѣкоторыя изъ его скрытыхъ силъ; постепенно онъ принималъ все болѣе и болѣе участія въ устроеніи своей жизни, пока, достигнувъ зрѣлаго возраста, не взялъ свою жизнь въ собственныя руки и не принялъ на себя все увеличивающуюся отвѣтственность за будущую свою судьбу.

Ростъ пребывающаго тѣла (corps causal), который вмѣстѣ съ божественнымъ сознаниемъ образуетъ Мыслителя, чрезвычайно медлененъ. Его техническое названіе—„тѣло причинности“, потому что онъ собираетъ внутри себя результаты всѣхъ пережитыхъ опытовъ, а эти послѣдніе дѣйствуютъ какъ причины, созидающія будущія жизни. Только одно это тѣло и сохраняется среди остальныхъ тѣлъ человѣка, которыя дѣйствуютъ какъ проводники въ теченіе различныхъ воплощеній; ментальное, астральное и физическое тѣла строятся снова для каждой новой жизни; по мѣрѣ того, какъ каждое изъ нихъ умираетъ, оно передаетъ всю жатву жизни слѣдующему за нимъ тѣлу, и такимъ образомъ всѣ результаты жизни скопляются подъ конецъ въ одномъ пребывающемъ „тѣлѣ причинности“. Когда Мыслитель возвращается въ новое воплощеніе, онъ высылаетъ свои силы, создавшіяся изъ всего пережитаго опыта, послѣдовательно въ ментальный, астральный и физическій міры и облекается въ одно тѣло за другимъ, соотвѣтственно своимъ проявленіямъ въ прошломъ. Ростъ самого „тѣла причинности“, какъ сказано, весьма медленный, ибо оно можетъ вибрировать только въ отвѣтъ на воздѣйствія, которыя въ состояніи выразиться лишь въ тончайшей субстанціи, изъ какой оно само состоитъ, вплетая ихъ такимъ образомъ въ самую ткань своего существа. Поэтому страсти, которыя играютъ такую большую роль на раннихъ ступеняхъ человѣческой эволюціи, не могутъ непосредственно вліять на его ростъ. Мыслитель можетъ перерабатывать въ себѣ только тѣ опыты, которые могутъ быть воспроизведены въ вибраціяхъ „тѣла причинности“, и послѣднія должны принадлежать къ ментальной области и быть или высоко интеллектуальными, или вы-

соко-нравственными по своему характеру, иначе тонкая субстанція этого тѣла не въ состояніи отвѣтно вибрировать на нихъ. Не трудно, размышляя надъ этимъ, убѣдиться, до чего мало можетъ обыкновенный человѣкъ—въ своей обыденной жизни—дать матеріаловъ, пригодныхъ для роста своего высшаго тѣла; отсюда и медленность эволюціи и малые успѣхи человѣчества. Когда Мыслитель вноситъ многое изъ себя самого въ каждую послѣдовательную жизнь, тогда эволюція человѣка подвигается быстро. Упорство въ дурныхъ жизненныхъ путяхъ дѣйствуетъ косвенно на „тѣло причинности“ и дѣлаетъ болѣе вреда, чѣмъ простое замедленіе роста; слишкомъ продолжительное упорство вызываетъ даже неспособность отвѣчать на вибраціи, создаваемые противоположными добрыми началами, и такимъ образомъ происходитъ продолжительная остановка роста даже и послѣ того, какъ человѣкъ отказался отъ зла. Чтобы непосредственно вредить „тѣлу причинности“, требуется зло высокоинтеллектуальнаго и утонченнаго вида, то „духовное зло“, которое упоминается въ различныхъ Писаніяхъ міровыхъ религій. Это бываетъ, къ счастью, очень рѣдко, такъ же рѣдко, какъ и духовное добро, и встрѣчается лишь среди высоко развитыхъ душъ, слѣдуютъ ли онѣ по правому, или по лѣвому Пути. Правый путь тотъ, который ведетъ къ божественной зрѣлости, къ ступени Адепта, посвятившаго себя служенію міра. Лѣвый путь тотъ, который тоже ведетъ къ ступени Адепта, но такого, который разрушаетъ плоды эволюціи и стремится къ личнымъ эгоистическимъ цѣлямъ. Иногда оба пути носятъ названіе Бѣлаго и Чернаго.

Обитель Мыслителя, Вѣчнаго Человѣка, находится въ пятomъ низшемъ подраздѣленіи ментальной сферы. Большая часть человѣчества находится здѣсь, едва-едва пробужденная, все еще въ періодѣ младенчества. Мыслитель развиваетъ свое сознание медленно, по мѣрѣ того, какъ его энергія, дѣйствуя въ низшихъ мірахъ, собираетъ тамъ разнообразный опытъ, который онъ вбираетъ въ себя, чтобы возвратиться къ Мыслителю нагруженнымъ драгоцѣнной жатвой жизни. Этотъ *Вѣчный Человѣкъ*, индивидуализированное Божественное Я, является дѣйствующимъ лицомъ въ каждомъ тѣлѣ, въ которое онъ облеченъ; его-то присутствіе и даетъ это чувство „Я“ одинаково и тѣлу, и душѣ, ту самую, которая, будучи самосознательна, обманчиво отождествляетъ себя съ той изъ оболочекъ, въ которой она дѣйствуетъ наиболѣе энергично. Для чувственнаго человѣка его Я сливается съ физическимъ тѣломъ и съ природой желаній; изъ нихъ извлекаетъ онъ свои радости и мыслить себя и ихъ какъ одно, ибо

вся его жизнь въ нихъ. Для ученаго его Я заключено въ разумѣ, потому что изъ его дѣятельности вытекаютъ всѣ радости ученаго, и въ немъ сосредоточена вся его жизнь. Только немногіе могутъ подняться до абстрактныхъ высотъ духовной философіи и почувствовать Вѣчнаго Человѣка какъ свое истинное „Я“; немногіе обладаютъ памятью, способной охватить всѣ прошлыя жизни, и надеждами, которыя въ состояніи объять всѣ будущія рожденія.

Физиологи говорятъ намъ, что, если мы обрѣжемъ палець, мы чувствуемъ боль вовсе не тамъ, гдѣ показалась кровь—въ дѣйствительности мы чувствуемъ ее въ мозгу, и лишь помощью воображенія передается она на мѣсто порѣза; ощущение боли въ *палець*, говорятъ они, лишь иллюзія; оно прилагается воображеніемъ къ точкѣ соприкосновенія съ предметомъ, причинившимъ поврежденіе; точно такъ же и человѣкъ съ отрѣзаннымъ членомъ почувствуетъ боль въ этомъ членѣ, или, вѣрнѣе, въ пространствѣ, которое было занято ампутированнымъ членомъ. Подобно этому и единое „Я“, Внутренній Человѣкъ, чувствуя боль и наслажденіе въ точкахъ соприкосновенія окружающихъ его оболочекъ съ внѣшнимъ міромъ, начинаетъ принимать оболочку за себя самого, не сознавая, что это чувство—иллюзія, что онъ—единое дѣйствующее лицо во всѣхъ тѣлахъ своихъ.

Теперь мы будемъ изслѣдовать—въ этомъ освѣщеніи—отношенія между высшимъ и низшимъ разумомъ и воздѣйствія обоихъ на мозгъ. *Manas*, Разумъ, Мыслитель—единъ и представляетъ собою „Я“ въ „тѣлѣ причинности“; онъ—источникъ неисчислимыхъ энергій, вибрацій безконечнаго разнообразія. Онъ высылаетъ эти вибраціи, излучая ихъ во всѣ стороны изъ себя. Наиболѣе тонкія и нѣжныя изъ нихъ находятъ свое выраженіе въ „тѣлѣ причинности“, которое одно лишь достаточно тонко, чтобы отвѣчать на нихъ; они-то и образуютъ то, что мы называемъ Чистымъ Разумомъ, мысль котораго абстрактна, а методы познания коренятся въ интуиціи; самая природа его есть *знаніе*, и онъ узнаетъ истину сразу, какъ сродную съ собой. Менѣе тонкія вибраціи переходятъ наружу, привлекая матерію низшей ментальной области, и эти вибраціи являются тѣмъ, что намъ извѣстно какъ низшій *Manas* или малый разумъ, иными словами—болѣе грубыя энергіи высшаго разума, выраженныя въ болѣе плотной матеріи; эти-то вибраціи мы и называемъ интеллектомъ, въ который входятъ: сужденіе, умозаключеніе, воображеніе, сопоставленіе и др. умственные способности; онъ создаетъ конкретныя мысли и методъ его есть логика; онъ доказываетъ, рассуждаетъ, дѣлаетъ

выводы. Его вибраціи, дѣйствуя посредствомъ астральной матеріи на эфирный мозгъ, а отсюда на плотный физическій мозгъ, вызываютъ въ послѣднемъ вибраціи, которыя являются тяжелыми и медленными воспроизведеніями вибраціи разума—тяжелыми и медленными потому, что ихъ энергія теряетъ много изъ своей быстроты, приводя въ дѣйствіе частицы болѣе тяжелой матеріи. Это ослабленіе отвѣта, когда вибрація начинается въ разрѣженной средѣ и затѣмъ переходитъ въ болѣе плотную, извѣстно всѣмъ, изучающимъ физику. Ударьте въ колоколь на воздухъ, и онъ будетъ звучать ясно, и тотъ же звукъ, произведенный въ средѣ, наполненной водородомъ, дастъ самый слабый результатъ. Такъ же слабо реагируетъ мозгъ въ отвѣтъ на быстрыя и тонкія вибраціи мысли; тѣмъ не менѣе это все, что большинство людей знаетъ, какъ свое „сознаніе“.

Огромная важность дѣятельности этого „сознанія“ состоитъ въ томъ, что оно—существенный проводникъ, посредствомъ котораго „Мыслитель“ можетъ собирать необходимый для своего роста опытъ. Пока оно подчинено страстямъ, оно дѣйствуетъ безпорядочно и „Мыслитель“ остается безъ пищи и, слѣдовательно, останавливается въ своемъ развитіи; пока оно занято всецѣло умственными дѣятельностями, касающимися внѣшняго міра, оно можетъ разбудить лишь низшія силы „Мыслителя“, и только, когда послѣдній становится способнымъ запечатлѣть въ сознаніи истинную цѣль своей жизни, тогда начинается наиболѣе цѣнная работа собиранія всего, что можетъ разбудить и напитать его высшія силы. По мѣрѣ того, какъ „Мыслитель“ развивается, онъ все болѣе сознаетъ присущія ему силы и работу своихъ энергій въ низшихъ мірахъ, а также и тѣла, которыми эти энергіи окружили его. Подъ конецъ онъ начинаетъ пробовать свое вліяніе надъ ними, руководствуясь для направленія своей воли памятью прошлаго; эти его воздѣйствія мы называемъ „совѣстью“, когда дѣло касается нравственности, и вспышками „интуиціи“, когда онъ просвѣтляетъ интеллектъ. Если эти послѣднія настолько постоянны, что становятся нормальными, мы называемъ ихъ совокупность „геніемъ“. Высшая эволюція „Мыслителя“ отличается все болѣе растущимъ его контролемъ надъ низшими проводниками сознанія, увеличивающейся отзывчивостью послѣднихъ на его вліянія и растущимъ содѣйствіемъ ихъ въ пользу ускоренія его роста. Тѣ, кто желали бы сознательно помогать своей эволюціи, могутъ достигнуть этого посредствомъ тщательной культуры своихъ мыслей и своего нравственнаго характера, посредствомъ выдержанныхъ и хорошо на-

правленныхъ усилий. Привычка къ спокойной, выдержанной и послѣдовательной мысли, направленной къ сверхличнымъ предметамъ, привычка медитаціи и серьезнаго изученія, развиваютъ „тѣло мысли“ и дѣлаютъ его болѣе совершеннымъ орудіемъ; усилія развивать абстрактное мышленіе также полезны, ибо они поднимаютъ низшіи умъ (Manas) къ высшему и вводятъ въ него наиболѣе тонкіе матеріалы низшей ментальной сферы. Въ этихъ и другихъ аналогичныхъ случаяхъ всѣ могутъ дѣятельно содѣйствовать своей высшей эволюціи, такъ какъ каждый шагъ впередъ ускоряетъ послѣдующее движеніе. Никакое усиліе, даже самое слабое, не теряется, но сопровождается соответствующими послѣдствіями, и каждое новое переживаніе складывается въ сокровищницу „тѣла причинности“ для будущаго примѣненія. Такимъ образомъ, эволюція сознанія, какъ бы она ни была медленна и полна остановокъ, все же двигается постоянно впередъ, и божественная жизнь, непрестанно раскрывающаяся внутри каждой души, медленно подчиняетъ себѣ все существующее.

ГЛАВА V.

Д е в а к а н ъ .

Слово „Деваканъ“ есть теософическое названіе неба и въ буквальномъ переводѣ означаетъ Свѣтящаяся Страна, или страна Боговъ *). Это—та особенно охраняемая часть ментальной сферы, откуда всякое горе и всякое зло исключено дѣйствіемъ разумныхъ духовныхъ Сущностей, наблюдающихъ за человѣческой эволюціей; она обитаема человѣческими существами, которыя, сбросивъ свои физическія и астральныя тѣла, перешли сюда послѣ пребыванія въ Камалокѣ. Жизнь въ Деваканѣ можно раздѣлить на двѣ ступени: первая изъ нихъ протекаетъ въ четырехъ низшихъ подраздѣленіяхъ ментальной сферы, гдѣ Мыслитель все еще облеченъ въ ментальное тѣло и ограниченъ имъ, и гдѣ онъ занятъ претвореніемъ матеріаловъ, которые были собраны имъ во время земной жизни, въ постоянныя свойства и качества. Вторая ступень проходить въ области *agura*, „безъ формы“, гдѣ Мыслитель освобождается отъ своего ментальнаго тѣла и переживаетъ, ничѣмъ

*) *Devasthan*, санскритское слово, означающее „мѣсто Боговъ“, то же, что *Svarga* Индусовъ, *Sukhavati* Буддистовъ, Небеса Зараострианъ и Христіанъ и наиболѣе духовныхъ Магометанъ.

не обремененный, свою собственную жизнь, въ полной мѣрѣ того самосознанія и вѣдѣнія, до которыхъ онъ успѣлъ достигнуть.

Продолжительность времени, протекающаго въ Деваканѣ, зависитъ отъ количества матеріаловъ, которыхъ душа приноситъ съ собой изъ своей земной жизни. Жатва, пригодная для питанія и претворенія въ Деваканѣ, состоитъ изъ всѣхъ чистыхъ мыслей и эмоцій, зарожденныхъ въ теченіе земной жизни, всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ усилий и стремленій, всѣхъ воспоминаній о безкорыстномъ трудѣ на пользу ближнихъ, всего, что можетъ быть введено въ душевный строй и, слѣдовательно, можетъ служить къ развитію души. Ничто ни теряется, какъ бы слабо и мимолетно не было безкорыстное стремленіе; но эгоистическія животныя страсти не могутъ проникнуть туда, ибо тамъ нѣтъ матеріаловъ, пригодныхъ для выраженія ихъ. И никакое зло въ истекшей жизни, какъ-бы сильно оно не преобладало надъ добромъ, не можетъ воспрепятствовать душѣ собрать всю посѣянную человѣкомъ жатву добра; какъ-бы скуденъ не былъ этотъ посѣвъ, скудость эта можетъ до чрезвычайности сократить небесную жизнь, но даже и самый падшій, если у него было хотя малѣйшее влеченіе къ правдѣ, хотя бы самый слабый порывъ нѣжности, *долженъ* имѣть періодъ небесной жизни, во время которой сѣмя добра могло бы пустить свои нѣжные ростки, и искра красоты разгорѣться хотя бы и въ крошечное пламя.

Въ древности, когда сердца людей были болѣе устремлены къ небу и ихъ чаще влекло къ небесному блаженству, время, протекавшее въ Деваканѣ, было гораздо продолжительнѣе и длилось иногда многія тысячи лѣтъ; въ настоящее время, когда вниманіе людей такъ всецѣло сосредоточено на землѣ, и мысли ихъ такъ рѣдко направляются на высшую жизнь, періодъ Девакана сравнительно гораздо короче. Точно также время, проведенное въ высшихъ и низшихъ областяхъ ментальной сферы *), вполне соответствуетъ количеству мыслей, созданныхъ какъ въ ментальномъ тѣлѣ, такъ и въ „тѣлѣ причинности“ **); всѣ мысли, относящіяся до переживанія личнаго я въ только что завершенной земной жизни, со всѣми интересами, честолюбіями, привязанностями, надеждами и тревогами, находятъ свое выраженіе и приносятъ свои плоды въ той области Девакана, гдѣ создаются формы; тогда какъ тѣ мысли, которыя относятся до высшей, абстрактной области,

*) Называемыя технически *Agura*—безъ формы и *Rupa*—форма, области Девакана, соответствуетъ такимъ же подраздѣленіямъ ментальной сферы.

***) *Corps causal*, безсмертное начало человѣческой души.

все сверхличное мышление, подлежит претворению въ подраздѣленіяхъ Девакана, которыя носятъ названіе *arāra*, „безъ формы“. Большинство людей вступаетъ въ эту высокую область лишь за тѣмъ, чтобы немедленно снова спуститься въ область *rāra* Девакана; нѣкоторые люди остаются тамъ большую часть своего небеснаго пребыванія и только немногіе проводятъ тамъ почти весь небесный періодъ.

Прежде чѣмъ входить въ подробности, попробуемъ схватить нѣкоторыя руководящія идеи, которыя управляютъ жизнью Девакана, ибо она настолько отличается отъ физической жизни, что всякія описанія легко могутъ привести къ невѣрнымъ представленіямъ. Люди такъ мало знаютъ истинную суть своей душевной жизни, даже пока она заключена въ тѣлѣ, что когда имъ дается картина душевныхъ переживаній внѣ тѣла, они теряютъ всякое чувство реальности и воображаютъ, что перешли въ міръ фантазій.

Первое, что необходимо понять въ ментальной жизни, это—присущую ей несравненно большую интенсивность, живость и реальность, чѣмъ у жизни чувствъ. Все, что мы видимъ, слышимъ и ощущаемъ здѣсь, на землѣ, несравненно дальше отъ реальности, чѣмъ все, съ чѣмъ мы соприкасаемся въ Деваканѣ. Хотя даже и тамъ вещи являются не таковыми, каковы онѣ въ дѣйствительности, но на землѣ онѣ закрыты отъ насъ двумя лишними покровами иллюзіи. Наше земное познаніе реальнаго вполнѣ обманчиво; мы ничего не знаемъ о вещахъ и о людяхъ, каковы они на самомъ дѣлѣ, мы знаемъ только тѣ впечатлѣнія, какія они оставляютъ на наши чувства, и тѣ заключенія, часто ошибочныя, которыя нашъ разумъ выводитъ изъ суммы этихъ впечатлѣній. Попробуйте поставить рядомъ представленія объ одномъ и томъ же человѣкѣ, которыя имѣются у его родного отца, у ближайшаго друга его, у влюбленной въ него дѣвушки, у его соперника на жизненномъ поприщѣ, у жесточайшаго врага его и у случайнаго знакомаго, и вы увидите, до чего пестра и несоотвѣтственна выйдетъ картина. Каждый можетъ дать лишь тѣ впечатлѣнія, которыя отражаются въ его собственномъ сознаніи, и насколько они далеки отъ того, *что* этотъ человѣкъ представляетъ изъ себя въ дѣйствительности, это видно только тому взору, который способенъ проникать черезъ всѣ покровы и видѣть истинную суть всего человѣка. Мы знаемъ нашихъ друзей лишь по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя они оставляютъ на насъ, впечатлѣнія же эти строго ограничены нашей способностью воспріятія; дитя можетъ имѣть отцомъ величайшаго государственнаго дѣятеля съ мировыми цѣлями, но

для него этотъ руководитель судьбы цѣлаго народа будетъ только веселымъ товарищемъ игрѣ, или увлекательнымъ рассказчикомъ сказокъ. Мы живемъ посреди всевозможныхъ иллюзіи, но испытываемъ ощущение реальности, и это даетъ намъ удовлетвореніе. Въ Деваканѣ мы будемъ также окружены иллюзіями—хотя, какъ уже сказано, эти иллюзіи будутъ на двѣ ступени ближе къ дѣйствительности—и тамъ мы будемъ испытывать сходныя ощущенія реальности, которыя дадутъ намъ не меньшее удовлетвореніе.

Земныя иллюзіи, хотя и уменьшенныя, продолжаютъ существовать и въ низшихъ подраздѣленіяхъ Девакана, хотя тамъ всѣ соприкосновенія уже несравненно реальнѣе и непосредственнѣе. Ибо не слѣдуетъ забывать, что Деваканъ, или то, что мы называемъ небесами, составляетъ часть великаго эволюціоннаго плана, и пока человѣкъ не найдетъ своего истиннаго я, его собственная измѣняемость дѣлаетъ его склоннымъ къ иллюзіямъ. Но одна вещь, которая производитъ чувство реальности въ земной жизни и чувство нереальности при изученіи Девакана, это—что мы смотримъ на земную жизнь изнутри, оставаясь во власти всѣхъ ея иллюзіи, тогда какъ Деваканъ мы созерцаемъ извнѣ и притомъ—неприкрытымъ покровами майи.

Въ Деваканѣ процессъ—обратный, и его обитатели ощущаютъ свою собственную жизнь какъ реальную, тогда какъ земная жизнь является имъ полною самыхъ очевидныхъ иллюзіи, ошибокъ и ложныхъ представленій. Въ общемъ, они ближе къ истинѣ, чѣмъ земные критики ихъ небеснаго міра.

Тамъ Мыслитель, облеченный лишь въ свое ментальное тѣло и безпрепятственно проявляющій свои собственные силы, выражаетъ творческую природу этихъ силъ такимъ образомъ и въ такихъ размѣрахъ, какія мы здѣсь, на землѣ, едва ли можемъ себѣ даже представить. На землѣ художникъ, скульпторъ, музыкантъ, способны представлять себѣ величайшую красоту, создавая свои образы силою воображенія, но когда они стремятся воплотить эти образы въ грубые и земные матеріалы, они далеко отстаютъ отъ своихъ мысленныхъ созданій.

Мраморъ слишкомъ твердъ для совершенной формы, земныя краски слишкомъ мутны для совершеннаго цвѣта. Въ Деваканѣ все, что человѣкъ думаетъ, воспроизводится немедленно въ формы, ибо разрѣженная и тонкая матерія небеснаго міра есть та же, изъ которой состоятъ формы нашихъ мыслей, она есть та среда, въ которой проявляется наше мышленіе, когда оно свободно отъ страсти, и матерія эта складывается немедленно въ опредѣленныя

очертанія при каждомъ воздѣйствіи на нее мысли. Вотъ почему каждый человекъ дѣйствительно создаетъ самъ свое небо, и красота всего окружающаго безконечно повышается соотвѣтственно богатству и энергіи его мысли.

По мѣрѣ того, какъ душа развиваетъ свои силы, ея небо становится все болѣе и болѣе утонченнымъ и прекраснымъ; всѣ ограниченія въ Деваканѣ создаются самимъ человекомъ и поэтому небо каждого расширяется и углубляется одновременно съ расширеніемъ и углубленіемъ души. Пока душа слаба и себялюбива, ограничена и мало развита, въ небесахъ неизбѣжно отразится ея мелкій размѣръ, хотя тамъ все-же проявится наилучшее, что имѣется даже въ самой бѣдной душѣ. Но по мѣрѣ того, какъ человекъ развивается, его небесныя жизни становятся все полнѣе, богаче и все болѣе реальны, и далеко подвинувшіяся души приходятъ все въ болѣе и болѣе тѣсное соприкосновеніе между собой, наслаждаясь расширеннымъ и углубленнымъ душевнымъ обмѣномъ. Безцвѣтная земная жизнь, сонная и узкая въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, производитъ соотвѣтственно слабую, сонную и узкую жизнь въ Деваканѣ, гдѣ сохраняются одни лишь умственныя и нравственныя свойства. Мы не можемъ имѣть тамъ болѣе того, что мы сами изъ себя представляемъ, и наша жатва соотвѣтствуетъ въ точности нашему посѣву. „Не заблуждайтесь; Богъ не допуститъ обманывать себя; ибо что человекъ посѣялъ, то онъ и пожнетъ“. Наша безпечность и наша алчность толкаютъ насъ пожать тамъ, гдѣ мы не сѣяли, но мировой законъ справедливости приноситъ каждому точную уплату за всѣ его труды.

Мысленные образы нашихъ друзей будутъ окружать насъ въ Деваканѣ. Вокругъ каждой души тѣснятъ тѣ, кого она любила во время земной жизни, и каждый образъ, жившій на землѣ въ сердцѣ, становится живымъ товарищемъ души во время ея небеснаго пребыванія. И они являются тамъ въ неизмѣненномъ видѣ, тѣми же, какими были здѣсь на землѣ. Внѣшній видъ нашихъ друзей, какимъ онъ являлся для нашихъ чувствъ, мы создаемъ изъ мыслематеріи Девакана творческими силами ума; что здѣсь на землѣ было мысленной картиной, тамъ становится объективнымъ образомъ, облеченнымъ въ живую мысле-матерію, пребывающимъ въ нашей собственной ментальной атмосферѣ, съ той разницей, что все, тусклое и неясное здѣсь, тамъ является гораздо болѣе живымъ и яркимъ. Когда-же дѣло идетъ объ истинной связи между двумя душами, трудно даже выразить, насколько общеніе тамъ тѣснѣе,

ближе, нѣжнѣе, чѣмъ все, что мы знаемъ здѣсь, ибо, какъ мы уже видѣли, тамъ нѣтъ преградъ между одной душой и другой, и въ полномъ соотношеніи съ значительностью душевной жизни на землѣ, будетъ и значительность душевнаго сообщенія тамъ; образъ нашего друга представляетъ наше собственное созданіе, видъ его тотъ же, какимъ мы знали и любили его, душа—же его способна сообщаться черезъ эту форму съ нашей какъ разъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ она можетъ гармонировать въ своихъ вибраціяхъ съ нашей душой. Но мы не можемъ войти въ сношенія съ тѣми, которыхъ знали на землѣ, если наша связь съ ними была исключительно физическаго и астральнаго свойства, или, если между ними и нами былъ внутренній разладъ. Вотъ почему въ наше небо не можетъ проникнуть ни одинъ врагъ, ибо тамъ людей соединяетъ только симпатическое созвучіе умовъ и сердець. Разобщеніе сердца и ума вызываетъ разобщеніе и въ небесной жизни, ибо все то, что—помимо умственной и сердечной близости—соединяетъ людей здѣсь на землѣ, тамъ не имѣетъ возможности проявить себя. Съ тѣми, которые поднялись уже высоко надъ нами, мы приходимъ въ соприкосновеніе лишь настолько, насколько мы способны отвѣчать на ихъ вибраціи; большая часть ихъ существа выходитъ изъ предѣла нашего кругозора, но то, съ чѣмъ у насъ есть соприкосновеніе, принадлежитъ намъ. Эти-же, далеко опередившія насъ души, могутъ помогать намъ въ нашей небесной жизни (при условіи, которое мы выяснимъ при дальнѣйшемъ изложеніи), содѣйствуя намъ расти и приближаться къ нимъ, слѣдовательно, и получать отъ нихъ все болѣе и болѣе. Такимъ образомъ раздѣленія во времени и пространствѣ тамъ не существуетъ, тамъ раздѣляетъ только отсутствіе симпатіи, недостатокъ созвучія между умами и сердцами. Въ небесахъ мы постоянно находимся съ тѣми, кого мы любили и почитали въ жизни, и общаемся мы съ ними въ границахъ нашихъ способностей, или, если мы принадлежимъ къ болѣе подвинувшимся,—въ границахъ ихъ способности воспріятія. Мы встрѣчаемъ ихъ именно въ той формѣ, которую мы любили на землѣ, и сохраняемъ полное сознаніе нашихъ земныхъ отношеній, ибо на небѣ расцвѣтаютъ всѣ земные ростки любви, и, омраченная и слабая на землѣ, тамъ она развертывается въ высшую силу и красоту. Такъ какъ сношенія тамъ между душами непосредственныя, то и не можетъ возникнуть недоразумѣній, которыя на землѣ вызываются словами или мыслями; каждый *видитъ* создаваемую другомъ мысль, или ту ея часть на которую онъ въ состояніи отвѣчать.

Деваканъ, или небесный міръ, есть міръ блаженства, радости невыразимой, но онъ представляет собою еще и нѣчто большее, чѣмъ мѣсто блаженнаго успокоенія для утомленной души. Въ Деваканѣ все, что было цѣннаго въ умственныхъ и нравственныхъ переживаніяхъ Мыслителя въ послѣдней его земной жизни, подвергается глубокой внутренней переработкѣ и постепенному претворенію въ опредѣленные умственныя и нравственныя качества, въ силы, которыя онъ понесетъ съ собою въ слѣдующее воплощеніе. Мыслитель не переноситъ въ свое ментальное тѣло память прошлаго, ибо ментальное тѣло—въ свое время—тоже распадается; память прошлаго пребываетъ въ самомъ Мыслителѣ, который его пережилъ и не подлежитъ уничтоженію. Но факты прошлыхъ испытаній и переживаній вносятся въ ментальныя способности; такимъ образомъ, если человѣкъ глубоко изучалъ какой-либо предметъ, послѣдствіемъ этого изученія будетъ возникновеніе особой способности, которая поможетъ ему легко овладѣть тѣмъ-же предметомъ, когда послѣдній предстанетъ передъ нимъ въ другомъ воплощеніи. Онъ уже родится съ готовой способностью именно къ этому отдѣлу знанія, и поэтому овладѣетъ имъ съ большою легкостью. Такимъ образомъ все, надъ чѣмъ мы думаемъ на землѣ, используется въ Деваканѣ: каждое стремленіе превращается въ активную силу; всѣ—казавшіяся тщетными усилія становятся способностями, дарованіями; всѣ формы борьбы и пораженія возраждаются здѣсь, чтобы преобразиться въ орудія побѣды; горести и душевныя исканія сіяютъ здѣсь подобно драгоценнымъ металламъ, переплавляющимся въ мудрыя и вѣрно направленные усилія воли. Стремленія къ общему благу, которыя, за недостаткомъ силы или способностей, не могли быть осуществлены въ прошломъ, въ Деваканѣ разрабатываются ступень за ступенью, недостававшія же силы и способности развиваются въ свойства, которыя дадутъ возможность осуществить добрыя стремленія, когда тотъ же человѣкъ воплотится снова, но уже на высшей ступени. Такимъ образомъ жизнь Девакана вовсе не блаженный сонъ въ странѣ цвѣтовъ и не безцѣльная праздность; это—страна, въ которой умъ и сердце развиваются, свободные отъ грубой матеріи и отъ мелочныхъ заботъ, страна, гдѣ выковывается оружіе для безпощадныхъ земныхъ битвъ и гдѣ обезпечивается прогрессъ будущаго.

Когда Мыслитель претворилъ всѣ плоды послѣдней своей земной жизни въ ментальное тѣло, онъ сбрасываетъ и его, и пребываетъ—ничѣмъ не обремененный на своей собственной родинѣ. Всѣ умственныя способности, которыя проявлялись на низшихъ уровняхъ,

вносятся въ „тѣло причинности“*) вмѣстѣ съ сущностью всѣхъ пережитыхъ страстей, когда послѣднее сбрасываетъ съ себя астральную скорлупу, которой предстоитъ уничтоженіе въ Камалокѣ; всѣ эти силы и способности остаются въ скрытомъ состояніи внутри „тѣла причинности“ до тѣхъ поръ, пока не попадутъ въ такія условія, въ которыхъ они могли бы проявиться*). Послѣ этого, ментальное тѣло, послѣднее изъ всѣхъ временныхъ оболочекъ пребывающаго человѣка, въ свою очередь разлагается, а составныя его части возвращаются въ ментальную сферу, откуда онѣ были извлечены, когда Мыслитель спускался въ послѣднее свое воплощеніе. Сохраняется неприкосновеннымъ одно лишь „тѣло причинности“, которое воистину можно считать негнѣнной сокровищницей всѣхъ жизненныхъ опытовъ, достойныхъ сохраненія. Послѣ этого Мыслитель, описавшій полный кругъ своего долгаго странствованія, пребываетъ до слѣдующаго воплощенія въ своей собственной родной странѣ.

Состояніе его сознанія въ Деваканѣ зависитъ вполне отъ той точки, до которой достигла его эволюція. На раннихъ ея ступеняхъ онъ будетъ, сбросивъ свои низшія оболочки, дремать въ полной безсознательности. Жизнь его будетъ тихо пульсировать внутри его, претворяя всѣ малѣйшіе результаты послѣдняго земного существованія, которые способны войти въ составъ его существа; но при этомъ онъ не будетъ сознавать окружающую среду. Но по мѣрѣ того, какъ онъ развивается, именно этотъ періодъ его жизни становится все болѣе важнымъ и занимаетъ все большіе размѣры въ его посмертномъ существованіи. Онъ становится самосознающимъ, благодаря чему начинаетъ сознавать и окружающую среду; передъ я раскрывается не я и память его развертываетъ передъ нимъ панораму его жизни, простирающуюся назадъ въ глубину прошедшихъ временъ. Онъ видитъ причины, которыя вызвали необходимыя послѣдствія въ послѣднемъ изъ его земныхъ существованій, онъ изучаетъ и тѣ причины, которыя самъ создавалъ въ послѣднемъ воплощеніи. Онъ претворяетъ и вработываетъ въ строеніе своего „тѣла причинности“ все, что было

*) Corps causal.

*) Вдумчивый чѣловѣкъ можетъ найти здѣсь полное значенія указаніе на проблему непрерывающагося сознанія и послѣ того, какъ весь циклъ проявленной жизни совершится до конца. Пусть онъ поставитъ на мѣсто Мыслителя Творца нашей вселенной, свойства же, являющіяся плодами одной земной жизни, пусть представитъ себѣ, какъ плоды цѣлой проявленной вселенной. И тогда онъ будетъ имѣть намекъ на состояніе сознанія въ промежутокъ между двумя проявленными вселенными.

наиболѣе благороднаго и високаго въ послѣдней егѳземной жизни, и путемъ внутренней дѣятельности развиваетъ и приводитъ въ гармонію весь накопленный опытъ своей души. Въ Деваканѣ онъ приходитъ въ непосредственное столкновение съ великими душами; находятся ли эти души въ посмертномъ состояніи, или въ воплощенномъ, онъ пользуется ихъ общеніемъ, учится у нихъ болѣе зрѣлой мудрости и болѣе продолжительной опытности. Каждая послѣдовательная жизнь въ Деваканѣ становится все богаче и все глубже; по мѣрѣ расширяющейся способности чело-вѣка къ воспріятію, знаніе вливается въ него все увеличивающимся потокомъ; болѣе и болѣе начинаетъ онъ познавать дѣйствія духовнаго закона и условія эволюціоннаго движенія впередъ, и, благодаря этому, онъ возвращается на землю съ болѣе зрѣлымъ сознаниемъ, съ болѣе дѣйствительной силой, при чемъ цѣль жизни начинаетъ постепенно выясняться для него, и путь къ ея достиженію становится опредѣленнѣе.

Для каждаго Мыслителя, передъ новымъ возвращеніемъ его на землю, приходитъ моментъ ясновидѣнія. На одно мгновение онъ видитъ все свое прошлое и причины, созданныя въ этомъ прошломъ, которыя будутъ дѣйствовать въ его будущемъ, и общія очертанія его ближайшаго воплощенія развертываются безъ покрова передъ нимъ. Затѣмъ облака матеріи низшаго типа начинаютъ волнообразно носиться вокругъ него и затемнять его зрѣніе, а съ пробужденіемъ способностей низшаго разума, послѣднія начинаютъ вибрировать и собирать вокругъ себя матеріалы изъ низшихъ подраздѣлений ментальной сферы, изъ которыхъ и возникаетъ новое ментальное тѣло для начинающейся новой главы вѣчной исторіи его жизни. Но эта часть нашего предмета принадлежитъ уже къ отдѣлу о перевоплощеніи. Мы оставили душу спящей*), сбросившей съ себя послѣдніе остатки астрального тѣла, готовую перейти изъ Камалоки въ Деваканъ, изъ чистилища на небеса. Спящая душа просыпается съ чувствомъ невыразимой радости, неизмѣримаго блаженства, мира и покоя, превышающаго всякое наше представленіе. Самыя очаровательныя мелодіи тихо звучатъ вокругъ него, нѣжнѣйшіе оттѣнки свѣтящихся красокъ волнуются передъ его открывшимся зрѣніемъ, самый воздухъ кажется цвѣтовой музыкой, все существо насквозь проникается свѣтомъ и гармоніей. Затѣмъ, сквозь золотую дымку начинаютъ нѣжно выступать любимыя лица, утончившіяся въ красоту, которая отражаетъ ихъ благороднѣйшія эмоціи, незапятнанныя

*) См. гл. III, Камалока.

тревогами и страстями низшихъ міровъ. Какъ передать словами блаженство этого пробужденія, сіяніе этой первой зари небснаго міра!

Теперь мы будемъ изучать подробности семи подраздѣлений Девакана, не забывая, что четыре низшія переносятъ насъ въ міръ формъ, гдѣ каждая мысль облекается немедленно въ форму. Этотъ міръ формъ принадлежитъ личности, и поэтому каждая душа окружается здѣсь всѣмъ тѣмъ, что было воспринято ею въ истекшей земной жизни и что можетъ выразиться въ чистомъ мышленіи, безъ примѣси страсти.

Самая первая или низшая область представляетъ собою небо наименѣе подвинувшихся душъ, высшія эмоціи которыхъ на землѣ ограничивались хотя и узкой, но искренней, а временами и безкорыстной любовью къ семьѣ и къ друзьямъ. Или возможно, что онѣ чувствовали искреннее восхищеніе къ кому либо, кто былъ чище и лучше ихъ; возможно также, что въ подобной душѣ пронеслось желаніе вести болѣе возвышенную жизнь, или мимолетное влеченіе къ духовному совершенству. У такой души немного матеріала, изъ котораго могли бы построиться новыя качества, способныя подвинуть ее сильно впередъ; возможно, что ея семейныя привязанности будутъ нѣсколько расширены, и она воплотится черезъ нѣкоторое время съ улучшенной эмоциональной природой, съ усиленной склонностью къ добру и красотѣ. Во время своего небснаго отдыха она будетъ наслаждаться всѣмъ счастьемъ, какое способна вмѣстить, и хотя чаша ея не велика, она все же наполнится до краевъ блаженствомъ, которое ей доступно въ мірѣ духа. Чистота и гармонія этого міра дѣйствуютъ на ея неразвитыя способности и вызываютъ ихъ къ дѣятельности, и тогда въ душѣ начинаются тѣ внутреннія движенія, которыя предшествуютъ всякому проявленію скрытыхъ свойствъ.

Слѣдующее подраздѣленіе Девакана заключаетъ въ себѣ людей всѣхъ вѣрованій, сердца которыхъ во время земной жизни обращались съ мольбой къ Богу, безразлично какимъ именемъ они называли Его. Форма ихъ поклоненія могла быть и узкой, но сердце ихъ поднималось въ своемъ стремленіи къ высшему и тамъ оно найдетъ пищу для своего поклоненія. Представленіе о Божественномъ, которое слагалось внутри ихъ души на землѣ, встрѣчаетъ ихъ въ лучезарномъ сіяніи Девакана, прекраснѣе и лучезарнѣе, чѣмъ самыя смѣлыя ихъ мечты. Господь ограничивается, чтобы быть доступнымъ для ограниченныхъ силъ своихъ поклонниковъ, и именно въ той формѣ, въ какой вѣрующая душа

преклонялась передъ Нимъ, Онъ и раскрывается передъ ея жажущимъ взоромъ и вливаетъ въ нее невыразимую нѣжность своей отвѣтной любви. Здѣсь души людей погружаются въ религиозный экстазъ, въ обожаніе Бога подъ тѣми формами, которыя ихъ чувство находило на землѣ, онѣ какъ бы растворяются въ упоеніи любви, соединяясь съ Объектомъ своего обожанія. Никто не чувствуетъ себя отчужденнымъ въ этой небесной области, ибо Господь облачается для всѣхъ въ знакомыя формы. Такія души растутъ въ чистотѣ и преданности подъ вліяніемъ свѣта этого высокаго единенія, и онѣ возвращаются на землю съ сильно выросшей способностью безкорыстной любви. Но не вся небесная жизнь проходитъ для нихъ въ подобномъ экстазѣ, она представляетъ для нихъ возможность развитія и остальныхъ качествъ ума и сердца, которыми онѣ владѣли на землѣ.

Переходя далѣе къ третьей области, мы встрѣтимся здѣсь съ тѣми благородными и искренними душами, которыя были преданными слугами всего человѣчества, пока жили на землѣ, которыя проявляли свою любовь къ Богу въ трудахъ на благо человѣка. Онѣ собираютъ награду за свою благородную дѣятельность въ томъ расширеніи силъ, и въ увеличеніи мудрости, которыя сдѣлаютъ ихъ новую жизнь еще болѣе полезной и праведной. Широкіе планы всеобщаго благоденствія развертываются передъ сознаниемъ филантропа, и онъ, подобно архитектору, набрасываетъ будущее зданіе, которое построить въ слѣдующемъ своемъ существованіи на землѣ; въ немъ созрѣваютъ идеи, которыя онъ осуществитъ въ дѣятельностяхъ, когда созрѣетъ для этого время. Подобныя души появятся въ будущихъ вѣкахъ великими человѣколюбцами, воплотятся на землѣ съ врожденной способностью безкорыстной любви, одаренные силою доводить начатое до конца.

Наиболѣе разнообразнымъ изъ всѣхъ подраздѣленій Девакана является по своему характеру четвертое, ибо здѣсь развиваются силы наиболѣе одаренныхъ душъ, насколько онѣ могутъ быть выражены въ мірѣ формъ. Здѣсь находятся всѣ гении искусствъ и литературы; они развиваютъ свои творческія силы въ области формъ, красокъ и гармоніи и создаютъ высшія способности, съ которыми и воплотятся, когда снова возвратятся на землю. Самая благородная музыка невыразимой красоты разносится тамъ, создаваемая такими царями гармоніи, какимъ былъ Бетховенъ на землѣ; онъ изливаетъ изъ своей царственной души потоки несравнимыхъ мелодій, дѣлая даже небесный міръ болѣе мелодичнымъ по мѣрѣ того какъ онъ извлекаетъ гармоніи изъ высшихъ

сферъ и проводитъ ихъ отзвуки черезъ небесное пространство. Здѣсь же мы находимъ и великихъ мастеровъ живописи и скульптуры, узнающихъ новые цвѣтовые оттѣнки, новыя линіи невообразимой красоты, и здѣсь также находятся души съ великими, хотя и неудавшимися стремленіями, которыя перерабатываютъ свои страстныя желанія въ творческія силы, и мечты свои въ способности. Безкорыстные искатели тайнъ природы встрѣчаются здѣсь же, и имъ дается познать ея скрытыя глубины; передъ ихъ глазами развертываются системы міровъ со всѣмъ своимъ скрытымъ механизмомъ необычайной сложности и тонкости; эти вернутся на землю великими творцами новыхъ научныхъ системъ, съ безошибочными интуиціями относительно таинственныхъ путей природы. Въ этой области неба находятся также и ищущіе болѣе глубокаго знанія, пылкіе ученики, искавшіе великихъ наставниковъ и высшаго ихъ руководства, и терпѣливо выполнявшіе все, на что было указано тѣмъ или другимъ великимъ Учителемъ человѣчества. Здѣсь ихъ стремленія находятъ свое воплощеніе, и Тѣ, которыхъ они искали на землѣ повидимому тщетно, являются здѣсь ихъ дѣйствительными учителями; эти пылкія души упиваются божественной мудростью и быстро растутъ ихъ силы и способности у ногъ Учителей. Носителями свѣта появятся они вновь на землѣ, рожденные съ высокой печатью духовнаго Учителя.

Многіе искренно ищущіе на землѣ, не имѣющіе понятія объ этихъ соотношеніяхъ, готовятъ себѣ мѣсто въ этой небесной области въ то время, когда они съ истиннымъ благоговѣніемъ склоняются надъ страницами великаго Учителя. Они бессознательно создаютъ связь между собой и любимымъ Учителемъ, и въ небесномъ мірѣ эта душевная связь проявится, взаимно привлекая души, для которыхъ она служитъ звеномъ. Какъ солнце въ состояніи наполнять своими лучами многія горницы, и каждая изъ нихъ освящается всѣмъ свѣтомъ, какой можетъ вмѣстить, такъ и эти великія души, сіяя на небесахъ въ тысячѣ своихъ собственныхъ образовъ, созданныхъ ихъ учениками, наполняютъ ихъ жизнь своею собственной сущностью, такъ что каждый ученикъ имѣетъ своего собственнаго Учителя и въ то же время не отнимаетъ его помощь ни у кого.

Такимъ образомъ въ теченіе періодовъ, пропорціональныхъ принесенному духовному матеріалу, люди пребываютъ въ этихъ небесныхъ областяхъ (тіра-форма), гдѣ все доброе, совершенное въ послѣдней личной жизни, получаетъ свое полное осуществленіе

во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ. И когда все уже исчерпано, когда выпита послѣдняя капля изъ чаши радости, тогда все, что было переработано въ способности, все, что обладаетъ вѣчною цѣнностью, вносится внутрь безсмертной души („тѣло причинности“), и Мыслитель сбрасываетъ съ себя оболочку, черезъ которую онъ проявлялся на четырехъ низшихъ ступеняхъ небснаго міра. Освобожденный отъ своей послѣдней оболочки (ментальное тѣло), онъ находится теперь на своей истинной родинѣ и теперь настаетъ очередь за той частью принесенной жатвы, которая можетъ найти свое выраженіе въ этомъ высококомъ мірѣ.

Большое число душъ касаются низшаго уровня тѣхъ областей небснаго міра, которыя носятъ названіе Агūra— „безъ формы“, лишь на короткое мгновеніе, послѣ того, какъ всѣ временныя оболочки сброшены прочь; но души эти такъ еще не развиты, что въ нихъ нѣтъ активныхъ силъ, которыя могли-бы дѣйствовать въ этихъ областяхъ независимо, и поэтому онѣ впадаютъ въ безсознательность какъ только сброшенная ментальная оболочка распадется на составныя части. Затѣмъ на одинъ мигъ онѣ пробуждаются къ сознательности и молниеносное воспоминаніе освѣщаетъ все ихъ прошлое, и онѣ видятъ всѣ зачавшія его причины; и такая же вспышка предвидѣнія освѣщаетъ ихъ будущее, и онѣ видятъ всѣ послѣдствія, которыя произойдутъ въ ихъ ближайшемъ земномъ существованіи. Это все, что большинство людей способно испытать въ этой области Девакана („Агūra“). Ибо и здѣсь такъ же, какъ вездѣ, жатва соотвѣтствуетъ посѣву и невозможно, ничего не посѣявъ для этой высокой области, надѣяться собрать здѣсь какую бы то ни было жатву.

Но есть души, которыя во время своего земного существованія— глубокимъ мышленіемъ и благородной жизнью приготовили тотъ посѣвъ, съ котораго жатва снимается именно въ этой, пятой области Девакана, первой изъ трехъ небесъ сверхъ-форменнаго міра (Агūra). Велика ихъ награда за то, что онѣ счумѣли подняться надъ властью плоти и страстей, и здѣсь онѣ начинаютъ испытывать истинную жизнь человѣка, достойное существованіе самой души, не стѣсненной оболочками, которыя всѣ принадлежатъ низшимъ мірамъ. Онѣ познаютъ истины непосредственнымъ созерцаніемъ и видятъ основныя причины, послѣдствіями которыхъ являются всѣ видимые объекты; онѣ видятъ лежащее въ основѣ всего единство, которое въ низшихъ мірахъ маскируется разнообразіемъ пестрыхъ подробностей. Такимъ образомъ пріобрѣтается глубокое познаніе закона, распознаются его неизмѣнныя дѣйствія въ самыхъ

съ виду противорѣчивыхъ видимостяхъ, и вносятся въ неразрушимую часть души непоколебимыя убѣжденія, которыя въ земной жизни проявятся какъ глубокая интуиція, превышающая всевозможныя разсужденія. И здѣсь человѣкъ узнаетъ свое собственное прошлое и разбирается въ причинахъ, которыя онъ самъ вызвалъ къ жизни; онъ отмѣчаетъ ихъ взаимодействія, проистекающія изъ нихъ послѣдствія, и даже видитъ нѣчто изъ ихъ вліянія на предстоящія ему въ будущемъ жизни.

Въ шестой небсной области находятся еще болѣе подвинувшіяся души, которыя во время земного существованія не чувствовали влеченія къ его преходящимъ видимостямъ и посвящали всю свою энергію высшей умственной и нравственной жизни; для нихъ уже нѣтъ покрова, скрывающаго прошлое, ихъ память совершенна и непрерывна, и онѣ заняты введеніемъ въ составъ своей ближайшей жизни такихъ энергій, которыя способны поборотъ силы, противодействующія добру, и укрѣпить такія, которыя направлены къ добру. Эта ясная память дѣлая ихъ способными на твердыя и опредѣленныя рѣшенія относительно дѣятельностей, которыя *должны* быть совершаемы, и такихъ, которыхъ слѣдуетъ избѣгать, и эти волевые импульсы запечатлѣваются на низшихъ оболочкахъ слѣдующаго воплощенія, дѣлаютъ для такихъ душъ цѣлыя разряды зла невозможными, и точно также извѣстный видъ добра неизбѣжнымъ, какъ-бы непреодолимымъ требованіемъ голоса, котораго не слушать *нельзя*. Эти души рождаются съ высокими и благородными качествами, дѣлающими дурную жизнь невозможной, и они накладываютъ уже на младенца въ колыбели печать будущей великой судьбы. Передъ человѣкомъ, достигшимъ шестого неба, развертываются неисчерпаемыя сокровища божественнаго разума въ его творческой дѣятельности, и онъ можетъ изучать первообразы всѣхъ формъ, которыя постепенно развиваются въ низшихъ мірахъ. Здѣсь онъ можетъ купаться въ бездонномъ океанѣ Божественной Мудрости и разгадывать тайны, соединенныя съ воплощеніемъ тѣхъ первообразовъ, процессъ котораго, въ ограниченномъ воспріятіи земного человѣка, вызываетъ представленіе кажущагося зла. Здѣсь раскрываются такіе широкіе горизонты, что явленія принимаютъ свои надлежащія пропорціи, и онъ видитъ оправданіе божественныхъ путей, которые для него уже болѣе не „неисповѣдимы“ поскольку они относятся до эволюціи низшихъ міровъ. Вопросы, надъ которыми онъ задумывался на землѣ и на которые его земной разумъ не давалъ отвѣта, здѣсь разрѣшаются посредствомъ глубокаго проникновенія, идущаго

внутри вѣдшихъ покрововъ и видящаго связующія звенья, которыя образуютъ непрерывную цѣпь явленій. Здѣсь же душа находится въ непосредственномъ сношеніи съ наиболѣе великими душами, которыя высоко поднялись надъ уровнемъ остального человѣчества; освобожденная отъ тѣхъ узъ, которыя составляютъ земное „прошлое“, она наслаждается „непрестаннымъ настоящимъ“, безконечной и непрерывающейся жизнью. Тѣ, кого мы называемъ „великими покойниками“, находятся здѣсь во всей славѣ жизни духа, и душа испытываетъ высокій восторгъ отъ ихъ присутствія и растеть по образу и подобию ихъ по мѣрѣ того, какъ могучая гармонія ихъ духа настраиваетъ ея вибраціи на свой тонъ.

Еще выше и еще прекраснѣе сияетъ седьмое небо, обитель Учителей и Посвященныхъ. Ни одна душа не можетъ быть тамъ, прежде чѣмъ она не пройдетъ черезъ узкія ворота Посвященія, по тому тернистому пути, который ведетъ въ жизнь вѣчную*). Въ этомъ мірѣ источникъ наиболѣе сильныхъ умственныхъ и нравственныхъ воздѣйствій, которыя спускаются на землю; отсюда исходятъ животворящіе токи высочайшей духовной энергіи.

Вся интеллектуальная жизнь міра имѣетъ здѣсь свои корни; отсюда получаютъ гени свои лучшія вдохновенія. Для душъ, которыя пребываютъ здѣсь, уже не имѣетъ значенія, продолжаетъ-ли сохраняться ихъ связь съ низшими оболочками, или она уже нарушена; онѣ, не переставая, пользуются своимъ высокимъ самосознаніемъ и живыми отношеніями со всѣми окружающими ихъ и захотятъ ли они—въ періодъ воплощенія—перенести въ свои низшія оболочки все сознаніе, которое послѣднія могутъ вмѣстить, это предоставляется ихъ собственной волѣ. И все болѣе и болѣе желанія ихъ сливаются съ волею высочайшихъ Сущностей, которая едина съ волею Логоса и направлена лишь на мировое добро. Ибо здѣсь уже исчезаютъ всѣ послѣдніе признаки разъединенія**) у тѣхъ, которые еще не достигли полного освобожденія, т. е. ступени, на которой стоятъ Учителя; по мѣрѣ того, какъ эти послѣдніе слѣды исчезаютъ, воля вступаетъ все въ большее и большее единство съ Волею, руководящей мірами.

Таковы общія очертанія семи небесъ, въ одно изъ которыхъ человѣкъ переходитъ послѣ той перемѣны, которую люди назы-

*) См. гл. XI. Восхожденіе человѣка. Посвященный выступаетъ изъ обыкновеннаго направленія эволюціи, онъ идетъ болѣе короткимъ и крутымъ путемъ къ человѣческому совершенству.

**) Аhamkāra—принципъ, вызывающій самоутвержденіе, необходимое для развитія самосознанія, но упрядняющееся, когда цѣль его дѣятельности закончена.

ваютъ смертью; ибо смерть—лишь перемѣна, освобождающая душу отъ самой тяжелой изъ всѣхъ связывающихъ ея цѣпей. Смерть—лишь рожденіе въ болѣе широкую жизнь, возвращеніе—послѣ краткаго изгнанія на землю—въ истинную обитель души, переходъ изъ темницы къ свободѣ горняго воздуха.

Смерть есть величайшая изъ земныхъ иллюзій: смерти нѣтъ, есть только перемѣна въ условіяхъ жизни.

Жизнь непрерывна; нерожденная, вѣчная, постоянная, она не погибаетъ съ уничтоженіемъ тѣла, которыя облекаютъ ее. Также вѣрно было бы вообразить, что небо обрушится, когда разбивается глиняный горшокъ, какъ утверждать, что душа погибнетъ, когда тѣло разложится на составныя части *).

Физическая, астральная и ментальная сферы являются тѣми „тремя мірами“, въ которыхъ совершается странствованіе души, снова и снова повторяемое.

По этимъ тремъ мірамъ катится колесо человѣческой жизни, къ которому души привязаны посредствомъ своей эволюціи, и, не устанно катясь, оно переноситъ ихъ въ каждый изъ трехъ міровъ поочередно. Теперь мы можемъ прослѣдить полный жизненный періодъ души (совокупность этихъ періодовъ составляетъ ея жизнь), а также ясно различить разницу между личностью и индивидуальностью.

Душа, когда ея пребываніе въ высшихъ областяхъ Девакана (агура безъ формы) кончается, начинаетъ свой новый жизненный періодъ съ проявленія тѣхъ силъ, которыя въ состояніи дѣйствовать въ четырехъ низшихъ подраздѣленіяхъ Девакана (гура), силы, которыя явились какъ результаты предшествовавшихъ жизней. Силы эти, проявляясь наружу, собираютъ вокругъ себя изъ матеріи четырехъ низшихъ подраздѣленій ментальной сферы такіе матеріалы, которые подходятъ для ихъ выраженія, и благодаря этому образуется новое ментальное тѣло для предстоящаго рожденія на землѣ. Вибраціи этихъ ментальныхъ силъ пробуждаютъ энергіи, принадлежащія природѣ желанія, и эти послѣднія начинаютъ также вибрировать; по мѣрѣ своего пробужденія онѣ привлекаютъ къ себѣ подходящіе матеріалы изъ матеріи астрального міра, изъ которыхъ и образуется новое астральное тѣло для приближающагося воплощенія. Такимъ ^{образомъ} ~~мѣ~~ Мыслитель ~~д~~ облекается въ ментальную и астральную оболочки, выражающія съ точностью всѣ его способности, развитыя въ теченіе всѣхъ предыдущихъ ступеней его жизни. Послѣ этого онъ увлекается

*) Сравненіе это, употребляется въ Bhagavad Purāna.

силами, о которыхъ будетъ сказано впослѣдствіи*), въ семью, способную снабдить его подходящимъ физическимъ покровомъ, а затѣмъ входитъ въ соприкосновеніе съ этимъ покровомъ посредствомъ своего астральнаго тѣла. Въ теченіе утробной жизни, ментальное тѣло тѣсно переплетается съ низшими оболочками, и эта связь становится все тѣснѣе и тѣснѣе на протяженіи всего дѣтскаго возраста, пока, на седьмомъ году жизни, оболочки эти не придутъ въ прикосновеніе съ самимъ Мыслителемъ настолько полное, насколько данная ступень эволюціи позволяетъ это. И тогда онъ начинаетъ слегка контролировать свои оболочки, если послѣднія уже достаточно развились, и то, что мы называемъ сознаниемъ, становится его повелѣвающимъ голосомъ. Весь свой опытъ онъ собираетъ посредствомъ этихъ оболочекъ и, во время своей земной жизни, слагаетъ его какъ разъ въ ту оболочку, которая соприкасается съ сферой, откуда опытъ извлеченъ. Когда земная жизнь кончается, физическое тѣло отпадаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ кончается возможность соприкосновенія съ физическимъ міромъ, и тогда всѣ силы Мыслителя сосредоточиваются въ астральной и ментальной сферахъ. Въ свое время и астральное тѣло отпадаетъ и тогда вся жизнь Мыслителя сохраняется въ ментальной сферѣ, при чемъ астральныя способности остаются заключенными въ немъ самомъ, какъ скрытыя энергіи. Когда же процессъ ассимиляціи закончится и здѣсь, ментальное тѣло распадается, и его энергіи—въ свою очередь—переходятъ въ видѣ скрытыхъ силъ внутрь Мыслителя, и тогда онъ переноситъ свою жизнь полностью въ міръ Агûра, въ свою прирожденную обитель. Отсюда, послѣ того, какъ переживанія его въ трехъ мірахъ превратятся въ способности и силы, онъ снова начинаетъ свое странствіе и проходитъ новый циклъ жизни съ увеличенными силами и знаніемъ.

Личность состоитъ изъ преходящихъ оболочекъ, посредствомъ которыхъ Мыслитель дѣйствуетъ въ физическомъ, астральномъ и низшемъ ментальномъ мірахъ, и изъ всѣхъ тѣхъ дѣятельностей, которыя соприкасаются съ ними. Дѣятельности эти связаны звеньями памяти, возникшими благодаря впечатлѣніямъ, оставленнымъ на трехъ низшихъ тѣлахъ; а благодаря отождествленію Мыслителя съ своими оболочками, возникаетъ и личное „я“. На низшихъ ступеняхъ эволюціи это я связано съ физическимъ и астральнымъ проводниками, въ которыхъ и проявляется наиболѣе энергичная дѣятельность; позднѣе оно бываетъ связано съ ментальнымъ проводникомъ, который и становится преобла-

*) См. гл. VII о Перевоплощеніи.

дающимъ. Такимъ образомъ личность съ ея преходящими чувствами, желаніями и страстями образуетъ изъ себя какъ бы независимое существо, хотя она и извлекаетъ всѣ свои силы изъ Мыслителя, котораго облекаетъ собой, и такъ какъ ея свойства, принадлежащія низшимъ мірамъ, бываютъ часто въ прямомъ противорѣчій съ вѣчными интересами Живущаго въ тѣлѣ, то и возникаютъ конфликты, въ которыхъ побѣда склоняется то на сторону временныхъ наслажденій, то на сторону вѣчнаго. Жизнь личности начинается только тогда, когда Мыслитель построитъ свое новое ментальное тѣло, и существованіе ея продолжается только до тѣхъ поръ, пока это ментальное тѣло не распадется въ низшей области Девакана.

Индивидуальность же заключаетъ въ себѣ самого Мыслителя, безсмертное дерево, которое выбрасываетъ изъ себя личности, подобно листьямъ, длящимся въ весеннюю, осеннюю и лѣтнюю пору человѣческой жизни. Все, что листья воспринимаютъ въ себя, претворяется въ сокъ, циркулирующій по ихъ венамъ, осенью-же этотъ сокъ вливается въ родной стволъ, а сухой листъ отпадаетъ и погибаетъ. Лишь Мыслитель живетъ вѣчно, онъ тотъ, для котораго „часть не пробьетъ никогда“, онъ—та вѣчная юность, которая, по выраженію Бхагавадъ-Гиты, одѣваетъ и сбрасываетъ тѣла также, какъ человѣкъ надѣваетъ на себя новыя одежды и снимаетъ старыя. Каждая личность представляетъ собою роль для безсмертнаго Актера, который выступаетъ на подмостки жизни снова и снова, и въ переживаемой имъ жизненной драмѣ каждый принятый имъ на себя характеръ есть дитя предшествовавшего и отецъ будущаго; такимъ образомъ, жизненная драма есть непрерывающаяся исторія одного и того же дѣйствующаго лица, который послѣдовательно разыгрываетъ различныя роли.

Пока Мыслитель проходитъ черезъ раннія ступени человѣческой эволюціи, жизнь его ограничивается тремя мірами, которые мы изучали въ этихъ главахъ, но придетъ время въ жизни чело-вѣчества, когда оно проникнетъ въ болѣе высокіе міры и тогда перевоплощеніе перейдетъ въ область прошлаго; но пока колесо рожденія и смерти продолжаетъ вращаться, и человѣкъ все еще привязанъ къ нему своими желаніями, источникъ которыхъ находится въ трехъ низшихъ мірахъ, жизнь его должна протекать въ этихъ мірахъ.

Къ царству духа, которое превышаетъ ихъ, мы и обратимся теперь, хотя мало понятнаго и необходимаго для настоящей ступени развитія можетъ быть сказано о немъ. Но то, что можетъ быть сказано, все-же необходимо для дополненія очерка Древней Мудрости.

ГЛАВА VI.

Духовныя сферы (Будди и Нирвана).

Мы видѣли, что человѣкъ есть разумная самосознающая сущность, Мыслитель, облеченный въ тѣла, принадлежащія низшей ментальной, астральной и физической сферамъ. Теперь мы подходимъ къ изученію Духа, который является его сокровеннымъ Я, источникомъ, откуда онъ произошелъ.

Этотъ Божественный Духъ—лучъ, исходящій изъ Логоса, раздѣляя Его Сущность, обладаетъ трюичной природой самого Логоса, и эволюція человѣка, какъ такового, состоитъ въ постепенномъ проявленіи всѣхъ трехъ божественныхъ аспектовъ, въ ихъ развитіи изъ скрытаго состоянія въ состояніе активное. Путемъ этого проявленія человѣкъ повторяетъ въ маломъ видѣ эволюцію вселенной; отсюда и произошло наименованіе его микрокосмомъ, въ противоположность макрокосму, вселенной: онъ является собой какъ бы зеркало вселенной, отраженіе или подобіе Бога *), и отсюда же происходитъ древнее оккультное изреченіе: „какъ вверху, такъ и внизу“. Именно это заключенное въ человѣкѣ божественное начало и является ручательствомъ конечнаго торжества человѣка; оно и служитъ скрытой двигательной силой, которая дѣлаетъ эволюцію одновременно и возможной и неизбежной, той поднимающей человѣка энергіей, которая медленно преодолеваетъ всѣ трудности и всѣ преграды.

Эта скрытая въ человѣкѣ божественная Сущность, его высшее бессмертное Я, носитъ наименованіе Монады **), и намъ необходимо помнить, что Монада есть изліяніе жизни самого Логоса, содержащей въ зародышѣ или въ скрытомъ состояніи, всѣ божественныя силы и свойства. Эти силы приводятся къ про-

*) „Сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію Нашему“. Бытіе гл. 1-я ст. 26.

**) Она называется Монадой, подразумѣвается ли при этомъ Монада духа-матеріи, *Atmā*; или Монада формы *Atmā-Buddhi*; или же человѣческая Монада *Atmā-Buddi-Manas*. Въ каждомъ случаѣ она представляетъ изъ себя единицу и дѣйствуетъ какъ единица, проявляется ли она въ одномъ, въ двухъ, или въ трехъ аспектахъ.

явленію благодаря толчкамъ, возникающимъ отъ соприкосновенія съ объектами вселенной, куда спускается Монада; тренія, происходящія благодаря этимъ толчкамъ, вызываютъ отвѣтныя вибраціи въ жизненномъ началѣ, подвергаемомъ возбужденію, и, одна за другою жизненныя энергіи переходятъ изъ скрытаго состоянія въ дѣятельное. Человѣческая Монада обладаетъ, какъ уже сказано, тремя божественными аспектами, будучи совершеннымъ подобіемъ Бога, и въ теченіе человѣческаго цикла всѣ три ея аспекта развиваются одинъ за другимъ.

Аспекты эти представляютъ собою три атрибута Божественной Жизни, проявленной во вселенной: бытіе, блаженство и разумъ, три Логоса, каждый въ отдѣльности выражающій ихъ со всѣмъ совершенствомъ, возможнымъ въ предѣлахъ проявленія. Въ человѣкѣ эти аспекты развиваются въ обратномъ порядкѣ: разумъ, блаженство, бытіе; послѣднее въ смыслѣ проявленія божественныхъ силъ. Въ эволюціи человѣка мы наблюдали до сихъ поръ развитіе третьяго аспекта скрытой божественности—развитіе сознанія или разума. *Manas*, Мыслитель, человѣческая душа, есть подобіе Мирового Разума, Третьяго Логоса, и все его долгое странствіе въ трехъ низшихъ космическихъ сферахъ посвящено развитію этого третьяго аспекта, разумной стороны божественной природы человѣка. Пока происходитъ этотъ процессъ, можно сказать, что двѣ другія божественныя энергіи остаются пассивными, онѣ еще не проявлены въ человѣкѣ. Тѣмъ не менѣе, подготовленіе для проявленія этихъ силъ уже происходитъ; онѣ пробуждаются изъ той непроявленной жизни, которую мы называемъ „скрытымъ состояніемъ“, посредствомъ все усиливающейся энергіи вибрацій разума, и—второй аспектъ начинаетъ высылать свои первыя вибраціи, еле замѣтную дрожь жизни. Этотъ второй аспектъ человѣческаго духа называется по теософической терминологіи „*Buddhi*“, имя, произведенное отъ санскритскаго названія *мудрости*, и онъ соотвѣтствуетъ четвертой или *духовной* сферѣ нашей вселенной, сферѣ, въ которой все еще продолжается двойственность, но въ которой уже нѣтъ разъединенія. Слова не могутъ передать этой идеи, ибо слова принадлежатъ нашимъ сферамъ бытія, гдѣ двойственность и разъединеніе существуютъ одновременно, хотя нѣкоторыя попытки дать приблизительное представленіе о томъ, все еще возможны. Это состояніе, въ которомъ каждый остается самимъ собою, съ ясностью и яркой интенсивностью, которая не доступна въ низшихъ мірахъ, и въ то же время каждый чувствуетъ, что всѣ остальные заключены въ немъ, нераздѣльно и нераздѣ-

лимо *). Ближайшей аналогией этого состоянія на землѣ является отношеніе между двумя личностями, соединенными сильной и горячей любовью, которая заставляет ихъ чувствовать, думать, дѣйствовать и жить какъ одинъ человекъ, не признавая ни преградъ, ни различій, ни „моего“, ни „твоего“, и не допуская разлуки ***). Слабый отголосокъ изъ этой сферы, достигающій до земли, и заставляетъ людей искать счастья въ соединеніи съ объектомъ своего желанія, каковъ бы ни былъ этотъ объектъ. Полнота одиночества есть въ то же время и полнота страданія; быть обнаженнымъ до полной наготы отъ всего, какъ бы висѣть въ пустомъ пространствѣ въ полнѣйшемъ одиночествѣ, не соприкасаясь ни съ чѣмъ, кромѣ своей одинокой индивидуальности, быть замкнутымъ отъ всего остального въ свое отдѣльное Я—воображеніе не можетъ представить себѣ болѣе леденящаго ужаса. Антитезой этого состоянія является единеніе, совершенное же единеніе есть и совершенное блаженство.

Когда этотъ второй аспектъ человѣческаго Я начинаетъ высылать наружу свои вибраціи, эти вибраціи притягиваютъ къ себѣ, такъ же какъ и въ низшихъ мірахъ, частицы матеріи своей сферы, и такимъ образомъ постепенно возникаетъ духовное (buddhi) тѣло или тѣло „блаженства“, какъ оно иногда удачно называется ***). Единственнымъ способомъ для человека содѣйствовать построенію этого высшаго своего тѣла является неустанное упражненіе въ чистой, самоотверженной, всеобъемлющей, полной милосердія любви,—любви, которая „не ищетъ своего“, слѣдовательно, и не можетъ добиваться возврата за свои дары. Это добровольное изліяніе безкорыстной любви есть наиболѣе опредѣленное изъ божественныхъ признаковъ, той любви, которая все отдаетъ и ничего не ищетъ взаменъ. Чистая любовь вызвала вселенную къ

*) Читатель долженъ бы вернуться къ введенію и перечитать описаніе этого состоянія, данное Плотиніемъ, которое начинается такъ: „Они также видятъ во всѣхъ вещахъ“ и замѣтить два выраженія: „Каждая вещь подобнымъ же образомъ являетъ собою все“ и „Тѣмъ не менѣе въ каждой преобладаетъ иная особенность, и въ то же время всѣ вещи видимы въ каждой“.

**) Это объясняетъ, почему блаженство божественной любви во многихъ св. писаніяхъ изображается въ видѣ глубокой любви между супругомъ и супругой, какъ въ *Bhagavad Purāna* Индусовъ и въ *Пѣсни Пѣсней* Соломона Евреевъ и Христіанъ. Также изображается оно и у мистиковъ Суфи и вообще у всѣхъ мистиковъ.

***) Anandamayakoska или „тѣло блаженства“ послѣдователей Веданты. Также называется и тѣло солнца, о которомъ упоминается въ Упанишадахъ и въ другихъ мѣстахъ.

бытію, чистая любовь поддерживаетъ ее и она же ведетъ ее къ совершенству и къ полнотѣ блаженства. И всегда, когда человекъ изливаетъ любовь на тѣхъ, кто нуждается въ ней, не дѣлая никакого различія и не ища ничего взаменъ, изъ чистой непосредственной радости отдавать себя, онъ развиваетъ внутри себя второй аспектъ божественности и строитъ то тѣло неизрѣченной радости и красоты, въ которомъ Мыслитель возстанетъ, сбрасывая съ себя всѣ ограниченія, чтобы найти себя какъ безсмертную индивидуальность и въ то же время какъ единое со всѣмъ, что живетъ и дышитъ. Это и есть тотъ „домъ, построенный не руками, вѣчный въ небесахъ“, о которомъ писалъ св. Павелъ, великій христіанскій Посвященный; и онъ ставилъ милосердіе и чистую любовь выше всѣхъ другихъ качествъ, потому что лишь они могутъ содѣйствовать къ постройкѣ этого славнаго жилища. По той же причинѣ разобщеніе называется „великой ересью“ у Буддистовъ, и „единеніе“ есть высшая цѣль Индуса; освобожденіе, въ его представленіи, есть не что иное, какъ уничтоженіе тѣхъ ограниченій, которыя держатъ насъ врозь, а эгоизмъ—корень зла, разрушеніе котораго ведетъ къ уничтоженію страданій.

Пятая сфера—нирваническая—соотвѣтствуетъ высшему аспекту Бога внутри насъ, и этотъ аспектъ называется въ Теософіи *Atmā* или высшее Я. Это—сфера чистаго бытія и божественныхъ силъ въ ихъ наиболѣе полномъ проявленіи въ нашей пятиричной вселенной, ибо все, что превышаетъ ее, что находится въ шестой и седьмой сферахъ, то скрыто въ недоступномъ для насъ Божественномъ Свѣтѣ; сознаніе „атмическое“ или „нирваническое“, принадлежащее жизнедѣятельности пятой сферы, есть сознаніе, которымъ владѣютъ лишь немногіе опередившіе все человѣчество и уже закончившіе циклъ человѣческой эволюціи, которыхъ мы называемъ Учителями *). Они разрѣшили въ себѣ проблему соединенія самой сути индивидуальности съ нераздѣльностью отъ другихъ, и они живутъ, совершенные въ мудрости, въ блаженствѣ и въ силѣ.

Когда человѣческая Монада отдѣляется отъ Логоса, это можно бы сравнить съ тонкой нитью свѣта, отдѣляющейся отъ свѣтового океана Атмы посредствомъ невообразимо тонкой обо-

*) Извѣстны также подъ именемъ *Махатмъ* и *Ливанмухтасъ*; это—освобожденныя души, остающіяся связанными съ физическими тѣлами для воздѣйствія на прогрессъ человѣчества. Многія другія Великія Существа пребываютъ также въ сферѣ Нирваны.

лочки изъ буддической субстанции, и нить эта заканчивается искрой, которая заключается въ овоидную оболочку изъ матеріи высшихъ отдѣловъ (*Arupa*, безъ формы) ментальной сферы. „Искра спускается изъ пламени посредствомъ тончайшей нити *Fohat'a*“ *). По мѣрѣ того, какъ эволюція подвигается, эта сіяющая овоидная оболочка растетъ и пріобрѣтаетъ опаловый оттѣнокъ, а тонкая нить расширяется все въ больший и больший проводникъ, черезъ который изливается все болѣе атмической жизни. Подъ конецъ они сливаются—третье съ вторымъ, и оба сливаются съ первымъ, какъ пламя сливается съ пламенемъ, нарушая всякое разобщеніе.

Эволюція въ условіяхъ четвертой и пятой сферъ принадлежитъ будущему нашей расы, но тѣ, которые избираютъ трудный путь ускореннаго движенія, могутъ пріобщиться къ ней и теперь, о чемъ будетъ сказано далѣе **). На этомъ пути духовное тѣло (буддическое) развивается быстро, и человѣкъ начинаетъ раздѣлять сознание этой высокой области и познавать блаженство, которое происходитъ отъ отсутствія раздѣляющихъ препонъ, и мудрость, свободно вливающуюся, когда предѣлы сознания уничтожены. И тогда человѣкъ освобождается отъ колеса, къ которому душа привязана въ низшихъ мірахъ, и здѣсь онъ впервые предвкушаетъ свободу, совершенство которой ожидаетъ его въ состояніи Нирваны.

Нирваническое сознание представляетъ собою антитезу уничтоженію; это—бытіе повышенное до такой высокой степени жизненности и интенсивности, которая невообразима для тѣхъ, кто знаетъ одну лишь жизнь чувствъ и земного разума. Какъ еле тлѣющей ночникъ по сравненію съ сіяніемъ полуденнаго солнца, такъ же темно и наше прикованное къ землѣ сознание по сравненію съ сознаниемъ Нирваны, и смотрѣть на него какъ на уничтоженіе только потому, что границы земного сознания исчезли, похоже на то, какъ если бы человѣкъ, не выдавшій ничего кромѣ ночника, сталъ утверждать, что свѣтъ не можетъ существовать безъ свѣтильни, погруженной въ масло. Что Нирвана *существуетъ*, о томъ свидѣтельствуютъ въ священныхъ писаніяхъ Тѣ, которые пережили ея славу, и о томъ же свидѣтельствуютъ и въ настоящее время тѣ представители нашей расы, которые уже поднялись на высшую ступень совершеннаго человѣчества и понынѣ сохраняютъ

*) Книга Dzyan, Stanza VII, 5. Secret Doctrine, v. I.

**) См. главу XI „Восхожденіе Человѣка“.

связь съ землей лишь для того, чтобы помочь восходящей расѣ подниматься по тѣмъ же ступенямъ безъ колебанія.

Въ Нирванѣ пребываютъ Великія Сущности, которыя закончили свою собственную человѣческую эволюцію въ исчезнувшихъ мірахъ и которыя выступали вмѣстѣ съ Логосомъ, захотѣвшимъ проявить Себя въ новой вселенной. Онѣ являются совершенными исполнителями Его воли. И всѣ представители различныхъ областей вселенной, о дѣятельности которыхъ въ различныхъ сферахъ было упомянуто, имѣютъ здѣсь свою обитель, ибо Нирвана представляетъ собою сердце вселенной, откуда истекаютъ всѣ ея жизненные токи. Отсюда исходитъ Великое Дыханіе, жизненное начало всего, и сюда же оно возвращается, когда проявленная вселенная достигаетъ своего предѣла. Тамъ можно зрѣть Блаженство, къ которому стремятся мистики, тамъ пребываетъ Слава безъ покрова, Высочайшая Цѣль бытія.

Братство всего живого имѣетъ свою незыблемую основу въ области духа (сферы Атмы и Будди), ибо лишь здѣсь существуетъ единство, лишь здѣсь можно найти совершенное согласіе. Интеллектъ есть начало разъединяющее въ человѣкѣ, оно различаетъ „я“ отъ „не я“, оно сознаетъ только одного себя, а все остальное мыслить какъ внѣшнее и чуждое для себя. Это начало борящееся, враждующее, самоутверждающее, и съ точки зрѣнія интеллекта весь міръ является ареной всевозможныхъ столкновеній, ожесточающихся въ той мѣрѣ, въ какой интеллектъ участвуетъ въ нихъ. Даже и страстное начало въ человѣкѣ склонно къ враждебности лишь тогда, когда его волнуютъ желанія и когда что-либо становится между нимъ и предметомъ его желанія; но оно становится все болѣе и болѣе враждебно-наступательнымъ по мѣрѣ того, какъ умъ подталкиваетъ его къ дѣятельности, ибо тогда оно начинаетъ изыскивать средства для удовлетворенія не только настоящихъ, но и будущихъ желаній, и стремится присвоить себѣ какъ можно больше изъ запасовъ природы. Въ человѣкѣ лишь его интеллектъ по природѣ своей склоненъ къ враждѣ, ибо онъ утверждаетъ себя какъ величину отдѣльную отъ всѣхъ остальныхъ, и именно въ немъ заключается корень разъединенія, вѣчно возобновляющійся источникъ отчужденія человѣка отъ человѣка.

Но какъ только человѣкъ вступаетъ въ сферу Будди, онъ немедленно начинаетъ чувствовать единство, подобно тому, какъ отдѣльные лучи солнца, расходящіеся въ разныя стороны, возвращаясь назадъ въ солнце, изъ котораго изошли, сливаются вновь

воедино. Существо, находящееся на солнцѣ, проникнутое его свѣтомъ и само изливающее это свѣтъ, не могло бы чувствовать различія между однимъ лучемъ и другимъ и совершенно одинаково посылало бы свѣтовые токи по всѣмъ направленіямъ; тоже и съ человѣкомъ, который сознательно достигъ сферы Будди: онъ *чувствуетъ* Братство, о которомъ другіе лишь говорятъ какъ объ идеалѣ, и онъ изливаетъ свою силу въ пользу каждаго, кто нуждается въ его помощи; онъ видитъ во всѣхъ существахъ какъ бы себя самого, и все, что онъ имѣетъ, считаетъ принадлежащимъ столько же имъ, сколько и себѣ, болѣе того—скорѣе имъ, потому что нуждаются они больше, а силъ у нихъ меньше, чѣмъ у него. Такъ старшіе братья въ дружной семьѣ берутъ на себя бремя семьи, охраняя младшихъ братьевъ отъ горя и нужды; для духа братства слабость есть право на помощь и на любовное покровительство, а не поводъ для угнетенія. Всѣ великіе основатели религій дѣйствовали изъ этой сферы единства и отличались всегда великимъ состраданіемъ и нѣжностью, отзываясь на всѣ виѣшнія и внутреннія нужды людей. Сознаніе этого внутренняго единства, признаніе единого я, пребывающаго во всемъ, есть единственное незыблемое основаніе Братства; все остальное измѣнчиво.

Сознаніе это сопровождается увѣренностью, что ступень эволюціи, достигнутая различными живыми существами, зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что можно бы назвать ихъ возрастомъ. Одни начали свое странствіе гораздо позднѣе, чѣмъ другіе, и хотя основныя свойства у всѣхъ равны, нѣкоторые развернули гораздо большее количество изъ этихъ свойствъ потому, что въ ихъ распоряженіи было болѣе времени, чѣмъ у младшихъ братьевъ. Такъ же не мудро было бы осуждать зерно, что оно еще не превратилось въ цвѣтокъ, или младенца, что онъ не проявляетъ свойствъ взрослого человѣка, какъ осуждать молодыхъ души, окружающія насъ, что онѣ еще не развились до степени, которая уже достигнута нами. Вѣдь мы не осуждаемъ себя за то, что не достигли еще до божественнаго совершенства, а между тѣмъ современемъ и мы будемъ стоять тамъ, гдѣ стоятъ наши старшіе братья. Какое же право имѣемъ мы осуждать тѣхъ, кто моложе насъ? Самое слово *братство* заключаетъ идею одинаковой крови и неодинаковаго развитія; поэтому-то оно и представляетъ истинное звено между всѣми созданіями вселенной—единство сущности жизни и различіе въ степеняхъ, достигнутыхъ проявленіями этой жизни.

Мы всѣ едины по нашему происхожденію, едины по способу нашей эволюціи и едины по общей цѣли нашего бытія, а различіе въ нашихъ возрастахъ и въ достигнутомъ размѣрѣ должно лишь вызывать въ насъ взаимную тѣсную и нѣжную связь. Все, что человѣкъ могъ бы сдѣлать для своихъ братьевъ по плоти, которые иногда бываютъ для него дороже самого себя, является истинной мѣрой того, что онъ долженъ дѣлать для каждаго, кто раздѣляетъ съ нимъ единую жизнь. Люди бываютъ исключены изъ сердца своихъ братьевъ вслѣдствіе различія расы, класса и происхождения; человѣкъ, мудрый любовью, поднимается надъ всѣми этими наружными различіями и сознаетъ, что жизнь всѣхъ исходитъ изъ одного и того же источника, что всѣ люди—члены одной великой семьи.

Признаніе всеобщаго Братства и стремленіе осуществить его въ земной жизни, является такимъ сильнымъ двигателемъ для развитія высшей природы человѣка, что это признаніе сдѣлано единственнымъ обязательнымъ условіемъ для вступленія въ Теософическое Общество, единственнымъ „предметомъ вѣры“, который всѣми вступающими въ Общество долженъ быть принятъ безусловно. Осуществленіе этой вѣры въ жизни, хотя бы и въ незначительной степени, уже вызываетъ очищеніе сердца и расширеніе духовнаго кругозора; совершенное же ея осуществленіе вырываетъ съ корнемъ всѣ темныя слѣды разъединенія и позволяетъ чистому свѣту единого Я озарять насъ подобно свѣту, проходящему черезъ прозрачное стекло. Никогда не слѣдуетъ забывать, что Братство *существуетъ* какъ фактъ, все равно отрицаетъ ли его человѣкъ, или признаетъ. Человѣческое невѣдѣніе не мѣняетъ законовъ природы и не можетъ измѣнить ни на одну іоту ея неизмѣннаго и непреодолимаго движенія. Законы ея уничтожаютъ все, что противится имъ, и разбиваютъ вдребезги нежелающаго согласоваться съ ними. Поэтому ни одинъ народъ не имѣетъ прочнаго будущаго, который допускаетъ поруганіе Братства, ни одна цивилизація, построенная на его противоположномъ началѣ, не можетъ продолжаться. Намъ нечего создавать Братство, оно уже существуетъ. Намъ нужно только привести наши жизни въ согласіе съ нимъ, если мы хотимъ, чтобы дѣла наши не погибли.

Можетъ показаться страннымъ, что духовная сфера (Буддическій планъ)—нѣчто совершенно не реальное и туманное для многихъ—вліяетъ въ такой степени на всѣ остальные міры, и что силы ея могутъ даже разбивать вдребезги все, что съ ними не гармонируетъ въ низшихъ мірахъ. А между тѣмъ это такъ, ибо

этотъ міръ есть выраженіе духовныхъ силъ, и онѣ-то и являются тѣми руководящими и формирующими энергіями, которыя все проникаютъ и медленно, но вѣрно подчиняютъ себѣ все сущее. Поэтому-то Братство, какъ духовное явленіе, несравненно болѣе реальная вещь, чѣмъ всякая внѣшняя организація; оно — жизнь, а не форма, оно — „мудрый и добрый порядокъ всѣхъ вещей“. Оно можетъ проявляться подъ безконечнымъ разнообразіемъ внѣшнихъ формъ, соотвѣствующихъ данному времени, но *жизнь*, ихъ одушевляющая, остается все та же, и счастливы тѣ, которые различаютъ ея присутствіе и которыя дѣлаютъ себя проводниками ея живой силы.

Читатель имѣетъ теперь передъ собою составныя части человѣка и тѣ области, которымъ эти составныя части соотвѣтствуютъ; краткое повтореніе всего изложеннаго поможетъ ему получить ясную идею обо всемъ сложномъ цѣломъ.

Человѣческая Монада и есть *Atmā-Buddhi-Manas* или, выражаясь иначе, Духъ, Духовная Душа и Душа человѣческая. Тотъ фактъ, что всѣ три являются лишь аспектами Божественнаго Я, дѣлаетъ возможнымъ вѣчное существованіе человѣка, и хотя всѣ три аспекта проявляются врозь и послѣдовательно, ихъ единство по существу дѣлаетъ возможнымъ, чтобы человѣческая душа сливалась съ Духовной Душой, отдавая послѣдней драгоценную сущность своей индивидуальности, а послѣдняя, ставъ индивидуальной, сливалась съ Духомъ, причѣмъ она окрашиваетъ послѣдній — если такое выраженіе допустимо — тѣми оттѣнками, которые при-сущи ея индивидуальности, оставляя при этомъ неприкосновеннымъ свое существенное единство со всѣми другими лучами Логоса и съ Самимъ Логосомъ. Эти три аспекта образуютъ седьмое, шестое и пятое начала человѣка, а субстанція, которая ограничиваетъ или облекаетъ ихъ, т. е. которая дѣлаетъ ихъ проявленіе возможнымъ, принадлежитъ соотвѣтственной пятой (нирванической), четвертой (буддической) и третьей (ментальной) сферамъ нашей солнечной системы. Пятое начало (*Manas*) образуетъ для себя тѣло въ ментальной сферѣ, дабы войти въ соприкосновеніе съ міромъ физическихъ явленій; при этомъ оно перемѣшивается съ четвертымъ началомъ, съ природой желанія, или *Kāma*, которая принадлежитъ второй или астральной сферѣ. Спускаясь въ первую или физическую сферу, мы имѣемъ третье, второе и первое начала человѣка: его особую жизнь или *Prāna*; эфирный двойникъ, проводникъ *Rāpa* и плотное тѣло, соприкасающееся съ наиболѣе грубыми веществами физического міра. Мы уже видѣли, что иногда

Rāpa не рассматривается какъ отдѣльное „начало“ и тогда перемѣшавшіяся между собою астральное и Ментальное тѣла называются вмѣстѣ *Kāma-Manas*; чистый разумъ получаетъ названіе *vyšāgo Manas*, а умственное начало, отдѣленное отъ астральнаго, именуется низшимъ *Manas*. И тогда наиболѣе вѣрнымъ понятіемъ о человѣкѣ будетъ то, которое яснѣе всего передаетъ идею объ единой неизмѣнной жизни, проявляющейся черезъ различныя формы, которыя ставятъ извѣстныя границы, извѣстныя условія для выраженія ея энергіи, чѣмъ и вызывается все разнообразіе проявленной жизни. И тогда мы увидимъ въ единомъ Я единую Жизнь, источникъ всѣхъ энергіи человѣка, разнообразіе же формъ мы будемъ имѣть въ буддическомъ тѣлѣ, въ тѣлѣ „причинности“, въ ментальномъ, астральномъ и физическомъ (эфирное и плотное) тѣлахъ *). Соединяя обѣ точки зрѣнія въ одно, мы можемъ построить такую таблицу:

Начала:	Жизнь:	Формы:
<i>Atmā</i> . Духъ.	<i>Atmā</i> .	—
<i>Buddhi</i> . Духовная Душа.	Человѣческая Душа.	Тѣло блаженства.
Высшій <i>Manas</i>		Тѣло причинности (<i>corps causal</i>).
Низшій <i>Manas</i>		Ментальное тѣло.
<i>Kāma</i> . Животная душа.	Человѣческая Душа.	Астральное тѣло.
<i>Linga Sharīra</i> **).		Эфирный двойникъ.
<i>Sthūla Sharīra</i>		Физическое тѣло.

Мы увидимъ позднѣе, что различіе ограничивается одними названіями, и что шестое, пятое, четвертое и третье „начала“ являются дѣятельностью Духа (*Atmā*) въ буддическомъ, „причинномъ“, ментальномъ и астральномъ тѣлахъ, тогда какъ второе и первое „начала“ являются самыми низшими тѣлами. Эта система наименованія можетъ стать источникомъ замѣшательства для изучающихъ эти вопросы, но имена эти даются лишь за неимѣніемъ

*) Для читателей, привыкшихъ болѣе къ Ведантской классификаціи, даемъ другую таблицу:

Буддическое тѣло	<i>Anandamayakosha</i> .	
Тѣло причинности (<i>corps causal</i>)	<i>Vignānamayakosha</i> .	
Ментальное тѣло }	<i>Manomayakosha</i> .	
Астральное тѣло }		
Физическое тѣло {	эфирное	<i>Prānamayakosha</i> .
	плотное	<i>Annamayakosha</i> .

***Linga Sharīra*, имя, которое вначалѣ давалось эфирному тѣлу, и оно не должно быть смѣшиваемо съ *Linga Sharīra* индусской философіи. *Sthūla Sharīra* есть санскритское названіе для плотнаго человѣческаго тѣла.

болѣ совершенныхъ и только какъ указанія на факты, принятые въ теософическихъ ученіяхъ.

Различныя тонкія тѣла человѣка, которыя мы изучали, составляютъ въ своемъ соединеніи то, что обыкновенно называется *аурой* человѣческаго существа. Аура имѣетъ видъ овоиднаго свѣтящагося облака, окружающаго плотное физическое тѣло. То, что обыкновенно называется аурой, представляетъ собою лишь тѣ части тонкихъ тѣлъ человѣка, которыя распространяются за периферію плотнаго физическаго тѣла; каждое тѣло закончено въ самомъ себѣ и проникаетъ тѣ тѣла, которыя грубѣе и плотнѣе его; оно — большаго или меньшаго размѣра, соотвѣтственно своему развитію, и вся та часть его, которая выдается изъ границъ плотнаго физическаго тѣла и носить названіе ауры. Такимъ образомъ, аура человѣка состоитъ изъ выдающихся частей эфирнаго двойника, астральнаго и ментальнаго тѣлъ, тѣла причинности (*corps causal*) и, въ рѣдкихъ случаяхъ, буддическаго тѣла, освященнаго сіяніемъ Атмы. Иногда аура бываетъ тусклая, грубо и нечисто окрашенная, иногда великолѣпно сверкающая чудными цвѣтовыми переливами; ея видъ зависитъ вполне отъ ступени эволюціи, достигнутой человѣкомъ, отъ развитія его различныхъ тѣлъ, отъ нравственнаго и умственнаго характера, который онъ успѣлъ развить въ себѣ. Всѣ его мѣняющіяся страсти, желанія и мысли записаны въ его аурѣ и формой, и окраской, и цвѣтомъ, такъ что „имѣющій очи открытыми“ для подобнаго чтенія можетъ все это прочесть, взглянувъ на человѣка. Весь характеръ запечатлѣнъ здѣсь точно такъ же, какъ и всѣ мимолетныя измѣненія, и здѣсь уже невозможенъ обманъ, какъ онъ возможенъ подъ прикрытіемъ маски, именуемой нами „физическое тѣло“. Увеличеніе въ размѣрѣ и въ красотѣ ауры есть безошибочный признакъ человѣческаго прогресса, и оно, несомнѣнно, говоритъ о ростѣ и очищеніи Мыслителя и его оболочекъ.

ГЛАВА VII.

Перевоплощеніе.

Теперь мы въ состояніи перейти къ разсмотрѣнію одного изъ коренныхъ ученій Древней Мудрости,—ученію о перевоплощеніи. Нашъ взглядъ на перевоплощеніе будетъ яснѣе и въ болѣе шемъ соотвѣтствіи съ естественнымъ порядкомъ вещей, если мы посмотримъ на него какъ на міровой принципъ, затѣмъ уже будемъ разсматривать его въ примѣненіи къ человѣческой душѣ.

Обыкновенно его отрываютъ изъ общаго космическаго порядка и разсматриваютъ какъ сдвинутый съ мѣста отрывокъ, къ вѣщающему его вреду. Ибо всякая эволюція состоитъ изъ развивающейся жизни, переходящей изъ одной формы въ другую и накапливающей въ себѣ опыты, добытые при посредствѣ этихъ формъ; перевоплощеніе человѣческой души не есть появленіе какого-то новаго принципа эволюціи, но есть лишь приспособленіе всемірнаго принципа къ условіямъ, необходимымъ для достиженія *индивидуализаціи* непрестанно развивающейся жизни.

Проф. Л. Хёрнъ *) даетъ интересныя толкованія идеи пресуществованія съ точки зрѣнія научной мысли Запада. Онъ говоритъ: „Съ принятіемъ ученія объ эволюціи старыя формы мысли рушатся; всюду встаютъ новыя идеи на мѣсто изжитыхъ догматовъ и мы имѣемъ передъ собой зрѣлище общаго интеллектуальнаго движенія въ направленіи—до странности—параллельномъ съ восточной философій. Небывалая быстрота и разносторонность научнаго прогресса въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, не могли не вызвать одинаково небывалаго ускоренія мышленія и въ широкихъ, внѣнаучныхъ кругахъ общества. Что высочайшіе и наиболѣе сложные организмы развились изъ простѣйшихъ организмовъ; что на единой физической основѣ жизни стоитъ весь живой міръ; что не можетъ быть проведена черта, раздѣляющая животное и растительное царства; что различіе между жизнью и нежизнью есть различіе по степени, а не по существу; что матерія столько же непостижима, какъ и духъ, и что оба—лишь различныя проявленія одной и той же неизвѣстной реальности—все это сдѣлалось уже общими мѣстами новой философіи. Послѣ признанія, даже со стороны теологіи, физической эволюціи, было нетрудно предсказать, что признаніе эволюціи психической—вопросъ лишь времени, ибо барьеръ, воздвигнутый старымъ догматомъ для того, чтобы воспрепятствовать человѣку заглянуть въ свое прошлое, былъ разбитъ. И нынѣ идея о пресуществованіи переходитъ для изучающаго научную психологію изъ области теорій въ область фактовъ, подтверждая буддическое объясненіе міровой тайны какъ вполне правдоподобное и не менѣе научное, чѣмъ имѣющіяся въ распоряженіи науки гипотезы. „Никто, кромѣ поверхностныхъ

*) Проф. Хёрнъ въ своей передачѣ буддистской точки зрѣнія на перевоплощеніе не точенъ въ своихъ выраженіяхъ, и его употребленіе слова „Его“ можетъ спутать читателя его чрезвычайно интересной статьи, если различіе между безсмертнымъ и временнымъ Его не будетъ постоянно сохраняться въ умѣ читателя.

мыслителей—пишет покойный профессор Гёскин—не отвергнетъ ученія о перевоплощеніи какъ нелѣпость. Подобно ученію о самой эволюціи, названное ученіе имѣетъ свои корни въ мірѣ реальности, и оно имѣетъ право на такую же поддержку, на какую имѣетъ право каждое разсужденіе, исходящее изъ аналогіи“. (Evolution and Ethics, p. 61, 1894).

Разсмотримъ Монаду формы, *Atma Buddhi*. Въ этой Монадѣ, частицѣ жизни Логоса, кроются всѣ божественныя силы, но, какъ мы уже видѣли, онѣ находятся въ состояніи скрытомъ, непроявленномъ и недѣйствующемъ. Онѣ должны быть постепенно пробуждены внѣшними толчками, ибо самая природа жизни состоитъ въ отвѣтныхъ колебаніяхъ на вибраціи, воздѣйствующія на нее. И такъ какъ всѣ возможности вибрацій кроются въ Монадѣ, каждая вибрація, достигающая до нея, пробуждаетъ соотвѣтствующую ей колебательную силу, и такимъ образомъ одна сила за другой переходитъ изъ скрытаго состоянія въ состояніе дѣятельное. Въ этомъ заключается вся тайна эволюціи; окружающая среда дѣйствуетъ на внѣшнюю форму живого существа, и это дѣйствіе передается черезъ внѣшнюю оболочку самой жизни, Монадѣ, вызывая въ ней отвѣтныя вибраціи, которыя, въ свою очередь, излучаются изъ нея (черезъ посредство оболочекъ) въ окружающую среду. Эти отвѣтныя вибраціи дѣйствуютъ изнутри на оболочку, приводя въ колебаніе частицы, изъ которыхъ она построена, и приспособляя ихъ расположеніе сообразно первоначальному импульсу, полученному извнѣ. Въ этомъ и состоятъ дѣйствія и противодѣйствія, происходящія постоянно между окружающей средой и организмомъ, которыя признаются всѣми біологами и разсматриваются нѣкоторыми изъ нихъ какъ удовлетворительное механическое объясненіе эволюціи. Ихъ терпѣливое и тщательное наблюденіе надъ этими взаимодѣйствіями не даетъ, однако, объясненія, почему организмъ реагируетъ такимъ образомъ на внѣшніе стимулы; лишь Древняя Мудрость приподнимаетъ покровъ надъ тайной эволюціи, указывая на единое Я въ сердцѣ всѣхъ различныхъ формъ, на скрытый источникъ всѣхъ движеній въ природѣ.

Овладевъ этой основной идеей о жизни, обладающей способностью отвѣчать на всевозможныя вибраціи, которыя способны достигать до нея изъ внѣшняго міра, и достигнувъ до ея внутренней сути, извлекать изъ нея отвѣтныя вибраціи,—слѣдующей основной идеей, которой необходимо овладѣть, будетъ идея *непрерывности жизни и формы*. Формы передаютъ свои особенности новымъ формамъ, которыя происходятъ отъ нихъ; эти

новыя формы, состоя изъ той же субстанціи, отдѣляются отъ своей матери формы, чтобы вести самостоятельное существованіе. Посредствомъ дѣленія, посредствомъ почкованія, посредствомъ выталкиванія зародыша, посредствомъ развитія зародыша внутри материнскаго организма, сохраняется физическая непрерывность и повторяются каждой новой формой характерныя особенности предшествовавшей формы *). Наука группируетъ эти факты въ отдѣлъ закона наслѣдственности, и ея наблюденія относительно передачи физическихъ свойствъ прекрасно освѣщаютъ работу природы въ мірѣ феноменовъ. Но не нужно забывать, что все это примѣнимо лишь къ построенію физическаго тѣла, въ составъ котораго входятъ матеріалы, доставляемые родителями.

Болѣе скрытая работа природы, та работа жизни, безъ которой форма не могла бы существовать, остается неизслѣдованной, такъ какъ она недоступна для физическаго наблюденія, и этотъ пробѣлъ можетъ быть заполненъ только ученіями Древней Мудрости, переданными міру Тѣми, которые еще въ древности были въ состояніи пользоваться сверхфизическими способами наблюденія, вполне поддающимися провѣркѣ со стороны каждаго ученика, который терпѣливо учится въ ихъ школѣ.

Ученія эти доказываютъ, что существуетъ непрерывность жизни такая же, какъ и непрерывность формы, и что именно въ этой непрерывающейся жизни, скрытыя энергіи которой все болѣе и болѣе пробуждаются благодаря стимуламъ, достигающимъ до нихъ черезъ посредство послѣдовательныхъ формъ,—и сохраняются всѣ опыты, приобрѣтенные жизнью, которая заключена въ эти формы, ибо, когда форма погибаетъ, освободившаяся изъ нея жизнь сохраняетъ повѣсть всѣхъ переживаній въ энергіяхъ, пробужденныхъ этими переживаніями. Унося съ собой весь накопленный опытъ, освободившаяся жизнь готова снова излиться въ новыя формы, происшедшія отъ старой формы. Пока жизнь заключалась въ предыдущей формѣ, она дѣйствовала черезъ нее, приспособляя ее къ выраженію вновь пробуждающейся энергіи, и предыдущая форма передала всѣ эти приспособленія, внѣдренныя въ ея вещество, своей отдѣлившейся части, которую мы называемъ ея потомствомъ. Послѣднее, состоя изъ того же вещества, отличается и всѣми особенностями этого вещества. Жизнь вливается въ этотъ новый отпрыскъ со всѣми своими уже пробужденными силами и начинаетъ формовать его и приспособлять еще

*) Советуемъ познакомиться съ изслѣдованіями Вейсмана относительно непрерывности зародышевой плазмы.

полнѣе и еще болѣе и т. д. и т. д. Современная наука доказывает все яснѣе, что наследственность играет тѣмъ меньшую роль, чѣмъ выше развитіе даннаго индивидуума; что умственные и нравственные качества *не* передаются отъ родителей къ потомкамъ, и что чѣмъ выше качества, тѣмъ разительнѣе становится этотъ фактъ. Ребенокъ генія рождается часто тупицей, а обыкновенные родители даютъ жизнь генію. Непрерывающійся субстратъ долженъ существовать, нѣчто постоянное, въ чемъ бы сохранялись разъ приобрѣтенныя умственные и нравственные качества, иначе они не могли бы возрасти, иначе природа въ этой наиболѣе важной своей области проявила бы случайность и блужданіе вмѣсто обычной непрерывности своего творчества. По поводу этого вопроса наука молчитъ, но Древняя Мудрость учитъ, что этотъ непрерывающійся субстратъ есть Монада, которая представляетъ собой хранилище всѣхъ результатовъ, всѣхъ опытовъ и переживаній, которые сохраняются въ ней какъ возрастающія дѣятельныя силы. Овладевъ вполне обоими принципами: идей Монады съ ея потенціями, превращающимися въ дѣятельныя силы, и идей непрерывности жизни и формы, мы можемъ обратиться къ изученію подробностей; при этомъ мы увидимъ, что, принявъ оба названныя положенія, мы получимъ разрѣшеніе многихъ задачъ, не рѣшенныхъ современной наукой, а также и тѣхъ мучительныхъ загадокъ жизни, надъ которыми тщетно бьются мыслители и альтруисты.

— Начнемъ наши наблюденія надъ Монадой съ того момента, когда она впервые подвергается воздѣйствіямъ со стороны трехъ высшихъ подраздѣленій ментальной сферы (*Агура*, безъ формы), т. е. съ самаго начала эволюціи формы. Ея первыя слабыя отвѣтныя вибраціи притягиваютъ вокругъ нея нѣкоторое количество матеріи ментальной сферы, и такимъ образомъ возникаетъ постепенная эволюція уже упомянутаго перваго элементарнаго царства *).

Существуетъ семь основныхъ типовъ Монады; иногда ихъ изображаютъ аналогичными съ семью цвѣтами солнечнаго спектра, происшедшими отъ трехъ первичныхъ цвѣтовъ **). Каждый изъ

*) См. гл. 1 „Физическая сфера“.

**) „Какъ вверху, такъ и внизу“. Невольно вспоминаются три Логоса и семь первичныхъ „Сыновъ Пламени“; въ христіанской символикѣ—Св. Троица и Семь Духовъ, стоящихъ передъ престоломъ Всевышняго; у Заройстра—Ахурамазда и семь Амешаспентовъ.

этихъ семи типовъ обладаетъ своими отличительными характеристиками, и эти свойства сохраняются черезъ всѣ циклы ихъ эволюціи, отражаясь на всѣхъ рядахъ живыхъ существъ, одушевленныхъ ими. Начинается процессъ подраздѣленія каждаго изъ семи типовъ Монады, продолжающійся безъ перерыва до тѣхъ поръ, пока—послѣ безчисленныхъ подраздѣленій—не получится *индивидуальность*. Но намъ достаточно прослѣдить здѣсь лишь одну линію эволюціи,—остальныя шесть сходны по принципу.

Токи, посылаемые силами Монады, пытающимися впервые излиться наружу, обладаютъ лишь краткою жизнью въ формѣ; тѣмъ не менѣе весь опытъ, истекающій изъ этихъ первыхъ попытокъ, выражается въ самой Монадѣ усиленными отвѣтами на воздѣйствія извнѣ; а такъ какъ эта отвѣтная жизнь состоитъ изъ вибрацій, которыя часто не соответствуютъ между собой, внутри Монады возникаетъ склонность къ раздѣленію, при чемъ гармонически вибрирующія силы тѣсно группируются между собою, какъ бы для согласованной дѣятельности, и это длится до тѣхъ поръ, пока не возникнутъ „подраздѣленія Монады“, если можно такъ выразиться, сходныя въ своихъ главныхъ свойствахъ, но различающіяся въ подробностяхъ, подобно разнымъ оттѣнкамъ одного и того же цвѣта. Онѣ становятся, благодаря воздѣйствіямъ, идущимъ изъ низшихъ подраздѣленій ментальной сферы (*гүра*), Монадами втораго элементарнаго царства. И такъ какъ процессъ продолжается, отвѣтныя силы Монады растутъ, и каждая Монада одушевляетъ жизнью безчисленныя формы, черезъ которыя она и получаетъ извнѣ воздѣйствія; а по мѣрѣ того, какъ однѣ формы разрушаются, Монада непрестанно оживотворяетъ все новыя и новыя формы. И процессъ подраздѣленія продолжается безъ перерыва, благодаря причинѣ, приведенной выше.

Такимъ образомъ, каждая Монада воплощается непрестанно въ новыя формы и сохраняетъ внутри себя всѣ силы, пробужденныя разнообразными опытами, которымъ она подвергалась черезъ посредство оживотворяемыхъ ею формъ. Мы можемъ разсматривать Монаду какъ душу цѣлой группы родственныхъ формъ; а по мѣрѣ того, какъ эволюція продолжается, эти формы представляютъ все болѣе и болѣе различія въ качествахъ, которыя суть не что иное, какъ силы „монадической групповой души“, проявленныя посредствомъ формъ, въ которыхъ она воплощена. Безчисленныя „подраздѣленія Монады“—этого втораго элементарнаго царства—достигаютъ теперь той ступени эволюціи, на которой

онѣ начинаютъ отвѣчать на вибраціи астральной матеріи; съ этихъ поръ онѣ начинаютъ дѣйствовать въ астральной сферѣ и становятся Монадами третьяго элементарнаго царства, повторяя въ этомъ болѣе грубомъ мірѣ всѣ процессы, уже выполненные въ ментальной сферѣ. Постепенно подраздѣленія Монадъ, которыя мы назвали „групповыми душами“, становятся все болѣе и болѣе многочисленными, выказываютъ все болѣе и болѣе различій въ подробностяхъ, а по мѣрѣ того, какъ отличительные признаки отдѣльныхъ формъ становятся все ярче, число послѣднихъ уменьшается все болѣе. Между тѣмъ—упомянемъ объ этомъ мимоходомъ—непрестанный потокъ Жизни, истекающей изъ Логоса, доставляетъ на высшихъ ступеняхъ ментальной сферы новыя Монады формъ; такимъ образомъ эволюція продолжается не прерываясь, и, по мѣрѣ того, какъ болѣе развитыя Монады воплощаются въ низшихъ мірахъ, ихъ мѣсто въ высшихъ мірахъ заполняется вновь истекающими Монадами.

Этимъ, постоянно повторяющимся процессомъ перевоплощенія Монадъ, или „монадическихъ групповыхъ душъ“ въ астральномъ мірѣ, эволюція ихъ продолжается до тѣхъ поръ, пока онѣ не дѣлаются способными отвѣчать на воздѣйствія со стороны физической матеріи. Если мы вспомнимъ, что *первичный атомъ* каждой сферы имѣетъ своей внѣшней оболочкой наиболѣе грубую матерію непосредственно предшествующей сферы, не трудно будетъ понять, какимъ образомъ Монады, спускаясь въ своемъ воплощеніи, подвергаются воздѣйствіямъ всѣхъ сферъ, черезъ которыя онѣ послѣдовательно проходятъ. Когда въ первомъ элементарномъ царствѣ для Монады становится уже привычнымъ вибрировать отвѣтно на прикосновенія матеріи соотвѣтствующей сферы, вслѣдъ за этимъ на нее начинаетъ дѣйствовать—черезъ наиболѣе грубыя формы этой матеріи—и матерія слѣдующей низшей сферы. Такимъ образомъ, облеченная въ формы, построенныя изъ наиболѣе грубыхъ матеріаловъ ментальной сферы, Монада становится чувствительной и къ вибраціямъ астральной атомистической матеріи; когда же она воплощается въ формы, построенныя изъ наиболѣе грубой астральной матеріи, она начинаетъ отвѣчать на воздѣйствія атомистическаго эфира физической сферы, внѣшніе покровы котораго состоятъ изъ наиболѣе грубыхъ матеріаловъ астральной сферы. Такимъ образомъ Монада достигаетъ физической сферы, или, точнѣе говоря, всѣ эти „монадическія групповыя души“ начинаютъ воплощаться въ тончайшія физическія формы, представляющія собой *эфирныхъ двойниковъ* будущихъ плотныхъ

минераловъ физического міра. Въ эти эфирныя формы духи природы *) вносятъ болѣе плотные физическіе матеріалы.

И такъ строятся минералы всевозможныхъ видовъ; минералы представляютъ изъ себя наиболѣе непроницаемыхъ проводниковъ для развивающейся жизни, вслѣдствіе чего жизненныя силы могутъ проявляться черезъ нихъ лишь весьма слабо. Каждая „монадическая групповая душа“ имѣетъ свое собственное выраженіе, свою минеральную форму, въ которой она и воплощается, достигая постепенно все большей дифференціаціи. Эти монадическія групповыя души называются иногда общимъ именемъ „минеральной Монады“, или Монады, воплощенной въ минеральномъ царствѣ.

Начиная съ этого времени, пробужденныя энергіи Монады начинаютъ играть болѣе активную роль въ эволюціи. Вызванныя къ дѣятельности, онѣ начинаютъ—до извѣстной степени—искать выраженія для себя и начинаютъ производить опредѣленное, образующее дѣйствіе на внѣшнія формы, въ которыя онѣ заключены.

Когда же ихъ дѣятельность начинаетъ проявляться слишкомъ энергично для минеральной оболочки, тогда наступаетъ время для возникновенія болѣе пластическихъ формъ растительнаго царства **).

Относительно минеральнаго царства мы уже указывали на ясно выраженную склонность къ опредѣленной организаціи формы, къ проведенію неизмѣнныхъ линий ***) вѣдоль которыхъ и происходитъ процессъ роста. Эта склонность проявляется въ построеніи всѣхъ формъ, и она-то и придаетъ такую прекрасную симметрію всѣмъ естественнымъ предметамъ, которая поражаетъ насъ при внимательномъ наблюденіи природы.

Въ царствѣ растительномъ „монадическія групповыя души“ подвергаются все новымъ подраздѣленіямъ, и притомъ съ растущей быстротой, вслѣдствіе увеличивающагося разнообразія воздѣйствій, которымъ онѣ подвергаются извнѣ. Результатомъ этого невидимаго для насъ подраздѣленія является развитіе семействъ, родовъ и видовъ растительнаго царства. Если какой-либо родъ съ своей групповой душой подвергается рѣзкому различію въ условіяхъ существованія, т. е. если зависящія отъ нея формы находятся въ условіяхъ, сильно разнящихся между собой,

*) См. гл. II.

**) Духи природы выполняютъ этотъ переходъ изъ минеральнаго въ растительное царство въ физической средѣ.

***) Рѣчь идетъ объ осяхъ роста, которыя опредѣляютъ форму минерала. Особо ясно онѣ являються въ кристаллахъ.

тогда возникает склонность къ раздѣленію (къ дифференціаціи) внутри самой Монады, результатомъ чего являются новые виды, обладающіе каждый своей собственной специфической групповой душой. Когда природа предоставляется самой себѣ, эти процессы совершаются весьма медленно, хотя „духи природы“ и работаютъ, не переставая, въ направленіи дифференціаціи видовъ. Когда же появляется человѣкъ и начинаетъ оказывать искусственное воздѣйствіе на процессы природы и создавать культуру земли, вызывая дѣятельность одного рода силъ и ограничивая другія силы, тогда естественная дифференціація можетъ быть чрезвычайно ускорена и новые виды могутъ появляться гораздо легче. Но, пока не произошло окончательнаго раздѣленія внутри монадической групповой души, возвратъ къ прежнимъ условіямъ существованія можетъ сгладить появившуюся склонность къ раздѣленію. Если же внутри Монады раздѣленіе окончилось, новые виды устанавливаются прочно и въ свою очередь готовы дать новыя развѣтвленія.

У нѣкоторыхъ долговѣчныхъ представителей растительнаго царства начинаетъ ясно проявляться элементъ личный—устойчивость ихъ организма дѣлаетъ возможнымъ это отдаленное подготовленіе къ индивидуальности. У дерева, живущаго иногда цѣлыя столѣтія, постоянное возвращеніе одинаковыхъ условій, какъ смѣна времени года, чередующихся изъ года въ годъ и вызывающихъ внутреннія измѣненія поднятія сока, возникновенія и опаданія листьевъ, цвѣтенія и т. д., а съ другой стороны, прикосновеніе вѣтра, солнечныхъ лучей и дождя, всѣ эти внѣшнія вліянія съ своимъ чередующимся ритмомъ, вызываютъ отвѣтныя вибраціи внутри монадической групповой души. И разъ это чередованіе условій, повторяясь постоянно, запечатлѣвается внутри Монады, появленіе одного условія вызываетъ въ ней смутное ожиданіе и послѣдующаго явленія, неизмѣнно его сопровождавшаго. Природа не развиваетъ ни одного изъ своихъ качествъ внезапно, и здѣсь мы видимъ первое очертаніе того явленія, которое современемъ разовьется въ *память и предвидѣніе*.

Въ растительномъ царствѣ появляется также и предвѣстникъ *ощущенія*, и въ высшихъ представителяхъ этого царства оно развивается до ступени, которая западными психологами обозначается терминомъ „массивныя ощущенія“, пріятныя и непріятныя *).

*) „Массивными ощущеніями“ называются тѣ, которыя испытываются всѣмъ организмомъ, а не какой-либо одной его частью преимущественно передъ другой. Ощущенія эти представляютъ антитезу „острымъ ощущеніямъ“.

Не нужно забывать, что Монада постепенно окружала себя частицами матеріи каждой космической сферы, черезъ которую она проходила, вслѣдствіе чего она и можетъ соприкасаться съ вибраціями всѣхъ пройденныхъ сферъ, при чемъ болѣе сильныя вибраціи, которыя исходятъ изъ наиболѣе грубыхъ частицъ матеріи, ощущаются всегда прежде другихъ. Солнечный свѣтъ, а также и холодъ, вызванный его отсутствіемъ, запечатлѣваются подъ конецъ въ сознаніи Монады; въ астральной же ея оболочкѣ, приводимой при этомъ въ легкое колебательное состояніе, возникаетъ то слабое „массивное ощущеніе“, о которомъ шла сейчасъ рѣчь. Дождь и засуха, которые воздѣйствуютъ на механическое построеніе формы и на ея способность передавать вибраціи одушевляющей ее Монады, представляютъ собою еще одну изъ тѣхъ „противоположныхъ паръ“, воздѣйствіе которыхъ вызываетъ въ живомъ существѣ способность *различать*, ту способность, которая представляетъ собою корень всѣхъ ощущеній, а позднѣе и каждой мысли. Такимъ образомъ, снова и снова повторяя свои воплощенія въ растеніяхъ, монадическія „групповыя души“ развиваются въ растительномъ царствѣ до тѣхъ поръ, пока тѣ изъ нихъ, которыми одушевлены наиболѣе совершенные представители этого царства, не подготовятся вполне для перехода въ слѣдующее царство природы.

Этотъ переходъ ведетъ ихъ въ царство животное, и здѣсь онѣ начинаютъ медленно развивать въ своихъ физическихъ и астральныхъ оболочкахъ вполне опредѣленные личныя качества. Животное, способное къ свободному передвиженію, подвергаетъ себя болѣе широкому разнообразію воздѣйствій, чѣмъ растеніе, прикрѣпленное къ одному мѣсту, а разнообразіе воздѣйствій всегда ускоряетъ дифференціацію.

Но монадическая групповая душа, которая оживляетъ известное число дикихъ животныхъ одного и того же вида, хотя и получаетъ болѣе широкое разнообразіе впечатлѣній, все же не можетъ развиваться быстро, въ виду того, что впечатлѣнія эти постоянно повторяются и воспринимаются однообразно всѣми представителями даннаго вида.

Всѣ внѣшнія воздѣйствія помогаютъ развитію физическихъ и астральныхъ оболочекъ, черезъ которыя монадическая групповая душа собираетъ свои опыты. Когда физическая форма представителя того или другаго вида погибаетъ, опытъ, собранный посредствомъ этой формы, сохраняется въ групповой душѣ и какъ бы окрашиваетъ ее новымъ оттѣнкомъ; это новое свойство монадической групповой души, проникающее вмѣстѣ съ жизнью во всѣ

новорожденныя животныя того же вида, передаетъ всѣмъ имъ опытъ погибшаго животнаго. Такимъ образомъ, постоянно повторяющіеся опыты, накапливаемые въ групповой душѣ, являются инстинктами, „наслѣдственными свойствами“ въ новыхъ представителяхъ того же вида.

Благодаря тому, что безчисленное количество птицъ пало жертвою ястреба, еле вылупившіеся изъ яйца цыплята испытываютъ страхъ при приближеніи наслѣдственного врага; ибо жизнь, воплощенная въ нихъ, знаетъ, какого рода опасность соединена съ ястребомъ, а врожденный инстинктъ служить выраженіемъ этого знанія. Вотъ какимъ путемъ образуются удивительныя инстинкты, которые охраняютъ животныя отъ безчисленныхъ привычныхъ опасностей, тогда какъ новая опасность находить ихъ неподготовленными и приводитъ въ замѣшательство.

По мѣрѣ того, какъ животное подпадаетъ подъ вліяніе чело-вѣка, монадическая групповая душа начинаетъ развиваться гораздо быстрѣе благодаря тѣмъ же причинамъ, которыя мы уже видѣли дѣйствующими въ царствѣ растительномъ. Развиваются личныя свойства, и эти свойства дѣлаются все болѣе и болѣе опредѣленными; въ самый ранній періодъ развитія личныя свойства почти не проявляются, и цѣлое стадо дикихъ животныя дѣйствуетъ какъ одно существо, до того полно отдѣльныя формы подчинены общей душѣ. Домашнія животныя высшаго типа, какъ слоны, лошади, кошки, собаки, проявляютъ уже большую индивидуальность; напримѣръ, двѣ собаки будутъ дѣйствовать различно подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же обстоятельствъ. Монадическая групповая душа воплощается все въ меньшее и меньшее число формъ по мѣрѣ того, какъ она приближается къ полной индивидуализации. Астральное тѣло, или проводникъ страстей, достигаетъ значительнаго развитія и, сохраняясь на нѣкоторое время послѣ смерти физическаго тѣла, ведетъ независимое существованіе въ Камалокѣ. Подъ конецъ все уменьшающееся число формъ, одушевленныхъ одной групповой душой, доходитъ до единицы, и тогда душа начинаетъ одушевлять рядъ единичныхъ животныя формъ; по сравненію съ чело-вѣческимъ перевоплощеніемъ разница состоитъ въ томъ, что въ животной душѣ отсутствуетъ Манасъ съ его высшими ментальными и духовными началами. Но со временемъ ментальная матерія, вошедшая въ составъ групповой души, становится способной отвѣчать на вибраціи ментальной сферы, и съ этого времени животное готово къ воспріятію третьей большой волны Жизни Логоса: вмѣстилище готово, чтобы принять въ себя чело-вѣческую Монаду.

Чело-вѣческая Монада, какъ мы уже видѣли, тройственна по своей природѣ, и ея три аспекта мы назвали: Духъ, духовная Душа и чело-вѣческая Душа—Atma, Buddhi, Manas. По всей вѣроятности, Монада формы, послѣ безчисленныхъ вѣковъ, могла бы развить въ своемъ медленномъ восхожденіи начало разума (Manas) путемъ прогрессивнаго развитія. Но не таковъ былъ путь, по которому слѣдовала природа въ развитіи первыхъ чело-вѣческихъ расъ въ прошломъ, и въ развитіи представителей животнаго царства въ настоящемъ. Когда жилище было готово, его обитатель являлся изъ высшихъ областей бытія; жизнь Атмы спускалась, облекая себя въ Будди, подобно золотой нити; а когда появлялся ея третій аспектъ, Манасъ, на высшихъ уровняхъ ментальной сферы (agūra), зачаточный Манасъ внутри развивающейся формы оказывался оплодотвореннымъ, и результатомъ этого соединенія являлось зачаточное „тѣло причинности“ (corps causal). Такимъ образомъ происходитъ индивидуализация духа, его инволюція въ форму, и этотъ духъ, заключенный въ „тѣло причинности“ (corps causal), и есть душа, индивидуумъ, истинный чело-вѣкъ. Это и есть часъ рожденія чело-вѣка, ибо, хотя сущность его вѣчна, не рождается и не умираетъ, его рожденіе *во времени, какъ индивидуума*, исполнѣ опредѣленно.

Далѣе, это духовное изліяніе достигаетъ развивающихся формъ не прямымъ путемъ, но черезъ посредниковъ. Когда чело-вѣческая раса достигла необходимой для того ступени, высокая Сущности, называемая по санскритски Mānasa-putra (Сыны Разума) погружали въ чело-вѣка Монадическую искру Atma—Buddhi—Manas, необходимую для образованія зачаточной души. А нѣкоторыя изъ этихъ великихъ Сущностей даже воплощались въ чело-вѣческія формы, чтобы стать руководителями младенческаго чело-вѣчества. Эти „Сыны Разума“ окончили свою собственную эволюцію въ другихъ мірахъ и появились въ этомъ болѣе молодомъ мірѣ, на нашей землѣ, съ цѣлью помочь эволюціи чело-вѣческой расы. Они являются воистину духовными отцами преобладающей массы чело-вѣчества.

Другія разумныя существа менѣе высокаго происхожденія, чело-вѣческія существа, не окончившія своего развитія въ предшествующихъ циклахъ другого міра, воплощались среди той расы *),

*) Рѣчь идетъ о третьей Лемурической расѣ земнаго чело-вѣчества. Четвертая носить названіе Атлантской, а пятая, къ которой принадлежимъ мы, Арийской (прим. перев.).

отдѣльные индивидуумы которой получили свои младенческія души только-что упомянутымъ способомъ. По мѣрѣ того, какъ эта раса развивалась, человѣческія тѣла улучшались и міриады душъ, ожидавшія своей очереди для воплощенія, чтобы продлить свою эволюцію, рождались среди дѣтей этой расы. Въ древнихъ писаніяхъ и эти души (изъ другого міра) носятъ названіе „Сыновъ Разума“, ибо онѣ обладали уже индивидуальнымъ разумомъ, хотя сравнительно еще мало развитымъ; будемъ называть ихъ „младенческими“ душами въ отличіе отъ зачаточныхъ душъ большинства человѣчества и отъ зрѣлыхъ душъ великихъ учителей. Эти младенческія души составляли, благодаря своему болѣе развитому разуму, авангардъ, руководящіе типы древняго человѣчества, высшіе классы, болѣе подготовленные для воспріятія знанія. Въ древности онѣ воплощались въ господствовавшихъ кастахъ, управлявшихъ массою менѣе развитыхъ людей. И такимъ образомъ возникли въ нашемъ мірѣ тѣ огромныя различія въ умственныхъ и нравственныхъ способностяхъ, которыя отдѣляютъ болѣе развитыя расы отъ менѣе развитыхъ и которыя въ предѣлахъ даже одной и той же расы отдѣляютъ философа-мыслителя отъ полуживотнаго типа болѣе низкихъ представителей той же народности. Эти различія являются лишь различіями ступеней эволюціи, возраста данной души, и они проходятъ черезъ всю исторію человѣчества на нашемъ земномъ шарѣ. Какъ бы далеко мы не углублялись въ наше разслѣдованіе, мы вездѣ найдемъ историческія указанія на высоко одаренныхъ людей и людей съ еле занимающимся сознаниемъ, живущихъ бокъ о бокъ; и оккультныя указанія, съ своей стороны, говорятъ намъ о томъ же явленіи въ доисторическія, не подлежащая научному разслѣдованію, эпохи человѣчества. Это не должно смущать насъ, ибо никто не былъ предпочтенъ незаслуженно другому, и ни на кого не налагалось незаслуженное бремя тяжелаго земнаго существованія. Самыя высокія души переживали въ свое время и младенчество, и дѣтство, хотя бы и въ предшествующихъ мірахъ, гдѣ другія души стояли надъ ними такъ же высоко, какъ они стоятъ въ настоящемъ надъ неразвитой народной массою. И придетъ время, когда самыя неразвитыя младенческія души поднимутся на ту же ступень, гдѣ теперь стоятъ самыя высокія души, а ихъ мѣсто въ эволюціи займутъ души, еще не начавшія воплощаться въ наше время. Многое кажется намъ несправедливымъ только потому, что мы вырываемъ явленія изъ подобающаго имъ мѣста въ эволюціи и ставимъ ихъ отдѣльно, безъ связи съ предшествующими и послѣдующими явленіями.

Несправедливость признается лишь нашимъ невѣдѣніемъ; пути природы одинаковы для всѣхъ, и она приноситъ всѣмъ свой чередъ и младенчества, и дѣтства, и возмужалости. Не ея вина, если наша ограниченность, неразумно требуя, чтобы всѣ души занимали одну и ту же ступень развитія одновременно, кричитъ: „несправедливо!“ когда требованіе это не выполняется.

Мы лучше поймемъ эволюцію души, если начнемъ изучать ее съ того момента, когда животное—человѣкъ, созрѣвъ настолько, чтобы воспринять въ себя зачаточную душу, былъ надѣленъ такой душой. Чтобы избѣжать возможнаго недоразумѣнія, не слѣдуетъ представлять себѣ, что съ этого момента въ человѣкѣ дѣйствуютъ *два* Монады—одна, построившая человѣческую форму, и другая—сошедшая въ эту форму и имѣвшая своимъ низшимъ аспектомъ человѣческую душу. Возьмемъ для поясненія удачное сравненіе у Е. П. Блаватской: какъ два луча солнца, проходя черезъ щель въ ставнѣ, составляютъ *одинъ* лучъ, хотя вначалѣ ихъ было *два*, то же самое и съ этими лучами, исходящими изъ центра Жизни верховнаго Владыки нашей вселенной. Второй лучъ, проникнувъ въ человѣческую форму, сливается съ первымъ лучомъ, прибавивъ ему лишь свѣжую энергію и яркость, послѣ чего человѣческая Монада, какъ *новая единица*, начинаетъ свою великую задачу: развить въ человѣкѣ всѣ силы той Божественной Жизни, изъ которой она произошла.

Зачаточная душа, Мыслитель, имѣлъ вначалѣ своимъ эмбрионическимъ ментальнымъ тѣломъ ту оболочку изъ ментальной субстанціи, которую Монада формы принесла съ собой, но которую она еще не достаточно организовала для возможной правильной дѣятельности. Это—не болѣе, какъ зародышъ ментальнаго тѣла, прикрѣпленный къ такому же зародышу „тѣла причинности“, и въ теченіе еще многихъ и многихъ жизней сильная „страстная природа“ человѣка будетъ подчинять эту зачаточную душу, увлекая ее въ вихрь своихъ страстей и вождельній и устремляя на нее всѣ бурныя волны своей собственной необузданной животности. Какимъ бы отталкивающимъ не представлялся этотъ ранній періодъ жизни Души, если смотрѣть на него съ высоты уже достигнутой нами, онъ былъ необходимъ для проростанія первыхъ ростковъ разума, заключенныхъ въ душѣ. *Распознаваніе различія*, понятіе о томъ, что каждая вещь отличается отъ каждой другой вещи, есть необходимое предварительное условіе для процесса мысли вообще. И для того, чтобы пробудить это понятіе въ начавшей еще думать душѣ, на нее должны были дѣйствовать

сильные контрасты, а чтобы вызвать въ ней сознание различія этихъ контрастовъ—ударъ за ударомъ, то бурныхъ наслажденій, то раздирающихъ страданій должны были падать на нее. Внѣшній мѣръ ударялъ какъ молотомъ по душѣ посредствомъ страстнаго начала, пока не начали возникать понятія, а послѣ безчисленнаго повторенія однихъ и тѣхъ же переживаній, послѣдніе не начали заноситься въ память. Всѣ небольшія завоеванія, которыя приобрѣтались въ каждой послѣдовательной жизни, сохранялись Мыслителемъ, какъ мы уже видѣли, и такимъ образомъ происходило медленное движеніе впередъ.

Движеніе было поистинѣ медленное, ибо *мысль* почти всѣмъ еще не дѣйствовала, и поэтому для организациі ментальнаго тѣла необходимыя условія еще не наступили. Пока не скопилось значительнаго количества понятій, занесенныхъ въ ментальное тѣло, въ видѣ мысленныхъ образовъ, не могло появиться и матеріаловъ для умственной дѣятельности, идущей изнутри; такая дѣятельность могла начаться только тогда, когда два или нѣсколько мысленныхъ образовъ становились рядомъ, и какой-либо выводъ, хотя бы самый элементарный, извлекался изъ этого сопоставленія. Подобный выводъ является началомъ разсужденія, зачаткомъ всѣхъ логическихъ системъ, которыми обладаетъ человѣческій разумъ. И всѣ подобные выводы дѣлались вначалѣ въ угоду страстной природѣ человѣка, или для увеличенія наслажденій, или для уменьшенія страданій; но въ то же время они увеличивали дѣятельность проводника мысли и побуждали его къ болѣе быстрой дѣятельности. Изъ всего сказаннаго дѣлается несомнѣннымъ, что въ этотъ періодъ младенчества человѣческой души, у нея не было понятія *о добрѣ и злѣ*: праведнаго и грѣшнаго для нея не существовало. Добромъ можно назвать все то, что соотвѣтствуетъ Божественной Волѣ, что помогаетъ прогрессу души, что ведетъ къ усилению высшей природы человѣка и къ воспитанію и покоренію его низшей природы. Зломъ же будетъ все то, что замедляетъ развитіе, что удерживаетъ душу на низшей ступени и тогда, когда необходимые уроки были уже всѣ выучены, все то, что ведетъ къ преобладанію низшей природы надъ высшей и что развиваетъ въ человѣкѣ звѣря, вмѣсто того, чтобы развивать въ немъ Бога. Прежде чѣмъ человѣкъ позналъ, въ чемъ состоитъ добро, онъ долженъ былъ узнать существованіе закона; познать же законъ онъ могъ лишь испытывая все, что привлекало его во внѣшнемъ мѣрѣ, хватаясь за каждый привлекательный предметъ, а затѣмъ узнавая по опыту, сладкому или горькому,

состояло ли его наслажденіе въ гармоніи, или въ противорѣчій съ закономъ. Возьмемъ яркій примѣръ, относящійся до вкусной пищи, и посмотримъ, какимъ образомъ человѣкъ-младенецъ могъ познать при этомъ существованіе закона природы. Въ первый разъ, когда былъ удовлетворенъ его голодъ и онъ получилъ пріятныя вкусовыя ощущенія, результатомъ было одно удовольствіе, ибо дѣйствіе его оставалось въ гармоніи съ закономъ. Въ другой разъ, желая усилить удовольствіе, онъ съѣлъ болѣе, чѣмъ нужно, и пострадалъ оттого, ибо онъ преступилъ законъ. Отсюда произошло смутное представленіе въ пробуждающемся сознаніи, *какимъ образомъ* пріятное переходитъ въ непріятное благодаря неумѣренности. Снова и снова желаніе будетъ толкать его къ неумѣренности, и каждый разъ онъ будетъ испытывать мучительныя послѣдствія, пока не сознаетъ пользу умѣренности, иными словами, пока не научится примѣнять физическія дѣятельности своего тѣла къ физическому закону.

Онъ найдетъ при этомъ, что существуютъ условія, которыя приносятъ ему вредъ и въ то же время находятся внѣ его власти, и что, только соблюдая ихъ, онъ можетъ обезпечить свое физическое благоденствіе. Одни и тѣ же опыты достигаютъ до него—черезъ тѣлесные его органы—съ неизмѣнною правильностью; всѣ устремляющіяся изъ него желанія приносятъ ему или наслажденія, или страданія, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они или выполняютъ законы природы, или же идутъ противъ нихъ; а по мѣрѣ того, какъ растетъ его опытъ, послѣдній начинаетъ руководить поступками человѣка и вліять на его выборъ. Такимъ образомъ, человѣку не приходится начинать свои испытанія сызнова съ каждой новой жизнью, ибо, рождаясь вновь, онъ приноситъ съ собой и весь уже имѣвшійся у него запасъ опытности.

Мы видѣли, что ростъ, въ этотъ ранній періодъ, происходитъ чрезвычайно медленно, ибо умственная дѣятельность находится еще въ зачаточномъ состояніи, и когда человѣкъ, умирая, покидаетъ свое физическое тѣло, онъ проводитъ большую часть своего времени въ *Камалокѣ*. Короткій же періодъ Девакана онъ проводитъ во снѣ, безсознательно претворяя въ себя всѣ ничтожныя умственныя приобретенія, которыя еще недостаточно опредѣленны для активныхъ небесныхъ переживаній. Но какъ бы то ни было, а его неподлежащее разрушенію „тѣло причинности“ было въ Деваканѣ, какъ пріемникъ всѣхъ качествъ человѣка, которыя должны быть перенесены въ послѣдующую земную жизнь. Ту роль, которую на болѣе раннихъ ступеняхъ эволюціи

играла „монадическая групповая душа“, теперь играет для человека его „тѣло причинности“, и только благодаря этому неразрушимому началу возможна эволюція человека. Безъ него накопленіе всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ опытовъ, проявляющихся въ видѣ внутреннихъ свойствъ, было бы такъ же невозможно, какъ накопленіе физическихъ опытовъ, выражающихся въ національныхъ и семейныхъ особенностяхъ, невозможно безъ непрерывности физической плазмы. Душа, безъ всякаго прошлаго, внезапно возникающая изъ ничего и въ то же время одаренная умственными и нравственными особенностями, это такой же абсурдъ, какъ утвержденіе, что младенецъ можетъ появиться безъ всякой связи съ кѣмъ бы то ни было, обладая при этомъ всѣми признаками національнаго и семейнаго типа. Ни самъ человекъ, ни его физическая оболочка, не могутъ появиться безпричинно, по неожиданному произволу Творца. Здѣсь, какъ и вездѣ, невидимое становится понятнымъ благодаря его аналогіи съ видимымъ, и это происходитъ отъ того, что видимое бытіе, въ сущности, не что иное, какъ отраженіе бытія невидимаго. Безъ непрерывности физической плазмы мы были бы лишены средства для эволюціи физическихъ особенностей; безъ непрерывности сознанія не было бы средства для эволюціи умственныхъ и нравственныхъ качествъ. Въ обоихъ случаяхъ отнимите непрерывность, и эволюція остановится на своей первой ступени, а міръ превратится въ хаосъ безконечныхъ и разобщенныхъ начинаній, вмѣсто космоса непрерывнаго осуществленія.

Мы должны не забывать, что въ этотъ ранній періодъ окружающая среда играетъ большую роль при опредѣленіи какъ типа, такъ и направленія, по которому происходитъ индивидуальный прогрессъ человека.

Въ концѣ концовъ всѣ души должны развивать сами заложенные въ нихъ силы; направленіе же, въ которомъ эти силы развиваются, будетъ зависѣть отъ окружающихъ условій, среди которыхъ развивается душа. Климатъ, плодородіе или скудость природы, жизнь въ горахъ или въ долинѣ, среди континентальныхъ лѣсовъ или на берегу океана—всѣ эти условія и еще безчисленное множество другихъ, будутъ содѣйствовать пробужденію то одного, то другого вида душевныхъ свойствъ. Существованіе суровое, въ условіяхъ тяжелой и непрерывной борьбы съ природой, разовьетъ одни свойства, тогда какъ роскошная природа тропическаго острова вызоветъ къ жизни совершенно другія. И тѣ, и другія свойства необходимы, ибо душа должна научиться завоевывать *всѣ* области

природы, но при этомъ можетъ проявиться разительная разница въ душахъ одного и того же возраста; одна душа можетъ казаться несравненно болѣе зрѣлой, чѣмъ другая, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія ее оцѣниваютъ: съ точки ли зрѣнія *практическихъ* или же *созерцательныхъ* силъ души, съ точки ли зрѣнія активной закаленной энергіи или же спокойнаго, внутрь направленнаго размышленія. Вполнѣ выросшая душа должна обладать всѣми свойствами, но развиваетъ она ихъ постепенно, и въ этомъ коренится другая причина безконечнаго разнообразія, встречающагося среди людей.

Никогда не нужно забывать, что человеческая эволюція индивидуальна. Въ группѣ живыхъ существъ, одушевляемыхъ одной и той же групповой душой, встречаются одни и тѣ же инстинкты потому, что вмѣстѣлищемъ всѣхъ переживаемыхъ опытовъ является единая „монадическая групповая душа“, и изъ нея изливается жизнь во всѣ отдѣльныя формы, зависящія отъ нея. Но каждый человекъ имѣетъ свой собственный физическій проводникъ, и проводникъ этотъ одинъ для каждаго даннаго времени, вмѣстѣлищемъ же всѣхъ переживаемыхъ опытовъ является „тѣло причинности“ (*corps causal*), которое вливаетъ свою жизнь въ свой собственный физическій проводникъ и уже не можетъ вліять ни на какой другой. Отсюда различія между человеческими индивидуумами несравненно болѣе рѣзкія, чѣмъ различія между родственными животными; и эволюція человеческихъ качествъ не можетъ, вслѣдствіе этого, изучаться на массѣ людей, но лишь на одной непрерывающейся индивидуальности. Физическая наука, не имѣющая средствъ для такого изученія, и не можетъ объяснить, почему нѣкоторые люди возвышаются надъ цѣлой расой, представляя изъ себя истинныхъ умственныхъ и нравственныхъ гигантовъ; она не способна объяснить умственную эволюцію Шанкарашарія или Пиагогара, а также нравственную эволюцію Будды или Христа.

Разсмотримъ теперь различные факторы, дѣйствующіе въ процессѣ перевоплощенія; ихъ ясное пониманіе необходимо для разрѣшенія нѣкоторыхъ трудностей, напимѣръ: почему утеривается воспоминаніе предшествующихъ жизней, на которыя наталкиваются люди, мало знакомые съ идеей перевоплощенія. Мы уже видѣли, что человекъ, проходящій черезъ физическую смерть, черезъ Камалоку и Деваканъ, теряетъ—одно за другимъ—свои различныя тѣла—физическое, астральное и ментальное. Всѣ они разрушаются, и распавшіяся частицы ихъ соединяются съ матеріей

соотвѣтствующихъ космическихъ сферъ. Связь самого человѣка съ своимъ физическимъ проводникомъ при этомъ вполне уничтожается, но астральное и ментальное тѣла передаютъ душѣ человѣка, Мыслителю, зародыши всѣхъ свойствъ и способностей, появившихся какъ результатъ различныхъ дѣятельностей въ его земной жизни; зародыши эти, сохраняемые въ „тѣлѣ причинности“, являютъ собою зачатки будущаго астрального и ментального тѣла. Въ этотъ періодъ, когда всѣ три проводника разрушены, сохраняется лишь самъ человѣкъ, пахарь, собравшій всю жатву, помѣтившій ее въ житницу и живущій на ея счетъ, пока она не претворится въ его плоть и кровь.

Когда займется для него заря новой жизни, онъ снова долженъ будетъ вернуться къ своей работѣ до слѣдующей вечерней зари.

Новая жизнь начинается оживотвореніемъ ментальныхъ зародышей, и эти зародыши притягиваютъ къ себѣ частицы матеріи низшихъ подраздѣленій ментальной сферы до тѣхъ поръ, пока не возникнетъ новое ментальное тѣло, являющее собой въ точности тотъ умственный уровень, на которомъ человѣкъ остановился въ предыдущемъ воплощеніи; тѣло это выражаетъ въ своемъ строеніи всѣ умственные качества человѣка.

Опыты пережитаго сохраняются въ этомъ новомъ тѣлѣ, но не въ видѣ опредѣленныхъ мысленныхъ образовъ; какъ мысленные образы, они погибли вмѣстѣ съ старымъ ментальнымъ тѣломъ, но ихъ сущность, воздѣйствіе ихъ на свойства человѣка, сохраняется навсегда. Эти опыты представляли собою пищу для ума, матеріалы, которые онъ претворялъ въ силы, а въ новомъ „тѣлѣ мысли“ они возникаютъ вновь какъ творческія силы, они опредѣляютъ его качества и строятъ его органы. Когда человѣкъ, Мыслитель, облекъ себя такимъ образомъ въ новое тѣло для своей новой жизни въ ментальной сферѣ, онъ начинаетъ тѣмъ же путемъ строить для себя новое астральное тѣло. Это тѣло, въ свою очередь, въ точности изображаетъ его страстную природу, воспроизводя всѣ свойства, развитія въ прошломъ, такъ же, какъ сѣмя воспроизводитъ породившее его дерево. Такимъ образомъ, человѣкъ является вполне готовымъ для своего слѣдующаго воплощенія, сохраняя воспоминанія о своемъ прошломъ лишь въ „тѣлѣ причинности“, въ единственной оболочкѣ, которая переходитъ изъ жизни въ жизнь. Въ то же время подготавливаются условія для того, чтобы снабдить его физическимъ тѣломъ, подходящимъ для выраженія его внутреннихъ качествъ. Въ предыдущихъ жиз-

няхъ онъ завязалъ отношенія съ другими людьми, связалъ себя разнообразными долгами по отношенію этихъ людей, и нѣкоторые изъ этихъ отношеній и обязательствъ и послужатъ для опредѣленія мѣста его рожденія и будущей его семьи *).

Въ прошломъ онъ былъ источникомъ счастья или несчастья для другихъ; это обстоятельство и будетъ рѣшающимъ для характера его наступающей жизни. Его страстная природа можетъ быть или хорошо дисциплинирована, или же невоздержана и беспорядочна; это обстоятельство будетъ принято въ соображеніе при выборѣ физическихъ особенностей новаго тѣла. Или онъ развивалъ опредѣленные душевные силы, на примѣръ художественность, и это будетъ принято въ расчетъ, такъ какъ физическая наслѣдственность является важнымъ условіемъ тамъ, гдѣ требуется тонкость нервной организаціи для выраженія опредѣленныхъ талантовъ, и такъ далѣе, въ безконечномъ разнообразіи подробностей. При этомъ человѣкъ можетъ обладать одновременно и несоотвѣтствующими одно другому свойствами, вслѣдствіе чего въ одномъ и томъ же тѣлѣ не будутъ въ состояніи выразиться *всѣ* его задатки; тогда среди нихъ произойдетъ подборъ такихъ свойствъ, которыя могутъ быть выражены одновременно. Вся эта работа производится разумными духовными Сущностями, называемыми иногда „Владыками Кармы“ ***) потому, что ихъ дѣятельность состоитъ въ осуществленіи причинъ, постоянно зарождаемыхъ мыслями, желаніями и дѣйствіями людей. Они держатъ нити судьбы, которыя каждый человѣкъ выпрямляетъ для себя, и направляютъ перевоплощающагося человѣка въ среду, опредѣляемую его прошлымъ, безсознательно выбранную имъ въ прежней его земной жизни.

Когда раса, нація, народность и семья опредѣлились, Владыки Кармы даютъ то, что можно бы назвать моделью физическаго тѣла, приспособленной для выраженія качества даннаго человѣка и для проявленія послѣдствій всего, что онъ посѣялъ въ прошломъ. Новый эфирный двойникъ, точная копія этой модели, вносится въ материнское лоно, черезъ посредство элемента, одушевленнаго мыслью „Владыкъ Кармы“. Плотное физическое тѣло вводится, молекула за молекулой, въ эфирный двойникъ, слѣдуя въ точности за его очертаніями, и здѣсь физическая наслѣдственность оказы-

*) Всѣ подробности относительно этого вопроса будутъ объяснены въ главѣ IX о „Кармѣ“.

**) Они упоминаются въ *Тайной Доктринѣ* подъ названіемъ *Lirica*, они ведутъ списки Кармы.

ваетъ рѣшающее вліяніе, ибо она доставляетъ всѣ необходимые матеріалы. Кромѣ того, мысли и страсти окружающихъ людей, въ особенности постоянно присутствующихъ отца и матери, оказываютъ свое воздѣйствіе на работу элементарнаго-строителя. Такимъ образомъ, индивидуальности, связанныя кармически съ воплощающимся человѣкомъ, сильно вліяютъ на физическія условія его новаго земного существованія. Новое астральное тѣло входитъ съ самаго начала въ соотношенія съ новымъ эфирнымъ двойникомъ и оказываетъ на его построеніе значительное вліяніе; кромѣ того, черезъ посредство астральнаго тѣла ментальное воздѣйствуетъ на организацію нервной системы, приготовляя изъ нея подходящее орудіе для своего выраженія въ будущемъ. Это вліяніе, начатое еще *передъ* рожденіемъ человѣка (такъ что построеніе мозга ребенка указываетъ уже при самомъ рожденіи на размѣръ и свойства его умственныхъ и нравственныхъ качествъ), это вліяніе продолжается и послѣ рожденія, и построеніе мозга и нервовъ и приведеніе ихъ въ соотношеніе съ астральнымъ и ментальнымъ тѣлами продолжаются до седьмого года, т. е. до возраста, когда соединеніе внутренняго человѣка съ его физической оболочкой вполнѣ заканчивается. Съ этого времени человѣкъ перестаетъ воздѣйствовать *на* свой физическій проводникъ и начинаетъ дѣйствовать *черезъ* него. До этого возраста, сознание Мыслителя дѣйствуетъ болѣе въ астральной сферѣ, чѣмъ въ физической, и на это указываетъ частое проявленіе психическихъ силъ у маленькихъ дѣтей. Они видятъ нерѣдко невидимые для другихъ товарищей волшебные пейзажи, слышатъ голоса, неслышимые для старшихъ, схватываютъ прелестныя, изящныя фантазіи изъ астральнаго міра. Всѣ эти явленія обыкновенно исчезаютъ, когда Мыслитель начинаетъ сильно работать черезъ физическій свой проводникъ, и тогда мечтательный ребенокъ превращается въ совершенно обыкновеннаго мальчика или дѣвочку къ большому облегченію смущенныхъ родителей, не понимавшихъ „странностей“ своего ребенка. Большинство дѣтей владѣтъ, хотя бы и въ небольшихъ размѣрахъ, такими „странностями“, но дѣти быстро научаются скрывать свои фантазіи и видѣнія отъ несочувствующихъ имъ старшихъ, боясь выговора за „сочиненіе“, или, что еще страшнѣе для ребенка, боясь показаться смѣшнымъ. Если бы только родители могли видѣть мозгъ своихъ дѣтей, вибрирующій подъ вліяніемъ тѣсно перепутанныхъ физическихъ и астральныхъ прикосновеній и воспринимающій отъ времени до времени, благодаря своей крайней пластичности, воздѣйствія даже изъ болѣе высо-

кихъ міровъ, въ видѣ проносящихся передъ нимъ видѣній сіяющей красоты, родители стали бы съ болѣшимъ терпѣніемъ прислушиваться къ смутному лепету своихъ малютокъ, которыя съ напряженіемъ стараются перевести на тяжеловѣсный земной языкъ летучія соприкосновенія съ высшимъ міромъ, отъ времени до времени достигающимъ до ихъ сознанія. Идея перевоплощенія, вѣрно понятая, оградила бы дѣтство отъ его наиболѣе патетическаго переживанья—стремленья одинокой, беспомощной души пріобрѣсти власть надъ своими новыми проводниками. Въ моментъ, когда душа вступаетъ въ связь съ своей физической, слѣдсвательно наиболѣе грубой оболочкой, для нея было бы чрезвычайно важно сохранить способность воздѣйствовать на промежуточныя (астральное и ментальное) тѣла съ достаточной опредѣленностью, чтобы они могли передавать физическому мозгу свои тонкія вибраціи. Болѣе просвѣщенная симпатія къ переживаніямъ ребенка сдѣлала бы эту задачу болѣе легкой для его души.

ГЛАВА VIII.

Перевоплощеніе.

(Продолженіе).

Восходящія ступени сознанія, по которымъ подвигается Мыслитель, послѣдовательно перевоплощаясь—въ теченіе долгаго жизненнаго цикла—въ трехъ низшихъ мірахъ, ясно обозначены; если бы не было многочисленныхъ существованій, невозможно было бы послѣдовательное прохожденіе всѣхъ этихъ ступеней, и въ этомъ—для вдумчиваго ума—заключается наиболѣе убѣдительное доказательство перевоплощенія.

Первая ступень—та, на которой всѣ опыты исключительно чувственнаго порядка, и здѣсь единственное содѣйствіе со стороны ума состоитъ въ сознаніи, что соприкосновенія съ одними объектами сопровождаются чувствомъ удовольствія, тогда какъ соприкосновенія съ другими—ощущеніемъ боли.

Эти объекты вызываютъ мысле-образы, и послѣдніе начинаютъ дѣйствовать какъ стимулы къ отысканію объектовъ, способныхъ вызывать пріятныя ощущенія, когда объекты эти отсутствуютъ; такимъ образомъ возникаютъ зачатки памяти и умственной инициативы. Это первое общее раздѣленіе вѣдѣнаго міра на объекты пріятныя и непріятныя, сопровождается болѣе

сложной идеей о связи „количества“ приятных и неприятных ощущений съ физическимъ самочувствіемъ, о чемъ уже была рѣчь въ прошлой главѣ.

На этой ступени эволюціи память чрезвычайно недолговѣчна, умственные образы быстро изглаживаются.

Возможность предвидѣть будущее на основаніи прошедшаго, въ самомъ даже зачаточномъ видѣ еще не возникла въ сознаніи младенческаго Мыслителя, и всѣ дѣйствія его вызываются или достигающими до него изъ внѣшняго міра вліяніями, или же голосомъ его собственныхъ аппетитовъ и страстей, жаждущихъ удовлетворенія. Онъ отброситъ все ради ихъ немедленнаго удовлетворенія, какъ бы отброшенная вещь ни была необходима для него же въ будущемъ. Непосредственное ощущеніе пересиливаетъ на этой ступени всѣ остальные соображенія; многочисленные тому примѣры приводятся въ отчетахъ многихъ путешественниковъ, и для всѣхъ, кто изучалъ стоящихъ на низкой ступени дикарей и сравнивалъ ихъ умственный уровень съ сознаніемъ средняго культурнаго человѣка, должна быть чрезвычайно убѣдительно мысль о необходимости многочисленныхъ существованій.

Нечего и говорить, что на этой ступени нравственные качества не превышаютъ умственныхъ понятій; различіе между добромъ и зломъ еще не возникаетъ въ сознаніи. И внушить такому младенческому уму представленіе о добрѣ и злѣ совершенно невозможно. Да, „хорошее“ и приятное для него—неразличимые термины, какъ это ярко сказалось въ извѣстномъ случаѣ съ австралийскимъ дикаремъ, приводимымъ Ч. Дарвиномъ.

Подгоняемый голодомъ, дикарь пронзилъ копьемъ первое живое существо, подвернувшееся ему, и это оказалась его собственная жена. Европейецъ началъ увѣщевать его относительно грѣховности его проступка, но не произвелъ на него никакого впечатлѣнія; мало того, изъ всѣхъ наставленій, что ѣсть свою жену дурно, онъ вывелъ только одно заключеніе, что европейецъ говоритъ о дурномъ вкусѣ или о несваримости ея мяса; желая успокоить его, дикарь началъ улыбаться и похлопывать себя по животу съ самымъ удовлетвореннымъ видомъ, говоря: „нѣтъ, она *очень* вкусная“.

Измѣряя мысленно необъятное нравственное разстояніе, разделяющее этого дикаря и св. Франциска Ассизскаго, неминуемо приходишь къ заключенію, что или должна быть такая-же эволюція душъ, какъ и эволюція тѣлъ, или что въ царствѣ душъ существуютъ постоянныя, непостижимыя чудеса.

Существуетъ два пути, идя по которымъ человѣкъ можетъ

постепенно выйти изъ этого зачаточнаго состоянія: онъ можетъ быть руководимъ людьми гораздо болѣе развитыми, чѣмъ онъ самъ, или же быть предоставленъ себѣ самому, медленно расти безъ посторонней помощи. Въ послѣднемъ случаѣ развитіе его длилось бы безчисленные вѣка, ибо безъ высшаго примѣра и безъ дисциплины, предоставленныя воздѣйствіямъ внѣшней среды и тренію съ людьми, не болѣе развитыми, чѣмъ онъ самъ, духовныя силы дикаря просыпались бы съ необычайной медленностью. Въ дѣйствительности, огромное большинство людей развивалось подъ вліяніемъ непосредственнаго поученія, примѣра и вынужденной дисциплины. Мы уже видѣли, что когда большая часть чело-вѣчества восприняла искру, вызвавшую къ жизни Мыслителя, тогда Высшія Существа, которыя въ оккультныхъ ученіяхъ носятъ названія „Сыновъ Разума“, воплотились и стали Учителями юнаго чело-вѣчества, а вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе высокіе „Сыны Разума“ воплощались на различныхъ ступеняхъ эволюціи, появляясь на самомъ гребнѣ передовой волны подвигающагося впередъ чело-вѣчества. Они управляли людьми подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ великихъ Учителей, и вынужденное послушаніе элементарнымъ правиламъ правильной жизни чрезвычайно ускорило развитіе умственныхъ и нравственныхъ качествъ въ младенческихъ душахъ. Кромѣ всѣхъ другихъ указаній, гигантскіе остатки давно исчезнувшихъ цивилизацій, доказывающихъ высокое инженерное искусство и высоту умственнаго развитія, далеко превышающаго ступень, на которой тогда стояло младенческое чело-вѣчество,—достаточно ясно свидѣтельствуютъ о существованіи въ тѣ первобытныя времена людей съ высокимъ развитіемъ, способныхъ на великіе замыслы и могучія выполненія.

Будемъ продолжать наши изслѣдованія первой ступени эволюціи сознанія. Ощущенія господствовали всецѣло надъ умомъ, и первыя усилія мысли вызывались желаніемъ, что медленно вело чело-вѣка къ предвидѣнію. Онъ начиналъ распознавать опредѣленную связь между извѣстными мысле-образами, и когда одинъ изъ нихъ появлялся, ожидать появленія и другого, неизмѣнно слѣдовавшаго за нимъ въ его бодрствующемъ сознаніи. Онъ начиналъ дѣлать выводы и даже совершать поступки на основаніи этихъ выводовъ, что было уже большимъ шагомъ впередъ, и рядомъ съ этимъ, въ немъ начали появляться отъ времени до времени колебанія, слѣдовать ли ему страстнымъ призывамъ желанія, такъ какъ въ его памяти, ихъ удовлетвореніе соединялось много разъ съ послѣдующими тяжелыми ощущеніями.

Это вліяніе было сильно ускорено давленіемъ на него ясно выраженныхъ законовъ. Ему запрещались извѣстнаго рода удовольстворенія и его предупреждали, что вслѣдъ за ослушаніемъ послѣдуютъ страданія. Когда онъ хватался за доставляющій наслажденіе предметъ и убѣждался, что страданіе дѣйствительно слѣдуетъ за удовольствореніемъ, исполнившееся предупрежденіе оставляло въ его сознаніи гораздо болѣе сильный слѣдъ, чѣмъ тѣ же совпаденія, казавшіяся ему случайными, когда они являлись неожиданно для него.

Такимъ образомъ постоянно возникали конфликты между памятью и желаніемъ, и эти конфликты возбуждали мысль къ болѣе активной дѣятельности. Явленіе это вызвало необходимость перехода сознанія на вторую ступень.

На этой ступени начинается появляться зародышъ воли. Желаніе и воля руководятъ поступками человѣка; иногда волю опредѣляютъ какъ желаніе, являющееся побѣдителемъ изъ столкновенія желаній. Но это слишкомъ общее и поверхностное опредѣленіе, не объясняющее ничего. Желаніе есть исходящая изъ Мыслителя энергія, направленіе которой опредѣляется привлекательностью внѣшнихъ предметовъ. Воля же есть исходящая изъ Мыслителя энергія, направляемая умозаключеніями, выведенными разумомъ изъ прежнихъ опытовъ, или же непосредственной интуиціей, идущей отъ самого Мыслителя, иначе говоря: желаніе руководимо извнѣ, воля же—изнутри. Вначалѣ человѣческой эволюціи желаніе является полнымъ властелиномъ и толкаетъ человѣка то туда, то сюда; въ серединѣ его эволюціи желаніе и воля находятся въ постоянномъ конфликтѣ, и побѣда оказывается то на сторонѣ желанія, то на сторонѣ воли; въ концѣ его эволюціи желаніе умираетъ и воля господствуетъ безпрепятственно и безусловно. Пока Мыслитель еще не достаточно развитъ, чтобы видѣть непосредственно, воля руководитъ имъ посредствомъ разума, а такъ какъ разумъ въ состояніи выводить свои заключенія изъ наличности мысле-образовъ, иными словами—изъ пережитаго опыта, запасъ же этотъ вначалѣ ограниченъ, поэтому и воля приводитъ человѣка безпрестанно къ ошибочнымъ дѣйствіямъ. Страданія, истекающія отъ этихъ ошибокъ, увеличиваютъ запасъ мысле-образовъ и такимъ путемъ доставляютъ разуму все увеличивающееся поле опыта, откуда онъ и черпаетъ свои заключенія. Такимъ образомъ возникаетъ прогрессъ и зарождается мудрость. Желаніе смѣшивается часто съ волей, и то, что кажется намъ рѣшеннымъ внутри, въ дѣйствительности бываетъ вызвано жаждой низшей при-

роды того, что общаетъ ей удовольствореніе. И вмѣсто открытой борьбы между обѣими силами, низшая незамѣтно входитъ въ потокъ высшей силы и поворачиваетъ ея направленіе въ сторону. Побѣжденные въ открытомъ полѣ, личные желанія вступаютъ такимъ образомъ въ заговоръ противъ своего побѣдителя и часто выигрываютъ хитростью то, что имъ не удалось взять силой.

На протяженіи всей второй ступени, когда способности низшаго разума находятся въ разгарѣ своей эволюціи, борьба является нормальнымъ состояніемъ, борьба между повелѣніями чувствъ и повелѣніями разума.

Задача, которую предстоитъ разрѣшить человѣчеству, состоитъ въ приведеніи этой борьбы къ концу при полномъ сохраненіи свободы воли; въ склоненіи воли къ наилучшимъ рѣшеніямъ, но такъ, чтобы выборъ этихъ рѣшеній оставался свободнымъ и добровольнымъ. Лучшее должно быть избираемо, но по собственному почину воли, которая должна проявляться съ неуклонностью предопредѣленной необходимости. Постоянство принудительнаго закона должно получиться изъ безчисленныхъ волей, каждая изъ которыхъ должна свободно опредѣлять свое собственное направленіе. Рѣшеніе этой проблемы кажется простымъ, когда знаешь его, хотя съ перваго взгляда заключенное въ ней противорѣчіе и кажется непримиримымъ. Представимъ себѣ человѣка, вполне свободнаго въ выборѣ своихъ поступковъ, но чтобы при этомъ каждый его поступокъ приносилъ за собой и неизбѣжный результатъ; и пусть человѣкъ тотъ, ничѣмъ не стѣсняемый, хватается одинъ за другимъ предметы своихъ многочисленныхъ желаній, но только съ тѣмъ, чтобы ему же и доставались всѣ послѣдствія его выбора, каковы бы они ни были. Очевидно, что онъ добровольно откажется отъ тѣхъ предметовъ, обладаніе которыми причиняетъ въ концѣ концовъ страданіе. Онъ болѣе не будетъ желать ихъ, когда испытаетъ приносимую ими боль. И какъ бы онъ ни стремился удержать наслажденіе и избѣгнуть страданія, онъ будетъ сдавленъ между жерновами неумолимаго закона, и урокъ будетъ повторяться столько разъ, сколько окажется нужнымъ: перевоплощеніе предоставитъ столько жизней, сколько потребуется даже для самаго лѣниваго и тупого изъ учениковъ. Медленно, но неизбѣжно желаніе предмета, который приносить за собой страданіе, начнетъ умирать, и если подобный предметъ и предстанетъ передъ человѣкомъ во всемъ своемъ привлекательномъ очарованіи, онъ будетъ, тѣмъ не менѣе, отвергнутъ, и не по принужденію, а по свободному выбору. Онъ болѣе не вызы-

ваетъ желанія, онъ потерялъ свою силу. То же самое происходитъ послѣдовательно и со всѣми предметами; выборъ начинаетъ все чаще и чаще совпадать съ закономъ.

„Многіе пути ведутъ къ заблужденію; къ истинѣ ведетъ только одинъ путь“; когда всѣ пути къ заблужденію пройдены, когда человѣкъ убѣдился, что всѣ они кончаются страданіемъ, выборъ истиннаго пути становится непоколебимъ, ибо онъ основанъ на знаніи. Низшія царства природы работаютъ въ полной гармоніи, понуждаемая закономъ; человеческое царство представляетъ хаосъ сталкивающихся хотѣній, борющихся съ закономъ и бунтующихъ противъ него. Въ настоящее время изъ этого хаоса уже начинаетъ обозначаться болѣе благородное единство и склонность къ добровольному подчиненію; такое подчиненіе, будучи добровольно и основано на знаніи и на воспоминаніи о послѣдствіяхъ неповиновенія, устойчиво и не можетъ быть поколеблено никакимъ соблазномъ. Пока человѣкъ не приобрѣлъ знанія и опыта, предъ нимъ всегда стоитъ опасность паденія. Когда же онъ станетъ богоподобнымъ, познавшимъ добро и зло до конца, въ его предпочтеніи добра не можетъ быть переменъ. Въ области нравственной воля называется обыкновенно совѣстью, и въ этой области она сталкивается съ такими же затрудненіями, какъ и въ остальныхъ своихъ дѣятельностяхъ. Пока дѣло идетъ о поступкахъ, повторявшихся много и много разъ, послѣдствія которыхъ уже выяснились или для разума, или для самого Мыслителя,—совѣсть говоритъ быстро и твердо. Но если возникаютъ новыя проблемы, относительно которыхъ опыта еще нѣтъ, голосъ совѣсти становится неопредѣленнымъ. Отъ разума совѣсть получаетъ нерѣшительный отвѣтъ, который легко можетъ повести къ невѣрному выводу; самъ же Мыслитель молчитъ, если въ его опытѣ еще не было того обстоятельства, которое возникло впервые. Вотъ почему совѣсть нерѣдко приходитъ къ неправильнымъ рѣшеніямъ; это происходитъ отъ того, что воля, не получая яснаго указанія ни отъ разума, ни отъ интуиціи, даетъ своей дѣятельности невѣрное направленіе. Не слѣдуетъ также оставлять безъ вниманія тѣ вліянія, которыя дѣйствуютъ на умъ въ видѣ чужихъ мысле-формъ, принадлежащихъ друзьямъ, семьѣ, обществу, цѣлой націи *). Всѣ онѣ проникаютъ въ сознаніе, искажая видимость всѣхъ вещей и нарушая ихъ истинныя пропорціи. Подчиняясь ихъ вліянію, разумъ перестаетъ спокойно дѣлать

*) См. гл. II. „Астральный планъ“.

выводы даже изъ своего собственнаго опыта и приходитъ вслѣдствіе этого къ невѣрнымъ заключеніямъ.

Въ эволюціи нравственныхъ качествъ играютъ большую роль привязанности, чувства расположенія, которыя всѣ носятъ характеръ животный или эгоистическій въ младенческой періодъ Мыслителя. Законы нравственности устанавливаются просвѣщеннымъ разумомъ, который умѣетъ различать законы, двигающіе Природой, и приводитъ человеческое поведение въ созвучіе съ Божественной Волей.

Но импульсъ къ выполненію этихъ законовъ, если къ такому выполненію не побуждаетъ внѣшняя сила, имѣетъ свои корни въ Любви, въ этомъ скрытомъ божественномъ началѣ человеческого существа, которое ищетъ проявить себя, отдать себя другимъ. Нравственность возникаетъ въ младенческомъ Мыслителѣ, когда онъ впервые движимъ любовью къ женѣ, къ своимъ дѣтямъ, къ другу, и эта любовь заставляетъ его поступать въ пользу любимыхъ безъ всякой мысли о личной пользѣ. Въ этомъ первая побѣда надъ низшей природой, полное подчиненіе которой является вѣнцомъ нравственнаго совершенства. Отсюда необходимость питать и поддерживать привязанности и любовь, а не убивать ихъ, какъ это рекомендуется низшимъ видомъ оккультизма. Какъ бы нечисты и грубы не были привязанности, онѣ все же представляютъ шансы для нравственной эволюціи, отъ которой холодный и добровольно уединившійся человѣкъ замыкаетъ себя навсегда. Легче очищать любовь, чѣмъ создавать ее, и вотъ почему „грѣшники“, по словамъ Великаго Учителя, ближе къ царствію небесному, чѣмъ книжники и фарисеи.

На третьей ступени сознанія происходитъ развитіе высшихъ интеллектуальныхъ силъ; умъ начинаетъ останавливаться не только на образахъ, вызываемыхъ извнѣ ощущеніями, разсуждаетъ не только о чисто конкретныхъ вещахъ или о ихъ свойствахъ, которыя отличаютъ одну вещь отъ другой. Мыслитель, научившись ясно различать предметы по ихъ характернымъ различіямъ, теперь начинаетъ группировать ихъ вмѣстѣ по какому-либо признаку, который принадлежитъ многимъ предметамъ, въ другихъ отношеніяхъ не сходнымъ, и такимъ образомъ онъ создаетъ между ними внутреннюю связь. Онъ извлекаетъ этотъ общій признакъ и ставитъ всѣ предметы, обладающіе имъ, отдѣльно отъ тѣхъ, которые этимъ признакомъ не обладаютъ, и этимъ путемъ онъ развиваетъ способность различать единство среди разнообразія—первый шагъ къ позднѣйшему распознаванію единого начала.

лежащаго въ основѣ всего. Такимъ образомъ онъ распредѣляетъ по категоріямъ все окружающее его, развивая способность къ синтезу и научаясь обобщать такъ же, какъ и анализировать. Затѣмъ онъ дѣлаетъ и еще одинъ шагъ впередъ и создаетъ изъ общаго свойства идею, отдѣльную отъ всѣхъ объектовъ, въ которыхъ свойство это проявляется, и такимъ образомъ строитъ высшій типъ мысле-образовъ—образъ идеи, не имѣющей проявленнаго существованія въ мірѣ формъ, которая существуетъ лишь на высшихъ ступеняхъ ментальной сферы и представляетъ тотъ матеріалъ, надъ которымъ Мыслитель самъ можетъ производить работу. Низшій разумъ достигаетъ абстрактной идеи путемъ разсужденія; при этомъ происходитъ его наивысшій полетъ, когда онъ поднимается до порога міра „безъ формъ“ и смутно видитъ въ потустороннее бытіе. Мыслитель видитъ эти идеи, среди нихъ онъ и пребываетъ всегда; когда же его способность абстрактнаго мышленія разовьется вполне, Мыслитель становится дѣятельнымъ въ своемъ собственномъ мірѣ^{*)}). Люди, достигшіе этой ступени, мало заботятся о жизни эмоцій и чувствованій, они мало интересуются внѣшними наблюденіями; ихъ силы сосредоточены внутри и болѣе не устремляются наружу въ поискахъ за удовлетвореніемъ. Они спокойно остаются внутри себя, занятые широкими мировыми задачами, и наиболѣе глубокими сторонами жизни и мысли; они болѣе заняты проникновеніемъ въ причины, чѣмъ наблюденіемъ надъ ихъ выраженными послѣдствіями, они все болѣе и болѣе приближаются къ ясному сознанию, что Единое лежитъ въ основѣ всего разнообразія внѣшней природы.

На четвертой ступени сознания это Единое уже видимо, и, когда перейдена граница малаго разума или интеллекта, сознание раздвигается и объемлетъ весь міръ, оно видитъ все сущее въ себѣ какъ части себя, оно сознаетъ себя лучомъ Логоса и, слѣдовательно, единымъ съ Нимъ. Гдѣ же въ такомъ случаѣ Мыслитель? Онъ сталъ Сознаніемъ, и тогда какъ одухотворившаяся душа можетъ—по своей волѣ—проявляться черезъ любой изъ низшихъ проводниковъ, онъ болѣе не ограниченъ ими и не нуждается въ нихъ. И тогда настанетъ конецъ стихійному перевоплощенію. Человѣкъ побѣдилъ смерть; онъ воистину достигъ безсмертія. И тогда онъ станетъ „столпомъ въ храмѣ Бога моего, и онъ уже не выйдетъ вонъ“^{**)}).

*) Ментальною.

**) Откровеніе Св. Іоанна, гл. III, 12.

Чтобы закончить эту часть нашего изслѣдованія, мы должны понять послѣдовательное пробужденіе проводниковъ сознания, приведеніе ихъ одного за другимъ въ состояніе дѣятельное, чтобы они могли служить приведенными въ созвучіе инструментами человѣческой души. Мы видѣли, что съ самаго начала своей отдѣльной жизни, Мыслитель обладалъ оболочками изъ ментальной, астральной и плотной физической матеріи. Всѣ онѣ составляютъ передаточную среду, черезъ которую его жизнь устремляется наружу, какъ бы „мостъ“ для человѣческаго сознания, по которому всѣ внушенія Мыслителя могутъ достигать до плотнаго физическаго тѣла, и, съ другой стороны, всѣ импульсы отъ внѣшняго міра могутъ достигать до Мыслителя.

Но эта обычная работа различныхъ оболочекъ, какъ частей совокупнаго цѣлага, совершенно иное дѣло, чѣмъ пробужденіе проводниковъ, когда для каждаго изъ нихъ наступаетъ очередь служить самостоятельнымъ проводникомъ для сознания, въ полной независимости отъ остальныхъ низшихъ проводниковъ, и вотъ это—то пробужденіе проводниковъ сознания мы и начнемъ теперь разсматривать.

Самый низшій изъ проводниковъ, плотное физическое тѣло, должно быть первымъ приведено въ гармоническій порядокъ; для этого мозгъ и нервная система должны быть выработаны настолько, чтобы легко и быстро отзываться на тончайшія колебанія въ предѣлахъ полной гаммы доступныхъ имъ вибрацій.

На самыхъ первыхъ ступеняхъ развитія, когда физическое тѣло состояло изъ болѣе грубыхъ матеріаловъ, эта гамма была чрезвычайно ограничена, и физической органъ мысли былъ въ состояніи отвѣчать лишь на самыя низкія вибраціи, посылаемая Мыслителемъ. Оно способно отвѣчать несравненно легче, что и вполне естественно, на прикосновенія внѣшняго міра, идущія отъ объектовъ, сходныхъ съ нимъ по матеріалу, изъ котораго они построены. Его пробужденіе, какъ проводника сознания, состоитъ въ усиленіи его отзывчивости на вибраціи, возникающія внутри; быстрота этого пробужденія зависитъ отъ согласнаго сотрудничества низшей природы съ высшей, отъ ея полнаго и добровольнаго подчиненія своему внутреннему повелителю. Когда, послѣ многихъ и многихъ жизненныхъ цикловъ, надъ низшей природой человѣка занимается заря сознания, то ему ясно, что она существуетъ только ради его безсмертной души, что вся ея цѣнность въ зависимости отъ помощи, которую она можетъ принести его душѣ, и что безсмертія она можетъ достигнуть лишь при условіи ея сліянія

съ душою: тогда ея эволюція начнётъ подвигаться гигантскими шагами. До этой ступени физическая эволюція была безсознательна; прежде всего, удовлетвореніе низшей природы было цѣлью жизни, и пока это было необходимо для того, чтобы вызвать къ жизни силы Мыслителя, этотъ періодъ чисто внѣшней дѣятельности не содѣйствовалъ непосредственно тому, чтобы превратить физическое тѣло въ проводникъ сознанія. Непосредственное воздѣйствіе на физическій мозгъ начинается лишь тогда, когда центромъ человѣческой дѣятельности становится ментальное тѣло и когда мысль начинаетъ господствовать надъ ощущеніями. Упражнение умственныхъ силъ вліяетъ на мозгъ и на нервную систему, и наиболѣе грубые матеріалы извлекаются постепенно для того, чтобы дать мѣсто болѣе тонкимъ, которые были бы въ состояніи вибрировать въ созвучіи съ вибраціями мысли, достигающими до нихъ. Мозгъ становится все утонченнѣе въ своемъ строеніи и все болѣе увеличивается благодаря заворачиваніямъ, все болѣе сложнымъ, своей поверхности, образующей покровъ нервной матеріи, приспособленной для отвѣта на вибраціи мысли. Нервная система становится болѣе уравновѣшенной, болѣе чувствительной, живѣе отвѣчающей на каждое дрожаніе ментальныхъ силъ. А когда приходитъ сознаніе, что ея назначеніе быть орудіемъ души, о чемъ сказано выше, тогда наступаетъ активное содѣйствіе со стороны самой личности: она начинаетъ сознательно дисциплинировать себя и ставить вѣчные интересы безсмертной индивидуальности выше своихъ собственныхъ временныхъ удовлетвореній. Она посвящаетъ время, которое могло бы быть употреблено на преслѣдованіе низшихъ наслажденій, для развитія духовныхъ силъ; вырастаетъ привычка къ серьезной мысли, мозгъ начинаетъ воспринимать воздѣйствія изнутри охотнѣе, нежели извнѣ, онъ приучается отвѣчать на послѣдовательное мышленіе и сдерживать возникновеніе разрозненныхъ образовъ, созданныхъ впечатлѣніями прошлаго. Онъ приучается оставаться въ покоѣ, когда работа его не нужна хозяину, когда отъ него требуется отвѣчать, а не создавать новыя вибраціи *). Далѣе начнётъ появляться извѣстная степень разборчивости и осмотрительности относительно пищевыхъ матеріаловъ, изъ которыхъ строится мозгъ. Употребленіе грубой пищи, каково мясо и кровь животныхъ и

*) Одинъ изъ признаковъ, что эта цѣль достигнута, состоитъ въ прекращеніи безпорядочнаго смѣшенія разрозненныхъ образовъ, которые во время сна вызываются неконтрольной работой физическаго мозга. Когда мозгъ вполнѣ подчиненъ контролю, этотъ родъ сновидѣній бываетъ очень рѣдко.

алкоголь, должно быть оставлено, чтобы чистая пища могла строить чистое тѣло.

Постепенно грубыя вибраціи перестаютъ находить матеріалы, способные отвѣчать на нихъ, и физическое тѣло становится все болѣе и болѣе проводникомъ сознанія, тонко-отзывчивымъ на всѣ вибраціи мысли и остро-чувствующимъ все идущее отъ Мыслителя. Эфирный двойникъ въ такой тѣсной связи съ физическимъ тѣломъ, что излишне изучать отдѣльно способы его очищенія и утонченія. Въ нормальномъ состояніи эфирное тѣло не представляетъ изъ себя отдѣльнаго проводника сознанія; оно работаетъ одновременно съ своимъ плотнымъ двойникомъ, а когда оно отдѣляется отъ послѣдняго при смерти, оно отвѣчаетъ весьма слабо на вибраціи, возникающія внутри.

И дѣйствительно, его дѣятельность состоитъ не въ томъ, чтобы служить проводникомъ умственнаго сознанія, но проводникомъ „праны“, индивидуализированной жизни-силы, вслѣдствіе чего удаленіе его изъ плотныхъ частей человѣческаго тѣла, которымъ оно доставляетъ жизненные токи, отзывается крайне вредно и можетъ вызвать опасныя послѣдствія.

Астральное тѣло является вторымъ проводникомъ сознанія, которое необходимо пробудить и подвергнуть сознательному развитію, и мы уже видѣли тѣ перемѣны, черезъ которыя оно проходитъ по мѣрѣ того, какъ организуется для предстоящей ему дѣятельности *). Когда оно вполнѣ организовано, сознаніе, заключенное въ немъ—во время сна, когда астральное тѣло покидаетъ физическое и носится въ астральномъ мірѣ—начинаетъ не только получать черезъ него впечатлѣнія объ астральныхъ объектахъ (что и составляетъ сознаніе спящаго человѣка), но и познавать астральные объекты черезъ посредство астральныхъ чувствъ, т. е. соединять полученныя впечатлѣнія съ объектами, вызвавшими эти впечатлѣнія. Въ началѣ эти впечатлѣнія смутны, совершенно такъ же, какъ первыя впечатлѣнія, воспріятыя новымъ физическимъ тѣломъ младенца: и въ томъ и въ другомъ случаѣ они должны пройти черезъ продолжительный опытъ, чтобы стать вполнѣ ясными и правильными. Мыслитель долженъ постепенно открывать новыя силы, которыя этотъ болѣе тонкій проводникъ предоставляетъ въ его распоряженіе и благодаря которымъ онъ можетъ владѣть астральными элементами и защищать себя отъ астральныхъ опасностей. Къ тому же онъ не остается одинокимъ

*) См. гл. II, „Астральная сфера“.

въ этомъ новомъ мірѣ: онъ получаетъ указанія и—пока онъ не въ состояніи самъ защитить себя—и защиту отъ тѣхъ, которые болѣе опыты въ жизни астральнаго міра. Постепенно новый проводникъ сознанія поступаетъ вполнѣ во власть Мыслителя, и тогда жизнь въ астральной сферѣ является для него такой же естественной и знакомой, какъ и въ физической средѣ.

Третій проводникъ сознанія—ментальное тѣло—рѣдко или скорѣй никогда не пробуждается для независимой дѣятельности безъ непосредственныхъ указаній учителя. Такимъ образомъ на настоящей ступени человѣческой эволюціи независимая дѣятельность ментальнаго тѣла доступна только для ученика (чела)*). Какъ мы уже видѣли, тѣло это перестраивается для отдѣльной, независимой дѣятельности**) въ ментальной сферѣ, и здѣсь опять необходимы опытъ и подготовка прежде, чѣмъ оно въ состояніи вполнѣ подчиниться своему хозяину. Особенность, общая для всѣхъ трехъ проводниковъ сознанія, но для двухъ тонкихъ проводниковъ менѣе очевидная, чѣмъ для плотнаго физическаго проводника состоитъ въ томъ, что всѣ три подлежатъ эволюціи, и что, по мѣрѣ развитія, способность ихъ отсылать вибраціи и отвѣчать на нихъ все увеличивается. Мы знаемъ, какъ много оттѣнковъ одного и того же цвѣта видимо для воспитаннаго, подготовленнаго глаза въ сравненіи съ глазомъ невоспитаннымъ, и какъ много обертоновъ слышитъ развитое ухо, тогда какъ для неразвитаго раздается одна только основная нота. По мѣрѣ того, какъ физическія чувства все болѣе обостряются, міръ становится для насъ все полнѣе и полнѣе, и тамъ, гдѣ крестьянинъ сознаетъ только свою борозду и свой плугъ, высоко-культурный умъ воспринимаетъ и въющійся по изгороди цвѣтокъ, и трепетныя осины, и слышущуюся съ небесъ мелодію жаворонка, и шорохъ птичьихъ крыльевъ въ ближайшемъ лѣсу, и бѣгство испуганныхъ кроликовъ подъ кудрявую листву папоротниковъ, и игры бѣлокъ въ вѣтвяхъ буковыхъ деревьевъ, и всѣ граціозныя движенія маленькихъ звѣрковъ, всѣ благоухающіе запахи полей и лѣсовъ, всѣ измѣнчивыя освѣщенія испещреннаго облаками неба, всѣ передвигающіяся тѣни на холмахъ. Оба—и крестьянинъ и культурный человѣкъ имѣютъ глаза, оба имѣютъ мозгъ, но какая разница въ силѣ наблюденія, въ способности воспринимать впечатлѣнія! То же самое относится и къ потустороннимъ мірамъ. Когда астральное и мен-

*) См. гл. XI, „Восхожденіе человѣка“.

**) См. гл. IV, „Ментальная сфера“.

тальное тѣла только еще начинаютъ дѣйствовать какъ отдѣльные проводники сознанія, они не превышаютъ способности воспріятія крестьянина, и только отрывки изъ астральнаго и ментальнаго міровъ съ ихъ странными, призрачными явленіями достигаютъ до сознанія человѣка, но дальнѣйшее развитіе идетъ быстро, охватывается все большее количество явленій и передаются сознанію все болѣе точныя отраженія окружающей среды. Здѣсь, какъ и вездѣ, мы должны помнить, что наши знанія не представляютъ собой истинной границы силъ Природы, и что въ потустороннихъ мірахъ мы бываемъ такими же младенцами, какъ и въ физическомъ мірѣ,—младенцами, собирающими раковины, выброшенныя приливомъ, тогда какъ сокровища, скрытыя въ нѣдрахъ океана, остаются недоступными для насъ.

Пробужденіе „тѣла причинности“ какъ проводника сознанія, слѣдуетъ въ свое время за пробужденіемъ ментальнаго тѣла, и оно открываетъ передъ человѣчествомъ еще болѣе чудесное состояніе сознанія, раздвигая его взадъ, въ безграничное прошлое, и впередъ, въ неизвѣданныя глубины будущаго. И тогда Мыслитель не только овладѣваетъ воспоминаніемъ прошлаго, не только можетъ слѣдить за своимъ собственнымъ развитіемъ на протяженіи всѣхъ своихъ жизней, воплощенныхъ и развоплощенныхъ; но онъ можетъ также черпать по желанію изъ прошедшаго нашей земли и пріобрѣтаетъ могучіе уроки мірового опыта, изучая скрытые законы двигающейся эволюціи и глубокія тайны, скрытыя въ нѣдрахъ природы. Въ этомъ высокомъ проводникѣ сознанія онъ можетъ достигнуть скрытой Изиды и, приподнявъ край ея покрывала, можетъ уже зрѣть ее лицомъ къ лицу, не подвергая себя опасности ослѣпнуть отъ ея сверкающаго взора; въ сіяніи, исходящемъ изъ нея, онъ проникнетъ наконецъ въ причины міровой скорби и увидитъ конецъ этой скорби, и сердце его, оставаясь полнымъ состраданія и жалости, перестанетъ разрываться отъ безсильной боли. Сила, спокойствіе и мудрость—удѣлъ тѣхъ, которые владѣютъ „тѣломъ причинности“ какъ проводникомъ сознанія и созерцаютъ открытымъ взоромъ славу Добраго Закона.

Когда же и духовное тѣло (буддическое) становится способнымъ проводить сознаніе, тогда человѣкъ вступаетъ въ блаженство нераздѣльности и сознаетъ въ полномъ и живомъ осуществленіи свое единство со всѣмъ, что есть. Преобладающимъ элементомъ сознанія „тѣла причинности“ есть знаніе, а познѣе и мудрость, тогда какъ преобладающимъ элементомъ сознанія „духовнаго тѣла“ есть блаженство и—любовь. Невозмутимость мудрости характери-

зуеть первое, тогда какъ нѣжнѣйшее состраданіе изливается неистощимымъ потокомъ изъ другого; если къ этому прибавить богоподобную и неизмѣнную силу, которой отличается дѣятельность *Атмы*, тогда получится понятіе о совершенствѣ, къ которому идетъ человѣкъ. Богочеловѣкъ проявится въ немъ во всей полнотѣ своего могущества, своей мудрости и своей любви.

Низшимъ проводникамъ сознанія доступны лишь небольшія частицы высшаго сознанія, и передача сознанія отъ высшаго проводника къ низшему слѣдуетъ не непосредственно послѣ послѣдовательнаго пробужденія проводниковъ. Въ этомъ отношеніи одинъ человѣкъ отличается значительно отъ другого, и различіе это—въ полной зависимости отъ индивидуальныхъ условій и отъ интенсивности работы. Ибо пробужденіе высшихъ проводниковъ сознанія происходитъ очень рѣдко до вступленія на „путь“, когда „ученикъ“ проходитъ черезъ періодъ испытаній¹⁾; при этомъ задача человѣка мѣняется сообразно нуждамъ его эпохи. Ученикъ, и даже стремящійся къ ученичеству, научается отдавать всѣ свои силы служенію на пользу міра; при этомъ участіе низшаго сознанія въ познаніи высшаго опредѣляется нуждами самой работы, какая выпала на долю ученика. Необходимо, чтобы ученикъ пользовался въ полной мѣрѣ проводниками своего сознанія на высшихъ планахъ бытія, такъ какъ большая часть его работы происходитъ именно тамъ; будетъ ли при этомъ его физическій мозгъ сознать эту работу или не будетъ—это не важно, и стоитъ въ полной зависимости отъ того значенія, которое это обстоятельство можетъ имѣть для успѣха земной дѣятельности ученика. Напряженіе физическаго проводника, когда высшее сознаніе вынуждаетъ его вибрировать отвѣтнымъ образомъ, на существующей ступени развитія очень велико и напряженіе это—за исключеніемъ особенно благопріятныхъ условій—способно вызвать нервное расстройство, и чрезмѣрную чувствительность со всѣми ея нежелательными послѣдствіями. Вотъ отчего большинствомъ обладающихъ высшими пробужденными проводниками сознанія, наиболѣе важная дѣятельность которыхъ происходитъ *вне* физической сферы, принуждены оставаться вдали отъ шумной городской жизни, если хотятъ провести черезъ физическое сознаніе то вѣдѣніе, которымъ они владѣютъ на высшихъ планахъ. Уединяясь отъ грубыхъ обычаевъ и шума дѣловой жизни, они дѣлаютъ это для охраненія своего физическаго проводника, ставшаго чрезмѣрно чувствительнымъ. Главныя

¹⁾ См. гл. XI „Восхожденіе человѣка.“

подготовительныя условія для воспріятія физическимъ проводникомъ вибрацій высшаго сознанія состоятъ въ слѣдующемъ: онъ долженъ быть очищенъ отъ грубыхъ составныхъ частей посредствомъ чистой пищи и чистой жизни; всѣ страсти должны быть побѣждены и долженъ выработаться уравновѣшенный характеръ, способный противостоять жизненнымъ невзгодамъ; должна появиться привычка къ спокойному размышленію (медитация) о возвышенныхъ предметахъ, отвращающихъ умъ отъ чувственныхъ объектовъ и сосредоточивающихъ его на высшемъ. Слѣдуетъ бороться со всѣми видами торопливости, въ особенности съ безпокойной, легко возбудимой, беспорядочной торопливостью мозга, которая заставляетъ его непрерывно работать и переходить отъ предмета къ предмету; необходимо развить истинную любовь къ явленіямъ высшаго порядка, любовь, которая бы дѣлала ихъ болѣе привлекательными, чѣмъ явленія порядка низшаго и настолько же желанными, какъ общеніе съ горячо любимымъ другомъ. Въ сущности, вся эта подготовительная работа сходна съ той, которая необходима для сознательнаго отдѣленія „души“ отъ „тѣла“, которую я въ иномъ мѣстѣ выразила такъ:

„Ученикъ долженъ начать съ проявленія чрезвычайной терпимости ко всему, вырабатывать въ себѣ ровное и безмятежное состояніе ума; его жизнь должна быть чиста, и мысли его—цѣломудренны; тѣло его должно быть въ полномъ подчиненіи у души, и мысль его должна имѣть постоянное общеніе съ благородными и высокими предметами. Онъ долженъ всегда оказывать состраданіе, сочувствіе и помощь другимъ, сохраняя равнодушіе къ невзгодамъ и радостямъ, касающимся его самого, и развивать въ себѣ мужество, постоянство и преданность. Онъ долженъ вносить въ жизнь религіозное и этическое начало, которое большинство людей исповѣдуетъ только на словахъ. Научившись настойчивыми упражненіями контролировать до извѣстной степени свой умъ настолько, чтобы онъ могъ удерживаться въ теченіи нѣкотораго времени на одной линіи мысли, ученикъ долженъ перейти къ болѣе труднымъ упражненіямъ и сосредоточиваться ежедневно на какомъ-нибудь отвлеченномъ предметѣ или на объектѣ благоговѣйнаго почитанія. Подобное сосредоточеніе означаетъ твердое устремленіе ума на одну опредѣленную точку, безъ уклоненія въ сторону и безъ разсѣянія внѣшними предметами или движеніями собственныхъ чувствъ и собственнаго ума. Послѣдній долженъ быть до тѣхъ поръ укрѣпленъ въ непоколебимости и сосредоточеніи, пока не научится постепенно отвлекаться отъ внѣшняго міра и отъ своего тѣла на-

столько, чтобы чувства затихали вполне, тогда какъ умъ продолжалъ бы работать съ наибольшимъ напряженіемъ, весь собранный внутрь и устремленный на наиболѣе высокій изъ доступныхъ ему объектовъ. Когда цѣль эта достигнута и умъ способенъ останавливаться на одной точкѣ сравнительно легко, тогда онъ готовъ къ слѣдующему шагу: сильнымъ, но спокойнымъ усиліемъ воли онъ долженъ переброситься выше самой высокой мысли, до которой онъ можетъ подняться, *продолжая при этомъ работать въ физическомъ мозгу*; посредствомъ этого усилія онъ можетъ подняться настолько, чтобы соединить себя съ высшимъ сознаніемъ, результатомъ чего будетъ освобожденіе изъ физическаго тѣла. Когда это достигнуто, человѣкъ, оставаясь бодрствующимъ и не теряя сознанія, оказывается внѣ своего тѣла такъ, какъ будто бы онъ выскользнулъ изъ-подъ тяжелаго бремени, не потерявъ при этомъ ни единой частицы самого себя. Онъ при этомъ не „развоплотился“, но дѣйствительно вышелъ изъ своего плотнаго тѣла въ свѣтломъ „духовномъ тѣлѣ“, которое послушно его малѣйшему желанію и служитъ совершеннымъ и прекраснымъ орудіемъ его воли. Въ этомъ тѣлѣ онъ можетъ свободно передвигаться въ высшихъ мірахъ; но требуется продолжительная и тщательная подготовка высшихъ его способностей для того, чтобы въ этихъ новыхъ условіяхъ наблюденія его отличались точностью и вѣрностью.

Освобожденіе изъ тѣла можетъ быть достигнуто и другими путями: или восторженнымъ переживаніемъ глубокой любви къ божественному идеалу, или же особенными приемами, которые сообщаются учителемъ своему ученику. Но каковъ бы ни былъ путь, результатъ одинъ и тотъ же: освобожденіе души при полномъ сознаніи, съ сохраненіемъ способности наблюдать въ новой средѣ, далеко превышающей условія плотской жизни. По волѣ своей душа можетъ возвратиться въ тѣло и запечатлѣть въ физическомъ мозгу воспоминаніе обо всемъ пережитомъ ¹⁾“.

Кто схватилъ главныя идеи, выраженные на предыдущихъ страницахъ, тотъ увидитъ, что эти идеи сами по себѣ являются лучшимъ доказательствомъ того, что перевоплощеніе есть фактъ природы. Оно необходимо, чтобы осуществилось то огромное развитіе, которое подразумевается въ выраженіи: „эволюція души“. Если оставить въ сторонѣ матеріалистическую гипотезу, по которой душа не что иное, какъ совокупность особаго рода вибрацій

¹⁾ «Conditions of Life after Death» *Nineteenth Century*, November, 1896.

физической матеріи, остается другая гипотеза, по которой каждый разъ, когда рождается человѣкъ, создается новая душа и притомъ одаренная или добродѣтельными или порочными наклонностями, или свѣтлымъ разумомъ, или туостью, сообразно произвольному капризу Создателя. Какъ выражаются магометане—„судьба новорожденнаго виситъ на его шеѣ“, ибо судьба человѣка зависитъ вполне отъ его врожденныхъ свойствъ и отъ окружающей его среды, и каждая вновь созданная душа, брошенная въ міръ, предопредѣляется или для счастья, или для страданія, сообразно окружающимъ условіямъ и вложеннымъ въ нее свойствамъ. Если отвергать перевоплощеніе, не остается ничего иного, какъ принять предопредѣленіе въ самой его грубой формѣ.

Или мы должны признать законъ медленнаго развитія человѣка, по которому грубый дикарь въ будущемъ можетъ развитъ всѣ благородныя качества святого и героя, и тогда міръ предстанетъ передъ нами какъ система эволюціи, мудро задуманная и мудро направленная, или же мы будемъ принуждены видѣть въ немъ хаосъ, въ которомъ чувствующія и думающія существа подвергаются всевозможнымъ несправедливостямъ, получая въ удѣлъ счастье или страданіе, сознательность или невѣдѣніе, хорошія качества или пороки, богатство или бѣдность, получая то или другое по чьей-то волѣ, неимѣющей никакой внутренней связи съ ихъ сущью, не руководимой ни справедливостью, ни состраданіемъ,— „истинный пандемоніумъ“, лишенный разума и логики. И подумать, что такой хаосъ является *высшимъ* проявленіемъ Космоса, въ низшихъ областяхъ котораго появляются изумительно правильныя дѣятельности, регулируемыя закономъ, который неустанно преобразуетъ первичныя и простыя формы въ формы болѣе совершенныя и болѣе сложныя и который видимо направляетъ все къ совершенству, гармоніи и красотѣ!

Если же признать, что душа дикаря предназначена для дальнѣйшей жизни и для развитія, что она не приговорена на вѣкъ къ состоянію настоящаго своего дѣтства, что развитіе ея продлится послѣ смерти въ другихъ мірахъ, въ такомъ случаѣ эволюція души окажется признанной въ принципѣ и останется только разрѣшить вопросъ о *мгнѣніи* ея осуществленія. Если бы всѣ души на землѣ находились на одной и той же ступени развитія, въ такомъ случаѣ можно было бы высказаться въ пользу теоріи, по которой эволюція души, вышедшей изъ дѣтскаго состоянія, должна происходить въ другихъ мірахъ. Но мы имѣемъ вокругъ одновременно съ душами младенческими, души высоко развитыя,

рожденные съ благородными умственными и нравственными качествами. Продолжая то же разсужденіе, мы должны предположить, что онѣ достигли своего развитія въ другихъ мірахъ, прежде чѣмъ родиться на землѣ. И тогда дѣлается непонятнымъ, почему на землю, представляющую такія разнообразныя условія, годныя и для юныхъ, и для зрѣлыхъ душъ, появляются души всѣхъ степеней развитія для *одного* мимолетнаго существованія, чтобы затѣмъ весь остальной процессъ эволюціи продолжать въ иныхъ, сходныхъ съ нашимъ мірахъ, представляющихъ также, какъ и земля, всѣ условія, необходимыя для развитія душъ всѣхъ степеней. Правда, и Древняя Мудрость учитъ, что душа развивается въ нѣсколькихъ мірахъ ¹⁾, она утверждаетъ въ то же время, что воплощается она въ каждомъ изъ этихъ міровъ снова и снова, пока не завершится *вся* эволюція, возможная въ каждомъ изъ нихъ. И самые міры, по ученію Древней Мудрости, составляютъ эволюціонную цѣпь, и каждый изъ нихъ играетъ свою особую роль какъ поле для опредѣленной ступени эволюціи. Нашъ собственный физическій міръ представляетъ поле, подходящее для эволюціи минеральнаго, растительнаго, животнаго и человѣческаго царствъ, и въ немъ происходитъ коллективное или индивидуальное перевоплощеніе во всѣхъ названныхъ царствахъ. Истинно, что дальнѣйшая эволюція, предстоящая намъ, будетъ совершаться въ другихъ мірахъ; но по божественному порядку мірозданія послѣдніе откроются для насъ только тогда, когда мы овладѣемъ всѣми уроками, которые нашъ собственный міръ можетъ представить для насъ.

Когда мы изучаемъ окружающее насъ человѣчество, многое приводитъ насъ къ тому же разрѣшенію большинства загадокъ человѣческой жизни, т. е. къ необходимости перевоплощенія. Огромное различіе, отдѣляющее одного человѣка отъ другого, заставляетъ, какъ уже было сказано, предполагать эволюціонное прошлое позади каждой души; и вниманіе читателей было уже остановлено на этомъ неравенствѣ, отличающемъ индивидуальное перевоплощеніе человѣческихъ существъ, каждое изъ которыхъ являетъ собою какъ бы особый видъ.

Сравнительно ничтожное различіе между физическими тѣлами людей, которыя всѣ внѣшнимъ образомъ представляютъ

¹⁾ Но не на иныхъ планетахъ, принадлежащихъ другимъ солнечнымъ системамъ, а въ мірахъ (астральномъ и ментальномъ), которые служатъ переходными ступенями между исходной точкой воплощенной жизни души и ея земнымъ существованіемъ.

одинъ и тотъ же человѣческій типъ,—представляетъ поразительный контрастъ съ огромной разницей между умственными и нравственными качествами дикаря и наиболѣе благороднаго представителя современнаго культурнаго человѣчества. Тѣло дикаря обладаетъ нерѣдко превосходнымъ физическимъ развитіемъ и даже черепъ его достаточно вмѣстителенъ, и въ то же время какое огромное различіе между его свойствами и свойствами философа или святого!

Если смотрѣть на умственное и нравственное развитіе какъ на результатъ подвинувшейся цивилизаціи, тогда непонятнымъ становится тотъ фактъ, что наиболѣе способные люди нашего времени далеко отстали отъ умственныхъ гигантовъ прошлаго, и что мы не встрѣчаемъ въ наши дни той нравственной высоты, какую отличались нѣкоторые святыя древности. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что геній не бываетъ преемственнымъ, что онъ появляется совершенно внезапно вмѣсто того, чтобы быть завершеніемъ постепенно усовершенствуемой семьи; что при этомъ онъ или совсѣмъ бесплоденъ или, если имѣетъ потомство, то передаетъ ему только свои тѣлесныя качества, а не душевныя. Явленіемъ, особенно ярко подтверждающимъ перевоплощеніе, является музыкальный геній: онъ рождается почти всегда въ музыкальной семьѣ, потому что этотъ видъ геніальности нуждается для своего проявленія въ особаго рода нервной организаціи, а нервная организація подлѣжитъ законамъ наслѣдственности. И какъ часто подобная музыкальная семья, произведя генія и тѣмъ какъ бы выполнивъ свое назначеніе, угасаетъ вслѣдъ затѣмъ и черезъ нѣсколько поколѣній сливается съ самыми обыкновенными семьями. Куда дѣвались потомки Баха, Бетховена, Моцарта, Мендельсона и что общаго у нихъ съ ихъ великими отцами? Да, геній не можетъ передаваться отъ отца къ сыну, подобно физическому семейному типу Стюартовъ или Бурбоновъ.

И если не признавать перевоплощенія, какимъ разумнымъ образомъ можно объяснить появленіе „чуда ребенка“? Возьмемъ замѣчательнаго ребенка, который впослѣдствіи сдѣлался докторомъ Юнгомъ, открывшимъ волнообразную теорію свѣта, человѣкомъ, все величіе котораго еще не достаточно признано современниками. Двухлѣтнимъ ребенкомъ онъ могъ уже читать съ значительной бѣгlostью и до 4-хъ-лѣтняго возраста онъ два раза успѣлъ прочитать всю Библию. Въ семь лѣтъ онъ одолѣлъ весь учебникъ Уэлькингама „Tutor's Assistant“, прежде чѣмъ дошелъ съ учителемъ до его середины; а черезъ нѣсколько лѣтъ, мы на-

ходимъ его еще въ школѣ уже овладѣвшимъ латинскимъ, греческимъ, еврейскимъ, французскимъ и итальянскимъ языками, математикой и бухгалтеріей; кромѣ того, онъ занимался токарнымъ искусствомъ и умѣлъ дѣлать телескопы и рядомъ съ этимъ съ восторгомъ занимался восточной литературой. Въ 14 лѣтъ къ нему пригласили заниматься частнаго учителя, съ которымъ онъ долженъ былъ учиться въ обществѣ мальчика на годъ моложе его: когда однажды учитель не пришелъ, молодой Юнгъ самъ сталъ заниматься съ товарищемъ ¹⁾.

Сэръ Уильямъ Роуанъ Гамильтонъ выказалъ еще болѣе рання способности. Онъ началъ учиться еврейскому языку едва достигнувъ трехъ лѣтъ, и въ возрастѣ семи лѣтъ онъ—по заявленію одного изъ ученыхъ Дублинскаго колледжа—выказалъ большее знаніе еврейскаго языка, чѣмъ многіе изъ соискателей ученой степени. Въ тринадцать лѣтъ онъ обладалъ уже значительнымъ знаніемъ по крайней мѣрѣ тринадцати языковъ, между которыми, кромѣ классическихъ и современныхъ европейскихъ нарѣчій, были и персидскій, арабскій, санскритскій, индостанскій и даже малайскій... Четырнадцать лѣтъ онъ написалъ письмо къ персидскому посланнику, который посѣтилъ Дублинъ, и послѣдній выразилъ удивленіе, что въ Великобританіи нашелся человѣкъ, который могъ написать подобный документъ на персидскомъ языкѣ. Одинъ изъ его родственниковъ говоритъ: „я помню его шестилѣтнимъ мальчуганомъ, когда онъ, отвѣтивъ на трудный математическій вопросъ, весело убѣгалъ съ своей маленькой телѣжкой. Въ двѣнадцать лѣтъ онъ конкурировалъ съ Кольбурномъ, знаменитымъ американскимъ „считающимъ мальчикомъ“, котораго тогда показывали какъ чудо въ Дублинѣ, и—нерѣдко съ большимъ успѣхомъ“. Когда ему минуло восемнадцать лѣтъ, докторъ Бринклей, ирландскій королевскій астрономъ, сказалъ о немъ въ 1823 году: „этотъ молодой человѣкъ не *будетъ*, а уже *есть* первый математикъ своего вѣка“.

Въ университетѣ его успѣхи были безпримѣрны; по всѣмъ безъ исключенія предметамъ и на всѣхъ экзаменахъ онъ былъ первымъ ²⁾.

Пусть же вдумчивый читатель сравнитъ этихъ мальчиковъ съ тупыми или даже съ обыкновенными мальчиками, и представитъ себѣ какъ, начиная свою земную жизнь съ подобными преимуще-

¹⁾ Life of Dr. Thomas Young, by G. Peacock, D. D.

²⁾ North British Review, September, 1866.

ствами, они становятся во главѣ умственнаго движенія своего вѣка, и затѣмъ пусть онъ рѣшитъ вопросъ: „могли ли подобныя души не имѣть позади себя прошлаго?“ ¹⁾

Семейныя сходства объясняются обыкновенно закономъ наследственности, но рѣзкія различія въ умственныхъ и нравственныхъ задаткахъ, которыя постоянно встрѣчаются внутри семьи, эти различія остаются необъясненными. Ученіе о перевоплощеніи объясняетъ сходство тѣмъ, что воплощающаяся душа направляется въ такую семью, которая доставляетъ ей путемъ физической наследственности подходящее для выраженія ея особенностей тѣло; несходства же оно объясняетъ тѣмъ, что умственные и нравственные качества принадлежатъ самой индивидуальности, и появляется она именно въ этой семьѣ благодаря связямъ, завязавшимся у нея въ прошломъ съ кѣмъ-либо изъ членовъ семьи ²⁾. Значительнымъ по отношенію близнецовъ является то обстоятельство, что во время младенчества они бывають почти неразличимы даже для зоркаго глаза матери и кормилицы. Тогда какъ въ позднѣйшей жизни, когда душа уже поработала надъ своей физической оболочкой, она настолько измѣняетъ ее, что физическое сходство уменьшается, и разница въ характерѣ близнецовъ отпечатлѣвается на внѣшнихъ чертахъ ³⁾. Въ физическомъ сходствѣ и въ умственномъ и нравственномъ несходствѣ встрѣчаются по-видимому двѣ различныя линіи причинности.

Поразительное различіе, съ которымъ люди почти одинаковыхъ интеллектуальныхъ силъ воспринимають ту или другую отрасль знанія, есть другой указатель на перевоплощеніе. Однимъ человѣкомъ та или другая истина схватывается сразу, тогда какъ другому она не дается даже послѣ долгаго изученія. Но возможенъ совершенно обратный результатъ, если обоимъ будетъ предъявлена другая истина, которая легко усвоится вторымъ и не будетъ понята первымъ. Два человѣка, привлеченные теософіей, начинаютъ изучать ее; въ концѣ года одинъ изъ нихъ вполне освоится съ ея главными положеніями и можетъ уже примѣнять ихъ, тогда какъ другой все еще чувствуетъ себя, какъ въ лабиринтѣ. Для одного каждое положеніе кажется словно знакомымъ, для другого же—непонятнымъ и страннымъ. Вѣряющій въ перевоплощеніе пойметъ изъ этого, что для одного все ученіе было

¹⁾ См. гл. IX, о Кармѣ.

²⁾ См. гл. IX, о Кармѣ.

³⁾ „Первоплощеніе“ А. Безантъ; см. Сборникъ „Вопросы Теософіи“ СПб. 1907 г.

уже знакомо, тогда какъ для другого оно предъявляется въ первый разъ; одинъ понимаетъ быстро потому, что онъ вспоминаетъ и лишь возстановливаетъ прежнія знанія; другой воспринимаетъ медленно потому, что въ кругъ его опыта не входили *эти* истины природы, и онъ приобретаетъ ихъ съ трудомъ въ первый разъ.¹⁾ Точно также обыкновенная интуиція есть лишь „воспоминаніе факта, который былъ извѣстенъ человѣку въ прежнемъ существованіи, хотя и появляется въ первый разъ въ настоящей его жизни“;²⁾ это—другой признакъ того пути, по которому личность проходила въ прошломъ существованіи. Самымъ большимъ затрудненіемъ для принятія ученія о перевоплощеніи является у большинства отсутствіе воспоминанія о прошлыхъ жизняхъ. А между тѣмъ, тѣ же люди ежедневно сталкиваются съ тѣмъ фактомъ, что они весьма многое забыли даже изъ своей текущей жизни, что первые года ихъ дѣтства теряются въ туманѣ, а воспоминанія младенчества утеряны ими вполне. Извѣстно также и то, что событія прошлаго, которыя совершенно исчезли изъ ихъ нормального сознанія, продолжаютъ сохраняться въ темныхъ изгибахъ памяти и могутъ воскреснуть вновь во всей своей живости во время нѣкоторыхъ болѣзней или подъ влияніемъ магнетизма. Такъ, умирающій человѣкъ—какъ утверждаютъ точныя наблюденія—можетъ заговорить языкомъ, который онъ слышалъ только въ раннемъ дѣтствѣ и совершенно не помнилъ въ теченіе остальной жизни; точно также въ бреду давно забытое событіе является съ необыкновенной живостью передъ сознаніемъ. Такимъ образомъ, ничто вполне не забывается, но многое ускользаетъ изъ поля нашего бодрствующаго сознанія, наиболѣе ограниченнаго изъ всѣхъ нашихъ сознаній, несмотря на то, что оно признается огромнымъ большинствомъ за единственное. Совершенно также, какъ нѣкоторыя воспоминанія изъ настоящей жизни исчезаютъ изъ круга бодрствующаго сознанія и появляются вновь, когда мозгъ бываетъ чрезвычайно чувствителенъ и способенъ отвѣчать на вибраціи, въ обыкновенное время не воспринимаемая имъ,—точно также и память о прошлыхъ жизняхъ сохраняется внѣ области, доступной для физическаго сознанія. Она вся сохраняется Мыслителемъ, который одинъ продолжаетъ существовать изъ жизни въ жизнь; ему одному доступенъ весь свитокъ воспоминаній, потому что онъ и есть то единое „Я“, которое прошло черезъ всѣ опыты, записан-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

ные на этомъ свиткѣ. Мало того, онъ можетъ передать свои воспоминанія и физическому своему проводнику, какъ только послѣдній достаточно очистится, чтобы отвѣчать на быстрыя и тонкія вибраціи Мыслителя. И тогда человѣкъ во плоти можетъ познать свои прошлыя жизни. Вся трудность воспоминанія коренится не въ забывчивости, ибо низшій проводникъ жизни, физическое тѣло, никогда и не раздѣляло прежнихъ жизней своего хозяина; трудность заключается въ томъ, что настоящій проводникъ поглощенъ всецѣло окружающей его средой, вслѣдствіе чего и неспособенъ отвѣчать на тонкія вибраціи, посредствомъ которыхъ проявляется его душа. Кто хочетъ вспомнить свое прошлое, тотъ не долженъ сосредоточивать весь интересъ на настоящихъ переживаніяхъ, онъ долженъ утончать и очищать свою физическую природу, пока она не сдѣлается способной воспринимать впечатлѣнія изъ иной, болѣе тонкой среды.

И все же воспоминаніемъ о прежнихъ жизняхъ обладаетъ достаточное количество людей, уже успѣвшихъ приобрести необходимую для того чувствительность физической организаціи; для этихъ людей перевоплощеніе перестало быть теоріей и сдѣлалось предметомъ личнаго знанія. Они убѣдились, насколько богаче становится жизнь, когда память прошлаго вливается въ нее, когда друзья быстротечной земной жизни оказываются друзьями далекаго, далекаго прошлаго, и воспоминанія, идущія изъ глубины вѣковъ, помогаютъ укрѣплять привязанности настоящаго. Жизнь приобретаетъ надежность и достоинство, когда позади нея начинаешь видѣть длинную перспективу и когда привязанности прошедшихъ жизней вновь появляются въ любимыхъ друзьяхъ настоящаго. Значеніе смерти блѣднѣетъ и самая смерть становится на свое настоящее мѣсто, какъ простой эпизодъ въ вѣчномъ существованіи, какъ перемѣна одной сцены жизни на другую, подобно путешествію, которое разлучаетъ насъ физически, но не можетъ разъединить насъ духовно. Связи настоящаго являются для сознанія частью длинной цѣпи, которая тянется въ дали прошлаго, а будущее приобретаетъ характеръ радостной увѣренности при мысли, что эти связи сохраняются и въ слѣдующихъ существованіяхъ, образуя звенья той же непрерывной цѣпи.

Отъ времени до времени встрѣчаются дѣти, которыя приносятъ съ собой воспоминанія своего прошлаго, и это бываетъ почти всегда въ томъ случаѣ, когда предыдущая смерть произошла въ дѣтствѣ, послѣ чего быстро послѣдовало новое воплощеніе. На Западѣ такіе случаи бываютъ гораздо рѣже, чѣмъ на Востокѣ,

потому что тамъ первое же заявленіе такого ребенка встрѣчается съ недоумѣніемъ, вслѣдствіе чего онъ быстро теряетъ вѣру въ свои собственныя воспоминанія. На Востокѣ, гдѣ въ перевоплощеніе вѣрятъ почти всѣ, къ такимъ заявленіямъ ребенка прислушиваются внимательно, и, гдѣ это оказывается возможнымъ, ихъ провѣряютъ. Другое соображеніе, относящееся къ памяти, заслуживаетъ нашего вниманія. Воспоминанія о прежнихъ переживаніяхъ сохраняются, какъ мы видѣли, самимъ Мыслителемъ и только имъ однимъ. Но результаты этихъ переживаній, перешедшіе въ способности, составляютъ принадлежность преходящей человѣческой личности. Если бы вся совокупность прошедшихъ переживаній переносилась въ физическій мозгъ со всѣмъ огромнымъ количествомъ опыта несгруппированнаго и неприведеннаго въ порядокъ,—человѣкъ не могъ бы съ пользою для себя руководствоваться выводами изъ прошлаго. Принужденный выбирать между двумя линіями поведенія, онъ бы долженъ былъ отыскивать во множествѣ разбросанныхъ фактовъ своего прошлаго всѣ событія, подходящія къ данному случаю, прослѣдить всѣ ихъ послѣдствія, и, послѣ трудныхъ усилій, придти наконецъ къ заключенію, которое все же могло бы оказаться невѣрнымъ благодаря какой-нибудь пропущенной подробности, при наличности которой измѣнился бы и самый выводъ. Всѣ подробности, мелкія и незначительныя, многихъ жизней составили бы беспорядочную массу свѣдѣній, совершенно бесполезныхъ во всѣхъ случаяхъ, когда требуется быстрое рѣшеніе. Несравненно болѣе разумный планъ, осуществляемый природою, состоитъ въ томъ, что Мыслитель сохраняетъ всю память прошлаго и его ментальный проводникъ пользуется продолжительнымъ существованіемъ внѣ физической плоти, во время котораго все пережитое сравнивается и всѣ результаты приводятся въ порядокъ; затѣмъ, результаты эти воплощаются въ способности, которыя и образуютъ новое ментальное тѣло Мыслителя. Такимъ образомъ расширившіяся и усовершенствованныя способности могутъ немедленно получить примѣненіе, и такъ какъ онѣ заключаютъ въ себѣ всѣ результаты прошлаго, то и рѣшенія человѣка согласуются съ этими результатами и возникаютъ легко и безъ замедленія. Быстрое пониманіе и ясное сужденіе—не что иное, какъ результаты прошлаго опыта, переработанныя въ наиболѣе примѣнимую для жизни форму; и только благодаря такому внутреннему порядку пережитой опытъ и становится могучимъ орудіемъ для развитія человѣка.

Какъ бы то ни было, слѣдуя по всѣмъ линіямъ приведенныхъ разсужденій, наша мысль должна неизмѣнно возвратиться къ необ-

ходимости перевоплощенія, если мы хотимъ, чтобы смыслъ жизни сталъ для насъ понятенъ и чтобы она не казалась намъ жестокой и несправедливой.

При свѣтѣ ученія о перевоплощеніи, человѣкъ является достойнымъ, бессмертнымъ существомъ, развивающимся ради божественно великой цѣли; безъ этого свѣта онъ является соломинкой въ бурномъ потокѣ, бросаемой по прихоти обстоятельствъ, не отвѣчающей за свой характеръ, за свои поступки и за свою судьбу. Освѣщаемый этимъ свѣтомъ, онъ можетъ смотрѣть впередъ безъ страха, на какой бы низкой ступени эволюціи онъ ни стоялъ сегодня, ибо онъ все же поднимается къ божественности, и достиженіе высшей ступени есть лишь вопросъ времени. Если отбросить перевоплощеніе, не останется разумной причины вѣрить въ прогрессъ будущаго, не останется и никакой разумной причины вѣрить въ какое либо будущее, ибо—какое основаніе для будущаго у существа, не имѣющаго прошлаго? Это не болѣе какъ пузырь, появляющійся на поверхности океана времени, брошенный въ міръ изъ небытія съ готовыми качествами, хорошими или дурными, принадлежащими ему безъ всякой причины и безъ всякой съ его стороны заслуги; съ какой стати будетъ онъ стремиться усовершенствоваться ихъ? И не будетъ ли его будущее—если ему предстоитъ вообще какое-либо будущее—такимъ же оторваннымъ, безпричиннымъ и безрезультатнымъ, какъ и его настоящее? Исключивъ перевоплощеніе изъ своихъ вѣрованій, современный міръ лишилъ Бога его справедливости, а человѣка—его упованій; послѣдній можетъ испытывать „удачу“ или „неудачу“, но сила и достоинство, являющіяся вслѣдствіе увѣренности въ неизмѣнномъ законѣ, вырваны у него, и онъ оставленъ безпомощнымъ на поверхности безграницаго океана жизни.

Глава IX.

К а р м а .

Прослѣдивъ главныя линіи эволюціи души на пути перевоплощенія, мы можемъ теперь перейти къ изученію великаго закона причинности, который управляетъ новыми рожденіями, закона, именуемаго *Кармой*. Карма—санскритское слово, означающее буквально „дѣйствіе“; такъ какъ всѣ дѣйствія суть послѣдствія, вытекающія изъ предыдущихъ причинъ, и каждое послѣдствіе, въ свою очередь, становится причиной будущихъ дѣйствій,—

Идея причинъ и послѣдствій составляетъ существенную часть всякаго представленія о дѣятельности; и поэтому слово „карма“ или дѣятельность употребляется для обозначенія непрерывно связанной цѣпи причинъ и послѣдствій, изъ которыхъ состоитъ всякая человѣческая дѣятельность. Отсюда выраженіе: „это моя карма“ или: „это событіе послѣдствіе моего же дѣйствія въ прошломъ“ и т. д. Обособленной жизни нѣтъ; каждая жизнь есть дитя предыдущихъ жизней и мать всѣхъ послѣдующихъ, въ той совокупности жизней, которая составляетъ всю непрерывность существованія индивидуума. „Случайности“ нѣтъ въ мірѣ; все происходящее связано съ предыдущей причиной или съ послѣдующимъ результатомъ; всѣ мысли и поступки—въ причинной связи съ прошлымъ и они необходимо повліяютъ и на будущее. Такъ какъ наше невѣдѣніе затемняетъ наше зрѣніе одинаково какъ относительно прошлаго, такъ и относительно будущаго, событія кажутся намъ какъ бы появляющимися изъ пустоты, какъ бы случайными, но это—также иллюзія и происходитъ она отъ недостатка нашего вѣдѣнія. Какъ дикарь, незнакомый съ законами физической вселенной, считаетъ физическія явленія безпричинными, а результаты неизвѣстныхъ ему явленій—чудесами, такъ и многіе, незнакомые съ нравственными и духовными законами, не видятъ изъ какихъ причинъ исходятъ жизненные событія, а результатъ неизвѣстныхъ имъ духовныхъ законовъ считаютъ хорошей или дурной „судьбой“.

Когда идея нерушимаго и неизмѣннаго закона во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ прежде мысль предполагала одну случайность,—озаряетъ нашъ умъ, въ душѣ нашей появляется чувство безпомощности, почти оцѣпененія. Человѣку кажется, что онъ захваченъ въ тиски желѣзной необходимости, и мусульманскій фатализмъ кажется единственнымъ возможнымъ выраженіемъ этого новаго міросозерцанія. Но совершенно также почувствуетъ себя и дикарь, когда идея физической законности впервые возникаетъ передъ его смятеннымъ умомъ, когда онъ убѣждается, что каждое движеніе его тѣла и каждое явленіе природы выполняется по неизмѣннымъ законамъ. И только постепенно онъ начинаетъ узнавать, что естественные законы устанавливаютъ лишь условія для дѣятельности, самую же дѣятельность они не предписываютъ; что человѣкъ всегда остается свободнымъ въ центрѣ, внѣшнія же его дѣятельности бываютъ ограничены условіями той среды, въ которой онѣ происходятъ. Далѣе онъ узнаетъ, что условія эти побуждаютъ его и задерживаютъ его усилія только до тѣхъ

поръ, пока онъ не знаетъ ихъ, или пока борется съ ними; но какъ только онъ начинаетъ ихъ понимать, какъ только онъ узнаетъ ихъ направленіе и въ состояніи рассчитать ихъ силы, они немедленно дѣлаются его слугами и помощниками.

Знаніе въ физической сферѣ и возможно только потому, что ея законы нерушимы и неизмѣнны. Если бы не было естественныхъ законовъ, не могло бы быть и знанія. Каждый изслѣдователь дѣлаетъ извѣстное число опытовъ и изъ результатовъ этихъ опытовъ онъ познаетъ, какъ дѣйствуетъ природа; узнавъ ея дѣйствія, онъ можетъ уже съ увѣренностью добиваться опредѣленнаго результата, и если результатъ этотъ не получается,—навѣрно или пропущено какое-либо необходимое условіе, или же расчетъ былъ невѣренъ. Тогда изслѣдователь провѣряетъ свои знанія, просматриваетъ свои методы и расчеты съ спокойной увѣренностью, что если вопросъ его будетъ поставленъ правильно, природа отвѣтитъ ему съ неизмѣнной точностью. Водородъ и кислородъ не дадутъ ему сегодня воду, а завтра синильную кислоту; огонь не будетъ сегодня жечь, а завтра замораживать; если вода является сегодня жидкостью, а завтра твердымъ тѣломъ—это потому, что окружающія условія измѣнились, и стоитъ лишь возстановить прежнія условія, какъ неминуемо появится и прежній результатъ. Каждое новое свѣдѣніе относительно законовъ природы не будетъ новымъ ограниченіемъ, но новой силой; ибо всѣ энергіи природы становятся силами въ рукахъ человѣка, когда онъ знаетъ, какъ примѣнять ихъ. Отсюда изреченіе: „знаніе есть сила“. Ибо въ полномъ соответствіи съ знаніями человѣка будетъ и его господство надъ силами природы; выбирая тѣ изъ нихъ, которыя нужны для его работы, уничтожая одну энергію противоположной энергіей, онъ можетъ заранѣе рассчитать результаты и вызвать именно то явленіе, которое желательно для него. Понимая силы природы и производя съ ихъ помощью различныя дѣйствія, человѣкъ можетъ вызвать совершенно опредѣленные результаты и такимъ образомъ самую непреклонность природы, которая съ перваго взгляда кажется парализующей человѣческую дѣятельность, онъ можетъ использовать для созданія безконечнаго разнообразія результатовъ. Измѣнность каждой отдѣльной силы природы и дѣлаетъ возможнымъ разнообразіе въ комбинированіяхъ ея различныхъ силъ. Ибо изъ разнообразныхъ силъ, двигающихся по всевозможнымъ направленіямъ и поддающихся вѣрному расчету, возможно скомбинировать подборъ этихъ силъ такъ, чтобы онѣ непременно вызвали желаемый результатъ. Но

не нужно забывать, что для подобнаго господства надъ природой необходимо знаніе. Невѣжественный человѣкъ идетъ ощупью, беспомощно наталкиваясь на неизмѣнные законы и даромъ растрачивая свои усилія; тогда какъ знающій человѣкъ идетъ увѣренно впередъ, предвидя и согласуя то, къ чему онъ стремится. И это происходитъ не потому, что онъ „счастливѣе“, а потому что онъ *знаетъ*. Первый является игрушкой и рабомъ природы, увлекаемый въ ту или другую сторону ея силами; другой же становится ея господиномъ и пользуется ея силами, чтобы двигаться въ направленіи, избранномъ его волею.

То, что вѣрно относительно физическихъ законовъ, также вѣрно и относительно законовъ нравственныхъ и духовныхъ. И здѣсь также несвѣдущій человѣкъ—рабъ, а знающій человѣкъ—полный властитель. И здѣсь также нерушимость и неизмѣнность, которыя вначалѣ казались парализующими, являются необходимымъ условіемъ для вѣрнаго успѣха и для яснаго предвидѣнія своего будущаго. Человѣкъ можетъ сдѣлаться господиномъ своей судьбы только потому, что онъ живетъ въ мірѣ, управляемомъ закономъ, гдѣ знаніе можетъ дать человѣку проникновеніе въ дѣятельности своей души и силу направлять свое будущее, строить и личный свой характеръ и будущія условія своей жизни. И тогда знаніе кармы, которое грозило обезсилить человѣка, становится для него поддерживающей, вдохновляющей и поднимающей силой.

Слѣдовательно, карма есть законъ причинности, законъ причинъ и послѣдствій. Этотъ законъ былъ ясно установленъ христіанскимъ посвященнымъ, св. Павломъ: „Не обманывайтесь: Богъ поругаемъ не бываетъ, ибо что посѣетъ человѣкъ, то и пожнетъ“ *). Человѣкъ посылаетъ безпрестанно силы во всѣ сферы, въ которыхъ онъ дѣйствуетъ: эти силы—по качеству и количеству—послѣдствія его прежней дѣятельности, и онъ же являются причинами, которыя онъ вноситъ въ каждый изъ обитаемыхъ имъ міровъ; причины эти приносятъ опредѣленные послѣдствія, касающіяся какъ его самого, такъ и другихъ, и такъ какъ онъ исходятъ изъ него какъ изъ центра, по всѣмъ направленіямъ его поля дѣятельности,—то онъ и отвѣчаетъ за всѣ истекающія изъ нихъ послѣдствія. Какъ магнитъ имѣетъ свое „поле притяженія“, площадь, въ предѣлахъ которой дѣйствуютъ всѣ его силы—то меньше, то больше, соотвѣтственно ихъ энергіи,—также и у человѣка есть свое „поле вліянія“, внутри котораго проявляются всѣ его силы;

*) Посланіе къ Галатамъ, VI, гл. 7.

и силы эти дѣйствуютъ по кривымъ, возвращаясь назадъ къ своему отправителю, къ центру, изъ котораго онѣ изошли.

Такъ какъ предметъ этотъ весьма сложенъ, мы раздѣлимъ его и будемъ изучать каждый отдѣлъ по очереди.

Три вида энергіи высылаются человѣкомъ въ его обыденной жизни и эти энергіи принадлежатъ тремъ мірамъ, съ которыми человѣкъ соприкасается; его умственные энергіи принадлежатъ ментальному міру и вызываютъ причины, которыя мы называемъ мыслями; его энергіи страстей принадлежатъ астральной сферѣ и вызываютъ то, что мы называемъ желаніями; его физическія энергіи, дѣйствуя въ физической сферѣ, производятъ причины, которыя мы называемъ поступками. Необходимо изучить каждую изъ этихъ энергіи въ ея воздѣйствіяхъ и понять, какого рода послѣдствія вызываются каждой изъ нихъ: иначе мы не будемъ въ состояніи прослѣдить ту роль, которую эти различныя энергіи играютъ въ сложныхъ и поразительныхъ комбинаціяхъ, создаваемыхъ нами и составляющихъ въ своей совокупности „нашу карму“. Когда человѣкъ, подвигающийся впередъ быстро, чѣмъ остальные люди, приобретаетъ способность дѣйствовать на высшихъ ступеняхъ сознанія,—онъ становится центромъ высшихъ силъ, но для нашей цѣли лучше оставить эту ступень безъ разсмотрѣнія и ограничиться обыкновеннымъ человѣчествомъ, которое проходитъ черезъ циклы перевоплощенія въ трехъ мірахъ.

Изучая эти три вида энергіи, мы должны различать ихъ дѣйствія на самого человѣка, создающаго ихъ, и дѣйствія ихъ на другихъ существъ, соприкасающихся съ полемъ его вліянія. Неясность въ этомъ вопросѣ можетъ вызвать всевозможныя недоразумѣнія.

Кромѣ того, мы должны помнить, что каждая сила дѣйствуетъ въ своей собственной сферѣ, отражаясь въ слѣдующей низшей сферѣ пропорціонально своей напряженности. Сфера, въ которой сила эта возникла, придаетъ ей свой опредѣленный характеръ, отраженіе же ея на низшей ступени вызываетъ вибраціи въ болѣе тонкихъ или въ болѣе грубыхъ веществахъ этого низшаго міра, смотря по свойствамъ вызвавшей эти вибраціи силы.

Мотивъ, который вызываетъ дѣятельность, опредѣляетъ и сферу (физическую, астральную, умственную), къ которой сила эта принадлежитъ.

Далѣе, слѣдуетъ различать между *созрѣвшей кармой*, готовой уже проявиться, какъ неизбежное событіе, въ настоящей жизни; между *кармой характера*, проявляющейся въ наклонностяхъ,

которыя не что иное, какъ накопленный запасъ опыта, способный быть измѣненнымъ въ настоящемъ воплощеніи тою же самой силой (Ego), которая въ прошломъ создала его; и наконецъ карма, дѣйствующая въ настоящемъ и создающая условія будущаго существованія и будущаго характера *).

Кромѣ того, нужно помнить, что когда человѣкъ создаетъ свою индивидуальную карму, онъ связываетъ себя при этомъ съ другими, становясь такимъ образомъ членомъ различныхъ группъ: семейной, національной, расовой, и, какъ членъ этихъ группъ, онъ участвуетъ въ коллективной кармѣ каждой изъ нихъ.

Изъ всего сказаннаго ясно, что изученіе кармы чрезвычайно сложно; и все же, схвативъ главныя основы ея дѣйствія, какъ онѣ изложены выше, можно получить правильную идею объ ея общемъ направленіи, подробности же могутъ выясниться постепенно, при изученіи отдѣльныхъ случаевъ.

Но прежде всего не слѣдуетъ забывать, что человѣкъ самъ дѣлаетъ свою карму, создавая одинаково какъ свои способности, такъ и свои ограниченія; и что дѣйствуя этими, созданными имъ же самимъ способностями, и сталкиваясь съ вызванными имъ же самимъ ограниченьями, онъ все же остается самимъ собой, той же живой Душой, и въ его власти—усилить или ослабить свои способности, расширить или сѣздить свои ограниченія.

Цѣпи, связывающія его, скованы имъ самимъ и онъ можетъ либо распилить ихъ, либо стянуть ихъ еще сильнѣе. Жилище, въ которомъ онъ обитаетъ, построено имъ самимъ и онъ можетъ или улучшить его, или повредить ему, или же перестроить его заново по волѣ своей. Мы работаемъ какъ бы въ пластической глинѣ и можемъ формовать ее по нашему желанію. Но затѣмъ глина все болѣе затвердѣваетъ, сохраняя ту форму, которую мы придали ей. Одно изъ изреченій *Hitopadesha* передается Эдвиномъ Арнольдъ-домъ слѣдующимъ образомъ:

„Взираи! глина—высыхая—превращается въ желѣзо,
но форму ей далъ самъ гончаръ;

„Сегодня господиномъ стала судьба, вчера же господиномъ
былъ самъ человѣкъ“.

Такимъ образомъ мы всѣ бываемъ господами нашего завтра, какъ бы мы не были стѣснены сегодня результатами нашего вчерашняго дня.

*) По индуcской терминологіи, первый видъ кармы, уже созрѣвшей для дѣйствія, называется *Prarabha*, второй видъ, скрытая карма, выраженная въ наклонностяхъ—*Sonchita*, и третій видъ, зарождающаяся карма—*Kriyamāna karma*.

Теперь мы перейдемъ къ упомянутымъ уже подраздѣленіямъ и начнемъ изучать ихъ по порядку, чтобы лучше понять идею кармы.

Три вида причинъ съ ихъ послѣдствіями, дѣйствующими и на ихъ создателя, и на тѣхъ, кто находится въ сферѣ его вліянія. Первый изъ этихъ видовъ состоитъ изъ нашихъ мыслей. Мысль—наиболѣе могучій факторъ въ созданіи человѣческой кармы, ибо энергіи души (Ego) дѣйствуютъ въ той ментальной субстанціи, изъ тончайшаго вида которой и образуется индивидуальный проводникъ мысли; но даже и болѣе грубыя частицы этой субстанціи отличаются способностью быстро отвѣчать на каждую вибрацію самознания. Вибраціи, которыя мы называемъ мыслями, т. е. непосредственная дѣятельность самого Мыслителя, создаютъ изъ ментальной субстанціи опредѣленные формы, или мысле-образы, которые и даютъ соотвѣтствующія очертанія его ментальному тѣлу, какъ бы отливаютъ его въ опредѣленную форму; каждая мысль видоизмѣняетъ ментальное тѣло и умственные способности каждаго послѣдующаго воплощенія создаются мышленіемъ предыдущихъ жизней. У человѣка нѣтъ силы мысли, нѣтъ умственныхъ способностей, которыя онъ не создалъ бы себѣ самъ терпѣливымъ повтореніемъ процесса мышленія; съ другой стороны, ни одинъ созданный имъ мысле-образъ не теряется, но сохраняется какъ матеріалъ для созидающейся способности, а совокупность однородныхъ мысле-образовъ вносится въ умственную способность, которая и становится все сильнѣе по мѣрѣ созданія новыхъ мысле-образовъ того же порядка. Познавъ этотъ законъ, человѣкъ можетъ постепенно создавать свой умственный строй по своему желанію, и онъ можетъ дѣлать это съ такой же опредѣленностью и увѣренностью, съ какой каменщикъ возводитъ изъ кирпичей новую стѣну. Смерть не останавливаетъ его работы, но, освобождая его отъ бремени физическаго тѣла, облегчаетъ процессъ созиданія изъ мысле-образовъ опредѣленнаго органа, который мы называемъ способностью; способность эту человѣкъ приноситъ съ собой въ свое ближайшее воплощеніе на землѣ, причемъ мозгъ новаго физическаго тѣла строится такъ, чтобы служить проводникомъ для этой новой способности. Всѣ умственные способности, вмѣстѣ взятая, образуютъ ментальное тѣло для новаго рожденія на землѣ, мозгъ и нервная система формируются такъ, чтобы это ментальное тѣло могло проявиться въ физической средѣ. Такимъ образомъ, мысле-образы, созданные въ одной жизни, въ слѣдующемъ воплощеніи появляются въ видѣ умственныхъ способностей. Вотъ почему

и говорится въ Упанишадахъ: „человѣкъ—созданіе размышленія: надъ чѣмъ онъ размышляетъ въ этой жизни, тѣмъ онъ становится въ слѣдующей“ *). Таковъ законъ, и онъ передаетъ построение нашего умственного характера всецѣло въ наши руки; если мы строимъ хорошо, всѣ преимущества отъ того достаются намъ же; если мы строимъ дурно—теряемъ отъ этого опять-таки мы сами. Такимъ образомъ, умственный строй является примѣромъ индивидуальной кармы, дѣйствующей на того самого индивидуума, который самъ создалъ этотъ строй. Но тотъ же индивидуумъ дѣйствуетъ своими мыслями одновременно и на другихъ. Ибо тѣ же мысле-образы, которые образуютъ его собственное ментальное тѣло, порождаютъ вибраціи, воспроизводящія снова тѣ же мысле-образы во вторичныхъ формахъ. Послѣднія бываютъ обыкновенно смѣшаны съ желаніями, вслѣдствіе чего въ ихъ составъ входитъ нѣкоторое количество астральной матеріи; вотъ почему въ иномъ мѣстѣ **) эти вторичные мысле-образы названы мной „астро-ментальными образами“. Подобные мысле-образы отдѣляются отъ своего создателя и ведутъ полунезависимую жизнь, продолжая сохранять съ нимъ магнитическую связь. Они приходятъ въ соприкосновеніе съ другими людьми и такимъ путемъ, завязывая кармическія связи между своимъ создателемъ и другими, вліяютъ на подборъ его будущей среды. Такъ создаются связи, которыя соединяютъ насъ съ другими на добро или зло—въ нашихъ будущихъ воплощеніяхъ; которыя окружаютъ насъ родственниками, друзьями и врагами; которыя привлекутъ на нашъ путь содѣйствующихъ, или препятствующихъ нашему развитію, любящихъ насъ безъ всякой заслуги съ нашей стороны и ненавидящихъ насъ, хотя бы въ этомъ воплощеніи мы не сдѣлали ничего, что могло бы вызвать ихъ ненависть. Вдумываясь въ эти результаты, мы улавливаемъ законъ огромной важности, по которому наши собственныя мысли создаютъ нашъ умственный и нравственный характеръ, и въ тоже время, дѣйствуя на другихъ, онѣ же опредѣляютъ и товарищей нашего будущего воплощенія.

Второй видъ энергій, создающихъ нашу карму, состоитъ изъ нашихъ желаній, изъ нашихъ влеченій къ объектамъ внѣшняго міра; а такъ какъ желанія человѣка всегда соединены съ элементомъ мысли,—мы можемъ и ихъ включить въ число „мысле-образовъ“, хотя они и выражаются по большей части черезъ

*) Chândogyopanichad, IV, xiv. 1.

**) Karma p. 25. (Theosophical Manual, № 4).

посредство астральной матеріи. Ихъ дѣйствіе на своего создателя состоитъ въ томъ, что они даютъ опредѣленное очертаніе его астральному тѣлу, порождаютъ его посмертную судьбу въ Камалокѣ и опредѣляютъ свойства его астрального тѣла въ слѣдующемъ рожденіи. Когда желанія человѣка исполнены животности, опьяненія, жестокости и нечистоты, они становятся причинами заразныхъ болѣзней и слабago, нездороваго мозга, дающаго начало эпилепсіи, каталепсіи и всякаго рода нервнымъ заболѣваніямъ, а также и физическому уродству всякаго рода.

Животные аппетиты, ненормальные по характеру и силѣ, могутъ создать въ астральномъ мірѣ связи, которыя на время прикуютъ *Ego*, облеченное въ созданное этими аппетитами астральное тѣло къ астральнымъ тѣламъ животныхъ, которымъ такія влеченія собственно и принадлежатъ; въ другихъ случаяхъ, звѣриная форма астрального тѣла оставляетъ свой отпечатокъ на физическомъ тѣлѣ младенца во время утробной жизни и вызываетъ тѣ страшныя получеловѣческія и полувзвѣриныя формы, которыя изрѣдка появляются среди людей.

Въ виду того, что желанія являются исходящими энергіями, влекущими къ опредѣленнымъ предметамъ,—они притягиваютъ человѣка неизбѣжно въ ту среду, гдѣ желанія эти могутъ быть удовлетворены. Желанія земныхъ вещей, привязывая душу къ матеріальному міру, направляютъ ее туда, гдѣ желаемое можетъ быть легко добыто, и поэтому говорится, что „человѣкъ рождается сообразно своимъ желаніямъ“ *). Желанія принадлежатъ къ числу причинъ, опредѣляющихъ мѣсто новаго рожденія.

Астро-ментальные образы, вызванные желаніями, дѣйствуютъ на другихъ также, какъ и наши мысле-образы; слѣдовательно, они связываютъ насъ съ другими душами и нерѣдко самыми сильными связями любви и ненависти, ибо на настоящей ступени человѣческой эволюціи желанія обыкновеннаго человѣка сильнѣе и упорнѣе чѣмъ его мысли. Вслѣдствіе этого они играютъ большую роль при опредѣленіи человѣческой среды его будущаго воплощенія и могутъ внести въ его жизнь такія вліянія и такихъ личностей, связь съ которыми онъ совершенно не сознаетъ. Представимъ себѣ, что человѣкъ, выбрасывая изъ себя мысль жестокой ненависти и мести, вызвалъ ею въ другомъ человѣкѣ импульсъ, результатомъ котораго оказалось убійство; создатель этой мысли связалъ себя кармически съ тѣмъ, кто совершилъ преступленіе,

*) Brihadâranjakopanishad, IV, iv. 5—7.

хотя бы лично они никогда и не встрѣчались въ этой земной жизни; но зло, которое онъ такимъ образомъ причинилъ преступнику, помогая ему совершить убійство, вернется къ нему обратно въ видѣ невзгоды, въ которой преступникъ будетъ играть опредѣленную роль. Многие неожиданные удары, кажушіеся незаслуженными, являются послѣдствіями именно такой причины, и бессмертная душа получаетъ при этомъ необходимый урокъ, тогда какъ низшее сознание страстно протестуетъ противъ кажущейся несправедливости. Ничто не можетъ коснуться человѣка, чего бы онъ не заслужилъ самъ, и недостатокъ памяти съ его стороны не можетъ воспрепятствовать выполнению закона. Такимъ образомъ мы узнаемъ, что наши собственные желанія дѣйствуютъ на насъ самихъ, создаютъ наше астральное тѣло, а черезъ него вліяютъ и на физическое тѣло нашего ближайшаго воплощенія; что они играютъ большую роль при опредѣленіи мѣста нашего рожденія; и что ихъ же вліяніе на другихъ притягиваетъ къ намъ участниковъ нашихъ будущихъ жизней.

Третій большой отдѣлъ энергій, проявляющихся въ физической средѣ какъ *поступки*, вызываетъ большія кармическія послѣдствія благодаря ихъ вліянію на другихъ людей, но на внутреннюю суть человѣка они кладутъ лишь слабые слѣды.

Поступки человѣка — послѣдствія его прежнихъ мыслей и желаній, и карма, которую они собою представляютъ, погашается по большей части уже во время ихъ совершенія. На душу они дѣйствуютъ лишь косвенно, въ томъ смыслѣ, что вызываютъ въ ней новыя мысли, желанія или эмоціи, но сила, созидающая внутреннюю суть человѣка, заключается въ этихъ послѣднихъ, а не въ самихъ поступкахъ. Кроме того, если опредѣленные поступки повторяются часто, они вызываютъ физическую привычку, которая ограничиваетъ проявленіе Его въ внѣшнемъ мірѣ; слѣдуетъ прибавить, что ограниченіе это уничтожается вмѣстѣ съ физическимъ тѣломъ и такимъ образомъ *карма поступковъ* — въ своемъ вліяніи на душу человѣка — ограничивается лишь одной текущей жизнью. Но вопросъ совершенно мѣняется, если мы начнемъ изучать вліяніе нашихъ поступковъ на другихъ, ту долю счастья или несчастья, которую они приносятъ имъ, и то дѣйствіе, которое они оказываютъ на нихъ въ качествѣ дурного или хорошаго примѣра. Этимъ вліяніемъ на другихъ поступки наши связываютъ насъ съ ними и такимъ образомъ являются третьимъ факторомъ, опредѣляющимъ человѣческую среду нашего будущаго воплощенія; что касается внѣшнихъ условій нашего буду-

щаго, — поступки наши являются главнѣйшимъ факторомъ, опредѣляющимъ эти условія. Говоря вообще, благоприятныя или неблагоприятныя условія физической среды, въ которой мы рождаемся, зависятъ отъ вліянія нашихъ поступковъ на благоденствіе или несчаствіе окружавшихъ насъ въ прежней нашей жизни людей. Физическое вліяніе нашихъ земныхъ дѣятельностей на другихъ людей проявляется кармически въ томъ, что мы получаемъ въ будущемъ или хорошія или дурныя условія существованія. Если человѣкъ содѣйствовалъ физическому счастью другихъ людей, жертвуя богатствомъ, временемъ или трудомъ, такое содѣйствіе принесетъ ему кармически внѣшнія условія, ведущія къ физическому благоденствію. Если же онъ содѣйствовалъ физическому бѣдствію другихъ людей, онъ кармически пожнетъ такія бѣдственные условія, которыя вызовутъ и для него физическое бѣдствіе. Это происходитъ неизмѣнно, какой бы мотивъ не руководилъ дѣйствіями человѣка, и этотъ фактъ приводитъ насъ къ разсмотрѣнію закона, по которому *каждая сила дѣйствуетъ въ своей собственной сферѣ*.

Если человѣкъ посѣетъ счастье для другихъ въ физической сферѣ, онъ пожнетъ благоприятныя условія въ этой же, физической сферѣ, а какой у него при этомъ былъ мотивъ, это обстоятельство не будетъ имѣть вліянія. Человѣкъ можетъ посѣять пшеницу съ намѣреніемъ произвести спекуляцію, которая разоритъ его сосѣда, но его дурной мотивъ не можетъ заставить вырасти вмѣсто пшеницы одуванчикъ. Мотивъ есть ментальная или астральная сила, смотря по тому, вызывается ли она волей или желаніемъ, и поэтому она можетъ вліять лишь на нравственный характеръ или на астральную природу человѣка. Причиненіе же физическаго счастья путемъ поступка есть физическая сила и дѣйствіе ея ограничивается физической средой. „Своими поступками человѣкъ вліяетъ на своихъ сосѣдей въ физическихъ условіяхъ жизни; онъ распространяетъ или благоденствіе вокругъ себя, или вызываетъ бѣдствія, увеличиваетъ или уменьшаетъ сумму земного благосостоянія. Но мотивы его при этомъ могутъ быть чрезвычайно различны; они могутъ быть и хорошіе, и дурные, и смѣшанные. Человѣкъ можетъ совершить поступокъ, который дастъ другимъ много радости, изъ чистаго благоволенія, желая порадовать своихъ ближнихъ; возьмемъ такой случай: онъ предоставляетъ городу свой паркъ въ пользу всѣхъ его жителей; но въѣдъ другой можетъ сдѣлать то же самое изъ тщеславія, изъ желанія получить взамѣнъ какую-нибудь награду, напримѣръ —

титуль или орденъ; третій можетъ также отдать свой паркъ, но изъ мотивовъ смѣшанныхъ: частью—безкорыстныхъ, частью же—эгоистическихъ. И эти разные мотивы подѣйствуютъ на характеръ всѣхъ троихъ въ ихъ будущемъ воплощеніи различно: одного—безкорыстный мотивъ быстро двинетъ впередъ, другого—задержать, для третьяго—проявится ничтожнымъ результатомъ.

Но самый результатъ, т. е. радость многихъ людей отъ пользованія парками, не зависитъ отъ мотива ихъ владѣльцевъ; гуляющіе люди радуются совершенно одинаково, и эта радость, вызванная поступкомъ отдавашаго свой паркъ, даетъ ему право на уплату со стороны природы долга, который и будетъ ему возвращенъ съ самой добросовѣстной точностью. Онъ получить физическій комфортъ или даже большое богатство, такъ какъ онъ содѣйствовалъ въ большихъ размѣрахъ физическому довольству людей и долженъ воспользоваться кармическимъ плодомъ своего поступка. Это—его право; но какъ онъ воспользуется своимъ блестящимъ положеніемъ, будетъ ли онъ счастливъ среди своего богатства—это уже будетъ зависеть отъ его внутреннихъ свойствъ; и здѣсь онъ также испытаетъ полную справедливость, такъ какъ *каждый* посѣвъ приноситъ свою собственную жатву*). Поистинѣ пути кармы для всѣхъ одинаковы. Она не отнимаетъ у дурного человѣка результаты, которые естественно слѣдуютъ за его поступкомъ, давшимъ радость другимъ, но она же воздастъ ему ухудшеніемъ характера, вызваннымъ его дурнымъ мотивомъ, вслѣдствіе чего среди богатства и внѣшняго благоденствія онъ будетъ и недоволенъ, и несчастливъ. Точно также и добрый человѣкъ не избѣжитъ физическаго страданія, если онъ неумѣлыми дѣйствіями, хотя бы истекавшими изъ хорошаго мотива, вызвалъ несчастія для другихъ; это несчастіе навлечетъ и на него тяжелыя физическія условія жизни, но его хорошій мотивъ, улучшивъ его внутренно, послужитъ для него источникомъ внутренняго довольства, и онъ сохранитъ терпѣніе и доброе настроеніе среди всѣхъ заслуженныхъ затрудненій. Много непонятныхъ явленій получило бы разумное объясненіе, если къ нимъ примѣнить приведенные законы.

Эти условные результаты какъ мотива, такъ и дѣятельности происходятъ отъ того, что каждая сила обладаетъ характерными особенностями той сферы, которая породила эту силу, и чѣмъ выше сфера, тѣмъ сильнѣе и устойчивѣе идущая изъ нея сила.

*) См. Karma, A. Besant, pp. 50—51.

Вотъ почему мотивъ гораздо важнѣе, чѣмъ самый поступокъ, и ошибочное дѣйствіе, совершенное съ хорошимъ мотивомъ, производительнѣе для человѣка въ смыслѣ добра, чѣмъ самый удачный поступокъ, въ основѣ котораго лежитъ дурной мотивъ. Мотивъ, воздѣйствуя на характеръ человѣка, вызываетъ длинный рядъ послѣдствій, ибо вся послѣдующая дѣятельность того же человѣка будетъ находиться подъ вліяніемъ улучшеннаго или ухудшеннаго характера; тогда какъ поступки, принося своему творцу физическое счастье или несчастье, въ зависимости отъ того, *какъ* эти поступки вліяли на другихъ,—не имѣютъ въ себѣ творческой силы и погашаются проявленными результатами. Когда знающій законъ кармы приходитъ въ смущеніе, сталкиваясь съ двумя различными обязательствами,—онъ долженъ тщательно взвѣснить свои мотивы, отдѣлаться отъ всего эгоистическаго, очистить свое сердце и затѣмъ уже дѣйствовать безъ колебанія; и если его поступокъ окажется ошибочнымъ, онъ спокойно приметъ всѣ тяжелыя послѣдствія ошибки какъ урокъ, полезный для будущаго, тогда какъ благородный мотивъ его поступка—хотя бы и ошибочный—уже подѣйствовалъ на облагороженіе его характера, и притомъ *навсегда*.

Законъ, по которому сила принадлежитъ той сферѣ, въ которой она создавалась, представляетъ величайшее значеніе. Если сила освобождается ради приобрѣтенія физическихъ предметовъ, она и будетъ дѣйствовать въ физической средѣ и привяжетъ своего создателя именно къ этой средѣ; если же она стремится къ предметамъ высшаго міра, она и будетъ проявляться въ этомъ высшемъ мірѣ и свяжетъ своего творца съ послѣднимъ; но если ея мотивомъ будетъ единый божественный источникъ, тогда сила эта проявится въ духовномъ мірѣ и не свяжетъ своего творца, а оставитъ его свободнымъ, такъ какъ онъ не проситъ ничего.

Три рода Кармы. Зрѣлая Карма есть та, которая уже готова осуществиться, и поэтому она неизбежна. Изъ всей суммы прошлой Кармы извѣстное количество ея можетъ быть погашено въ теченіе одной и той же жизни; но есть различные виды Кармы, которые такъ несомнѣстимы между собой, что они не могутъ проявиться въ одномъ физическомъ тѣлѣ, и требуютъ различные физическіе типы для своего выраженія. Такъ, образуются обязательства относительно другихъ душъ, а всѣ эти души не могутъ быть воплощены въ одно и то же время; или бываетъ Карма, которая должна быть осуществлена среди опредѣленнаго народа или въ опредѣленномъ общественномъ положеніи, тогда какъ у

того же человѣка есть и другая Карма, которая требуетъ совершенно иныхъ условий и иной среды. Такимъ образомъ лишь часть всей суммы его Кармы можетъ быть осуществлена въ данной жизни, и эта часть выбирается Руководителями Кармы, о которыхъ ниже будетъ сказано нѣсколько словъ, и душа направляется въ извѣстную семью, націю, мѣстность, тѣло, которыя соотвѣтствуютъ для того, чтобы погасить всю ту совокупность причинъ, которая могла быть соединена вмѣстѣ. Эта совокупность созданныхъ человѣкомъ причинъ опредѣляетъ продолжительность *этой* его жизни, придаетъ его тѣлу характерныя черты, приводитъ въ соприкосновеніе съ воплощеннымъ человѣкомъ тѣ души, относительно которыхъ у него сложились опредѣленные обязательства, окружаетъ его родственниками, друзьями и врагами, опредѣляетъ общественное положеніе, въ которомъ онъ долженъ родиться, вмѣстѣ со всѣми сопровождающими его преимуществами и невыгодными сторонами, избираетъ ту часть душевныхъ силъ и способностей, которыя могутъ быть проявлены черезъ тотъ мозгъ и черезъ ту нервную систему, которые, по кармическимъ условіямъ, организуются для него; соединяетъ вмѣстѣ тѣ созданныя имъ причины, послѣдствія которыхъ могутъ быть выражены въ радостяхъ и горестяхъ его земного поприща, соединенныхъ въ одной и той-же жизни. Все это и есть „зрѣлая Карма“, и ее можетъ набросать въ гороскопѣ любой свѣдующій астрологъ. Во всемъ этомъ человѣкъ не имѣетъ свободнаго выбора, все это уже опредѣлилось тѣмъ выборомъ, который онъ сдѣлалъ въ своемъ прошломъ, и онъ долженъ погасить до послѣдней частицы всѣ долги свои.

Физическое, астральное и ментальное тѣла, въ которыя душа облекается для своего новаго существованія, являются, какъ мы уже видѣли, прямымъ результатомъ ея прошлаго, и они представляютъ чрезвычайно важную часть ея „зрѣлой Кармы“. Они ограничиваютъ душу со всѣхъ сторонъ, и ея прошлое возстаетъ противъ нея, когда устанавливаетъ тѣ границы, которыя душа сама создала для себя. Спокойно принимать послѣднія и усердно работать надъ своимъ совершенствованіемъ — вотъ единственный исходъ для мудраго человѣка, ибо избѣжать этихъ ограниченій онъ *не* можетъ.

Есть еще другой родъ зрѣлой Кармы, очень важный по своему значенію, это — неизбѣжные поступки. Каждый поступокъ есть конечное выраженіе цѣлаго ряда мыслей; если взять пояснительный примѣръ изъ химіи, можно это сравнить съ насыщеннымъ растворомъ, который мы наполняемъ мысль за мыслью одного и того же рода до тѣхъ поръ, пока не настанетъ моментъ, когда

одна послѣдняя мысль или даже простой импульсъ, одна вибрація извнѣ, произведетъ кристаллизацію всего раствора, — другими словами, — весь предшествующій процессъ мысли выразится въ неизбѣжномъ поступкѣ. Если бы мы упорно повторяли мысли одного и того же рода, напр. мысли мщенія, мы подъ конецъ достигли бы такой степени насыщенности, когда каждый, даже самый легкій импульсъ въ состояніи кристаллизовать наши мысли, и результатомъ будетъ — совершенное преступленіе. Или мы можемъ упорно повторять мысли любви и помощи до степени полного насыщенія, и когда новая мысль, вызванная возможностью помочь, коснется насъ, растворъ сразу отвердѣетъ, т. е. выразится въ героическомъ поступкѣ. Можетъ случиться, что человѣкъ принесетъ съ собой въ земную жизнь зрѣлую Карму именно такого рода, и тогда первыя вибраціи, коснувшіяся до запаса однородныхъ мыслей, готовыхъ уже выразиться въ дѣйствіи, подвинутъ его какъ бы безсознательно къ совершенію опредѣленнаго поступка. Онъ не въ состояніи остановиться для того, чтобы подумать; онъ находится въ тѣхъ условіяхъ, когда первая же вибрація мысли вызоветъ дѣйствіе: являясь въ критическій моментъ, самое легкое прикосновеніе должно вывести его изъ равновѣсія. При такихъ условіяхъ человѣкъ самъ будетъ удивляться своему собственному поступку, будетъ ли это преступленіе или высокое самоотреченіе. Онъ скажетъ: „я сдѣлалъ это не подумавъ“, не подозревая, что онъ думалъ объ этомъ такъ часто, что поступокъ сталъ неизбѣжнымъ. Такимъ образомъ, если человѣкъ направляетъ свою волю все въ одномъ и томъ же направленіи, подъ конецъ воля его опредѣляется непреложно, и тогда моментъ дѣйствія зависитъ отъ первой случайности. До тѣхъ поръ, пока человѣкъ еще способенъ думать, свобода выбора остается за нимъ, ибо онъ можетъ новую мысль противопоставить старой и постепенно изгладить послѣднюю, повторяя противоположныя мысли; но когда внутри все созрѣло для дѣйствія, свободы выбора уже не можетъ быть.

Въ этомъ заключается разрѣшеніе проблемы *предопредѣленія* и *свободной воли*; постепенно свободной волей человѣкъ создаетъ для себя предопредѣленіе, и между этими двумя полюсами заключены всѣ комбинаціи свободной воли и необходимости, и изъ нихъ-то и состоитъ вся внутренняя борьба, которую мы ясно сознаемъ внутри себя. Мы постоянно создаемъ привычки, повторяя преднамѣренные поступки, при чемъ руководствуемся свободной волей; но затѣмъ привычка становится ограниченіемъ, и мы начинаемъ совершать то же дѣйствіе уже автоматически. Можетъ случиться,

что мы признаемъ свою привычку дурной и начнемъ съ большимъ трудомъ передѣлывать ее мыслями противоположнаго порядка, и послѣ многихъ неизбѣжныхъ возвращеній къ прежнему, новое направленіе мыслей повернетъ потокъ, и мы снова обрѣтемъ полную свободу, къ сожалѣнію, нерѣдко только для того, чтобы постепенно выковыривать новыя оковы. Такимъ образомъ, старые мыслеобразы сохраняются и ограничиваютъ наши умственные способности, проявляясь какъ индивидуальныя и національныя предрасудки. Большинство людей не подозрѣваютъ, что готовить для себя такія цѣпи и безмятежно живетъ, закованное въ нихъ и не сознающее своего рабства; лишь тотъ, кто позналъ истину относительно собственной природы, становится свободнымъ. Составъ нашего мозга и нашей нервной системы—одно изъ самыхъ важныхъ условий нашей жизни. Мы создали ихъ нашими прежними мыслями, а теперь *они* ограничиваютъ насъ, и мы же, не зная истины, гниваемъ на нихъ. Они могутъ быть измѣнены, но медленно и постепенно, границы могутъ быть расширены, но перешагнуть черезъ нихъ сразу невозможно.

Другая форма зрѣлой Кармы появляется тогда, когда прежнія дурныя мысли образовали какъ бы кору дурныхъ привычекъ, которая держитъ человѣка въ плѣну и придаетъ его жизни дурной отпечатокъ. Поступки являются, какъ уже сказано, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ прошлаго, но они могли и не проявиться, и даже въ теченіе нѣсколькихъ жизней, если послѣднія не представляли необходимыхъ условий для ихъ проявленія. А между тѣмъ, душа за этотъ промежутокъ выросла и выработала благородныя качества, но въ одной изъ послѣдующихъ жизней обстоятельства могутъ сложиться такъ, что эта кора прежнихъ дурныхъ привычекъ выйдетъ наружу и, благодаря этому, душа не будетъ въ состояніи проявить свои позднѣйшія высшія качества; подобно цыпленку, готовому вылупиться, душа закрыта ограничивающей ее скорлупой, которая одна видима для ви́шняго зрѣнія. Черезъ нѣкоторое время Карма истощится, и тогда какое-нибудь повидимому совершенно случайное обстоятельство, напримѣръ вдохновенное слово великаго учителя, книга, или какая нибудь лекція разбиваетъ скорлупу, и душа выступаетъ изъ нея освобожденная. Въ этомъ и кроется причина тѣхъ рѣдкихъ и внезапныхъ, но прочныхъ „обращеній“, тѣхъ „чудесъ божественной благодати“, о которыхъ всѣ мы слышимъ порой; но для знающаго законъ Кармы всѣ такія явленія становятся понятными, какъ результаты естественнаго закона.

„Накопленная Карма“, проявляющаяся какъ опредѣленный характеръ, въ противоположность зрѣлой Кармѣ, всегда доступна измѣненіямъ. Можно сказать, что она вся состоитъ изъ наклонностей, сильныхъ или слабыхъ, соотвѣтственно силѣ мысли, которая, создавала ихъ, и онѣ же могутъ быть или еще болѣе усилены или ослаблены благодаря свѣжимъ притокамъ мыслей, направленныхъ или по однимъ линіямъ съ ними, или же противъ нихъ. Если мы находимъ въ себѣ наклонности, которыя не одобряемъ, ничто не мѣшаетъ намъ приняться за ихъ искорененіе; возможно что мы не будемъ въ состояніи противостоять искушенію, и сила желанія будетъ отъ времени до времени побѣждать насъ, но чѣмъ дольше мы будемъ выдерживать натискъ этой силы, тѣмъ ближе мы будемъ къ побѣдѣ. И если даже побѣда останется и не за нами, все же каждая борьба будетъ приближеніемъ къ успѣху, ибо она каждый разъ уничтожаетъ частицу нежелательной наклонности, и отъ этого послѣдняя все болѣе и болѣе истощается.

„Созидающуюся Карму“ мы уже разсматривали ранѣе.

Коллективная Карма. Когда цѣлая группа людей разсматривается съ кармической точки зрѣнія, вліяніе кармическихъ силъ на каждого, какъ на члена данной группы, вноситъ новое условіе въ Карму индивидуума. Мы знаемъ, что когда нѣсколько силъ дѣйствуетъ на одну и ту же точку, движеніе этой точки происходитъ не по направленію одной изъ этихъ силъ, а по направленію равнодѣйствующей этихъ силъ. Такимъ образомъ, коллективная Карма опредѣленной группы людей есть равнодѣйствующая всѣхъ изаимно вліяющихъ силъ индивидуумовъ, изъ которыхъ образуется эта группа, и всѣ эти индивидуумы устремляются по направленію этой равнодѣйствующей. Душа привлекается своей индивидуальной Кармой въ опредѣленную семью, съ членами которой у нея были завязаны связи въ предыдущихъ жизняхъ; предположимъ что семья получила наслѣдство отъ дѣда и пользуется богатствомъ; появляется наслѣдникъ по линіи старшаго брата дѣда, который, по общему предположенію, умеръ бездѣтнымъ, и все богатство переходитъ къ нему, а отецъ семейства остается безъ средствъ и въ долгахъ. Весьма возможно, что душа, о которой идетъ рѣчь, не имѣла связи съ появившимся наслѣдникомъ, относительно котораго у *отца* было невыполненное обязательство, вызвавшее упомянутую семейную катастрофу, и все же благодаря семейной Кармѣ приходится пострадать и этому невинному члену семьи. Если въ его индивидуальномъ прошломъ существуетъ какой-либо дурной поступокъ, который можетъ быть погашенъ страданіемъ, вызваннымъ

семейной Кармой, онъ останется въ этой семьѣ, если же нѣтъ, онъ будетъ извлеченъ изъ разоренной семьи какимъ нибудь „непредвидѣннымъ обстоятельствомъ“, напр. посторонній добрый человѣкъ возьметъ его на воспитаніе и усыновить, причемъ этотъ человѣкъ, измѣнившій его судьбу, стоялъ несомнѣнно въ опредѣленномъ отношеніи къ нему, былъ, можетъ быть, его должникомъ въ предыдущей жизни.

Еще яснѣе этотъ законъ проявляется въ массовыхъ катастрофахъ, каковы желѣзнодорожныя крушенія, гибель корабля, циклоны, наводненія и т. п. Напримѣръ, происходитъ желѣзнодорожное крушеніе; непосредственной причиной катастрофы было недовольство всѣхъ служащихъ: механиковъ, кондукторовъ и всей поѣздной прислуги, которые посылали цѣлыя сонмы недобрыхъ мыслей и раздраженія противъ всего желѣзнодорожнаго учрежденія. Тѣ, у кого въ „накопленной Кармѣ“ существуетъ отвѣтственность за внезапно прерванную человѣческую жизнь, допускаются къ участию въ этой катастрофѣ и, слѣдовательно, къ уплатѣ имѣвшагося долга; другихъ же, собиравшихся ѣхать съ этимъ поѣздомъ, но не имѣющихъ въ своемъ прошломъ подобнаго долга, „провидѣніе“ спасаетъ тѣмъ, что ихъ что-либо задерживаетъ или они запаздываютъ на поѣздъ.

Коллективная Карма можетъ ввергнуть человѣка въ бѣдствіе благодаря національной войнѣ, и здѣсь онъ опять можетъ погасить обязательства своего прошлаго, не вошедшія въ предѣлы созрѣвшей Кармы его настоящей жизни. Ни въ какомъ случаѣ человѣкъ не можетъ пострадать не заслуживъ того, и если возникаетъ внезапная возможность погасить тотъ или другой долгъ, въ интересахъ самого человѣка уплатить его и отдѣлаться отъ него навсегда.

„Владыки Кармы“—это тѣ великіе разумные Духи, которые ведутъ кармическіе счета и согласуютъ сложныя дѣйствія кармического закона. Въ *Тайной Доктринѣ* они именуются *Lipica*, судьями Кармы и *Mahârajas* *) съ ихъ воинствомъ, которое выполняетъ предписанія Кармы на землѣ **). Первые изъ нихъ ведутъ кармическій счетъ каждаго человѣка и съ всевѣдущей мудростью выбираютъ и соединяютъ различныя части его Кармы, чтобы образовался общій планъ данной его жизни; они же даютъ „идею“ физическаго тѣла, въ которое облечется перевоплощающаяся душа, и въ которомъ должны выразиться какъ ея способности, такъ и

*) *Mahadevas* или *Chaturdevas* Индусовъ.

**) *Secret Doctrine*, vol. I, p. 153 и 151.

ограниченія. Выполняется эта „идея“ тѣми Сущностями, которыя носятъ названія *Mahârajas*; они вырабатываютъ ее въ отчетливую модель и передаютъ одному изъ низшихъ исполнителей для снятія съ нея копии; эта копія и есть эфирный двойникъ физическаго тѣла, матеріалы же для того и другого доставляются матерью и подлежатъ физическому закону наслѣдственности. Раса, страна и родители избираются соотвѣтственно ихъ особенностямъ, подходящимъ для того, чтобы снабдить возвращающуюся душу соотвѣтствующими матеріалами для ея физическаго тѣла и подходящей средой для начала ея земной жизни. Физическая наслѣдственность семьи обуславливаетъ ви́шній типъ человѣка и служитъ для возникновенія опредѣленныхъ физическихъ особенностей; наслѣдственные болѣзни, наслѣдственная тонкость нервной организациі вызываютъ опредѣленныя сочетанія физической матеріи, передающіяся по наслѣдству. Душа, развившая въ своемъ ментальномъ и астральномъ тѣлахъ особенности, требующія для своего выраженія особаго физическаго проводника, направляется къ родителямъ, физическія свойства которыхъ отвѣчаютъ даннымъ требованіямъ. Такъ, душа съ большими музыкальными способностями будетъ направлена въ музыкальную семью, въ которой матеріалы для построенія эфирнаго двойника и плотнаго тѣла какъ бы заранѣе подготовлены для ея потребностей, и гдѣ наслѣдственный типъ нервной системы снабдитъ ее утонченнымъ аппаратомъ, необходимымъ для выраженія ея способностей. Душа особенно низкаго типа будетъ направлена въ грубую и порочную семью, тѣла которой построены изъ наиболѣе грубыхъ матеріаловъ, годныхъ для построенія тѣла, способнаго отвѣчать на импульсы со стороны ментальнаго и астральнаго тѣла воплощающейся души. Душа, которая допустила свое астральное тѣло и низшій свой разумъ повести себя къ излишествамъ, напр. къ пьянству, такая душа воплотится въ семьѣ съ ослабленной излишествами нервной системой, которая снабдитъ ее нездоровымъ физическимъ тѣломъ. Такимъ путемъ „Владыки Кармы“ согласуютъ средства и цѣли и обезпечиваютъ осуществленіе справедливости. Душа приноситъ съ собой свою кармическую собственность въ видѣ способностей и желаній и получаетъ физическое тѣло, способное быть проводникомъ этихъ способностей и желаній.

Но такъ какъ душа должна возвращаться на землю до тѣхъ поръ, пока она не погаситъ всѣ свои обязательства, а между тѣмъ въ каждой новой жизни мысли и желанія человѣка создаютъ новую Карму, можетъ легко возникнуть вопросъ: когда же настанетъ

конецъ этой вѣчно возобновляющейся зависимости? Какимъ образомъ душа можетъ достигнуть своего освобожденія? Эти вопросы приводятъ насъ къ необходимости „прекращенія Кармы“, и мы перейдемъ теперь къ изслѣдованію этой стороны ученія о Кармѣ. Первое, что мы должны уяснить себѣ, это *элементъ, связывающій* въ Кармѣ. Исходящая наружу энергія души соединяется съ какимъ-либо объектомъ, и душа притягивается этой связью къ мѣсту, гдѣ соединеніе съ объектомъ желанія можетъ быть осуществлено; до тѣхъ поръ, пока душа привязывается къ какому бы то ни было объекту, она неминуемо возвращается туда, гдѣ находится этотъ объектъ. Хорошая Карма привязываетъ душу такъ же, какъ и дурная, ибо каждое желаніе, если бы даже объектъ его находился на небесахъ, вызываетъ въ душѣ такую же потребность удовлетворенія.

Дѣйствіе вызывается желаніемъ, но оно совершается не во имя самага акта дѣятельности, а во имя его результата, или, по техническому выраженію, для того чтобы „воспользоваться его плодами“. Люди работаютъ не потому, что нуждаются въ паханіи, въ строительствѣ, въ ткачествѣ и т. д., а потому, что они нуждаются въ результатахъ паханія, строительства или ткачества, которые представляютъ необходимыя для человѣка цѣнности. Адвокатъ говоритъ рѣчи не потому, что онъ интересуется подробностями защищаемого дѣла, а потому что онъ ищетъ славы, денегъ и положенія. Всѣ люди работаютъ во имя чего-нибудь, и побужденіе къ дѣятельности лежитъ не въ самой работѣ, а въ ея плодахъ. Желаніе плодовъ дѣятельности толкаетъ ихъ къ работѣ, а наслажденіе этими плодами служитъ наградой за ихъ усилія.

Такимъ образомъ, желаніе есть связывающій элементъ въ Кармѣ, и когда душа перестаетъ желать какого бы то ни было объекта на землѣ и въ небесахъ, связь, привязывавшая ее къ колесу воплощенія, *вращающагося во всѣхъ трехъ мірахъ*, обрывается. Самая дѣятельность не имѣетъ силы привязывать душу, ибо оконченная дѣятельность принадлежитъ прошлому, тогда какъ вѣчно возобновляемое желаніе плодовъ побуждаетъ душу къ новымъ дѣятельностямъ, заставляя ее ковать все новыя и новыя цѣпи. И не слѣдуетъ жалѣть, видя какъ люди, повинувшись желанію, понуждаются къ непрерывной дѣятельности, ибо желаніе преодолеваетъ лѣнь, вялость, инерцію *) и побуждаетъ людей къ дѣй-

*) Изучавшіе этотъ вопросъ припомнятъ, что качества эти указываютъ на преобладаніе *tamas* (*tamas, rajas, sattva*—три свойства матеріи), и пока оно преобладаетъ въ человѣкѣ, послѣдній не можетъ подняться съ низшей ступени своей эволюціи.

ствіямъ, которыя приносятъ имъ необходимый опытъ. Представьте себѣ дикаря, лѣниво дремлющаго на травѣ. Его толкаетъ къ дѣятельности голодъ, желаніе пищи, и въ то же время оно вызываетъ въ немъ проявленія терпѣнія, находчивости и выдержки; такимъ образомъ желаніе развиваетъ въ дикарѣ душевныя качества; но какъ только онъ удовлетворилъ свой голодъ, онъ снова погружается въ бессознательную дремоту. Да и всѣ человѣческія качества развивались не иначе, какъ подъ воздѣйствіемъ желанія, и желаніе славы или посмертнаго почитанія являлись въ свое время чрезвычайно полезными. Пока человѣкъ не приблизится къ божественности, желаніе необходимо; оно становится лишь чище по мѣрѣ того, какъ человѣкъ поднимается вверхъ. И все же къ новымъ воплощеніямъ человѣка тянетъ желаніе, и если бы онъ пожелалъ освободиться, онъ *долженъ* уничтожить желаніе.

Когда человѣкъ начинаетъ стремиться къ освобожденію, ему указываютъ на необходимость отреченія отъ „плодовъ дѣятельности“; это означаетъ, что онъ долженъ искоренить въ себѣ самое желаніе обладать какими бы то ни было объектами; вначалѣ онъ сознательно и добровольно отказывается отъ таковыхъ, и такимъ образомъ пріучаетъ себя обходиться безъ нихъ; черезъ нѣкоторое время онъ перестаетъ замѣчать ихъ отсутствіе; слѣдовательно, самое желаніе имѣть ихъ—исчезло изъ его души. На этой ступени человѣкъ долженъ особенно тщательно исполнять всѣ свои обязанности въ виду того, что онъ пересталъ интересоваться результатами своей дѣятельности; онъ долженъ выработать въ себѣ привычку совершеннаго вниманія къ каждому дѣлу, сохраняя полное равнодушіе къ его плодамъ. Когда онъ становится совершеннымъ въ исполненіи своихъ обязанностей и перестаетъ испытывать какъ влеченіе къ внѣшнимъ объектамъ, такъ и отвращеніе отъ нихъ, тогда онъ перестаетъ творить новую Карму. Когда онъ перестаетъ просить чего бы то ни было у земли или у неба, и они перестаютъ притягивать его къ себѣ, онъ не нуждается болѣе въ томъ, что они могли бы дать ему, и поэтому всѣ его связи съ ними порываются. Это и есть уничтоженіе индивидуальной Кармы, поскольку вопросъ идетъ о зарожденіи новой Кармы.

Но душа должна не только прекратить выковываніе новыхъ цѣпей, она должна освободиться и отъ старыхъ цѣпей или дожидаясь, пока онѣ сами постепенно не изнасятся, или же разрывая ихъ сознательно сразу. Для послѣдняго необходимо знаніе, которое способно заглядывать въ прошлое и видѣть въ немъ вызванныя

къ жизни причины, послѣдствія которыхъ изживаются въ настоящемъ. Предположимъ, что личность, способная видѣть такимъ образомъ свои прошлыя жизни, увидитъ въ нихъ дѣйствіе, послѣдствіе котораго должно еще проявиться въ будущемъ; предположимъ, что это дѣйствіе состояло въ мысляхъ ненависти, вызванныхъ нанесенной обидой, и что мысли эти должны вызвать страданіе для обидчика въ недалекомъ будущемъ. Личность эта можетъ внести новый элементъ, способный погасить старую причину, продолжающую вліять изъ прошлаго; сильными мыслями любви и доброжелательства она можетъ погасить старый счетъ и такимъ образомъ предотвратить его послѣдствія, которыя—въ свою очередь—вызвали бы новыя кармическія осложненія. Такимъ образомъ человѣкъ можетъ нейтрализовать силы, идущія изъ прошлаго, высылая противъ нихъ одинаковыя по размѣру противоположныя силы, онъ можетъ такимъ образомъ „сжигать свою Карму“ путемъ знанія. Такимъ же образомъ можетъ онъ уничтожить и Карму, созданную въ его настоящей жизни, которая иначе проявилась бы въ его будущихъ воплощеніяхъ.

Стремящійся къ освобожденію можетъ быть задержанъ также и обязательствами, созданными имъ относительно другихъ душъ въ прошломъ: зломъ, которое онъ причинялъ имъ, или долгами, которые еще не удалось уплатить. Пользуясь своимъ знаніемъ, онъ можетъ разыскать эти души въ этомъ мірѣ или въ невидимыхъ мірахъ и найти случай быть для нихъ полезнымъ. Можетъ случиться, что такая душа воплотилась одновременно съ нимъ; онъ можетъ разыскать ее и заплатить свой долгъ и такимъ образомъ освободить себя отъ связи, которая иначе принудила бы его къ новому воплощенію, и во всякомъ случаѣ задержала бы его движеніе впередъ. Странные и поразительные поступки, которые встрѣчаются въ жизни оккультистовъ, исходятъ иногда изъ этого источника: оккультистъ входитъ сознательно въ тѣсное общеніе съ опредѣленной личностью, связь съ которой невѣжественные наблюдатели и критики считаютъ унизительною для него; но, вооруженный знаніемъ, онъ продолжаетъ спокойно выплачивать свой кармическій долгъ, который иначе задержалъ бы его надолго.

Но и необладающіе достаточнымъ знаніемъ, чтобы обозрѣвать свои прошедшія жизни, могутъ все же погасить многое изъ того, что ими вызвано къ жизни въ этомъ земномъ существованіи; они могутъ внимательно припомнить всѣ случаи, когда дурно отнеслись къ кому-нибудь, или когда кто-нибудь сдѣлалъ имъ зло: въ первомъ случаѣ они могутъ погасить свой кармическій долгъ мыслями

любви и помощью или услугой, обращенными къ обиженному человѣку, а во второмъ случаѣ мыслями прощенія и доброжелательства, посылаемыми своему обидчику. Такимъ путемъ они могутъ погасить сдѣланныя ими обязательства и приблизить день освобожденія.

Благочестивые люди, слѣдующіе завѣтамъ всѣхъ великихъ Учителей религіи—платить добромъ за зло, тѣмъ самымъ погашаютъ безсознательно карму своей текущей жизни, которая иначе отозвалась бы въ будущемъ.

Никто не въ состояніи будетъ связать себя съ ними узами ненависти, если они не захотятъ того, и если настойчиво будутъ погашать всѣ силы ненависти силами любви. Пусть душа излучаетъ изъ себя по всѣмъ направленіямъ любовь и состраданіе, и тогда для мысли ненависти не найдется ничего, съ чѣмъ бы онѣ могли связать себя.

Всѣ великіе Учителя знали законъ и основывали на немъ свои поученія, и каждый, слѣдующій съ вѣрою и любовью ихъ указаніямъ, извлекаетъ пользу изъ духовнаго закона, хотя бы онъ и не зналъ ничего о путяхъ его осуществленія. Неученый человѣкъ, выполняющій добросовѣстно указанія, данныя ему ученымъ, можетъ достигнуть вѣрныхъ результатовъ, дѣйствуя въ согласіи съ законами природы, хотя бы самъ онъ и не зналъ ихъ. Тотъ же принципъ дѣйствуетъ и въ сверх-физическихъ мірахъ; многіе, не имѣющіе времени или возможности самостоятельно изучать духовныя законы, но принимающіе на вѣру указанія признаннаго ими авторитета и ежедневно выполняющіе предписанныя имъ правила поведенія, тѣмъ самымъ уплачиваютъ—не сознавая того—свои кармическіе долги.

Въ странахъ, гдѣ законы перевоплощенія и кармы извѣстны каждому пахарю, вѣра въ эти законы вызываетъ въ людяхъ спокойное отношеніе къ неизбѣжнымъ тягостямъ жизни, а это вызываетъ большее равновѣсіе и лучшее настроеніе. Человѣкъ, удрученный всевозможными несчастіями, не станетъ роптать на Бога и на своихъ ближнихъ, ибо онъ видитъ въ своихъ затрудненіяхъ результаты своихъ же прошлыхъ ошибокъ и грѣховъ. Онъ приметъ ихъ съ покорностью и такимъ отношеніемъ устранить отъ себя многія тревоги и мученія, которыми незнающіе закона еще болѣе усиливаютъ бѣдствія своей жизни. Онъ ясно знаетъ, что его будущее зависитъ отъ его собственныхъ усилій, и что тотъ же законъ, который несетъ ему страданіе, прикесетъ ему съ такою же неизбѣжною радостью, если онъ посѣтетъ добрыя сѣмена.

Отсюда же является широкая терпимость, терпѣніе и философскій взглядъ на жизнь, которые способствуютъ общественной устойчивости и общему довольству. Темные и бѣдные люди не могутъ изучать метафизику, но они прекрасно схватываютъ тѣ понятные принципы, по которымъ каждый человѣкъ воплощается отъ времени до времени на землѣ и по которымъ каждая его послѣдующая жизнь строится по предыдущимъ жизнямъ. Для нихъ перевоплощеніе представляется такимъ же неизбѣжнымъ явленіемъ какъ восходъ и закатъ солнца; оно для нихъ часть естественныхъ законовъ природы, противъ которыхъ бесполезно роптать и возмущаться. Когда Теософія возстановитъ эти древнія мысли въ западномъ сознаніи, онѣ проложатъ себѣ путь среди всѣхъ общественныхъ классовъ христіанства, распространяя пониманіе природы жизни и терпѣливое принятіе всѣхъ результатовъ прошлаго. И тогда исчезнетъ тревожное недовольство, которое возникаетъ главнымъ образомъ изъ безнадежнаго чувства, что человѣческая жизнь непонятна и несправедлива, и чувство это замѣнится спокойной силой и терпѣніемъ, которыя являются послѣдствіемъ просвѣтленнаго разума и яснаго знанія закона, которыми отличается уравновѣшенная дѣятельность человѣка, созидающаго для вѣчности.

ГЛАВА X.

Законъ жертвы.

За изученіемъ закона Кармы слѣдуетъ естественнымъ образомъ изученіе закона Жертвы, и, какъ выразился одинъ изъ учителей мудрости, для міра также необходимо пониманіе послѣдняго, какъ и пониманіе перваго. Актомъ самопожертвованія Логосъ проявилъ себя, чтобы могла возникнуть вселенная, жертвой поддерживается вселенная, и жертвой же достигаетъ человѣкъ совершенства *). Поэтому, каждая религія, берущая свое начало въ Древней Мудрости, имѣетъ своимъ центральнымъ ученіемъ идею жертвы, и нѣкоторыя изъ глубочайшихъ истинъ оккультизма коренятся въ томъ же законѣ жертвы.

Попытка понять, хотя бы сколько-нибудь, природу жертвы Логоса можетъ оградить насъ отъ невѣрнаго представленія, что

*) Для Индуса вступительныя слова въ *Bṛihadāraṇyakopaniṣad* говорятъ, что разсвѣтъ вселенной загорается отъ жертвы; послѣдователь Зороастра читаетъ, что *Ahura-Mazdāo* начинаетъ также съ акта жертвы; христіанину знакома идея Агнца — символъ Логоса — закланнаго отъ начала міра.

жертва есть нѣчто по существу тяжелое; тогда какъ на самомъ дѣлѣ самая суть жертвы есть добровольное и радостное изліяніе жизни, чтобы и другіе могли раздѣлить ее. И страданіе является лишь тамъ, гдѣ въ природѣ жертвующаго возникаетъ разладъ между высшимъ, которое находитъ радость въ отдаваніи, и низшимъ, интересъ котораго состоитъ въ захватѣ и удержаніи захваченнаго. Лишь въ этомъ разладѣ кроется элементъ страданія; въ верховномъ же Совершенствѣ, въ Логосѣ, не можетъ быть разлада. Единый есть совершенная гармонія Бытія, построенная на единомъ основномъ созвучіи, въ которомъ стройно сливается Жизнь, Мудрость и Блаженство.

Жертва Логоса состоитъ въ добровольномъ ограниченіи Своей безконечной Жизни съ цѣлью проявить себя. Символически, въ безпредѣльномъ океанѣ свѣта, центръ котораго — всюду, а окружность — нигдѣ, возникаетъ свѣтовая сфера, Логосъ, и поверхность этой сферы есть Его воля ограничить Себя, дабы проявиться, Его покровъ *), въ который Онъ заключаетъ Себя, дабы внутри его могла возникнуть вселенная.

Та вселенная, во имя которой жертва принесена, еще не существуетъ; ея будущее бытіе заключено еще въ „мысли“ Логоса; Ему она обязана своимъ зачатіемъ и Ему она будетъ обязана своей многообразной жизнью. Различіе въ „Нераздѣльномъ Единомъ“ могло возникнуть лишь благодаря этой добровольной жертвѣ Бога, ограничившаго себя формой, дабы дать жизнь мириадамъ формъ, дабы одарить каждую изъ нихъ искрой Своей жизни, а слѣдовательно, и силой доразвиться до Его образа.

„Первичная Жертва, которая вызываетъ рожденіе существъ, называется *Дѣйствіе* (Карма)“, — говоритъ Бхагавадъ Гита (VIII, 3) и этотъ переходъ изъ блаженства, совершеннаго покоя Само-Сущаго въ состояніе дѣятельности, признавался всегда за жертву Логоса. Эта жертва продолжается на протяженіи всей жизни Вселенной, ибо жизнь Логоса есть единственная поддержка каждой единой „жизни“; Онъ самъ ограничиваетъ свою жизнь въ каждой изъ мириады формъ, которыя Онъ зарождаетъ, внося въ стѣсненія и въ ограниченія, присущія всѣмъ отдѣльнымъ формамъ. Изъ каждой формы Онъ могъ бы освободить себя во всякое время, и наполнить всю вселенную Своей славой; но лишь благо-

*) Это и есть самоограничивающая сила Логоса, Его Майа, ограничивающее Начало, посредствомъ котораго возникли всѣ формы. Его Жизнь является какъ „Духъ“; Его Майа — какъ „Матерія“, и оба нераздѣлимы въ теченіе проявленнаго Бытія.

даря божественному терпѣнію и медленному и постепенному расширенію можетъ каждая форма подвигаться къ совершенству, пока не станетъ наконецъ независимымъ центромъ безграничнаго могущества, подобнымъ Ему Самому. Вотъ для чего заключаетъ Онъ Себя въ формы, перенося всѣ ихъ несовершенства, пока не достигнется совершенство, пока Его созданіе не сдѣлается подобнымъ Ему и единымъ съ Нимъ, сохраняя при этомъ свою собственную индивидуальную нить памяти. Такимъ образомъ, это изліяніе Его жизни въ формы есть часть изначальной жертвы, и оно несетъ въ себѣ блаженство вѣчнаго Отца, высылающаго своихъ дѣтей, какъ отдѣльные жизни, чтобы каждая могла развиться до тождества съ Нимъ, и дать въ то же время свою собственную ноту, сливающуюся со всѣми остальными, дабы все болѣе ширилась и обогащалась вѣчная гармонія блаженства, разума и жизни. Въ этомъ состоитъ сущность жертвы, каковы бы ни были остальные элементы, которые могли присоединиться къ центральной идеѣ.

Это—добровольное изліяніе своей жизни, чтобы другіе также могли жить и становиться независимыми, и лишь въ этомъ одномъ можетъ выразиться божественная радость. Есть всегда элементъ радости въ проявленной дѣятельности, выражающей собой способности дѣятеля: птица радуется, заливаясь пѣсней, и трепещетъ отъ упоенія своими собственными звуками; художникъ радуется творчеству своего гения, олицетворенію своей идеи. Самая суть божественной жизни заключается въ отдаваніи, и поэтому она должна изливаться наружу. Отсюда—*признакъ духа состоитъ въ отдаваніи, ибо духъ и есть дѣятельная божественная жизнь въ каждой формѣ.*

Наоборотъ, существенный признакъ матеріи заключается въ *принятіи*. Принимая жизненные импульсы, матерія организуется въ формы; пока импульсы жизни продолжаются, формы сохраняются; когда же они прекращаются—формы распадаются. Вся дѣятельность матеріи состоитъ въ воспріятіи, и лишь воспринимая, она можетъ сохраниться какъ форма; поэтому природа ея—въ хватаніи, въ обладаніи, въ удерживаніи, въ исканіи захватить для себя какъ можно больше; прочность формы зависитъ отъ ея способности усвоенія и поэтому она стремится втянуть въ себя все, что можетъ, и неохотно разстается даже съ малѣйшей частицей себя. Ея радость состоитъ въ захватѣ и обладаніи; поэтому для нея—отдаваніе равносильно умиранію.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, нетрудно убѣдиться, откуда появилось понятіе, что жертва есть страданіе. Тогда какъ божественная жизнь находитъ свою радость въ отдаваніи себя, и даже, воплощенная въ форму, не боится, что форма можетъ благодаря этому погибнуть, ибо знаетъ, что форма—лишь преходящее выраженіе жизни и средство для ея отдѣльнаго роста; въ это время форма, чувствуя, какъ ея жизненные силы изливаются изъ нея, кричитъ въ тоскѣ и ищетъ задержать, воспрепятствовать этому изліянію. Жертва взяла часть жизненной энергіи, на которую форма претендовала, какъ на свою собственную; возможно, что и совѣмъ исчерпала ее, предоставивъ формѣ погибнуть. Низшее сознание постигаетъ лишь *эту* сторону жертвы, и вотъ почему для него жертва—страданіе, вызывающее протестъ и ужасъ. Неудивительно, что люди, ослѣпленные формой, не умѣютъ еще отождествлять себя съ жизнью, которая одна способна радостно воскликнуть: „да свершится воля Твоя, Господи, я готовъ!“...

Неудивительно и то, что сознавая въ себѣ высшую и низшую природу и отождествляя свое самосознаніе болѣе съ низшей природой,—люди принимаютъ борьбу послѣдней за свою собственную борьбу, и думаютъ, что это *они* подвергаются страданію когда подчиняются высшей волѣ, и начинаютъ смотрѣть на жертву какъ на покорное принятіе страданія.

И пока человекъ не перестанетъ отождествлять себя съ формой, до тѣхъ поръ неизбеженъ и элементъ страданія въ жертвѣ. Въ существѣ вполне гармоничномъ страданія не можетъ быть, ибо тогда форма становится совершеннымъ проводникомъ жизни, и получающимъ, и отдающимъ съ одинаковой охотой. Съ окончаніемъ борьбы оканчиваются и страданія, ибо страданія происходятъ отъ разлада, отъ тренія, отъ антагонизма, и тамъ, гдѣ вся природа работаетъ въ совершенной гармоніи, тамъ условія, вызывающія страданіе, отсутствуютъ.

Такъ какъ законъ жертвы есть законъ эволюціи жизни вселенной—мы видимъ, что каждая ступень на лѣстницѣ развитія достигается благодаря жертвѣ: изливающаяся жизнь рождается въ высшей формѣ, тогда какъ прежняя ея форма погибаетъ. Смотрящіе только съ точки зрѣнія погибающей формы видятъ въ природѣ обширное поле битвы; тогда какъ видящіе какъ безсмертная душа освобождается, чтобы принимать все новыя и высшія формы,—слышатъ радостную пѣснь возрожденія, исходящую изъ вѣчно бьющаго источника жизни.

Монада минерального царства развивается тѣмъ, что разрушаетъ минеральныя формы для возникновенія и поддержанія растительнаго царства. Минералы распадаются, чтобы растительныя

формы могли построиться изъ ихъ матеріаловъ; растение вытягиваетъ изъ почвы ея питательныя вещества, разрушаетъ ихъ и воплощаетъ въ свою собственную субстанцію. Минеральныя формы погибаютъ, чтобы могли вырастать растительныя формы, и этотъ законъ жертвы, запечатлѣнный на минеральномъ царствѣ, и есть законъ эволюціи жизни и формы. Жизнь переходитъ выше и Монада развивается, чтобы произвести растительное царство, при чемъ гибель низшихъ формъ составляетъ условіе проявленія и поддержанія высшихъ.

Та же исторія повторяется и въ растительномъ царствѣ, ибо его формы въ свою очередь жертвуются, чтобы могли возникнуть и расти животныя формы; повсюду травы, зерна, деревья погибаютъ для поддержанія животныхъ формъ; ихъ ткани разрушаются, чтобы составлявшее ихъ вещество могло быть воспринято животнымъ и изъ него могло построиться его тѣло. И снова въ мірѣ появляется печать жертвы, на этотъ разъ на царствѣ растительномъ; *жизнь* его развивается, тогда какъ его формы погибаютъ. Монада развивается, чтобы произвести животное царство, и низшія формы отдаются для поддержанія животныхъ формъ.

До сихъ поръ мысль о страданіи еще не связывается съ понятіемъ жертвы, ибо, какъ мы видѣли еще раньше, астральныя тѣла растений недостаточно организованы для того, чтобы испытывать ясныя ощущенія наслажденія или страданія. Но когда мы начинаемъ наблюдать проявленіе закона жертвы въ животномъ царствѣ, мы не можемъ не признать, что здѣсь разрушеніе формы сопровождается страданіемъ. Правда, что размѣръ страданія, причиняемый въ „естественномъ состояніи“ однимъ животнымъ другому, сравнительно невеликъ; правда и то, что человѣкъ, насколько онъ содѣйствовалъ развитію животныхъ, сильно увеличилъ размѣръ ихъ страданія, и скорѣе увеличилъ, чѣмъ уменьшилъ хищныя инстинкты плотоядныхъ животныхъ; тѣмъ не менѣе, не онъ внушалъ имъ эти инстинкты, хотя онъ и воспользовался ими для своихъ личныхъ цѣлей, и безчисленныя разновидности животныхъ, до эволюціи которыхъ человѣкъ совсѣмъ не касается, уничтожаютъ другъ друга, причемъ однѣ формы жертвуются для того, чтобы поддерживались другія, такъ же, какъ въ минеральномъ и растительномъ царствахъ. Борьба за существованіе происходила задолго до того, какъ человѣкъ, какимъ мы его знаемъ, появился на сцену, и борьба эта ускорила эволюцію какъ жизни, такъ и формы, тогда какъ страданія, сопровождавшія разрушеніе формъ, выполняли важную задачу внѣдре-

нія въ развивающуюся Монаду сознанія непрочности всѣхъ формъ и различія между формой, которая погибаетъ, и жизнью, которая пребываетъ.

Низшая природа человѣка развивалась подъ вліяніемъ того же закона жертвы, который управляетъ низшими царствами. Но, одновременно съ изліяніемъ Божественной Жизни, давшей чело-вѣческую Монаду, явилась перемѣна и въ способѣ проявленія закона жертвы. Въ человѣкѣ должна была развиваться *воля*, самостоятельная и самопроизвольная энергія; вслѣдствіе этого, принудительная сила, заставлявшая низшія царства подвигаться по линиямъ эволюціи, для человѣка оказалась непригодной, такъ какъ она могла парализовать ростъ этой новой существенной силы. Ни минералу, ни растенію, ни животному, не предлагалось принять законъ жертвы, какъ добровольно избранный законъ жизни. Онъ былъ возложенъ на нихъ извнѣ и онъ же содѣйствовалъ ихъ росту въ силу необходимости, которой они не могли избѣжать. Человѣкъ долженъ былъ имѣть свободу выбора, необходимую для роста распознающаго и самосознающаго разума, и тогда возникъ вопросъ: „Какимъ образомъ, оставляя человѣку свободу выбора, научить его слѣдовать закону жертвы, въ то время, какъ его чувствующій организмъ долженъ естественно избѣгать страданія, а страданіе неизбежно при разрушеніи чувствующей формы?“

Несомнѣнно, что безчисленные вѣка опыта, воспринятаго сознательнымъ существомъ, въ которомъ развивается разумъ, привели бы въ концѣ-концовъ къ открытію, что законъ жертвы есть основной законъ жизни; но человѣкъ и здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, не былъ предоставленъ однимъ собственнымъ усиліямъ. Божественные Учителя руководили человѣкомъ въ его младенчествѣ и Они авторитетно провозглашали законъ жертвы, вложивъ эту идею въ ея элементарномъ смыслѣ въ религіи, посредствомъ которыхъ Они воспитывали пробуждающееся сознаніе человѣка. Было бы бесполезно требовать отъ младенческихъ душъ, чтобы онѣ охотно отдавали то, что для нихъ является наиболѣе желаннымъ, тѣми объектами, отъ которыхъ зависитъ самое существованіе ихъ во плоти. Медленно и постепенно должны онѣ итти по тому пути, который приведетъ ихъ подъ-конецъ къ вершинамъ добровольнаго самопожертвованія. Ради этой цѣли юному чело-вѣчеству внушалось, что человѣкъ не есть нѣчто отдѣльное, а часть обширнаго цѣлаго, и что жизнь каждаго связана съ жизнью остальныхъ, какъ находящихся сверху, такъ и

находящихся внизу. Физическая жизнь человѣка поддерживалась низшими жизнями, землей и растеніями; человѣкъ питался ими и, благодаря этому, принялъ на себя долгъ, который обязанъ уплатить. Живя на счетъ принесенныхъ въ жертву чужихъ жизней, онъ долженъ пожертвовать—въ свою очередь—чѣмъ-либо своимъ для поддержанія другихъ жизней; онъ долженъ питать другихъ также, какъ питался самъ; принимая въ свою пользу плоды дѣятельности астральныхъ сущностей, которыя управляютъ физической природой, онъ долженъ пополнять затраченные силы соответствующими приношеніями. Отсюда возникли всѣ жертвоприношенія „силамъ природы“, какъ называетъ ихъ наука, разумнымъ духамъ, управляющимъ физическимъ строемъ вселенной, какъ это учили всѣ древнія религіи.

Огонь быстро разрушаетъ плотную физическую матерію и быстро возвращаетъ эфиру эфирныя частицы сжигаемой жертвы; такимъ образомъ астральныя частицы легко освобождаются и могутъ быть свободно поглощены астральными сущностями, отъ которыхъ зависитъ плодородіе земли и ростъ растений. Такъ поддерживался круговоротъ произростанія и человѣкъ признавалъ, что онъ—не переставая—создаетъ обязательства по отношенію природы, которыя и долженъ постоянно погашать. Такимъ образомъ видѣлось въ сознаніе юнаго человѣчества чувство обязанности, и все, чѣмъ онъ обязанъ цѣлому, питающей Матери-Природѣ, начинало отпечатлѣваться въ его мысли. Правда, это чувство было связано съ мыслью, что погашеніе долга необходимо для его же собственнаго благоденствія, и какъ-разъ эта мысль и толкала его къ уплатѣ своего долга.

Но для младенческой души, проходящей свои первые уроки, и этотъ урокъ о взаимной зависимости жизней, о томъ, что каждая жизнь возникаетъ благодаря пожертвованію другихъ жизней—представлялъ величайшее значеніе и содѣйствовалъ ея росту. Она еще не могла испытывать божественную радость самопожертвованія: прежде всего нужно было преодолѣть нежеланіе формы уступать какую-либо часть изъ питающаго ее, и отсюда—жертвоприношенія всегда отождествлялись съ приношеніемъ чего-либо цѣннаго, съ отреченіемъ отъ этого цѣннаго изъ чувства долга; другая сторона жертвоприношенія состояла въ желаніи снова пользоваться дарами природы. Позднѣе, когда настала очередь другимъ задачамъ, награда за жертву отодвигалась уже въ область сверхфизическую. Въ началѣ пожертвованіе матеріальными благами должно было обезпечить матеріальное благосостояніе; а затѣмъ,

что пожертвованіе должно было вызвать блаженство по ту сторону смерти. Награда за принесенную жертву поднималась такимъ образомъ на высшую ступень, и человѣкъ узнавалъ, что, жертвуя преходящимъ, онъ обезпечиваетъ за собой пребывающее благо—урокъ, который былъ необходимъ для умѣнья отличать важное отъ неважнаго. Влеченіе формы къ физическимъ предметамъ замѣнялосьвлеченіемъ къ небеснымъ радостямъ. Во всѣхъ эзотерическихъ религіяхъ мы видимъ этотъ пріемъ воспитанія, употребляемый Руководителями человѣчества: слишкомъ мудрые, чтобы ожидать отъ младенческихъ душъ безкорыстнаго героизма, съ божественнымъ терпѣніемъ ободряли Они порученныхъ Имъ дѣтей на долгомъ пути, столь тернистомъ для низшей человѣческой природы. Постепенно приучались люди подчинять свое тѣло, преодолевать инерцію, ежедневно въ опредѣленное время отправляя религиозные обряды, нерѣдко очень тягостные для низшей природы, и регулировать ея дѣятельности по опредѣленнымъ направленіямъ. Такъ воспитывалась въ людяхъ способность побуждать форму и держать ее въ подчиненіи у жизни, такъ приучалось тѣло слушаться голоса воли и осуществлять дѣла милосердія, хотя бы стимуломъ для воли и служило желаніе награды на небесахъ. Мы видимъ, какъ среди Индусовъ, Персовъ и Китайцевъ люди начинаютъ постепенно узнавать свои разнообразныя обязательства; какъ они считаютъ своимъ долгомъ почитать предковъ, родителей и старшихъ; проявлять милосердіе съ великодушной вѣжливостью и относиться съ добротою ко всѣмъ. Постепенно людей научали проявлять и героизмъ, и самопожертвованіе уже на высшей ступени, о чемъ свидѣлствуютъ мученики, радостно отдававшіе свое тѣло на смертныя муки, предпочитая смерть отреченію отъ своей вѣры. Правда, они также надѣялись приобрести „вѣнецъ славы“ на небесахъ, какъ награду за свою жертву, но и то уже важно, что они преодолѣли привязанность къ физической своей формѣ и познали невидимый міръ настолько реально, что онъ привлекалъ ихъ болѣе, чѣмъ міръ видимый.

Слѣдующая ступень была достигнута тогда, когда чувство долга было окончательно установлено; когда пожертвованіе низшимъ ради высшаго считалось „добромъ“, независимо отъ награды, получаемой на томъ свѣтѣ; когда выяснилось, что каждая часть имѣетъ обязательство по отношенію *цѣлаго*, и наконецъ, когда человѣкъ началъ понимать, что форма, существующая на счетъ другихъ формъ, должна по справедливости служить въ свою очередь, не требуя за это никакого вознагражденія. И тогда чело-

вѣкъ началъ признавать законъ жертвы истиннымъ закономъ жизни и добровольно подчиняться ему; одновременно онъ сталъ отличать себя отъ формы, въ которой обитаетъ, и отождествлять себя съ развивающейся жизнью. Благодаря этому онъ могъ относиться ко всѣмъ дѣятельностямъ формы съ точки зрѣнія „выполненія долга“ и смотрѣть на нихъ какъ на простые проводники жизнедѣятельности, которую онъ обязанъ выполнять для пользы міра, а не для полученія тѣхъ или другихъ плодовъ.

Такимъ образомъ, человѣкъ достигаетъ конечной ступени, о которой мы уже упоминали, когда онъ перестаетъ производить карму, связывающую его съ тремя мірами, и продолжаетъ обораживать колесо жизни лишь потому, что это нужно для міра, для Цѣлаго, а не потому, чтобы его обороты приносили ему лично нѣчто желанное.

Полное признаніе закона жертвы поднимаетъ человѣка даже выше ментальной сферы—гдѣ долгъ признается какъ „то, что должно“ быть сдѣлано какъ обязанность—въ ту высшую духовную сферу (Будхи), гдѣ всѣ единичныя „я“ чувствуютъ себя какъ одно Я, и гдѣ всѣ дѣятельности совершаются на пользу всѣхъ, а не для выгоды отдѣльнаго я. Лишь въ этой сферѣ законъ жертвы *чувствуется* какъ радостное преимущество, тогда какъ до этого законъ жертвы признавался лишь интеллектуально, какъ истинный и справедливый. Въ этой духовной сферѣ человѣкъ видитъ ясно, что жизнь едина, что она постоянно изливается какъ свободный даръ любви Логоса, и что жизнь, стремящаяся къ разобщенію, есть нѣчто чрезвычайно бѣдное, скудное, и до глубины неблагоприятное. Тамъ все сердце устремляется къ Логосу въ единомъ порывѣ любви и благоговѣнія и радостно отдаетъ себя, чтобы послужить проводникомъ Его жизни и любви, изливающейся на міръ. Быть глашатаемъ Его свѣта, посланникомъ Его состраданія, работникомъ въ Его царствѣ—вотъ что является единственной цѣлью, достойной жизни; ускорить человѣческую эволюцію, послужить Доброму Закону, облегчить часть тяжкаго бремени міра—это является радостью, раздѣляемой сердцемъ съ самимъ Господомъ. Только отсюда, съ этой высшей духовной ступени, можетъ человѣкъ дѣйствовать какъ одинъ изъ Спасителей міра, ибо только здѣсь онъ сливается со всѣми остальными душами. Отождествленная со всѣмъ человечествомъ, которое здѣсь—едино, его силы, его любовь, его жизнь могутъ изливаться въ любое отдѣльное „Я“ или во всѣхъ, вмѣстѣ взятыхъ. Онъ сталъ духовной силой, и цѣнная духовная энергія всей міровой системы увеличивается благо-

даря изліянію въ нее *его* жизни. Силы, которыя онъ расходовалъ въ физической, астральной и ментальной сферахъ, ища удовлетворенія для своего отдѣльнаго „я“, теперь собраны всѣ въ единомъ актѣ жертвы и, преобразившись такимъ образомъ въ духовную энергію, онѣ изливаются на человечество какъ жизнь духа. Это превращеніе происходитъ единственно благодаря *мотиву дѣятельности*, который одинъ опредѣляетъ сферу, гдѣ проявится энергія человѣка. Если онъ желаетъ астральныхъ объектовъ, онъ освобождаетъ энергію на астральномъ планѣ; если онъ ищетъ небесныхъ радостей, его энергія дѣйствуетъ въ небесной (ментальной) сферѣ; но если онъ жертвуетъ собой, желая стать проводникомъ жизни Логоса, онъ освобождаетъ энергію въ сферѣ духовной, и тогда она способна дѣйствовать всюду съ могуществомъ и съ проникновеніемъ духовной силы. Для такого человѣка безразлично, дѣйствуетъ ли онъ или не дѣйствуетъ въ земномъ смыслѣ, ибо высочайшая степень дѣятельности можетъ совпадать съ видимымъ бездѣйствіемъ и наоборотъ. Для него высшее и низшее, великое и малое—одно; онъ готовъ дѣйствовать всегда и вездѣ, ибо Логосъ присутствуетъ одинаково въ каждомъ мѣстѣ и въ каждомъ дѣйствіи. Онъ можетъ проявляться въ любой формѣ, работать въ любомъ направленіи—для него нѣтъ уже болѣе выбора и различія; благодаря самопожертвованію жизнь его стала единой съ жизнью Логоса—онъ видитъ Бога во всемъ и все—въ Богѣ. Какое же значеніе можетъ имѣть для него форма и мѣсто, разъ онъ отождествляетъ себя лишь съ единой самосознающей Жизнью? „Не имѣя ничего, онъ владѣетъ всѣмъ“; не прося ничего, онъ имѣетъ весь міръ къ своимъ услугамъ. Его жизнь полна свѣта, ибо онъ слился съ Господомъ, который есть Блаженство; и, пользуясь формой для служенія безъ привязанности къ ней, „онъ положилъ конецъ страданіямъ“. Тотъ, кто понялъ сколько-нибудь тѣ чудныя возможности, которыя открываются передъ нами, когда мы добровольно дѣлаемъ руководящимъ для своей жизни законъ жертвы, тотъ навѣрное почувствуетъ потребность осуществить ихъ, хотя бы достиженіе тѣхъ высотъ, на которыя мы старались дать намекъ, было еще очень далеко отъ него. Какъ всякая глубокая духовная истина, законъ этотъ вполне примѣнимъ къ ежедневной жизни, и каждый, кто чувствуетъ его красоту, долженъ бы безъ колебанія приниматься за осуществленіе его. Когда рѣшеніе принято, слѣдуетъ начинать новую жизнь ежедневно съ акта жертвы, просыпаясь, отдавая себя въ распоряженіе Тому, Кому отнынѣ посвящена вся жизнь. А затѣмъ, каждая мысль, каждое слово, каждый

поступокъ въ ежедневной жизни долженъ быть жертвой — не во имя долга, но ради того, чтобы въ каждую данную минуту наилучшимъ образомъ служить Господу. Все слѣдуетъ встрѣчать какъ выраженіе Его воли; радости, горести, тревоги, успѣхи и неудачи, все должно быть привѣтствуемо какъ указанія на путь служенія. Нужно принимать радостно все, что предлагается, и ничего не считать своимъ; и также радостно отказываться отъ всего, что отнимается. Всѣ силы, которыми вступившій на путь жертвы обладаетъ, онъ отдастъ на служеніе; когда же силы измѣнятся ему, онъ отнесется и къ этому съ свѣтлымъ спокойствіемъ: разъ ихъ нѣтъ, отъ него не потребуется и работа этихъ сихъ. Даже и страданія, которыя идутъ изъ прошлаго, еще не погашеннаго, могутъ быть превращены въ добровольную жертву, если ихъ привѣтствовать какъ должное; принимая страданія охотно, человѣкъ можетъ превратить ихъ въ добровольный даръ и преобразить въ духовную силу. Каждая человѣческая жизнь представляетъ безконечныя возможности для примѣненія закона жертвы, и каждая человѣческая жизнь становится *духовной силой* по мѣрѣ того, какъ эти возможности осуществляются.

При этомъ человѣкъ становится полезнымъ дѣятелемъ въ духовномъ мірѣ даже и безъ расширенія его бодрствующаго земного сознанія, потому что, живя такъ, онъ освобождаетъ духовную энергію, которая неизбѣжно распространяется и на низшіе міры. Его самопожертвованіе здѣсь, въ низшемъ сознаніи, заключенномъ въ тѣлесную оболочку, вызываетъ отвѣтныя вибраціи жизни въ высшемъ аспектѣ (Будхи) его Монады, которая и есть его истинное Я, и ускоряетъ срокъ, когда его Монада достигнетъ состоянія духовнаго *Ego*, господствующаго надъ всѣми своими проводниками, которыми оно по волѣ своей и пользуется сообразно съ предстоящими задачами.

Нѣтъ другого способа, который обезпечивалъ бы въ такой же степени быстрое движеніе впередъ и проявленіе всѣхъ скрытыхъ въ Монадѣ силъ, какъ сознаніе и примѣненіе закона жертвы. Вотъ почему этотъ путь былъ названъ однимъ изъ Учителей Мудрости: „закономъ эволюціи для человѣка“. Въ дѣйствительности, законъ этотъ обладаетъ еще болѣе глубокими и еще болѣе мистическими сторонами, чѣмъ затронутыя здѣсь, и онъ раскроется безъ словъ для терпѣливаго и любящаго сердца, вся жизнь котораго—добровольное жертвоприношеніе. Есть вещи, которыя слышны только въ тишинѣ; есть указанія, которыя могутъ быть произнесены лишь „Голосомъ Безмолвія“; къ ихъ числу принадлежатъ и болѣе глубокия истины, коренящіяся въ Законѣ Жертвы.

Г л а в а X I.

Восхождение человѣка.

Вершина, на которую нѣкоторые люди уже успѣли подняться, а другіе продолжаютъ взбираться, теряется въ такой необозримой дали, что когда измѣряешь ее усиліемъ воображенія, мысль отступаетъ, устрешенная безконечной длительностью предстоящаго пути. Сравнивая младенческую душу стоящаго на самой низшей ступени дикаря съ освобожденной и побѣдившей душой богочеловѣка,—кажется совершенно невѣроятнымъ, чтобы первая душа могла вмѣстить въ себя всю полноту, уже выраженную въ совершенной душѣ, и что вся разница между обѣими сводится къ ступени эволюціи, въ самомъ началѣ которой находится младенческая душа, а въ самомъ концѣ—душа побѣдителя. Внизу разстилается длинная цѣпь низшихъ царствъ животнаго, растительнаго, минеральнаго, элементарнаго... Вверху простираются безконечныя іерархіи сверхчеловѣческихъ существъ—Chohans, Ману, Буддъ, Строителей, Властителей Кармы (Lipikas)... Кто можетъ перечислить всѣ эти могучіе Сонмы? А если взглянуть на все перечисленное какъ на одинъ отдѣлъ въ еще болѣе обширной космической жизни,—тогда всѣ ступени восхождения человѣка принимаютъ совершенно иной масштабъ, онѣ занимаютъ лишь небольшое мѣсто въ эволюціи непрерывной цѣпи жизней, простирающейся отъ элементарной сущности вверхъ до проявленнаго Бога.

Мы прослѣдили восхождение человѣка, начиная съ зачаточной души до состоянія духовноразвитаго человѣка, отмѣтивъ различныя ступени развивающагося сознанія, начиная отъ смутныхъ ощущеній дикаря до отчетливой работы мыслителя. Мы видѣли человѣка проходящимъ снова и снова черезъ циклъ рожденія и смерти въ трехъ мірахъ, при чемъ каждый міръ отдавалъ ему свою жатву и предоставлялъ ему все новыя условія для развитія.

Теперь мы уже въ состояніи прослѣдить его восхождение до послѣднихъ ступеней человѣческой эволюціи, которыя для огромнаго большинства человечества еще впереди; онѣ уже пройдены

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ 1909 г., № 10.

небольшимъ числомъ старшихъ сыновъ нашей расы, и въ наше время ихъ проходятъ наиболѣе опередившіе большинство человѣчества.

Эти высшія ступени мы раздѣлили на два отдѣла; первый называется „испытательнымъ Путемъ“, тогда какъ второй заключаетъ въ себѣ „самый Путь“ или „Путь ученичества“. Разсмотримъ ихъ въ естественномъ порядкѣ.

По мѣрѣ того какъ интеллектуальная, нравственная и духовная природа человѣка развивается, онъ начинаетъ все яснѣе сознавать цѣль человѣческой жизни и все настойчивѣе стремиться къ осуществленію этой цѣли въ своей личной жизни. Снова и снова повторяющаяся жажда земныхъ радостей, сопровождаемая полнымъ обладаніемъ и послѣдующимъ разочарованіемъ, раскрываетъ передъ нимъ преходящую природу всѣхъ лучшихъ даровъ земли. Такъ часто онъ стремился къ нимъ, завоевывалъ ихъ, наслаждался ими, и въ итогѣ испытывалъ пресыщеніе, что подъ конецъ онъ отворачивается неудовлетворенный отъ всего, что земля можетъ предложить ему. „Какой смыслъ во всемъ этомъ!“ стонетъ утомленная душа. „Все—прахъ и суета. Сотни и тысячи разъ я былъ обладателемъ и въ концѣ пришелъ къ разочарованію во всякомъ обладаніи. Всѣ земныя радости—иллюзіи, подобно пузырямъ, появляющимся на водѣ, хотя и радужнымъ и ярко окрашеннымъ, но исчезающимъ отъ перваго прикосновенія. Я жажду реальности. Съ меня довольно измѣнчивыхъ тѣней. Я тоскую по истинному и вѣчному. Я призываю освобожденіе отъ ограниченій, которыя держатъ меня какъ въ тюрьмѣ среди всѣхъ измѣнчивыхъ видимостей“.

Этотъ первый крикъ души, требующей освобожденія, является послѣдствіемъ сознанія, что—владеи эта земля всѣмъ, о чемъ когда-либо грезило воображеніе поэта, и будь все зло уничтожено, и всѣ бѣдствія приведены къ концу, и сдѣлайся самыя высшія радости доступными, и вся красота—доведенной до совершенства, онъ все же не пожелалъ бы ихъ и, утомленный, отвернулся бы отъ всѣхъ земныхъ соблазновъ. Земное существованіе стало для него тюрьмой, и какъ бы прекрасно не украшалась эта тюрьма, онъ жаждетъ свободы и безграничности внѣ окружающихъ его стѣнъ. И не только земля, но и небеса перестаютъ привлекать его; и небеса утомили его; и эти радости потеряли для него притягательную силу, и эти высшіе восторги не удовлетворяютъ его болѣе. Они также „приходятъ и уходятъ непостоянные“, какъ и порожденія его чувствъ; они также ограничены, преходящи и неспо-

обны утолить его. Онъ усталъ отъ вѣчной смѣны впечатлѣній; томленная и тоскующая душа его призываетъ освобожденіе.

Иногда сознаніе тщеты земныхъ и небесныхъ благъ вспыхиваетъ подобно молніи, а затѣмъ прежняя власть захватываетъ душу въ плѣнъ, и чары измѣнчивыхъ земныхъ радостей погружаютъ ее снова въ преходящее довольство. Въ этомъ случаѣ является необходимость пройти еще нѣсколько новыхъ земныхъ жизней, прежде чѣмъ сознаніе пустоты всего преходящаго сдѣлается постояннымъ настроеніемъ души.

Но рано или поздно душа все же порываетъ свою связь съ землей и небомъ, такъ какъ ограниченная жизнь безсильна удовлетворить ее, и этотъ рѣшительный поворотъ отъ всего преходящаго, это твердое хотѣніе достигнуть вѣчнаго и есть дверь, ведущая на предварительный Путь испытанія.

Душа сходитъ съ проторенной дороги эволюціи, чтобы возвратиться по узкой тропѣ, круто поднимающейся въ гору, съ твердой рѣшимостью разбить цѣпи земныхъ и потустороннихъ жизней и достигнуть свободы горныхъ высотъ.

Трудъ, который предстоитъ выполнить человѣку, вступающему на Путь испытанія, исключительно умственный и нравственный; онъ долженъ достигнуть той внутренней ступени, которая позволитъ ему „встрѣтить своего Учителя лицомъ къ лицу;“ но самыя слова „своего Учителя“ требуютъ поясненія. Высшія Существа, принадлежація къ нашей расѣ, но уже закончившія свою человѣческую эволюцію, составляютъ, какъ было уже указано, то высшее Братство, которое направляетъ и содѣйствуетъ развитію человѣческой расы. Эти великіе Представители человѣчества, его Учителя, добровольно воплощаются въ человѣческія тѣла, чтобы составить связующее звено между человѣческимъ и сверхчеловѣческимъ существованіемъ. Готовыхъ исполнить опредѣленные условія, Они допускаютъ въ число своихъ учениковъ съ цѣлью ускорить ихъ эволюцію и пополнить ими ряды Братства, которое принимаетъ участіе въ благой помощи міру.

Учителя не перестаютъ наблюдать за человѣческой расой и отмѣчаютъ всѣхъ, которые, благодаря чистой жизни, безкорыстному труду ради общаго блага, благодаря умственнымъ усиліямъ, обращеннымъ къ благородной цѣли и искренней преданности идеалу, становятся во главѣ остального человѣчества, дѣлаясь способными воспринять усиленное духовное воздѣйствіе. Каждый желающій воспринять подобное воздѣйствіе долженъ обладать особенной воспримчивостью. Духовная энергія, помогающая чело-

вѣческой эволюціи, является принадлежностью *всей* человѣческой расы и усиленный ея притокъ въ пользу отдѣльной души допускаетъ только въ томъ случаѣ, если эта душа проявляетъ способностъ къ исключительно быстрому развитію, что дастъ ей возмознось помогать остальнымъ и такимъ образомъ возвратитъ въ полъ всѣхъ ту помощь, которую она получила для своего собствнаго прогресса. Когда человѣкъ своими личными усиліями, пользуясь лишь той общей помощью, которая дается всѣмъ людямъ путемъ религіи и философіи, пробивается въ передовую человѣческую волну, выказывая при этомъ любящую и безкорыстную дѣятельную натуру, въ такомъ случаѣ онъ становится предметомъ особаго вниманія со стороны неусыпныхъ хранителей расы и его ставятъ въ условія, благоприятныя для проявленія его духовныхъ силъ и его интуиціи. И по мѣрѣ того, какъ онъ успѣшно выдерживаетъ испытаніе, онъ получаетъ дальнѣйшую помощь и ему даются прозрѣнія въ истинную жизнь, пока неудовлетворительность и нереальность земного существованія не выяснится для его души вполне, а стремленіе къ конечному освобожденію не приведетъ его къ вратамъ Пути. Его вступленіе на Путь ставитъ его въ положеніе ученика или челы, находящагося на испытаніи; одинъ изъ Учителей Состраданія принимаетъ его подъ свое покровительство, какъ человѣка, выступившаго съ обычнаго пути эволюціи, и помогаетъ ему на узкомъ и крутомъ пути, ведущемъ къ освобожденію. Онъ ожидаетъ вступающаго у самаго входа на Путь, и хотя послѣдній не знаетъ своего Учителя, Учитель знаетъ его, видитъ его усилія, направляетъ его шаги и приводитъ его къ условіямъ, наиболее благоприятствующимъ его прогрессу, слѣдя за нимъ съ нѣжной заботой и мудростью, происходящей отъ полноты проникновенія.

Дорога, на которую вступаетъ ученикъ, можетъ казаться одинокой и погруженной въ темноту, ученикъ можетъ воображать себя покинутымъ, но помощь, ускользящая отъ его сознанія, дается постоянно его душѣ.

Четыре опредѣленные „качества“, которыя ученикъ долженъ съ самаго начала приобрести, ставятся передъ нимъ, какъ условія для „ученичества“. На этой начальной ступени не требуется доведенія ихъ до совершенства, но ученикъ долженъ хотя отчасти овладѣть ими, прежде чѣмъ онъ будетъ допущенъ къ посвященію. Первое изъ этихъ „качествъ“—различеніе между реальнымъ и нереальнымъ, которое, уже возникнувъ въ его сознаніи, и при-

влекло его на Путь. Это различіе становится все яснѣе и опредѣленнѣе въ его умѣ, и постепенно освобождаетъ его отъ связывавшихъ его цѣпей, ибо второе „качество“, *равнодушіе* къ внѣшнимъ вещамъ, появляется какъ естественный результатъ яснаго представленія нецѣнности всего преходящаго. Онъ узнаетъ, что утомленіе, которое отнимало у него всю прелесть жизни, происходило отъ постоянныхъ разочарованій, возникавшихъ вслѣдствіе того, что онъ искалъ удовлетворенія въ нереальномъ, тогда какъ лишь одно реальное можетъ дать удовлетвореніе душѣ; онъ познаетъ, что всѣ формы мимолетны и непрочны, что онѣ вѣчно мѣняются подъ импульсами жизни, и что реальна только единая Жизнь, которую мы ищемъ и безсознательно любимъ подъ всѣми ея многообразными покровами.

Эта способностъ различать (между реальнымъ и нереальнымъ) ускоряется вслѣдствіе быстро измѣняющихся обстоятельствъ, которыми обыкновенно окружаютъ ученика съ цѣлью запечатлѣть въ его сознаніи какъ можно сильнѣе непрочностъ всего внѣшняго. Жизнь ученика бываетъ по большей части наполнена бурями и ударами, чтобы качества, которыя при обыкновенныхъ условіяхъ развиваются въ длинномъ рядѣ жизней, могли расти въ немъ съ ускоренной быстротой и достигать совершенства, постоянно переходя отъ радости къ страданію, отъ тишины къ бурямъ, отъ покоя къ напряженію; благодаря этому, ученикъ начинаетъ во всѣхъ переживаемыхъ перемѣнахъ различать нереальность формъ и чувствовать подъ всѣми ними одну и ту же неизмѣнную жизнь.

Онъ дѣлается равнодушнымъ къ наличности или къ отсутствію вещей, которыя то приходятъ, то уходятъ изъ его жизни, и онъ все чаще и чаще устремляетъ свой внутренній взоръ на единую неизмѣнную реальность, которая лежитъ въ основѣ всего проявленнаго.

По мѣрѣ того, какъ онъ приобретаетъ все болѣе глубокое проникновеніе и непоколебимую устойчивость, онъ работаетъ и надъ развитіемъ третьяго „качества“, которое состоитъ изъ шести душевныхъ свойствъ, необходимыхъ для допущенія ученика на самый Путь.

Свойства этими необходимо овладѣть, хотя бы только до нѣкоторой степени, иначе онъ не будетъ въ состояніи пойти далѣе.

Во-первыхъ онъ долженъ приобрести власть надъ своими мыслями, порожденными безпокойнаго ума, которая столь же трудно обуздана, какъ стремительный вѣтеръ *).

*) *Bhagavad Gītā*, VI, 34.

дневное упражненіе въ медитаціи и сосредоточеніи должно привести мятежный умъ къ порядку, и передъ вступленіемъ на Путь ученикъ долженъ поработать съ средоточенной энергіей надъ этой задачей, иначе—значительное увеличеніе силы мысли, вызванное его быстрымъ ростомъ, окажется опаснымъ и для него, и для другихъ, если сила эта не будетъ вполне подчинена его волѣ. Безопаснѣе дать ребенку играть съ динамитомъ, чѣмъ довѣрить творческія силы мысли эгоисту и честолюбу.

Во-вторыхъ, вступающій на Путь долженъ присоединить внѣшнее самообладаніе къ внутреннему и господствовать надъ своей рѣчью и надъ своими поступками такъ же строго, какъ и надъ своими мыслями. Какъ умъ повинуется душѣ, такъ же должна низшая природа повиноваться уму. Степень полезности ученика во внѣшнемъ мірѣ зависитъ отъ чистоты и благородства его видимой жизни въ такой же степени, въ какой полезность его въ духовномъ мірѣ зависитъ отъ постоянства и силы его мысли. При обыкновенной человѣческой дѣятельности хорошая работа нерѣдко портится благодаря небрежности, и ученику предлагается добиваться совершенства во всѣхъ подробностяхъ его работы, чтобы позднѣе, когда онъ вступить на Путь, недостатокъ отчетливости не послужилъ серьезнымъ препятствіемъ для его движенія впередъ. Какъ уже сказано, на этой ступени не требуется совершенства, но мудрый ученикъ долженъ стремиться къ совершенству, зная, какъ онъ далекъ отъ идеала.

Въ-третьихъ, стремящійся къ посвященію долженъ вырабатывать въ себѣ широкую терпимость, спокойное принятіе каждаго характера, каждой живой формы такую, какова она есть, не требуя, чтобы она соотвѣтствовала его личному вкусу. Начиная сознавать, что единая Жизнь облекается въ безчисленныя формы, изъ которыхъ каждая нужна на своемъ мѣстѣ, онъ принимаетъ всякое ограниченное выраженіе этой Жизни, не желая придавать ему иной характеръ; онъ научается уважать мудрость, которая дала начертаніе этому міру и которая руководитъ имъ, и съ невозмутимой ясностью видитъ онъ, какъ различныя части цѣлага медленно и постепенно усовершенствуютъ свои отдѣльныя формы.

Пьяница, проходящій азбуку страданія, вызваннаго деспотизмомъ его низшей природы, совершаетъ на своей ступени развитія такую же важную задачу, какъ и святой, заканчивающій свой послѣдній урокъ земной школы, и требовать отъ нихъ можно по справедливости только то, на что каждый изъ нихъ способенъ.

Первый находится въ дѣтскомъ саду и обучается нагляднымъ образомъ, тогда какъ другой заканчиваетъ университетскій курсъ. Оба проявляются соотвѣтственно своему возрасту и занимаемому мѣсту, и оба нуждаются въ помощи и симпатіи, каждый на своей ступени. Это одинъ изъ тѣхъ уроковъ, который въ оккультизмѣ извѣстенъ какъ „терпимость“.

Въ четвертыхъ, должна быть развита выносливость, то терпѣніе, которое спокойно переноситъ все, не питая никакой злобы, подвигаясь безъ колебаній къ намѣченной цѣли. Ничто не можетъ придти къ нему иначе, какъ черезъ Законъ, а онъ знаетъ, что Законъ—благъ. Онъ понимаетъ, что скалистая тропа, ведущая прямо къ вершинѣ, не можетъ быть столь-же удобна, какъ хорошо утоптанная круговая дорога. Онъ знаетъ, что онъ долженъ уплатить въ нѣсколько короткихъ жизней всѣ кармическія обязательства, накопленныя въ прошломъ, вслѣдствіе чего расплата и должна быть тяжелой. Самая борьба, въ которую онъ вовлеченъ, развивающа въ немъ пятое свойство—вѣру въ своего Учителя, развивающа въ немъ пятое свойство—вѣру въ своего Учителя и въ себя, довѣріе, полное довѣріе мудрости, любви и силъ ненаруσιμο. Онъ научается довѣрять мудрости, любви и силъ своего Учителя и начинаетъ не только вѣрить, но и осуществлять божественное начало внутри своего сердца, подчиняя ему всю свою природу. Послѣднее изъ требуемыхъ свойствъ—равновѣсіе, вырастающа до извѣстной степени само собою, благодаря усиліямъ, которыя ученикъ дѣлалъ, вырабатывая предшествовавшія пять свойствъ. Самая рѣшимость вступить на Путь есть признакъ того, что высшая природа раскрылась и что внѣшній міръ окончательно потерялъ свое первенствующее значеніе для души. Постоянныя усилія, которыя требуются для одухотворенной жизни ученика, освобождаютъ его душу отъ всѣхъ связей, которыя могли бы еще привязывать ее къ чувственному міру, ибо перенесеніе центра вниманія съ низшихъ предметовъ на высшее погашаетъ постепенно всю привлекательность ихъ. „Они отвращаются отъ воздержаннаго обитателя (dweller) тѣла“ *) и вскорѣ теряютъ всю свою силу надъ нимъ. Такимъ образомъ онъ научается оставаться среди объектовъ внѣшняго міра, не стремясь ни къ чему и не отвергая ничего. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ научается сохранять равновѣсіе среди душевныхъ заботъ и тревогъ всякаго рода, среди переходовъ отъ радости къ печали, укрѣпляясь все болѣе въ равновѣсіи благодаря тѣмъ быстрымъ переходамъ, которыми—

*) Bhagavad Gītā II, 59.

какъ уже сказано—отличается жизнь ученика, заботливо охраняемая его Учителемъ. Когда находящийся на послушаніи ученикъ достигъ шести названныхъ свойствъ, ему остается выработать четвертое „качество“, то глубокое стремленіе къ освобожденію, ту жажду души соединиться съ Богомъ, въ которой таится залогъ совершеннаго достиженія. Это прибавляетъ послѣднюю черту его зрѣлости для полнаго ученичества, ибо разъ это стремленіе проявилось опредѣленнымъ образомъ, оно уже никогда не исчезнетъ, и душа, разъ испытывавшая эту жажду, не сможетъ уже никогда утолить ее изъ земныхъ источниковъ; воды этихъ источниковъ покажутся ей до того прѣсными и безвкусными, что она отвернется отъ нихъ съ растущей тоской по истинной влагѣ жизни. На этой ступени ученикъ готовъ къ Посвященію, онъ готовъ безвозвратно „войти въ потокъ“, что навсегда отрѣжетъ его отъ интересовъ земной жизни, исключая тѣхъ, которые помогаютъ общей эволюціи и входятъ въ область его служенія. Отнынѣ его жизнь перестаетъ быть отдѣльной жизнью; она приносится на алтарь челоѣчества, какъ жертва, радостно приносимая для общаго блага *).

Въ теченіи тѣхъ лѣтъ, которыя ученикъ посвящаетъ развитію названныхъ четырехъ качествъ, онъ неизбежно подвинется и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Онъ получитъ отъ своего Учителя

*) Для изучающихъ эти вопросы будетъ, вѣроятно, не безынтересно познакомиться съ техническими названіями, Санскритскими и Палийскими, различныхъ ступеней Пути, встрѣчающимися въ восточныхъ книгахъ.

Санскритъ (употребляемый Индусами).
I. *Viveka*: различіе между реальнымъ и не реальнымъ.

II. *Vairāgya*: равнодушіе къ нереальному, переходящему.

III. *Shatsampratti*.
Shama: контроль надъ мыслями.
Dama: контроль надъ поступками.
Uparati: терпимость.
Titiksha: терпѣніе.
Shraddhā: вѣра.
Samādhi: равновѣсіе.

IV. *Mumuksha*: желаніе освобожденія. По достиженіи этого, челоѣкъ становится *Adhikari*.

Пали (употребл. Буддистами).

I. *Manodōḍḍavajjana*: раскрытіе оконъ души—убѣжденіе въ непрочности всего земнаго.

II. *Parikamma*: подготовленіе къ дѣятельности; равнодушіе къ плодамъ дѣятельности.

III. *Uparichāro*: вниманіе или способъ поведенія, съ тѣми же подраздѣленіями, что и у Индусовъ.

IV. *Anuloma*: достиженіе которой слѣдуетъ за предыдущими тремя. Челоѣкъ становится *Gotrabhu*.

много указаній, которыя сообщаются обыкновенно во время глубокаго физическаго сна; душа, облеченная въ правильно организованное астральное тѣло, начинаетъ употреблять послѣднее какъ орудіе своего сознанія и какъ средство общенія съ Учителемъ и воспріятія отъ него указаній и духовнаго просвѣтленія. Далѣе, ученикъ усвоитъ способность медитаціи и это важное упражненіе внѣ физическаго тѣла ускоритъ его развитіе и сдѣлаетъ активными многія изъ его высшихъ силъ; онъ можетъ достигать во время медитаціи высшихъ областей бытія и знакомиться все болѣе съ жизнью высшихъ космическихъ плановъ.

Онъ научится употреблять свои растущія силы на пользу челоѣчества, и все время, которое тѣло его проводитъ во снѣ, онъ будетъ усиленно работать въ астральной сферѣ, помогая душамъ, только что перешедшимъ черезъ врата смерти, успокаивая погибшихъ въ той или другой катастрофѣ, давая указанія, и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ помогая всѣмъ, кто нуждается въ помощи; такимъ образомъ онъ будетъ содѣйствовать благому дѣлу Учителей и станетъ сотрудникомъ въ великомъ Братствѣ, какъ бы скромно и незначительно не было это сотрудничество. Иногда на пути испытанія, а иногда и позднѣе, ученику представляется выполнить одинъ изъ актовъ самоотреченія, которыми отличается ускоренное восхожденіе челоѣка. Ему дозволяется отречься отъ „Девакана“, т. е. отказаться отъ свѣтлой жизни въ небесной сферѣ, послѣ освобожденія изъ физическаго міра, отъ той жизни, которую ученики этой ступени проводятъ въ средней области *Arūpa* въ сообществѣ съ Учителями, испытывая верховныя радости чистѣйшей мудрости и любви. Если ученикъ отказывается отъ этого плода своей благородной и преданной жизни,—въ такомъ случаѣ духовныя силы, которыя онъ потратилъ бы въ Деваканѣ, освобождаются для служенія міру, а онъ самъ остается въ астральной области въ ожиданіи скорого новаго воплощенія на землѣ. Въ этомъ случаѣ его Учитель заботится самъ о его новомъ воплощеніи и направляетъ его въ такую семью, гдѣ бы онъ могъ родиться въ условіяхъ, благопріятныхъ для его служенія міру, и для его собственнаго дальнѣйшаго развитія. Теперь онъ достигъ той ступени, на которой всѣ индивидуальныя интересы подчиняются высшимъ интересамъ, а воля направляется на одно лишь служеніе, въ какой бы формѣ оно не предъявлялось ему. Поэтому онъ отдается всецѣло въ руки Учителя, принимая охотно то мѣсто въ мірѣ, которое наиболѣе благопріятствуетъ его служенію, его участію въ великомъ дѣлѣ помощи челоѣческой эволюціи. Благо-

словенна та семья, въ которой родится дитя съ такой душой, оберегаемой и направляемой Учителемъ. Отъ времени до времени, хотя весьма рѣдко, чела можетъ воплотиться въ тѣло юности, которое уже служило вмѣстилищемъ для менѣ развитой души; когда душа появляется на землѣ для очень короткой жизни, положимъ, для 15—20 лѣтъ, она покидаетъ свое тѣло на зарѣ наступающей зрѣлости, когда оно уже прошло черезъ необходимую земную подготовку и является уже готовымъ проводникомъ для души. Если качества такого покинутого тѣла очень хороши, а въ это время ученикъ ожидаетъ подходящаго воплощенія, тѣло дѣлается предметомъ особаго наблюденія, и когда земной періодъ обитавшей въ немъ души заканчивается и она покидаетъ его, новый жилецъ входитъ въ покинутый домъ и казавшееся мертвымъ тѣло—оживаетъ. Такіе случаи происходятъ весьма рѣдко, но они извѣстны оккультистамъ и въ оккультныхъ книгахъ можно найти указанія на нихъ.

Но каково бы ни было новое воплощеніе чела, развитіе его души продолжается до тѣхъ поръ, пока не наступитъ періодъ, который мы уже обозначили, какъ „готовность къ Посвященію“; черезъ эти врата Посвященія онъ вступаетъ, какъ окончательно принятый чела, на Путь. Этотъ Путь состоитъ изъ четырехъ опредѣленныхъ ступеней и входъ на каждую изъ нихъ охраняется новымъ Посвященіемъ. Каждое Посвященіе сопровождается расширеніемъ сознанія, дающимъ то, что называется „ключемъ познанія“ той ступени, на которую ученикъ вступилъ; этотъ „ключъ познанія“ въ то же время и ключъ силы, ибо поистинѣ знаніе есть сила во всѣхъ областяхъ Природы. Когда чела вступилъ уже на путь, онъ становится „бездомнымъ человѣкомъ *), ибо онъ болѣе не смотритъ на землю, какъ на свою обитель; на землѣ нѣтъ для него постоянного мѣста, всѣ мѣста для него одинаково желанны, если они позволяютъ ему служить Учителю. На этой ступени Пути три препятствія мѣшаютъ движенію ученика впередъ; технически эти препятствія называются „оковами“, и ему необходимо отдѣлаться отъ нихъ, такъ какъ теперь, когда настала уже необходимость быстрого совершенствованія, отъ него требуется полное освобожденіе отъ недостатковъ и совершенное выполненіе предлагаемыхъ ему задачъ. Три оковы, отъ которыхъ онъ долженъ освободиться прежде чѣмъ перейти ко второму Посвященію, обо-

*) Индусы называютъ эту ступень *Parivrajaka*, странникъ; Буддисты называютъ ее *Srotâpatti*, достигнувшій потока. Это имя чела носить послѣ своего перваго Посвященія, до перехода во второе.

значаются такъ: *иллюзія личнаго „я“*, *сомнѣніе и суевѣріе*. Личное „я“ должно сознаваться отнынѣ, какъ иллюзія, и, потерявъ всю свою силу надъ душой, перестать быть для нея реальностью. Онъ долженъ чувствовать себя единымъ со всѣмъ; все должно жить и дышать въ немъ такъ же, какъ онъ долженъ пребывать во всемъ. Сомнѣніе должно быть уничтожено, но уничтожено знаніемъ; онъ долженъ признавать перевоплощеніе, законъ кармы и существованіе Учителей, какъ реальные факты; не только допускать ихъ, какъ логическую необходимость, но знать ихъ какъ факты природы, которые онъ провѣрилъ самъ, чтобы ни малѣйшаго сомнѣнія по поводу этихъ вопросовъ не могло болѣе возникнуть въ его умѣ. Что касается суевѣрія, ученикъ освобождается отъ него истиннымъ пониманіемъ настоящаго смысла религіозныхъ обрядовъ и церемоній въ духовной экономіи природы; онъ научается пользоваться всѣми средствами, не будучи связаннымъ ни однимъ изъ нихъ. Когда ученикъ сбросилъ съ себя эти оковы—иногда эта задача требуетъ нѣсколькихъ жизней, иногда они исполняются въ теченіи одной и той же жизни—передъ нимъ раскрывается входъ во второе Посвященіе съ его „новымъ ключемъ“ познанія и съ его расширеннымъ горизонтомъ. Теперь передъ ученикомъ развертываются быстро сокращающіяся промежутки земной жизни, ибо когда онъ достигнетъ этой ступени, онъ долженъ пройти черезъ третье и четвертое Посвященія въ настоящемъ воплощеніи или въ слѣдующемъ *).

На этой ступени онъ долженъ привести въ дѣятельное состояніе всѣ внутреннія способности, принадлежащія его болѣе тонкимъ тѣламъ, ибо теперь онъ нуждается въ нихъ для служенія въ высшихъ областяхъ бытія. Если онъ развилъ ихъ предварительно, эта ступень можетъ сократиться до чрезвычайности, но онъ долженъ пройти черезъ врата смерти еще разъ, прежде чѣмъ получить третье Посвященіе, стать—по эзотерической терминологіи—„Лебедемъ“, той чудесной „Птицей Жизни“, относительно которой существуетъ столько легендъ **).

На этой третьей ступени Пути чела долженъ сбросить четвертую и пятую оковы, связывающую силу *желанія* и *отвращенія* онъ долженъ видѣть единую суть во всемъ, и тогда ви́шній по-

*) Ученикъ на второй ступени Пути носитъ въ Индіи имя *Kutichaka*, *человѣкъ строящій хижину*: онъ достигъ успокоенія. Буддисты называютъ его *Sakri-dâgâmin*, т. е. человѣкъ, нуждающійся лишь въ одномъ воплощеніи.

***) *Hamsa* или тотъ, который осуществляетъ идею: „Я есмь То“; *Anâgâmin* для буддистовъ, т. е. человѣкъ, который покончилъ съ рожденіями.

кровь перестает уже ослеплять его, будет ли этот покровъ прекрасенъ или безобразенъ. Онъ смотритъ на все одинаково; тотъ прекрасный цвѣтокъ терпимости, который онъ вырабатывалъ на Пути испытанія, расцвѣтаетъ нынѣ во всеобъемлющую любовь, которая заключаетъ все живое въ свои нѣжныя объятія. Онъ становится другомъ каждой „твари“, возлюбленнымъ всего „живого“. Какъ живое воплощеніе Божественной любви, онъ переходитъ къ четвертому Посвященію, которое вводитъ его на послѣднюю ступень Пути, на которой онъ переходитъ „за предѣлы индивидуальнаго“. *) Здѣсь онъ остается сколько пожелаетъ, сбрасывая послѣднюю тонкую окову, которая все же отдѣляетъ его, хотя и непрочной нитью, отъ полнаго освобожденія. Онъ сбрасываетъ съ себя послѣднее влеченіе къ жизни въ формѣ, а затѣмъ и всякое влеченіе къ какой бы то ни было, даже и безформенной, жизни. Это все же цѣпи, а онъ долженъ быть вполне свободенъ, онъ долженъ быть гражданиномъ трехъ міровъ, но ничто въ этихъ мірахъ не должно имѣть и тѣни власти надъ нимъ. Красота и слава міра „безъ формъ“ должна очаровывать его не болѣе, чѣмъ конкретная красота міровъ, обладающихъ формами **), а затѣмъ—самая великая изъ всѣхъ побѣдъ—онъ сбрасываетъ съ себя послѣднюю окову обособленности, то, что производитъ иллюзію отдѣльнаго „я“, ***) ибо теперь онъ пребываетъ постоянно и въ бодрствующемъ сознаніи на высшемъ планѣ единства, на той духовной высотѣ, гдѣ Я всего сушаго познается какъ единое. Наклонность обособляться, рожденная вмѣстѣ съ душой, является сутью индивидуальности и она сохраняется до тѣхъ поръ, пока все ея цѣнное содержаніе не внесется въ Монаду; слѣдовательно, свойство это становится ненужнымъ на порогѣ освобожденія, когда весь его драгоценный результатъ уже переданъ Монадѣ, понимая подъ результатомъ то чувство индивидуальнаго тождества, настолько чистаго и тонкаго, что оно нисколько не затемняетъ сознанія единства. Легко спадаетъ тогда съ ученика все, что было еще способно отвѣчать на волнующія прикосновенія, и ученикъ стоитъ отнынѣ облеченный въ славу неизмѣннаго мира, нарушить который не можетъ уже ничто. И полное освобожденіе отъ иллюзіи личнаго „я“ уноситъ съ его духовнаго горизонта послѣднія облака, которыя могли бы

*) Индусы называютъ его *Paramahansa* или поднявшійся надъ „я“, Буддисты называютъ его Архатомъ, досточтимымъ.

**) См. гл. IV „Ментальная сфера“.

***) *Ahamkāra*, которое можно перевести понятіемъ гордости, такъ какъ гордость есть наиболѣе тонкое проявленіе „я“, отдѣлившагося отъ цѣлаго.

еще затемнить его сознаніе, и въ этомъ осуществленіи единства „невѣдѣніе“, *) порождающее всѣ формы обособленія — спадаетъ навсегда, и человѣкъ является совершеннымъ и свободнымъ.

Теперь мы подошли къ окончанію Пути, который носитъ названіе „порога Нирваны“. Это удивительное состояніе сознанія было извѣстно ученику въ моменты, когда онъ покидалъ тѣло на послѣдней ступени Пути; теперь же, когда онъ переступилъ порогъ, нирваническое сознаніе становится его нормальнымъ сознаніемъ, ибо Нирвана и есть мѣстопробываніе освобожденнаго Я **). Онъ завершилъ человѣческое восхожденіе, онъ достигъ границы человѣческаго. За этой границей пребываютъ сонмы великихъ Существъ, но они не принадлежатъ уже къ человѣческой породѣ; распятіе во плоти миновало, часть освобожденія пробилъ и торжествующее „свершилось!“ срывается съ устъ побѣдителя. Онъ переступилъ порогъ, онъ перешелъ въ сіяніе духовнаго свѣта, еще одинъ сынъ земли побѣдилъ смерть. Какія тайны хранятся за покровомъ того верховнаго Свѣта—мы не знаемъ; лишь смутно чувствуемъ мы, что высшее Я найдено, что любящій и возлюбленный слились въ одно.

Долгому исканію настала концевъ, жажда сердца утолилась на вѣкъ, онъ вступилъ въ радость Господа своего.

Но развѣ земля потеряла своего сына и человѣчество лишилось своего побѣдившаго брата? Нѣтъ, онъ самъ произошелъ изъ нѣдръ свѣта и снова стоитъ на порогѣ Нирваны, являясь самъ воплощеніемъ этого свѣта, не передаваемого словами смертнаго, онъ—проявленный Сынъ Бога.

Но теперь взоръ его обращенъ къ землѣ, глаза его сіяютъ божественнымъ состраданіемъ при видѣ сыновъ человѣческихъ, братьевъ его по плоти; онъ не можетъ оставить ихъ безпомощными и разсѣянными, какъ овецъ безъ пастыря. Облеченный въ величіе полнаго отреченія, сіяющій силою совершенной мудрости и „безконечной жизни“, онъ возвращается на землю для благословенія и руководства человѣчества Учителемъ мудрости, царственнымъ Наставникомъ человѣка.

Возвращаясь такимъ образомъ на землю, Учитель посвящаетъ себя служенію на пользу міра съ болѣе могучими силами, чѣмъ тѣ, которыми онъ обладалъ на законченномъ Пути. Онъ помогаетъ

*) *Avidyā*, первая иллюзія и послѣдняя, та, которая создаетъ отдѣльные міры и которая исчезаетъ послѣднюю, когда освобожденіе достигнуто.

**) *Jivanmukta*, освобожденная жизнь, Индусовъ; *Asekha*, тотъ, которому нечему болѣе учиться, у Буддистовъ.

человѣчеству и направляетъ всѣ высшія силы, которыми владѣть, къ ускоренію мировой эволюціи. Онъ уплачиваетъ всѣмъ, приближающимся къ Пути, тотъ долгъ, который онъ принялъ на себя во дни своего собственнаго ученичества, и онъ помогаетъ, направляетъ и поучаетъ ихъ, какъ самъ былъ направляемъ и поучаемъ въ свое время.

Таковы ступени человѣческаго восхожденія отъ дикаря до совершеннаго человѣка. Вотъ цѣль, къ которой медленно поднимается все человѣчество, и которую со временемъ достигнетъ вся человѣческая раса.

Г л а в а XII.

Строеніе Космоса.

На настоящей ступени эволюціи невозможно указать болѣе чѣмъ нѣсколько точекъ въ обширномъ начертаніи космическаго плана, въ которомъ наша планета играетъ свою маленькую роль. Подъ „космосомъ“ здѣсь подразумѣвается система, которая, исходя отъ единого Логоса и поддерживаемая Его Жизнью, является—съ нашей точки зрѣнія—вполнѣ законченной въ себѣ самой. Такова наша солнечная система, въ которой физическое солнце можетъ быть разсматриваемо, какъ низшее проявленіе Логоса, когда Онъ дѣйствуетъ какъ центральная сила своего Космоса. И всѣ остальные формы—также Его конкретныя проявленія, но солнце является Его проявленной, жизнедающей, укрѣпляющей, всепроникающей, контролирующей, приводящей въ порядокъ и уравнивающей центральной силой.

Въ одномъ оккультномъ комментаріи говорится:

Sārua, (солнце) въ своемъ видимомъ отраженіи, представляетъ собою первое или низшее состояніе седьмого высшаго состоянія мирового Присутствія, чистое первое проявленное Дыханіе вѣчно непроявленнаго Sat (Бы—тіе)*). Всѣ центральныя, физическія или объективныя Солнца являются по существу низшимъ состояніемъ перваго Начала мирового Дыханія**).

короче, низшимъ состояніемъ „Физическаго Тѣла“ Логоса.

Всѣ физическія силы и энергіи не болѣе, какъ превращенія жизни, изливаемой солнцемъ, Владыкой и Жизнедателемъ своей системы. Отсюда, во многихъ древнихъ религіяхъ солнце являлось

*) По англійски *Be-ness*, т. е. причина, дѣлающая, что то, что есть, дѣйствительно есть.

***) *Secret Doctrine*, I, p. 309.

символомъ Высшаго Божества, символомъ менѣ другихъ подверженнымъ ложнымъ толкованіямъ невѣжественнаго человѣка.

Г-нъ Синнеттъ выражается правильно, говоря:

Солнечная система является въ дѣйствительности ареной природы, заключающей въ себѣ много такого, что въ состояніи познать наше величайшія существа, какія только способны развить наше человѣчество. Теоретически мы на вѣрномъ пути, когда, глядя въ ночныя небеса, чувствуемъ, что вся наша солнечная система не болѣе, какъ капля въ океанѣ Космоса; но эта капля въ свою очередь—океанъ, съ точки зрѣнія сознанія такихъ, заключенныхъ въ ней, на половину развитыхъ существъ, каковы мы, и въ настоящее время мы не можемъ имѣть иного представленія, кромѣ смутнаго и туманнаго о его происхожденіи и составѣ. Но какъ бы оно ни было туманно, оно все же помогаетъ намъ опредѣлить истинное мѣсто подчиненной планетной цѣпи, въ которой протекаетъ наша собственная эволюція, въ той общей системѣ, часть которой она составляетъ, или, во всякомъ случаѣ, получить общую идею объ относительной величинѣ всей системы, о размѣрѣ нашей планетной цѣпи и о тѣхъ періодахъ эволюціи, въ которыхъ мы, какъ человѣческія существа, заинтересованы*).

Ибо, въ самомъ дѣлѣ, мы не можемъ схватить наше собственное мѣсто во вселенной безъ представленія, какъ бы смутно послѣднее ни было, о нашемъ отношеніи къ цѣлому. Тогда какъ нѣкоторые люди способны дѣйствовать въ предѣлахъ ихъ собственной сферы, не тревожась болѣе широкими сферами вселенной, другіе люди чувствуютъ глубокую потребность познать всеобъемлющій мировой планъ, въ которомъ они занимаютъ свое мѣсто и испытываютъ духовное наслажденіе, поднимаясь на высоту, съ которой возможно окинуть все необъятное поле эволюціи. Эта потребность была признана и принята въ соображеніе духовными Охранителями человѣчества и вызвала то величественное очертаніе Космоса съ точки зрѣнія оккультизма, которое набросала Е. П. Блаватская (ихъ ученица и посланница) въ *Тайной Доктринѣ*. Произведеніе это будетъ давать все болѣе и болѣе свѣта по мѣрѣ того, какъ изучающіе Древнюю Мудрость начнутъ овладѣвать низшими ступенями нашего развивающагося міра.

Появленіе Логоса, говорятъ намъ, есть провозвѣстникъ рожденія нашего Космоса.

Когда Онъ проявился, проявилось все остальное; послѣ Него, благодаря его проявленію, становится проявленнымъ все. (*Munda kohanishad* II, ii, 10).

Онъ приноситъ съ Собой плоды прежняго космоса, тѣхъ могучихъ разумныхъ Духовъ, которые становятся его сотрудниками и дѣйствующими силами въ создаваемой Имъ вселенной. Навысшіе изъ нихъ, тѣ „Семь“, которыхъ часто называютъ Логосами, такъ какъ каждый изъ нихъ, на своемъ мѣстѣ, является

*) *The System to which we belong* p. 4.

центромъ опредѣленнаго космическаго отдѣла такъ же, какъ Логось есть центръ всего.

Комментарій, который мы только что приводили, говоритъ:

Семеро въ Солнцѣ суть Семь Священныхъ Сущностей, саморожденныхъ отъ присущей имъ силы въ лонѣ Матери-Субстанціи... Энергія, изъ которой происходятъ ихъ сознательное существованіе въ каждомъ Солнцѣ, есть то, что называютъ *Вишну*, то, что есть Дыханіе Абсолютности. Мы называемъ это единой проявленной Жизнью, которая сама есть отраженіе Абсолютнаго.

Эта единая „проявленная Жизнь“ и есть Логось, проявленный Богъ.

Отъ этого первичнаго раздѣленія нашъ космосъ получаетъ свой семиричный характеръ, и всѣ послѣдующія дѣленія въ своемъ нисходящемъ порядкѣ воспроизводятъ тотъ же семиричный порядокъ. Каждый изъ второстепенныхъ семи Логосовъ предводительствуетъ цѣлой нисходящей іерархіей Духовъ, управляющихъ Его царствомъ. Среди нихъ находятся и Владыки Кармы (*Lipika*) этого царства и всѣхъ заключенныхъ въ немъ существъ, и Девараджи (*Devarâjas*), которые наблюдаютъ за выполненіемъ Кармическаго закона; и обширные сонмы Строителей, которые строятъ всѣ формы по идеямъ, пребывающимъ въ сокровищницѣ Логоса, Мировомъ Разумѣ. Эти идеи переходятъ отъ Него къ „Семи“; при этомъ каждый изъ Семи проектируетъ свою собственную область подъ высшимъ руководительствомъ, придавая въ то же время этой области свою собственную индивидуальную окраску. Е. П. Блаватская называетъ эти семь Царствъ, составляющихъ нашу солнечную систему, „семь центровъ *Laya* *). Она говоритъ:

Семь *Laya* центровъ суть семь нулевыхъ точекъ, употребляя выраженіе *Нуль* въ томъ же смыслѣ, въ какомъ его употребляютъ химики. Онъ означаетъ точку, съ которой въ эзотеризмѣ, начинается скала исчисленія дифференціаціи. Исходя изъ этихъ центровъ за предѣлами которыхъ эзотерическая философія даетъ намъ усмотрѣть смутныя метафизическія очертанія „Семи Сыновъ“ Жизни и Свѣта, семи Логосовъ герметической и всѣхъ другихъ философій,—начинается дифференціація элементовъ, которые входятъ въ построеніе нашей солнечной системы.

Каждое изъ этихъ царствъ есть изумительная планетная эволюція, обширное поле, на которомъ изживаются ступени жизни, переходящимъ воплощеніемъ которой можетъ служить физическая планета, подобная Венерѣ. Чтобы избѣжать замѣшательства, мы

*) Отъ санскритскаго *Laya*, тотъ предѣлъ въ Матеріи, гдѣ кончается всякая дифференціація.

будемъ называть Руководителя каждого царства планетарнымъ Логосомъ. Онъ извлекаетъ изъ матеріи солнечной системы, изливаемой центральнымъ Логосомъ, всѣ нужные для Него сырые материалы и работаетъ надъ ними посредствомъ своей собственной жизненной энергіи. Такимъ образомъ, каждый планетарный Логось специализируетъ матерію своего царства, беря ее изъ общаго запаса *). Такъ какъ атомное состояніе каждой изъ семи сферъ (плановъ) Его царства идентично съ матеріей соответствующаго подраздѣленія *всей* солнечной системы, непрерывность сохраняется благодаря этому на протяженіи всей вселенной. Какъ Е. П. Блаватская замѣчаетъ, атомы измѣняютъ „свою эквивалентность на каждой планетѣ“, сами атомы остаются неизмѣнными, но комбинаціи ихъ разнятся между собой. Она продолжаетъ;

Не только элементы нашей планеты, но и элементы остальныхъ планетъ солнечной системы разнятся также значительно одинъ отъ другого по своимъ комбинаціямъ, какъ и отъ космическихъ элементовъ внѣ нашей солнечной системы... Каждый атомъ имѣетъ семь плановъ бытія или существованія, какъ учатъ насъ**), т. е. семь *субъ-плановъ*, какъ мы ихъ называемъ, каждого космическаго плана.

На четырехъ нижнихъ планахъ Своего развивающагося царства, планетарный Логось образуетъ семь шарообразныхъ міровъ, которые мы для удобства назовемъ глобусами А, Б, В, Г, Д, Е, Ж. Это и будутъ

Семь малыхъ вращающихся колесъ, изъ которыхъ одно порождаетъ другое, какъ говорится въ VI Стансѣ *книги Дзіанъ*.

Онъ строитъ ихъ по подобію предшествующихъ колесъ, утверждая ихъ въ неизмѣнныхъ центрахъ.

Неизмѣнныхъ, ибо каждое колесо не только порождаетъ послѣдующее, но и само воплощается въ томъ же самомъ центрѣ, какъ мы это увидимъ ниже.

Эти шары или глобусы можно изобразить тремя парами, расположенными по дугѣ эллипса съ среднимъ глобусомъ въ срединной низшей точкѣ. Глобусы А и Ж, первый и седьмой, находятся на уровнѣ *arûpa* (безъ формы) ментальной сферы; глобусы Б и Е, второй и шестой, на уровнѣ *rûpa* той же сферы; глобусы В и Д, третій и пятый, въ астральной сферѣ; глобусъ Г, четвертый, въ физической сферѣ.

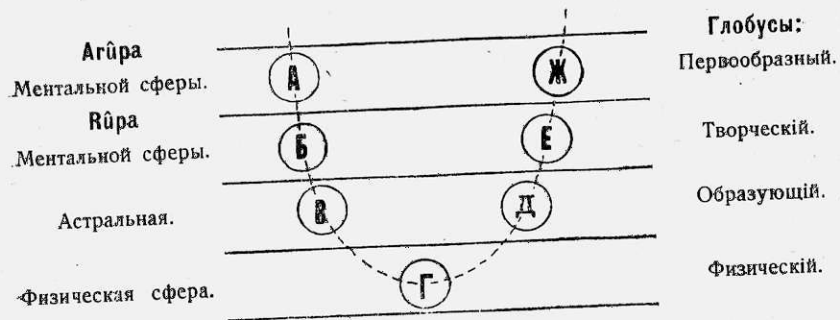
Объ этихъ глобусахъ Е. П. Блаватская говоритъ, какъ о „переходныхъ на четырехъ нижнихъ планахъ міра формъ“ ***) т. е.

*) См. въ главѣ I „Физическая сфера“ относительно эволюціи матеріи.

** „Secret Doctrine“, pp. 166 и 174.

***) Secret Doctrine, I, p. 176.

въ физической и астральной сферахъ и въ двухъ подраздѣленіяхъ ментальной *rûpa* и *arûpa*. Они могутъ быть изображены такъ *):

Таковъ типическій порядокъ, но онъ видоизмѣняется на извѣстныхъ ступеняхъ эволюціи. Эти семь глобусовъ образуютъ планетную цѣпь, и если мы будемъ разсматривать ее, какъ нѣчто цѣлое, какъ единую планетную жизнь или индивидуальность, тогда можно сказать, что цѣпь эта проходитъ черезъ семь различныхъ ступеней въ теченіе своей эволюціи. Семь глобусовъ, какъ *нѣчто цѣлое*, образуютъ ея планетарное тѣло, и это тѣло распадается и снова образуется семь разъ въ теченіи всей планетной жизни. Планетная цѣпь имѣетъ семь воплощеній, и всѣ результаты, добытые въ одномъ, передаются слѣдующему воплощенію.

Каждая такая цѣпь міровъ есть порожденіе и созданіе другой низшей и уже мертвой цѣпи, ея перевоплощеніе, такъ сказать **).

Эти семь перевоплощеній***) составляютъ „планетарную эволюцію“, царство планетарнаго Логоса. Такъ какъ мы имѣемъ семь планетарныхъ Логосовъ, изъ этого явствуетъ, что *семь* подобныхъ эволюцій, всѣ отличающіяся одна отъ другой, составляютъ нашу солнечную систему. Въ одномъ оккультномъ комментаріи это происхожденіе Семи Логосовъ отъ Одного и появленіе семи послѣдовательныхъ цѣпей, въ каждой изъ которыхъ семь глобусовъ, описывается такъ:

Отъ одного свѣта семь свѣтовъ; отъ каждаго изъ семи, семь разъ семь****)

*) См. *Secret Doctrine*, I, p. 221.

**) *Secret Doctrin*, I, p. 176.

***) Технически называемыя *Манвантарами*.

****) *Secret Doctrine*, I p. 147.

Разсматривая перевоплощенія планетной цѣпи, ея манвантары, мы узнаемъ, что и онѣ также раздѣляются на семь ступеней. Волна жизни, исходящая изъ планетарнаго Логоса, обходитъ вокругъ всей цѣпи, и семь такихъ жизненныхъ волнъ, каждая изъ которыхъ называется технически „кругомъ“, завершаютъ одну манвантару. Такимъ образомъ каждый глобусъ проходитъ черезъ семь періодовъ дѣятельности въ теченіи одной манвантары и каждый такой періодъ становится въ свою очередь полемъ для развивающейся жизни.

Разсматривая отдѣльный глобусъ, мы находимъ, что въ періодъ его дѣятельности, на немъ развивается семь коренныхъ человѣческихъ расъ, совмѣстно съ другими, нечеловѣческими царствами, одно отъ другого зависящими. Такъ какъ эти семь царствъ заключаютъ въ себѣ представителей на всѣхъ ступеняхъ эволюціи, и всѣ они подлежатъ дальнѣйшему развитію, развивающіяся формы одного глобуса переходятъ на другой, чтобы продолжать свой ростъ, когда періодъ дѣятельности предыдущаго глобуса приходитъ къ концу; такимъ образомъ формы эти переходятъ съ глобуса на глобусъ до конца полного „круга“. Онѣ продолжаютъ свое развитіе, кругъ за кругомъ, до самаго конца семи круговъ, или манвантаръ, т. е. до тѣхъ поръ, пока перевоплощенія ихъ планетной цѣпи не закончатся, и всѣ результаты планетной эволюціи не будутъ собраны планетарнымъ Логосомъ. Изъ всей этой непостижимой міровой работы, недоступной для нашего земнаго сознанія, лишь нѣкоторыя выдающіяся точки были указаны Учителями Мудрости.

И даже, если мы подходимъ къ той планетной эволюціи, въ которой нашъ собственный міръ является одной изъ ступеней, мы остаемся въ полномъ невѣдѣніи относительно процессовъ, черезъ которые прошли ея семь глобусовъ въ теченіи двухъ первыхъ „круговъ“, или манвантаръ; а относительно третьяго „круга“, или третьей манвантары, мы знаемъ только то, что глобусъ, являющійся нашей видимой луной, былъ глобусомъ Г этой планетной цѣпи. Но этотъ фактъ можетъ помочь намъ понять, что подразумевается подъ этими послѣдовательными перевоплощеніями планетной цѣпи. Семь глобусовъ, изъ которыхъ состояла лунная цѣпь, переходили въ свое время черезъ семиричную эволюцію; семь разъ проходила жизненная волна, Дыханіе планетарнаго Логоса вокругъ всей цѣпи, вызывая жизнь послѣдовательно на каждомъ изъ глобусовъ. Словно, руководя своимъ царствомъ, Логосъ направлялъ свое вниманіе сперва на глобусъ А и, благодаря этому, на немъ

возникали безчисленные формы, составляющія въ своей совокупности цѣлый міръ. Когда же ихъ эволюція достигала до извѣстной ступени, Онъ направлялъ свое вниманіе на глобусъ Б, и тогда глобусъ А начиналъ погружаться въ мирный сонъ. Такимъ образомъ, жизненная волна переходила съ глобуса на глобусъ, пока одинъ „кругъ“ не обѣгалъ всей цѣпи, кончая глобусомъ Ж, которымъ и завершается вся ея эволюція. За этимъ слѣдовалъ періодъ покоя*), во время котораго внѣшняя эволюціонная дѣятельность прекращалась. По завершеніи періода покоя, внѣшняя эволюція возобновлялась, возникала вторая жизненная волна, начинавшаяся опять съ глобуса А.

Тотъ же процессъ повторяется шесть разъ, но когда приходитъ очередь послѣдняго, седьмого „круга“, тутъ появляется измѣненіе. Глобусъ А, завершивъ свой седьмой жизненный періодъ, постепенно распадается, а нетлѣнный центръ жизни, (*laya centre*), о которомъ была рѣчь, *сохраняется*; изъ него на зарѣ послѣдующей манвантары разовьется новый глобусъ А, подобно новому тѣлу, въ которомъ будутъ пребывать всѣ „начала“ предыдущей планеты А. Мы хотимъ этимъ лишь дать идею объ отношеніяхъ, существующихъ между глобусомъ А первой и глобусомъ А второй манвантары. Но самая природа этого соотношенія остается непознаваемой.

О связи между глобусомъ Г лунной манвантары (нашей луны) и глобусомъ Г земной манвантары (нашей земли) мы знаемъ насколько болѣе; въ своей книгѣ *The System to which we belong* г. Синнеттъ даетъ удачный итогъ нашимъ небольшимъ знаніямъ по этому вопросу. Онъ говоритъ:

Новая туманность, изъ которой возникла земля, развивалась вокругъ центра, который находился приблизительно въ томъ же отношеніи къ умирающей планетѣ, въ какомъ въ настоящее время состоятъ центры земли и луны. Но въ состояніи туманности, это скопленіе матеріи занимало безконечно-большій объемъ, чѣмъ плотная матерія настоящей земли. Оно распространялось по всѣмъ направленіямъ такъ далеко, что заключило и старую планету въ свои огненные объятія. Температура новой туманности повидимому значительно превышала тѣ температуры, о которыхъ мы имѣемъ понятіе, и благодаря этому, поверхность старой планеты нагрѣвалась до такой степени, что вся вода и всѣ летучія вещества, заключавшіяся въ ней, приходили въ газообразное состояніе и дѣлались такимъ образомъ доступными воздѣйствію на нихъ новаго центра притяженія, который образовался въ центрѣ новой туманности. Такимъ образомъ, воздухъ и моря старой планеты были какъ бы втянуты въ составъ новой планеты, и вотъ почему луна, въ настоящемъ

*) Технически называемаго *Pralaya*.

своемъ состояніи, представляетъ бесплодную массу, лишенную облаковъ, необитаемую и неприспособленную для существованія какихъ бы то ни было физическихъ существъ. Когда настоящая манвантара приблизится къ своему концу, во время седьмого круга, распаденіе луны будетъ завершено, и та матерія, которая все еще держитъ ее въ соединеніи, превратится въ метеорную пыль *).

Въ третьемъ томѣ *Тайной Доктрины*, заключающемъ нѣкоторыя изъ устныхъ поученій, которыя Е. П. Блаватская давала своимъ наиболѣе подвинувшимся ученикамъ, говорится:

При началѣ эволюціи нашей планеты, луна находилась гораздо ближе къ землѣ и была больше, чѣмъ теперь. Она отступила отъ насъ и сильно уменьшилась въ объемѣ (луна отдала всѣ свои начала землѣ...) Новая луна появится во время седьмого круга, а наша луна окончательно распадется на составныя части и исчезнетъ **).

Во время лунной манвантары эволюція произвела семь классовъ существъ, технически называемыхъ „Отцы“, или *Pitris*, ибо отъ нихъ произошли существа земной манвантары. Въ *Тайной Доктринѣ* они называются „Лунные *Pitris*“. Большимъ развитіемъ, чѣмъ послѣдніе, отличались два другіе класса, называемые различно, то *Солнечными Pitris*, то людьми, то *Низшими Dhyânis*, которые были уже слишкомъ подвинуты въ своемъ развитіи, чтобы войти въ земную эволюцію на ея раннихъ ступеняхъ. Высшій изъ этихъ двухъ классовъ состоялъ изъ достигшихъ индивидуальности существъ, схожихъ съ животными, обладавшихъ зачаточными душами, слѣдовательно и развитыми „тѣлами причинности“ (*corps causal*). Второй классъ только приближался къ организации перваго. Первый классъ „Лунныхъ Питрисовъ“ проявлялъ уже разумность, тогда какъ второй и третій классъ обладали однимъ лишь страстнымъ (камическимъ) началомъ. Семь классовъ „Лунныхъ Питрисовъ“ были тѣми плодами, которые лунная цѣпь передала для дальнѣйшаго развитія земной цѣпи, четвертому воплощенію всей нашей планетной системы. Какъ Монады, овладѣвшія уже началомъ разума въ первомъ классѣ, съ развитымъ началомъ *камы* во второмъ и третьемъ классѣ, съ зачаткомъ *камы* въ четвертомъ, и лишь съ приближеніемъ къ зачаточному состоянію въ еще менѣ развитомъ пятомъ классѣ и съ совсѣмъ еще незамѣтнымъ зачаткомъ въ шестомъ и седьмомъ классѣ, „Лунные Питрисы“ вступили въ земную цѣпь, чтобы воодушевить „элементальную эссенцію“ и тѣ формы, которыя создава-

*) *The System to which we belong*, Sinnett, p. 19.

***) *Secret Doctrine III*, p. 562.

лись Строителями. Название „Строители“ покрывает собою безчисленное количество безплотных Духовъ, цѣлыя іерархіи существъ различныхъ ступеней сознанія и могущества, которыя во всѣхъ сферахъ вселенной заняты построениемъ формъ. Высшія изъ нихъ направляютъ и контролируютъ, тогда какъ низшія строятъ по готовымъ уже моделямъ.

Теперь передъ нами выясняется значеніе послѣдовательныхъ глобусовъ въ планетной цѣпи. Глобусъ А есть міръ первичныхъ формъ, на немъ строятся модели формъ, которыя будутъ развиваться въ теченіе послѣдующей манвантары.

Разумъ планетарнаго Логоса даетъ высочайшимъ изъ „Строителей“ *первообразныя* Идеи, а они руководятъ тѣми Строителями, которыя на уровнѣ *аіѳра* ментальной сферы вырабатываютъ прообразы всѣхъ формъ для возникшей манвантары. На глобусѣ Б эти прообразы воспроизводятся въ различныхъ видахъ изъ ментальной матеріи „Строителями“ низшаго разряда, послѣ чего начинаютъ медленно развиваться по различнымъ линиямъ, пока не сдѣлаются способными воспринять въ себя частицы болѣе плотной матеріи (процессъ инфильтраціи); вслѣдъ за этимъ начинается работа „Строителей“ въ астральной матеріи и на глобусѣ В возникаетъ построение астральныхъ формъ съ болѣе выработанными деталями. Когда построение формъ закончилось, насколько это позволяютъ астральныя условія, „Строители“ глобуса Г принимаютъ на себя задачу построения физическихъ формъ изъ низшаго вида матеріи возникаютъ соответствующіе типы, и при этомъ формы достигаютъ своей наибольшей плотности.

Здѣсь эволюція достигаетъ своей поворотной точки, и далѣе весь ея характеръ нѣсколько мѣняется. До сихъ поръ, все вниманіе было устремлено на *построение формы*, на восходящей дугѣ главное вниманіе обращается на использование формы, въ качествѣ проводника развивающейся жизни, и во вторую половину эволюціи на глобусѣ Г и на глобусахъ Д и Е сознаніе выражается сперва въ физической, а потомъ и въ астральной и въ низшей ментальной сферахъ посредствомъ эквивалентовъ тѣхъ формъ, которыя были выработаны на нисходящей дугѣ эволюціи.

На нисходящей дугѣ Монада запечатлѣваетъ себя, насколько это возможно, на развивающихся формахъ, и эти впечатлѣнія выражаются смутно, какъ ощущенія, интуиціи, и т. д.; на восходящей дугѣ Монада выражаетъ себя *черезъ* формы, какъ ихъ вну-

треннее повелѣвающее начало. На глобусѣ Ж совершенство даннаго круга достигнуто, Монада вселяется въ формы, которыя были идеальными прообразами на глобусѣ А, и пользуется ими, какъ своими проводниками.

На всѣхъ этихъ ступеняхъ „Лунныя Питрисы“ дѣйствовали какъ души возникавшихъ формъ, сперва осѣняя ихъ, а затѣмъ дѣлая изъ нихъ свою обитель. Наболѣе трудная работа въ теченіе первыхъ трехъ „круговъ“ выпадаетъ на долю первой категоріи „Питрисовъ“; „Питрисы“ второй и третьей категорій вселяются въ формы, выработанныя первой категоріей; эта первая категорія подготовляетъ формы, воодушевляетъ ихъ на время, а затѣмъ предоставляетъ владѣть ими второй и третьей категоріи.

Къ концу перваго круга первообразы формъ минеральнаго царства достигаютъ низшаго плана и подлежатъ дальнѣйшей разработкѣ въ теченіе послѣдующихъ „круговъ“, пока онѣ, въ серединѣ четвертаго „круга“, не достигнутъ наибольшей своей плотности. Элементомъ этого перваго круга является *Огонь*.

Во второмъ кругѣ первая категорія „Питрис'овъ“ продолжаетъ свою человѣческую эволюцію, но на самой первобытной ея ступени, аналогичной съ тѣмъ, что въ наше время представляетъ изъ себя человѣческой зародышъ, тогда какъ вторая категорія „Питрисовъ“ къ концу круга достигаетъ лишь самаго начала человѣческой ступени. Задача этого втораго „круга“ относится къ первообразамъ растительныхъ формъ, которыя достигаютъ своего совершенства лишь въ пятомъ „кругѣ“. *Воздухъ* есть „элементъ“ этого пятаго круга.

Въ третьемъ кругѣ первый классъ „Питрис'овъ“ достигаетъ окончательно человѣческаго образа; и хотя тѣла ихъ по составу студенисты и гигантскихъ размѣровъ, они тѣмъ не менѣе, на глобусѣ Г достигаютъ уже такой плотности, что могутъ стоять. Въ этотъ періодъ человѣческая форма напоминаетъ обезьяну и вся покрыта волосяной щетиной.

Въ это же время третій классъ „Питрис'овъ“ достигаетъ начала человѣческой ступени. Въ теченіи того же круга вторая категорія „солнечныхъ Питрис'овъ“ появляется впервые на глобусѣ Г и принимаетъ на себя руководство человѣческой эволюціей. Въ свою очередь спускаются первообразы животныхъ, чтобы развиваться до совершенства къ концу шестаго круга. Характернымъ „элементомъ“ третьяго круга является *вода*.

Четвертый срединный изъ семи круговъ, составляющихъ земную манвантару, является по преимуществу человѣческимъ, тогда

какъ въ предшествующихъ происходила эволюція животнаго, растительнаго и минеральнаго царствъ.

Всѣ зачатки человѣческихъ формъ проявляются уже въ четвертомъ кругѣ, но полное ихъ осуществленіе настанетъ лишь въ кругѣ седьмомъ.

„Элементом“ этого круга является *земля*, наиболее плотный и наиболее матеріальный изъ всѣхъ элементовъ.

Можно сказать, что солнечные Питрисы перваго разряда носятся вокругъ глобуса Г во время четвертаго круга, но они не воплощаются окончательно до наступленія третьяго великаго изліянія жизни планетарнаго Логоса, которое происходитъ въ срединѣ третьей расы, и только съ этого времени начинаютъ медленно и понемногу воплощаться, увеличивая число воплощеній вмѣстѣ съ развитіемъ расы. Въ большихъ количествахъ воплощенія начинаются лишь въ началѣ четвертой расы.

Эволюція человѣчества на нашемъ земномъ шарѣ, на глобусѣ Г, являетъ собою въ строго отмѣченныхъ линіяхъ семиринное подраздѣленіе нашей солнечной системы, о которомъ уже шла рѣчь. Семь человѣческихъ расъ уже появились въ теченіи третьяго круга, а въ четвертомъ это основное различіе уже вполне выяснилось на глобусѣ В, на которомъ развивались семь зачаточныхъ расъ, каждая со своими подрасами. На глобусѣ Г первая коренная раса возникаетъ въ семи различныхъ точкахъ, „семеро изъ нихъ каждый въ своемъ мѣстѣ“ *). Эти семь типовъ, появляющихся одновременно, составляютъ первую коренную расу, которая въ свою очередь распадается на семь подрасъ. Отъ первой коренной расы, которая состояла изъ студенистыхъ аморфныхъ существъ, развивается вторая коренная раса уже съ болѣе опредѣленнымъ составомъ тѣла, а отъ нея происходитъ третья коренная раса, обезьяноподобныя существа гигантскихъ размѣровъ. Въ срединѣ эволюціи этой третьей коренной расы, называемой *Лемурийской*, на землѣ появляются (съ другой планетной цѣпи Венеры, которая несравненно далѣе подвинулась въ своей эволюціи) представители высокоразвитогаго человѣчества этой цѣпи, свѣтлыя существа, о которыхъ упоминается какъ о *Сынахъ Огня*, благодаря ихъ сверкающему виду, и которыя представляютъ собою одинъ изъ высшихъ разрядовъ среди *Сыновъ Разума* **). Они поселяются на землѣ какъ Божественные Учителя

*) Book of Dzyan, 13. Secret Doctrine II p. 18.

***) Mānasarūtra. Эта обширная іерархія самосознающихъ Духовъ заключаетъ въ себѣ много различныхъ ступеней.

юнаго человѣчества и нѣкоторые изъ нихъ дѣйствуютъ, какъ проводники для третьей волны жизни Логоса, и вносятъ въ животнаго человѣка искру монадической жизни, изъ которой образуется неразрушимая человѣческая душа („тѣло причинности“ *corps causal*). Такимъ образомъ первый, второй и третій классы „лунныхъ Питрисовъ“ получаютъ индивидуальность. Появляется рядовое человѣчество. Два класса солнечныхъ Питрисовъ, уже ранѣе достигшихъ индивидуальности (первый изъ нихъ передъ тѣмъ, какъ покинуть лунную цѣпь, а второй позднѣе), образуютъ два низшихъ разряда *Сыновъ Разума*; второй изъ нихъ воплощается въ срединѣ третьей расы, а первый появляется позднѣе, главнымъ образомъ въ четвертой Атлантской расѣ. Пятая или Арийская раса, которая стоитъ нынѣ во главѣ человѣческой эволюціи, произошла изъ пятой подрасы Атлантовъ, наиболее выдающіяся семьи которой были выдѣлены и водворены въ центральной Азій, при чемъ новый расовый типъ развивался подъ непосредственнымъ наблюденіемъ высшаго существа, технически называемаго *Ману*.

Изъ центральной Азій первая подраса пятой коренной расы перешла въ Индію и основалась на югѣ отъ Гималаевъ, раздѣленная на четыре ступени: учителей, воиновъ, купцовъ и рабочихъ; она сдѣлалась господствующей расой на обширномъ Индостанскомъ полуостровѣ, подчинивъ своей власти народы четвертой и третьей коренной расы, которые населяли въ ту эпоху Индію.

Въ концѣ седьмой расы седьмого круга, т. е. по окончаніи нашей земной манвантары, наша земная цѣпь передастъ послѣдующей цѣпи плоды всѣхъ своихъ переживаній; этими плодами будутъ божественно-совершенные люди, Будды, Ману, Chohans, Учителя, готовые принять на себя руководство новой эволюціей по указанію планетарнаго Логоса, совмѣстно съ цѣлымъ соимомъ менѣ развитыхъ существъ всѣхъ ступеней сознанія, которыя все еще нуждаются въ физическомъ опытѣ для усовершенствованія всѣхъ заложенныхъ въ нихъ божественныхъ задатковъ. Пятая, шестая и седьмая манвантары нашей цѣпи находятся и понинѣ въ нѣдрахъ будущаго, которое наступитъ по окончаніи текущей четвертой манвантары, когда планетарный Логосъ соберетъ въ себя всѣ плоды эволюціи и вступитъ вмѣстѣ со своими дѣтьми въ періодъ покоя и блаженства. Объ этомъ высокомъ состояніи мы не только не можемъ говорить, мы не въ состояніи даже вообразить его невыразимой славы и блаженства на нашей ступени развитія. Мы лишь смутно предчувствуемъ, что нашъ просвѣтленный духъ вступитъ въ радость Господа, и,

успокоясь въ Немъ, увидить разстилающіяся передъ собой без-
граничныя перспективы божественной жизни и любви, высоты и
глубины такого могущества и такой радости, которыя столь же
безграничны, какъ Единое Бытіе, столь же неизсякаемы, какъ
Единая Сущность.

МИРЪ ВСѢМЪ СУЩЕСТВАМЪ.

60

Имѣются въ продажѣ во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ
слѣдующія книги по Теософіи:

- Задачи Теософіи, *Алба*. Цѣна 25 к.
Свѣтъ на Пути и Карма, пер. *Е. П.* Цѣна 30 к.
Сокровенная философія Индіи, брамана *Чаттерджи*, переводъ и
предисловіе *Е. П.*, (2-е изд.). Цѣна 80 к.
Вопросы Теософіи, сборникъ статей, вып. I. Цѣна 1 р. 50 к.
Вопросы Теософіи, вып. II, посвященный памяти *Е. П. Блаватской*,
Цѣна 2 р.
Теософія и Новая Психологія, *А. Безантъ*. Пер. *Е. П.* Цѣна 50 к.
Голось Безмолвія, *Е. П. Блаватской*, пер. *Е. П.* Цѣна 35 к.
Исторія года, *М. Коллинзъ*. Цѣна 45 к.
Невидимые Помощники, *Ледбитера*, пер. *Н. П.* Цѣна 1 р.
Древняя Мудрость, *А. Безантъ*, пер. *Е. П.* Цѣна 1 р. 50 к.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

- Преддверье, *Анни Безантъ*.
Путь ученичества, *ея-же*.
Тайная Доктрина, *Е. П. Блаватской*. Объ условіяхъ подписки см.
объявленіе на 2-й стр. журнала.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ: въ С.-Петербургѣ въ магазинѣ «Доброе Дѣло»
(Бассейная, 4), въ Москвѣ въ магазинѣ Карбасникова (Моховая,
противъ Университета).

Россійское Теософическое Общество помѣщается въ СПб.,
Кабинетская 7, кв. 1.